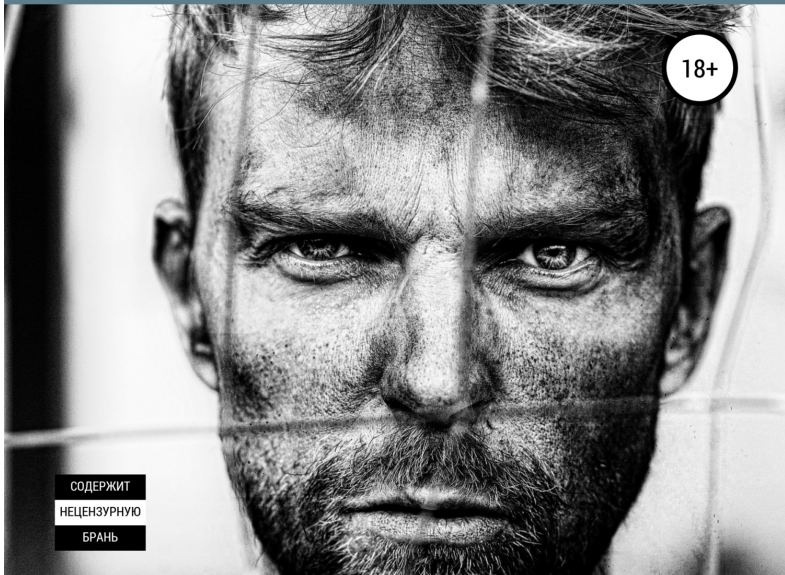

Александр Харламов

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Высшая мера

Александр Харламов

Высшая мера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56877936

SelfPub; 2020

Аннотация

1937 год, Харьков. Молодой перспективный офицер НКВД влюбляется в жену своего нового начальника. Куда приведёт их эта порочная связь? Сколько всего им придётся пережить в этой жизни, чтобы обрести своё счастье? Содержит нецензурную брань.

Александр Харламов

Высшая мера

Уважаемый читатель, книга, что сейчас лежит перед тобой не является учебником истории или научным исследованием. Это всего лишь художественный вымысел, некая история придуманная мной и помещённая во временные рамки, соответствующие 37-ому году. Я не ставил себе целью целиком и полностью соответствовать датам и историческим персонажам, моде или другим вещам, относящимся к данному периоду истории. Я не историк, я – писатель... Мне показалось интересным рассказать тебе немного другое... Создать атмосферу, заставить тебя полюбить героев и сопереживать им, находя в окружающих их действительности черты нашего времени, сравнивать и делать выводы. Надеюсь у меня получилось. Приятного тебе чтения.

ЧАСТЬ 1

Начало...

Погода была ясная и солнечная. Для начала июня было удивительно тепло. Отметка на градуснике давно перевалила за почти критические плюс сорок, и палящий зной заставил большинство харьковчан попрятаться по домам, оставляя широкие проспекты одиноко пустынными, словно вымершими. Редко, стараясь держаться в тени раскидистых тополей, по улице торопливо, поминутно вытирая выступив-

шие на лбу крупные капли пота, пробежал кто-то из жителей. Глухо гремел на рельсовых стыках трамвай, да изредка шелестела по брусчатке своими шинами машина председателя горисполкома или ещё какого-то важного чиновника, вынужденного в такую лютую жару спешить по несомненно важным государственным делам.

Лениво по пустым улицам бродили вялые с жары голуби, обитая в основном возле фонтанов, где в такое время полуденного зноя и концентрировалась вся жизнь огромного города. И только в одном здании города она не прекращалась ни на минуту, независимо от жары или холода, сумерек или полуденного зноя.

В кабинете начальника УНКВД по Харьковской области Мазо Соломон Савельевича пахло спиртным. На столе была раскидана гора бумаг, среди которой лишь один лист, испи-санный аккуратным почти ученическим почерком привлёк его внимание – длинный список фамилий и имён, с указанием должностей, подлежащих аресту. От простого сапожника на Лесной до заведующего лабораторией при крупном за-воде... От обилия списочного состава рябило в глазах. Поча-тая бутылка водки стояла рядом вместе со пустым стаканом. Чиркнула в оглушительной тишине зажжённая спичка. Мазо с удовольствием подкурил, выпуская плотное сизое облако дыма.

Чуркин Василий Иосифович... 1900 года рождения ди-ректор харьковского мясокомбината. Женат, двое детей...

Соломатенко Галина Григорьевна 1895 года рождения, дежурная по станции Харьков, обвиняется по статье...

Буквы сливались в одну сплошную чёрную кляксу. Мазо устало потёр слезящиеся от дыма глаза, пытаясь сосредоточиться. Кто тут ещё...

Саяпин Оксана Богдановна... Бред...

Комиссар 3 ранга НКВД откинулся на спинке стула, нацедив себе из початой бутылки почти полный стакан. С удовольствием выпил, затянувшись папиросой.

В дверь постучали, аккуратно, вежливо, но этот стук заставил Мазо испуганно вздрогнуть, словно в этот момент он совершал что-то неприличное, противоправное.

Глава управления наркомата внутренних дел по Харьковской области медленно убрал водку в стол, пытаясь этим простым, до боли знакомым движением унять бешено колотящееся сердце. Дрожь пришла совсем недавно, когда арестовали его заместителя товарища Куценко. Подумать только, отличный чекист, ответственный работник, добрый друг и вдруг враг народа. С этого момента в голове Мазо начали появляться неподобающие мысли о том, что вся эта компания по ловле троцкистов, не добитых контрреволюционеров и меньшевиков является всего лишь борьбой за власть, разменными пешками, в которой стали судьбы обычных людей. От этого осознания ему стало страшно, комиссар пытался это гнать от себя, стыдясь собственной партийной неуверенности, но все же она приходила к нему каждый раз, когда на

подпись ему приносил секретарь длинные списки жителей города, подлежащих расстрелу, каждый раз написанные одним и тем же аккуратным почерком, словно домашнее задание.

– Войдите!– справившись с ненужными эмоциями, разрешил Мазо, затушив окурок в массивной переполненной пепельнице, стоявшей на столе.

На пороге кабинета появился его секретарь. Форма туго обтягивала его крепкие плечи, круглое еще не совсем старое лицо светилось от собственной важности и какой-то уверенности в том, чем он занимается. Святой уверенности... которой Мазо увы, последнее время почти не испытывал.

– Товарищ комиссар 3 ранга! – бодро обратился он к нему, протягивая вперед коленкоровую папочку коричневого цвета, доверху забитую бумагами.

– Что это?– устало уточнил Мазо, забирая документы и зашарив по столу в поисках своих очков, без которых стал видеть все хуже и хуже.

– Списки!

– Списки...– то ли спросил, то ли согласился с ним начальник Управления. Очки нашлись под стопкой бумаг, кажется, это были докладные агентов. До них руки ещё не дошли. Он аккуратно взгромоздил очки на длинный еврейский нос и открыл папку.– Списки...Сколько ж можно-то, а? А это что тогда?– недовольно кивнул он на ту бумагу, которую рассматривал до этого.– Списки...– красные, уставшие гла-

за пробежались по аккуратным строчкам.— Это что тогда?— потряс он перед лицом секретаря другим листом, отбросив гневно тот в сторону.— Такое ощущение, что каждый второй харьковчанин скрытый троцкист или хуже того агент империалистов!

Секретарь молчал низко, опустив глаза в пол. Последнее время ему все чаще приходилось выслушивать от своего начальника такие крамольные речи.

— Это пересмотренные...

— Пересмотренные?— изумился Мазо.— Как-то не в ту сторону только!— он махнул рукой, указывая на предыдущий лист.— Тут всего одна страница, а тут четыре!

— Открылись новые обстоятельства... Пришлось несколько...

— Ясно,— кивнул Мазо, не выслушав стандартное объяснение помощника,— где-то что-то недосмотрели, не достучали...

— Товарищ комиссар 3 ранга,— вскинулся секретарь,— боюсь, что вы не понимаете всю важность борьбы с врагами народа! Ведь именно их саботаж не позволяет нам добиться тех результатов, к которым правительство нашей страны и сам товарищ Сталин стремятся! К чему ведут нашу страну он и наш нарком товарищ Ежов! Все эти недобитки сумели избежать наказания и спрятаться от карающей длани нашего советского правосудия, и, потерявши все, пытаются всячески навредить, сломать нашу пролетарскую волю...— горя-

что заверил его секретарь. Мазо с грустной усмешкой кивнул, понимая, что спорить бесполезно. Он никогда не был фанатиком, урождённый еврей искал выгоду во всем, в чем только можно! И если дружба с нынешней властью была ему выгодна, то он был готов её терпеть, но не разделять взгляды своих нынешних товарищей, в том числе и этого человека, для которого за этим длинным списком фамилий не стояли чьи-то судьбы и жизни.

– Можете быть свободны... – разрешил ему Мазо, поняв, что разговора не получается.

Обиженно поморщившись, наверное, обязательно настроит в политотдел на него докладную, секретарь, оглушительно громко ухая сапогами вышел прочь, снова оставив Мазо один на один со своими мыслями. А ведь они с Власенко прошли бок о бок очень долгий путь. Было время, когда Соломон мог доверить ему свою собственную жизнь!

Тошно... Тошно и противно, словно сам того не желая с ног до головы искупался в дерьме. Мазо вздохнул и взялся за списки. Много, очень много людей... В основном евреев из известных в Харькове фамилий. На них началась особенная охота после того, как в Москве раскрыли заговор врачей, пытавшихся немного ни мало отравить самого Сталина! Сталина... Вы только вдумайтесь!

Мазо покосился на портреты вождя мирового пролетариата и вождя народов, примостившихся над его рабочим местом. Этого ли они хотели, когда рвались к власти? Об этом

ли мечтал сам Мазо, поступая на юридический факультет университета? Подписывать расстрельные списки, даже не вникая, а виновен ли этот человек?

Он со вздохом отложил бумаги в сторону. Нет... Это просто нервы! Они последнее время совсем расшатались от непривычного ощущения постоянно бродившей вокруг опасности. Людей настолько запугали, что своими мыслями было страшно делиться даже с самим собой перед зеркалом, а вдруг стуканет куда следует. Это все от нервов... Нервы...

Соломон Савельевич вылил остатки спиртного себе в стакан и залпом его опрокинул. Алкоголь его не брал. Он пил его, как воду, не чувствуя привычного жжения и теплоты в желудке. Страшно... Во рту уже тошнило от папирос. Дым висел под потолком в кабинете плотными клубами, сползая к окну.

– Что тут у нас?– дабы хоть как-то себя приободрить произнёс вслух Мазо, листая страницу за страницей. Ежов совсем свихнулся! Если так и дальше пойдёт, то в городе совсем народа не останется, только чекисты с безупречно чистой репутацией.

В глаза бросилась фамилия подчёркнутая красным карандашом. Он бы никогда не заметил бы её среди длинного списка приговорённых, если бы услужливый и внимательный к мелочам секретарь не удосужился черкнуть под ней красным химическим карандашом. Сука...

– Мазо Валерия Львовна...– ошарашенно прочитал ко-

миссар 3 ранга вмиг пересохшими губами, почти по слогам.— Мазо...

Мир закачался, перевернувшись туманной непроглядной пеленой. Предметы в его просторном кабинете, которым он в тайне гордился неожиданно поплыли в разные стороны, а воздуха стало катастрофически не хватать в лёгких. Мазо... Дрожащей рукой Соломон потянулся к отвороту форменной гимнастёрки. Дрожащими руками с трудом справился с пуговицами. Мазо...

— Лерочка... — он то ли всхлипнул, то ли простонал от душившей его боли. Лист выпал из рук, спланировав на заваленный бумагами стол.— Лерочка...

Невозмутимый чекист вдруг ощутил, что вот-вот потеряет сознание, которое опасно балансировало на грани между непроглядной тьмой и светом, вяло пробивающимся сквозь плотно задёрнутые, как спасение от жары, шторы.

— Лера... Валерия...

Куда бежать? Надо срочно её спасти! Кому звонить? Мазо бессмысленно зашарил руками по письменному столу в поисках телефона. С грохотом рухнула пачка документов, аккуратно сложенная в папку. К черту! Надо что-то делать!

Усилием воли он вскочил со своего места, но ноги подкашивались и отказывались идти. Лерочка... Его милая прекрасная жена! Его добрая нежная... Лерочка!

Первой мыслью было вернуть обратно в кабинет секретаря и выяснить, что, если это шутка, то она получилась не

очень весёлой. Но в одно мгновение Соломон Савельевич себя остановил. Ошибки, а тем более шутки тут быть не может. В организации, которую он возглавлял не принято ошибаться, а точнее признавать свои ошибки. Значит...

Он бросился к телефону. Немедленно набрать домашний и связаться с ней. Пусть сбежит, спрячется, пока утихнет эта волна! Пусть берет детей и отправляется куда-нибудь в Москву, на Север, к тётке! А лучше...Лучше не появляться ни к каким родственникам. Чекисты знают обо всех! Они легко смогут её найти, даже там! Значит куда? Туда, где искать её никто не будет...

Сердце металось, хотя умом Мазо понимал, что это все бесполезно. Леру не спасти. Понимание этого ужаса пришло к нему, как лавина, нахлынув, будто волна. Опустошив, сломав. Он простонал, схватившись за голову.

Милая, добрая Лерочка...Это он! Он виноват! Удар наносили по нему, используя жену.

– Не-еет...– слезы сами закапали из глаз, катившись помимо его воли, Он заревел ещё сильнее, с грохотом опрокинув стулья.– Нее-ет!

Страшно...Он рванул кобуру, доставая служебное оружие. Он не даст, не даст опорочить, оговорить Лерочку! Нет...Они хотят ударить по нему, так пусть...Лишь бы она, его ненаглядная была жива.

– Товарищ комиссар 3 ранга,– раздался встревоженный голос секретаря из-за двери,– с вами все в порядке? Что у

вас за шум?

– Пошёл на ...– прокричал Мазо, метнув в дверь пустую бутылку водки. Нервы, все это время в период чисток в аппарате НКВД, державшиеся на пределе, всё-таки не выдержали. Его окончательно доконало то, что для подписи ему подали расстрельный список, в котором была его жена. И этот Власенко её фамилию ещё и издевательски подчеркнул! А может просто хотел предупредить?

– Сволочь! – звон разлетевшейся бутылки все ещё стоял в ушах. Рука дрожала взводя курок револьвера. Он не мог, не имел права подставлять так свою жену. Один выстрел, и от неё отстанут, ведь бьют несомненно по нему через неё. Бьют...Суки...

Глухо щёлкнуло оружие, вставая на боевой взвод.

– Суки...– Мазо пошарил на столе в поисках чистого листа бумаги и карандаша. Может после этого от Лерочки отстанут? И она будет жить спокойно вместе с Софией и Моисеем в мире и радости? Буквы прыгали по бумаге, выдавая его волнение. Карандаш писал бледно, но что-то разобрать все же было можно... Комиссар НКВД последний раз взглянул на начёрканную им коротенькую записку. На белом листе выделялись крупные косые буквы с дореволюционными завитушками : " Так нельзя, товарищи!"

Пожалуй, с них хватит...Он вскинул пистолет к виску. Холодная сталь неприветливо коснулась горячей кожи.

– Прости, Лерочка...– прошептал он, нажимая на ку-

рок, зажмурившись. Глухо ухнул выстрел. Тело комиссара НКВД отбросило в сторону, брызнув алыми каплями крови на застеленный зелёной скатертью рабочий стол. Он с грохотом опрокинул рабочее кресло, сорвал тяжёлую штору, карниз не удержался наверху, накрыв застрелившегося чекиста плотным полотном, будто стыдливо пряча слабовольный поступок офицера.

– Товарищ комиссар 3 ранга!– секретарь забарабанил в двери с той стороны.– Товарищ Мазо!

Никто не отзывался. Рука начальника управления НКВД по Харьковской области безвольно выпустила из ослабевших пальцев рукоятку именного револьвера.

От хорошего пинка двери разлетелись в разные стороны. Секретарь не спешил. Спешить было уже некуда. Он медленно прошёлся по кабинету, рассматривая бледную кисть, торчащую из-под оборванной шторы, потом двинулся к столу покойного. Брезгливо отодвинул в сторону прощальную записку, забрызганную кровью, и достал те списки, что принёс Мазо последними. Удовлетворенно хмыкнул, пряча лист с фамилией подчёркнутой красным себе в карман, и лишь после этого откинул штору в сторону.

Соломон Савельевич лежал, широко распахнув глаза. Чуть выше уха дымилось аккуратное чёрно-бордовое пулевое отверстие. Рот открыт в немом крике о помощи. Липкие жидкие волосы слиплись от крови.

Секретарь вздохнул и прошёл к телефону. Память услуж-

ливо напомнила ему заученный наизусть номер наркомата. Трубку взяли почти мгновенно, словно ждали его звонка.

– Москва? Это Харьков!– сообщил он невидимому абоненту в трубку после того, как его соединили.– Да... Увы, но комиссар третьего ранга НКВД Мазо Соломон Савельевич застрелился! Хорошо... Жду!

По ту сторону телефонной трубки раздались короткие гудки. Невидимый абонент разъединился, удовлетворённый этим коротким сообщением.

– Как жаль, Соломон Савельевич... Как жаль...– с лёгкой усмешкой на губах покачал головой секретарь, поглядывая на труп своего начальника. – Как жаль, что вы так ничего и не поняли, оставшись старым рефлексирующим интеллигентом.

ГЛАВА 1

Я топтался на перроне в ожидании объявленного поезда из Москвы, вот-вот, с минуты на минуту прибывающего на Южный вокзал моего родного Харькова. нервно курил папиросу, постукивая по деревянной лавочке пальцами, дрожа от негодования. И, я вам скажу, было от чего! Мне, молодому и перспективному работнику органов государственной безопасности, поручили встречать со столичного поезда нового начальника областного НКВД, вместо застрелившегося Соломона Савельича Мазо, будто стажера отправили сюда, заниматься какой-то ерундой, вместо того, чтобы ловить преступников, которых в последнее время развелось в Харькове

более, чем обычно. Каждый день, читая ежедневную сводку по городу я удивлялся наглости, лихости и размаху бандитизма, охватившего столицу советской Украины.

Вот вчера, например, на улице Калинина в упор расстреляна машина госбанка. Трое офицеров милиции убиты, двое ранены, похищены казённые деньги, а я сижу себе на лавочке, ожидая нового начальника управления. Нет...спору нет! Не организовать встречу постыдно и некрасиво, но все же... Почему я?

Затушил нервно папиросу, выбросив её в стоящую рядом урну. Рядом толкались такие же, как и я встречающие, счастливо переговаривающиеся, перешучивающиеся между собой, но в отличии от них, у меня настроения не было совсем.

– Молодой человек, а московский на какой путь?– поинтересовалась крупная женщина в цветном платке, повязанном под шею, с какой-то объёмной корзинкой в руках.

– Да вот и он!– завидел я чёрный чадящий дым, появившийся из-за поворота, как предвестник чего-то нехорошего. Сердце ёкнуло, словно предупреждая меня об опасности, но я, как последний дурак. проигнорировал это предупреждение, оправил свою новенькую щегольскую форму и шагнул к перрону, наблюдая, как дымящая громадина паровоза медленно вкатывается на станцию, громяхая на стыках всеми своими вагонами, покачивающимися в такт движению поезда. И мгновенно перрон оживился. Встречающие единой

волной подались вперёд, словно стремясь опередить остальных, а я остался позади, закинув руки за спину, сделав вид, что меня это совершенно не интересует. Женщина с корзиной метнулась к одному вагону, потом к другому, громко оповещая, о том что у неё самые горячие пирожки в Харькове, с картошкой, повидлом и ещё чем-то... Я было ринулся пресечь спекуляцию, но потом махнул на это рукой. Встречать, так встречать... А этими, пусть другие занимаются.

Паровоз издал последний усталый гудок, выбросив из закопчённого сопла остатки дыма и, скрепя всеми своими сочленениями, остановился. Перрон ожил, загалдели, зашумели люди. Посыпались поцелуи, объятия, женский смех, кто-то весело рассказывал про попутчиков в поезде, а кто-то о своих последних новостях. Старшего майора госбезопасности Коноваленко Андрей Викторовича, присланного нам из Москвы вместо застрелившегося Мазо, нигде не было видно. Чувствуя необъяснимую тревогу, я прошёл чуть дальше, полагая, что в секретариате могли перепутать номер вагона, но синей формы в этом людском море мне обнаружить не удалось.

– Товарищ лейтенант, не меня ищите?– позади стоял крепко сбитый невысокий мужчина с начинающей лысеть, темноволосой, короткостриженной головой, крупным носом и глазами чуть навывкате, чисто выбритый, ухоженный, больше похожий на какого-то конторского работника в фетровой шляпе и светлом просторном костюме лёгкого покроя.

В руках у него был небольшой кожаный чемоданчик, а рядом стояла... На миг я ослеп, понимая, что пропадаю окончательно и навсегда. настолько сильно меня поразила эта улыбка из под густых русых бровей, глаза серо-пепельного цвета, немного грустные, но одновременно такие глубокие, что в них, словно в омуте хотелось утонуть. Слегка тонковатые губы не портили эту прелесть, а скорее придавали ей дополнительный шарм, а эти светлые кудрявые локоны, аккуратно уложенные под белую модную шляпку, заставили меня тяжело вздохнуть.

– Вам плохо, товарищ лейтенант?– нахмурившись, осведомился мужчина – спутник этого чуда, шагнув ко мне.

– Нет... Все хорошо!– справился я с волнением.– А вы...

– Старший майор госбезопасности Коноваленко Андрей Викторович,– незнакомец достал из кармана удостоверение работника НКВД и махнул у меня им прямо под носом.– Я так понимаю, Нестор Петрович прислал вас нас встретить?

Я механически кивнул, пытаюсь сообразить хоть что-нибудь и постараться отвести взгляд от спутницы своего теперешнего начальника. Она улыбнулась мне, протянув тоненькую ладошку.

– Валентина – моя супруга!– представил женщину майор, явно гордясь своей женой и произведённым её появлением эффектом. Я аккуратно пожал ладонь, боясь своими толстыми пальцами сделать ей больно, чтобы вовсе не выглядеть кретином, я вежливо поинтересовался, как прошла дорога.

И замолчал, уставясь бессмысленным взглядом в щербатый бетон платформы вокзала.

– А вы...– улыбнулась вежливо Валентина, прервав напряжённую тягучую паузу, в которой я, впрочем, чувствовал себя вполне комфортно, боясь нарушить мгновение высшего счастья – любования этим ангелом чистой красоты.

– А я...

– Вы...

Будто бы между нами и не было её мужа. Только я и она, даже шумный вокзал перестал существовать вместе с надрывными гудками паровозов, шумом вагонов и звонкими объявлениями диктора.

– Я...

– Вы, вы лейтенант!– подхватил её муж.

– Виноват,– спохватился я.– лейтенант госбезопасности Клименко Александр Сергеевич. Прислан, чтобы встретить вас вместе с семьёй и препроводить на вашу служебную квартиру. Машина ожидает напротив вокзала.

– Вот так-то лучше,– ухмыльнулся Коноваленко, передавая мне тяжёлый чемодан с вещами,– как обстановка в городе, товарищ лейтенант?

Эта фраза заставила меня на секунду отвлечься созерцания Валентины и немного сосредоточиться на делах.

– Докладываю, товарищ майор!– браво отрапортовал я.– На данный момент в городе орудует опасная организованная банда, согласно наших предположений её возглавляет кто-

то из затаившихся врагов народа, промышляют грабежами и разбоями. Вчера ими было совершено нападение на машину госбанка, похищены государственные средства, ведётся розыск.

– А разве грабежи не дело местной милиции?– нахмурился Коноваленко, проходя через просторный и светлый, украшенный высокими массивными колоннами с ажурной лепниной зал ожидания Южного вокзала.– Почему этим занимается НКВД?

– До нападения на машину госбанка этой бандой были совершены ещё несколько преступлений, поднявших шум в городе. Из Москвы пришло указание нашим специалистам подключиться к расследованию. Ведь похищены государственные средства...– пожал я плечами, распахивая двери служебного автомобиля, который мне выдали ровно на два часа для встречи столь представительного начальника, чтобы не подумал московский гость, мол, столица Украины лаптем щи хлебает, моторизирована не хуже столичных спецов. Майор садиться назад наотрез отказался. Пояснил, что его укачивает, когда он не видит дорогу, сказывается кавалерийское прошлое, а вот Валентина лишь пожалала плечами и, обдав меня шлейфом ароматных цветочных духов, присела позади.

Я вежливо прикрыл дверь за ней и занял своё место рядом с майором впереди. Мотор – умничка не подвёл, взревев, как положено, всеми своими шестерёнками, выбросив

из выхлопную трубу в воздух облако сизого дыма. Мы плавно и медленно тронулись с места, свернув с площади, мимо управления железной дороги на улицу товарища Кирова и вверх к площади Дзержинского, где и располагался наш доблестный наркомат, а так же съёмная квартира нашего нового начальника управления. Мимоходом скопил глаза в зеркало заднего вида, вроде как проследить за обстановкой, а, на самом деле, полюбоваться на Валентину, задумчиво подпёршую левой ладошкой щёку и наблюдавшей за пролетающим за окном городом, умытым освежающим летним ночным ливнем.

– Хороший город, – похвалил Харьков Коноваленко, цокнув языком, будто ему отдавали его на откуп, солидный... Вроде пока и патриархального много, мало советского, но чувствую, что все сложится здесь у нас... – проговорил майор, как будто про себя, а после будто бы и не поверил сам себе, и решил уточнить у супруги. – Правда, Валентина?

Жена ответила ему холодным кивком головы и гробовым молчанием. С затаённой радостью, я ощутил, что в семье их не все так гладко, как может показаться. Дурацкое, глупое сердце в моей молодой груди бабахало сильнее положенного. И я с трудом сумел увернуться от выскочившей наперерез куцей лошадёнки с телегой, на которой грудой были навалены какие-то тряпки, самовары, матрасы и прочая утварь. Это встреча навела меня на мысль, что вещей для переезда у полноценной семьи маловато, но о своих наблюдениях я благо-

разумно промолчал. Крутил баранку, изредка бросая косые взгляды на очаровательную пассажирку, и думал о том, что Секретарь все же молодец, раз уж отправил меня на это задание. Ну, ловил бы я сейчас где-то там бандитов по грязным закоулкам Полтавского шляха, метался бы по многоквартирным домам, опрашивая очевидцев, а Валечку, так бы никогда и не увидел.

Как-то само собой получилось, что у себя в голове, жену майора я уже назвал Валечкой. Имя это тёплой волной растекалось по груди, заставляя меня пунцовать до состояния самого настоящего помидора с грядки, то бледнеть, как будто съел, что-то не то...

– А как дело обстоит с политическими преступлениями? – будто бы случайно, мимоходом поинтересовался Коноваленко, когда мы уже были неподалёку от ГосПрома.

– Работаем, ищем... пожал плечами я, стараясь обойти неприятную тему. Обстановка в городе была нервная по этому поводу. Лишний раз теперь люди на улицах боялись слово сказать, а ночью когда темнело, с тревогой вслушивались в шум проезжающих мимо автомобилей. Не за ними ли? И с облегчением вздыхали, когда стучались в соседнюю дверь их большой коммунальной квартиры. Я такой «охоты на ведьм» не понимал и не принимал. Тема эта была мне неприятна, но не объяснишь жевсе сразу вновь прибывшему из самой Москвы твоему начальнику?

– Я слышал, что даже под следствием оказалась жена

вашего бывшего руководителя товарища Мазо?— с лёгкой небрежностью в голосе поинтересовался Коноваленко.— Валерия Львовна, если не ошибаюсь? Мол...именно из-за этого Соломон Савельевич и из жизни ушёл добровольно, оставив более чем провокационное посмертное письмо?

Ага...шупает меня, гад! Решил я, изобразив на лице одну из самых своих обаятельных улыбок.

— Товарищ Мазо был коммунистом и просто хорошим человеком,— пояснил я,— увы, это все, что я знаю о нем. Меня до задушевных бесед с комиссаром третьего ранга не допускали. Все больше на полевой работе. А как там...Почему...Это вам лучше с Секретарём поговорить...

— Секретарём?— нахмурился Коноваленко.

— Виноват...Капитан госбезопасности Власенко.

— Это кто?

— Личный адъютант товарища Мазо. Они вместе были ещё со времён Гражданской войны, вместе в Харькове пролетариат поднимали, потом с махновщиной боролись...Он, когда нашёл труп Соломон Савельевича в кабинете, так убивался, будто по родному.

— А почему секретарь?— поинтересовался Коноваленко.

— Да...Это мы его так прозвали! Ведь, будто тень, за Мазо ходил! Его и сам товарищ комиссар порой так называл. Вот и прижилось!

— «Секретарь» значит... — задумчиво пробормотал новый начальник, уставившись отстраненным взглядом куда-то в

окно, где обгоняя друг друга по старой брусчатке, мчалась ватажка пацанят школьников.

– Так точно!

– А далеко ли от управления моё новое жильё?– повернулся он снова ко мне, сверля настойчивым взглядом исподлобья.

– Никак нет... Минут пять, если не спеша!– пояснил я, выворачивая руль вправо, чтобы обогнуть старуху со старыми металлическими вёдрами, доверху наполненными свежим домашним молоком, купленным на Конном рынке.

– А забрось-ка ты меня сначала в управление, а потом Валентину Владимировну в нашу новую квартиру. Не терпится мне с коллективом познакомиться, дела разобрать... Чего зря время терять? Ты как, Валечка?

Вопрос мужа вывел её из задумчиво-меланхолического настроения. Она, словно вострепелась, как синичка на ветке, улыбнулась и кивнула.

– Надо, так надо...

– Только вы, товарищ лейтенант,– распорядился Коноваленко,– уж доведите её до порога, с чемоданом помогите...

– Слушаюсь!– внутри меня все ликовало. Я невольно поддал газу, искренне сожалея, что из старого двигателя нельзя выжать больше положенного. И, если раньше, я намеренно не торопился, чтобы подольше полюбоваться на Валечку, то теперь старался побыстрее добраться до управления, дабы посадить майора и остаться с ней наедине. Боже...какой же у

неё приятный голос, а эта улыбка... Я тяжело вздохнул, притормаживая у управления.

Перед главными воротами тарахтел заведённый грузовичок с открытым кузовом, куда усаживались несколько автоматчиков и знакомый мне младший лейтенант Кулик. Вместе с ним мы были в прошлом году на курсах младшего состава, вместе служили срочную в Дальневосточной тайге.

Заметив меня он приветливо махнул рукой, показывая одновременно на часы, намекая на то, что критически ограничен во времени, хотя и рад бы поболтать. Запрыгнул в кабину уже на ходу, уцепившись за поручень.

— На задержание... — кивнул я, то ли поясняя что-то Коноваленко, то ли просто подтверждая известный факт.

— Разберёмся! — хмуро кивнул майор, выбираясь из машины. Не стал ждать по-барски, пока я открою ему дверь. Упруго-подтянутой походкой сам вышел наружу, потянулся, демонстрируя то, что все ещё находится в прекрасной форме.

Сколько же ему лет? Присмотрелся я поближе к новому начальнику. Волосы начали сесть рано... Но это из-за тёмного цвета волос. А вот залысины проползли почти до самой макушки, оставив лишь посреди лба небольшой ёжик волос. Насупленные брови, глубокая морщина возле лба. Уголки губ вниз, словно он никогда не улыбался в своей жизни. Пятьдесят? Или около?

Плюнув на свои изыскания, я повернулся к Валентине, почувствовав себя немного свободнее.

– Домой?– уточнил я, попытавшись улыбнуться, но получилось слабо. Она кивнула, тяжело вздохнув. Почему-то в тот момент мне её глаза показались слишком грустными, полными какой-то неизведанной тоски, словно у спящей царевны. Так и не промолвив ни слова, мы добрались до их новой квартиры.

Для начальника управления подобрали жилье в соответствии с его статусом. Ни какая-нибудь коммуналка, в которых чаще всего проживали младшие сотрудники госбезопасности, а полноценная квартира в недавно отстроенном шикарном доме помпезного и громоздкого вида. Только и пользы, что потолки высокие, да соседи сплошь и рядом партийные чиновники.

Во дворе играла ватага ребятни, с визгом строивших какую-то башню из песка. На лавочке у подъезда, надев очки, в одной белоснежной майке и затёртых галифе читал свежий номер «Известий» Валерий Поликарпыч Белобородько – местный руководитель милиции. Чуть поодаль, в тени душистых груш, только ещё начинающих спеть, устроился глава облизполкома товарищ Кучко с внучкой. На огромных качелях с визгом раскачивалась дочь начальника управления Южной железной дороги Остоженко. Всех по роду своей службы я знал не только в лицо, но и теневую жизнь каждого. Ибо, враг не дремлет, а некоторые несознательные элементы могут не только поддаться на уговоры врагов нашего социалистического государства, но и не дай Бог...

Вот, например, Кучко женат, а каждый вечер наведывается к продавщице Лидочке из райпо домой, жене объясняя, что работы стало невпроворот. Супруга верит, но так как ни Кучко, ни Лидочка никаких злодеяний против государства не замышляют, то и их история пока остаётся тайной.

Или товарищ Белобородько... Утаил от следствия изъятые сто рублей при задержании и на них, вне очереди, купил холодильник «ЗИЛ». Пусть... лишь против товарища Сталина и Родины нашей ничего плохого не замышлял. И так про всех обитателей этого правительственного дома.

– Вот мы и на месте!– я мигом выскользнул из автомобиля, распахивая перед Валечкой двери.– Ваша квартира на третьем этаже под номером сорок три. Ключи под ковриком на полу.

– Спасибо вам,– поблагодарила она меня, наконец-то подняв свои ясные глазки в мою сторону.– Вам, наверное, надо спешить на службу?– как-то потерянно она повела плечами, как-то неуверенно и боязливо. Интересно, а я на ее месте, как бы себя вёл в незнакомом городе, в незнакомой квартире, одна, совсем одна... Одна... Это слово забилося испуганной раненой птицей в моей голове, отозвавшись в сердце колокольным набатом. Одна...

– Я помогу вам донести чемодан,– подхватил я решительно сундук, поймав на себе внимательный взгляд всех свободных жильцов дома.

– Буду вам очень благодарна...– кивнула Валентина, ша-

гая к подъезду. Господи...какие же у неё были ножки! Эти загорелые стройные икры сводили меня с ума, заставляя все меньше думать о работе и все больше о том, что советскому человеку стыдно даже представить. Ноги...

В чувство меня привела скрипнувшая дверца парадной. После душного летнего смога улицы тут было прохладно и свежо. Валечка шла впереди, мерно качая бёдрами так, будто действительно хотела меня соблазнить. Ах, если бы она была не замужем! Подумал я, отводя глаза в сторону. Ах, если бы...

– А кому раньше принадлежала эта квартира?– поинтересовалась Валентина, устало поднимаясь на нужную лестничную клетку. Дубовая дверь с латунным номером сорок три была прямо перед нами. Я немного замялся. Стоит ли ей говорить, хозяином раньше был предшественник её мужа – товарищ Мазо?

– Впрочем, можете не говорить...– устало выдохнула она, погладив полированное дубовое полотно.– Везде одно и то же...Начальник городского...потом районного...теперь областного...Как же мне все это надоело...Господи...

Она медленно сползла вниз по стене, обхватив голову руками. Подведённая тушь полилась грязными ручьями по щекам, оставляя широкие чёрные полосы. Задравшееся платье совсем уж постыдно оголило стройные, чуть полноватые бедра, заставив меня в очередной раз покраснеть.

– Каждый раз одно и то же...Квартира по наслед-

ству... Сколько их уже было таких? Знаете, товарищ лейтенант, в них даже дышать тяжело.... Запах покойника витает внутри, будто туман... Ладан.... Всегда... Ладана и слез....

– Товарищ... – растерялся я, стоя прямо перед ей, наблюдая над этим откровением сверху вниз. – Товарищ... К-ко-... Валентина... Валя... – я присел рядом, чтобы не стоять столбом. – Не плачьте...

Коснуться её в этот момент было бы наивысшим счастьем, о котором я ещё пять минут назад не мог и мечтать, но я с трудом совладал с собой и отдёргнул уже потянувшуюся было ладонь.

– Товарищ Мазо застрелился почти два месяца назад. Его жена Валерия Львовна осуждена на десять лет лагерей, как «враг народа» примерно в это же время... Никакого запаха тут не будет.

Я встал в полный рост и подошёл к двери. Пошарил рукой под узким половичком, постеленным, чтобы гости могли вытирать ноги. Ключ был на месте. Распахнул двери, затаскивая чемодан внутрь. За всем этим Валентина наблюдала заплаканными, но заинтересованными глазами.

– Ничего! – вдохнул глубоко я. – Пыльновато немного, а так никакого ладана...

– Спасибо... – осторожно, держась за стенку, приподнялась жена моего нового начальника. – Извините, пожалуйста... ста...

– До свидания!

Если бы я ещё чуть-чуть задержался бы там, то не уверен, чтобы мне хватило бы самообладания не броситься к её ногам, как мальчишке.

– Извините...

Её голос ещё звучал у меня в ушах, когда я, перепрыгивая через ступеньку, мчался вниз, пытаюсь унять бешено колотящееся сердце. Я ощущал кожей её взгляд, сверлящий мне спину, но не мог надеяться на то, что мне когда-нибудь достанет силы обернуться ему навстречу.

ГЛАВА 2

Сосредоточиться не получалось... Работа валилась из рук вместе с кипами бумаг, разбросанными в беспорядке по рабочему столу. Секретарь гневно листал какой-то первый попавшийся на глаза отчёт от негласного сотрудника одного очень уважаемого Харьковского НИИ, работающего на оборонку. Чиркал синим карандашом особенно не понравившиеся ему моменты, выбранные чуть ли не наугад. Сосредоточиться на неровных буквах тонкого, будто нитка почерка не выходило.

Он отложил бумаги в сторону и снял очки, устало потёр глаза. Шум в ушах усиливался. Почему все сложилось именно так, как сложилось? Сначала был Мазо... Вечно первый, вечно на коне, вечно впереди... К нему Нестор Петрович Власенко прибилсь ещё в начале революции, когда тот был один из боевых лидеров харьковской партийной ячейки большевиков. Молодой парень в замызганной кепке, достав-

шейся по наследству от отца и много раз залатанных штанах он с головой окунулся в этот таинственный мир конспиративных квартир, эксов и прочей революционной романтики. Пару раз его даже задерживали, пытались сослать, но он снова сбегал, находил своего учителя Мазо и продолжал свою кипучую деятельность.

И так, до самого семнадцатого, потом революция, гражданская, где Мазо был назначен комкором, а Власенко стал начальником его штаба, впервые получив прозвище «секретарь». Они не были друзьями никогда... Соломон относился к нему, как предмету интерьера, мебели, который в хозяйстве необходим, без которого невозможно обойтись, но который совершенно незаметен в обыденной жизни.

Прошла гражданская война... Партия отправила товарища Мазо на трудную и ответственную службу по борьбе с контрреволюцией. И тут Секретарь проявил себя с самой лучшей стороны, взяв на себя весь ворох бумажной работы по оформлению протоколов допросов, ордеров на обыски и прочей бюрократической волокиты, снова оставшись неоцененным в своей старательности.

Нестор Петрович попрежнему жил в старой коммунальной квартире с больной матерью, сестрой и её двумя детьми от первого брака. Никаких благ, манной небесной сыпавшихся на голову его начальника, он так и не приобрёл, и однажды, придя домой, выслушал целую лекцию от рассерженной сестры:

– Вот ты, Нестор,– твердила она,– как был дураком, так и остался! Вон, твой разлюбезный Мазо, уже, как комиссар третьего ранга, квартира у него, личная машина. Лерка – жена его в бриллиантах, да норковых шубах ходит, а ты? Чего добился ты своей верноподданнической работой? Геммороя? Или проблем с сердцем? Я не говорю о себе, по сути я тебе чужой человек и мои проблемы тебя не касаются, но вот то, что при такой должности твоя мать ютится в маленькой коммуналке с десятью соседями, это, извини меня, самое настоящее форменное свинство! Ты хронический неудачник! Вечно второй! И быть тебе первым никогда не суждено...

Именно, пожалуй, тогда, этим разговором сестра Нестора Петровича Власенко занесла в его душу зерно сомнения, которое со временем стало лишь разрастаться, сея раздразн в голове верного ленинца. А не права ли она? Неужели не достоин Власенко настоящей власти? Неужели не заработал за всю свою жизнь проживание в комфортных условиях? Чем Мазо лучше его? Тем, что в какой-то период оказался главнее? Сумел возглавить, а не плестись следом?

Это простая мысль долго не давала ему покоя... Как и положено, такого склада людям, он втихомолку строил планы мести, мечтал о том, что однажды Мазо переведут на другую более высокопоставленную должность в Москву, и на предложение поехать туда с ним, он, Власенко гордо откажется, предпочтя должность начальника харьковского УНКВД.

Но проходили дни за днями, месяц за месяцами, а Мазо

никуда не переводили. Секретарь вечно оставался Секретарём, только теперь это положение вещей его нешуточно раздражало, став чуть ли не маниакальной идеей. Он стал много выпивать, чего раньше за ним никогда не наблюдалось. Каждый вечер Нестор Петрович оставался у себя в приёмной, ждал, когда все из управления разойдутся по домам, нацеживал себе стакан водки и залпом выпивал, не желая идти домой, чтобы продолжать слушать надрывные и нудные лекции сестры.

Все изменилось, когда в Москве к власти пришёл товарищ Ежов, начались чистки госаппарата, и проживание на десяти квадратных метрах с семьёй из пяти человек стало для Секретаря чуть ли не заслугой. На богатство и роскошь, окружающих нынешних аппаратчиков стали коситься недобрым взглядом, подозревая во всех смертных грехах. Особенно не жаловали евреев... «Тройки» зверствовали не только в Харькове, но и по всей Украине. Расстрелы по ложному доносу или навету стали обычным делом. Сколько таких дел прошло через руки Власенко? Сотни? А может быть тысячи? Каждый хотел урвать себе кусок получше, каждый утопить ближнего своего... Заваленные делами «тройки» не хотели даже разбираться, подмахивая приговоры один за другим, как самый настоящий заводской конвейер. Сосед мог донести в НКВД на своего соседа по коммунальной квартире, чтобы получить его жилплощадь, декан университета на ректора, чтобы получить его должность, продавец универма-

га на своего директора, чтобы скрыть растрату. И тут Власенко вдруг понял, что во всей это неразберихи у него появился шанс наконец-то стать первым!

Старую ленинскую гвардию, делавшую революцию в девятьсот семнадцатом убирали. Троцкий, Зиновьев, даже такие известные деятели теряли свои головы и посты, не избежав чистки. Что уж говорить о Мазо? Еврее, занимающим такую высокопоставленную должность. Евреям, нет места в госаппарате! Еврейские врачи сгубили Ленина, убили товарища Кирова...

Но действовать надо было осторожно... Именно поэтому секретарь попрежнему исполнительно выполнял все поручения начальника управления, кланялся, улыбался, лебезил, восхищался, решив начать действовать через жену комиссара третьего ранга.

Валерия Мазо была урождённой полячкой, в девичестве Ланевская, она обожала дорогие наряды и красивую жизнь. Как бывшей польской паночке, ей пришлось перестраиваться, пристраиваться к новому укладу жизни. И не всегда это у неё здорово получалось. По данным Секретаря товарищ Мазо даже держал прислугу у себя дома, что было совсем уж возмутительным для героя гражданской войны и революции обстоятельством.

Именно об этом Власенко и выразил беспокойство в письме, отправленном в наркомат внутренних дел СССР. Мол, в гражданской позиции и верности делу партии това-

рища Мазо мы не сомневаемся, но вот его жена... Сигнал в наркомате восприняли правильно. Через пару недель пришёл приказ установить негласное наблюдение за женой комиссара третьего ранга, а ещё через два дня постановление об аресте. Негоже жене красного командира, главного чекиста Украины разгуливать по городу в дорогуших нарядах, да разъезжать в служебном автомобиле по магазинам. Негоже!

В чем был виноват Мазо? Ни в чем... лишь только в том, что слишком сильно любил свою паночку. Секретарь довольно потирал руки! Выбить почву из под ног врага – это уже почти победа! С некоторых пор Соломона он стал воспринимать именно так, а никак иначе. Только враг! С этой мыслью он засыпал и просыпался каждый день, но продолжал мило улыбаться на ежедневных совещаниях и подобострастно кланяться, когда его работу благосклонно хвалили.

Однако, он просчитался. Слабое сердце Мазо не выдержало даже первого удара. Когда Власенко обнаружил труп своего начальника у него в кабинете, ничего кроме глубокого удовлетворения он не испытал, даже грусти от того, что вместе с этим бородатым хмурым евреем уходила большая часть его жизни, становясь историей. К черту историю! К черту прошлое! Вот теперь-то он заживёт... Кто, как не он, второе лицо в Управлении должен, просто обязан возглавить его?

Но проклятые москали все снова переиграли. Его оставили исполняющим обязанности, а через месяц прислали нового начальника управления внутренних дел, ещё моложаво-

го амбициозного майора? Это была пощёчина... пощёчина, от которой Нестор Петрович до сих пор не мог толком оправиться. Сегодня этот Кононенко... Нет... Коноваленко должен был прибыть и принять дела.

Секретарь снова одел очки и бросил взгляд на раскрытое личное дело, лежавшее на краю стола, чуть поодаль от остальной горы документов.

– Коноваленко Андрей Викторович, старший майор государственной безопасности, – прочитал он вслух, вглядываясь в округлое лицо с большими внимательными глазами под нахмуренными бровями. – Кто же ты такой есть, а?

В который раз Секретарь перелистнул его личное дело, в который раз попытался вчитаться в короткие строки его биографии. Слабые места Мазо он знал, этого молодца нет...

Коноваленко Андрей Викторович 1900 года рождения 26 января Харьковской Губернии Российской империи. Из семьи рабочих. Мать железнодорожница, отец неизвестен.

Красным карандашом на полях какого-то листочка Секретарь отметил это странное обстоятельство. Если покопаться, то обязательно можно раскопать некую информацию про этого неизвестного отца майора. А вдруг его папашка был контрой или хуже того из дворянского сословия? Имеет ли моральное право возглавлять НКВД области, республики такой человек?

Власенко улыбнулся этой детали. Как он умудрился не отметить первый раз такого. И... что там дальше.

В двадцатом году поступил на службу РККА . В 1921 году закончил курсы младшего комсостава и был направлен для прохождения дальнейшей службы в Московский военный округ. Через три года поступил на курсы старшего комсостава, переводом ушёл на службу в НКВД, где за несколько лет сделал себе головокружительную карьеру, раскрывая самые громкие из преступлений, правда не политического, а скорее бытового характера. Так, на его счёту поимка «измайловского маньяка», расчленяющего своих жертв, разгром банды «красных галстуков» и ещё несколько громких дел, сделавших ему известность и позволивших стать одним из крупных и серьёзных работников органов государственной безопасности.

Тут и зацепиться было не за что... Идеальный чекист, герой без страха и укрепа, грудью встающий на защиту молодого социалистического государства в борьбе, как с внутренними, так и внешними врагами.

А что с личной жизнью?

Власенко перевернул пожелтевший немного помятый листок, где на черно-белой фотографии была изображена красивая светловолосая женщина. Открытое лицо, тонкие губы, своевольный носик, серо-голубые глаза и непослушные кудряшки, спускающиеся волнами почти до самых плеч. Секретарь повертел фото в руках и отложил в сторону. Пусть пока полежит... Товарищ Мазо тоже был героем без страха и упрека, пока не стал слишком любить свою красавицу жену.

Может и у этого такая же слабость?

Женат. Жена из семьи военных. Отец – служил в исправительных царских учреждениях, погиб.

А вот это уже интересно... Снова Нестор Петрович радостно чиркнул на полях блокнота очередную заметку. Дочь царского жандарма – жена виднейшего деятеля НКВД! Резонанс! Кошмар!

В девичестве Верникова Валентина Владимировна. В данный момент не работает. 1904 года рождения. В партии с 1923 года.

Дети... Глеб Коноваленко, 6 лет. Воспитывается бабушкой.

– Красивая баба... – оценил, цокнув языком Власенко. Настроение поднялось. Теперь он хотя бы нащупал ниточки, чтобы бороться с новым руководством. Мысль о том, что все рухнуло, ушла. Теперь исполнение его мечты – стать первым – лишь отодвигалось на некоторое время. Идеальных людей не бывает, даже у этого Коноваленко, если покопаться, найдётся масса скелетов в шкафу, о которых он предпочёл бы забыть, стоит лишь только глубже копнуть.

Секретарь собрал личное дело обратно в папку и любовно погладил жёлтую шероховатую бумагу.

– Ничего, Андрей Викторович, и с вами мы повоюем... – дверь в кабинет распахнулась, как от хорошего пинка. Стукнулась о коробку, так что задребезжали стаканы на столе Власенко.

– Какого черта!– рявкнул он, приподнимаясь на удобном стуле, к которому за период со смерти Мазо уже успел привыкнуть.

– Нестор Петрович...– за среднего роста офицером в идеально отглаженной майорской форме забежал его помощник лейтенант Конопатов.

Коноваленко остановился на пороге, критически осмотрел помещение. Остановил свой взгляд на Власенко, замершем в кресле, словно застигнутым на месте преступления, и удовлетворенно кивнул.

– Старший Майор Государственной Безопасности Коноваленко Андрей Викторович прибыл по месту службы, чтобы возглавить Управления Наркомата Внутренних Дел по Харьковку и Харьковской области. Темновато тут у вас...

Тяжёлые зеленее шторы, плохо пропускающие свет, мгновенно были раскрыты предателем Конопатовым, бросившимся исполнять поручение майора, как верная собачонка. Секретарь презрительно скривился, но быстро справился с собой, натянув на лицо самую милую из всех своих улыбок. Другого от этих лизоблюдов он и не ожидал.

– Капитан Госбезопасности Власенко Нестор Петрович временно исполнял обязанности начальника управления до вашего назначения,– кивнул он, выбираясь из-за стола,– вот... работал так сказать...– Секретарь развёл виновато руками, извиняясь за бардак на рабочем столе.

– Отлично! Вы позволите?– Коноваленко сделал несколь-

ко уверенных шагов к столу, кивая на занятый Власенко стул.

– Конечно – конечно! О чем речь?– Секретарь осторожно выбрался из-за массивного дубового стола, не забыв прихватить с собой свой блокнот с пометками из личного дела. Замер у двери рядом с Конопатовым , ожидая дальнейших указаний.

Майор оказался именно таким, каким его представлял Власенко – наглым, самоуверенным и властным. Ни здрасте тебе, ни до свидания, даже руку не пожал, как будто перед ним вошь барачная... Чтобы не стоять истуканом и молчать, Секретарь аккуратно поинтересовался:

– Как добрались, товарищ майор? Я посылал встретить вас на вокзале и отвести на служебную квартиру человека...

– Благодарю, все замечательно. Этот лейтенант...

– Клименко!– радостно подхватил Конопатов.

– Да...Клименко сообщил, что в городе орудует банда грабителей, украдены государственные денежные средства, на уши подняты милиция и наше управление?

Секретарь с горечью отметил слово наше... Без году неделя, а туда же...Наше! Клименко – болтливая скотина, все донёс...Но вместо всего этого, мигом пронёсшегося у него в голове, Власенко вытянулся в струнку и доложил:

– Так точно! Банда орудует! Ищем! Пока безрезультатно...

– Какие-то неуловимые они...– шмыгнул носом, как

школьник-переросток Конопатов.— Постреляли конвой и скрылись, как под землю провалились.

— Вот с них-то мы и начнём нашу работу,— азартно потёр руки Коноваленко,— докладывайте товарищ капитан, что у нас на них есть?

ГЛАВА 3

Молодой человек шёл по скверу, кутаясь в добротный, хорошо сшитый пиджак и надвинув глубоко на глаза фуражку с широким козырьком. Он изредка посматривал по сторонам, оглядывался назад, словно опасался слежки, долго кружил по переулкам и дворам, чтобы провериться на предмет «хвоста», несколько раз менял резко маршрут, даже садился на трамвай, а потом возвращался назад. Наконец, убедившись, что все в порядке, он завернул за угол дома номер тридцать два на проспекте Ленина и скрылся в тёмной подворотне, будто и его не было.

В грязном подъезде воняло мышами и табаком. На грязном лестничном пролёте тлел чей-то окурок, забытый жильцами. В углу под лестницей взгромоздился старый, ещё до-революционный диван с вылезшими из-под потёртой обивки пружинами. На первом этаже играл негромко граммофон, выводя какой-то старый плаксивый романс.

Молодой человек огляделся по сторонам и постучался в квартиру, откуда доносилась музыка. Старая дверь не выдерживала никакой критики, была местами в трещинах покосившаяся, со щелью внизу, из-за неё слышались пьяные вы-

крики.

Видимо его не слышали из-за шума. Он постучал сильнее, из-под кепи мелькнул злой напряжённый волчий взгляд. По ту сторону раздалось шарканье ног, скрипнул отпираемый замок.

– Чего тарабанишь? Не слышишь люди отдыхают?– на пороге стояла пьяная девица в старом потёртом халате. Длинные волосы чуть ниже плеч были игриво распущены. Распахнутый халат не скрывал большую слегка обвисшую грудь четвёртого размера и багровый засос на ней. Ростом она была почти, как парень, крепко сбитая, широкобёдрая и пьяная в хлам.

– Кол тут?

– Какой такой кол? Кол у тебя между ног, дорогой!– пьяно ухмыльнулась девица, похабно похлопав себя там, где по её мнению он у него должен находиться.

– Мне нужен Кол?

– Да пошёл ты, урод! – сплюнула девица ему под ноги.– Иди покуда милицию не вызвала...

Парень шагнул в квартиру оттеснив в сторону пахнущую сексом и алкоголем женщину. В коридоре стоял папиросный угар. Откуда-то слева доносился игривый женский смех.

– Стоять! Ты куда?– спохватилась девица, ринувшись за парнем, но резко замерла, когда в затылок непрошенному гостю упёрся револьвер.

– Далеко собрался, фраер?– раздался над его ухом вкрад-

чивый хриплый мужской голос. Узкий ствол оружия неприятно охлаждал бритый затылок. Парень медленно обернулся, подставив под пистолет свой лоб. Перед ним стоял крепко сбитый мужик среднего роста в кожаном пиджаке, почти таком, какой носили чекисты во времена гражданской. Тёплый шерстяной свитер под горло не скрывал синюю татуировку ящерицы, заползшую прямо к подбородку. Суровые внимательные глаза рассматривали гостя, словно решая, как ему быть, застрелить сразу или всё-таки дать сказать хоть слово. Парень вздрогнул, но устоял под этим натиском вора.

– Мне нужен Кол... – тихо проговорил он, сверля взглядом татуированного.

– Ящер, кто там? – из комнаты в полумрак коридора вышел почти голый мужчина, плечи которого украшали синие купола церквей, искусно выбитые от живота и до груди. Безволосая грудь с буграми крепких мышц тяжело вздымалась, словно её хозяин только что пробежал марафон.

– Фраер ломился на хазу перепуганный, заладил Кола ему подавай! – пояснил тот, которого назвали Ящерицей, грубо толкнув дулом парня в лоб.

– Попридержи коней, Ящер, – улыбнулся парню, как своему старому другу, мужчина, – это наш приятель из НКВД гражданин начальник Конопатов...

– Я пришёл за совей долей! – уже безбоязненно повернулся к вору лейтенант НКВД, оставив позади себя мужчину с оружием.

– Шурка!– окликнул затихшую у двери девицу Кол.– Брысь в комнату, у нас серьёзный базар намечается...

Шалава кивнула и, держась за стеночку, чтобы не упасть, проследовала туда, где не стихала музыка и смех. Поймав взгляд вора, за ней, хмыкнув недовольно, убрав оружие за пояс, прошествовал Ящер.

– Теперь базлай...

– Вчера вы сняли кассу у ГосПрома... Город на ушах стоит,– недовольно поморщился Конопатов,– зачем было валить всех?

– Ты меня учить вздумал, товарищ начальник, как дела делаются?– нахмурился Кол, его рука небрежно опустилась вниз, как можно ближе к сапогу, где несомненно пряталась финка. Сердце Конопатова испуганно прыгнуло в пятки.

– Теперь вас ищут все, и рано или поздно найдут... Мне нужна моя доля! И я постараюсь выйти из игры.

– Из игры?– нахмурился Кол, секунду раздумывая над сказанным. Он был опасен, опасен, как гремучая змея, которую Конопатов вздумал подёргать за хвост, но выбора у него не было. Он слишком сильно увяз в этой истории и очень хотел выбраться, даже не понимая, что назад для него пути нет. Маленький, глупый мальчишка, заигравшийся во взрослые игры. Когда его сестра Клавдия предложила помочь одному хорошему человеку информацией за неплохое денежное вознаграждение, он, лейтенант госбезопасности даже представить себе не мог, во что это вскоре выльется. По сути, он

стал осведомителем самой опасной банды в городе Харькове, которую искали все. Несколько раз ему приходила в голову мысль написать явку с повинной и признаться во всем, но сочувствия от советского правосудия ждать ему вряд ли бы приходилось бы в таком случае, как, впрочем, и от воров, что там, что здесь расклад был один... Смерть. Сегодня, увидев нового начальника управления, он впервые серьёзно решил покончить со всем этим. Забрать свою долю и сбежать, куда? В Польшу, Румынию? Мало ли мест, где удачливый молодой парень при деньгах может устроить свою жизнь?

– Да, Кол, хочу закончить все и смотаться отсюда далеко и желательно надолго, чтобы ни одна тварь меня не нашла, как бы хорошо не искала... – пылко заверил вора лейтенант.

Тот искренне рассмеялся. Смеялся долго, словно парень рассказал, что-то очень уж смешное. Он-то точно знал, что найдут везде, и нет такого места, где тебя не достали бы органы правосудия. Разве что на каких-нибудь островах в далёком океане?

– Долю это хорошо... Долю получишь, как только обстригаем ещё одно дельце...

– Кол...

– Я так решил! – отрезал вор, ухмыляясь.

– Найдёшь нам что-нибудь посолидней... чтобы разом закрыть вопрос со столицей Украины. Я сам чувствую, что тесновато мне стало в этих краях... Тесновато, – вор потянулся, будто бы показывая насколько тесно ему стало здесь, а

потом в его руках что-то блеснуло. Конопатов лишь успел моргнуть своими огромными бестолковыми глазами, как у его шеи оказался остро заточенный нож с узким, как шило лезвием. Он неприятным холодком коснулся кожи на кадыке и скользнул к артерии.

– А потом мы поговорим насчёт твоей доли... – прошептал ему на ухо Кол.– Ты меня понял?

– Да...да...– кивнул Конопатов.

– Что-то ещё?– вор рывком освободил лейтенанта из своего смертельного захвата, оттолкнув к двери.

– У нас новый начальник управления...серьёзный мужик! Не то, что Власенко...Этот волчара почище тебя,– потирая порезанную шею, выкрикнул Конопатов,– он специализируется на таких бандах, как твоя.

– Погоняло?

– Что?– парень никак не мог привыкнуть к этому необычному для русского уха тюремному жаргону.

– Фамилия его как?

– Коноваленко...Майор Коноваленко...Прибыл только сегодня, но уже навёл страху на все управление.

– Интересно девки пляшут...Ты собери и на него всю доступную информацию. Может стоит приглядеться к нему повнимательней.

– Опасно это, Кол...очень опасно! Мужик видно битый...– покачал головой, прикусив губу Конопатов.

– А никто не говорил, что будет легко, гражданин началь-

ник!— ослабился вор, потирая татуировки а животе.— Завтра тебя самого найдут, понял? Меня здесь больше не ищи! Не будет меня больше на этой хазе! Соскочу отсюда...

— Понятно,— кивнул парень, двигаясь к двери.

— Покедова.

За спиной лейтенанта дверь старой, ещё дореволюционной квартирке со скрипом захлопнулась. Он облегчённо выдохнул, прижавшись спиной к кирпичной стене, не заботясь о том, что облупившаяся краска приклеится на почти новый пиджак.

Холодный, почти ледяной пот градом катился по его спине. Мокрая рубашка прилипла между лопаток и неприятно холодила кожу. Сердце испуганно бухало в груди, отдавая громopodobным стуком где-то в кончиках пальцев.

Будь проклят тот день, когда он связался с этой бандой, с Колом, со всеми этим жуликами! Будь проклята его сестра, которая устроила их первое знакомство...

Конопатов шагнул с трудом вниз по лестнице, словно старик, держась за перила. Он прекрасно помнил тот морозный ден, когда они будто бы случайно встретились на улице.

— Помнишь, Василёк, я тебе говорила, что можно неплохо подзаработать?— улыбнулась она, сделав невинные глаза, встретив на улице крепко сбитого мужчину в дорогой модной одежде и золотыми зубами.— Это и есть тот человек, который поможет...

И с того момента, с той памятной встречи в парке Тараса

Шевченко все и началось... Сначала Кол просил просто предупредить об облавах проводимых милицией города, потом о перевозках особо ценных грузах, маршрутах их следования и об охране.

Когда его банда совершила первый налёт, только тогда Конопатов понял во что ввязался, но назад пути уже не было. Кол ему платил деньги, немалые по нынешним временам деньги, и он их тратил, выдавая ценную оперативную информацию, а коготок увяз, всей птичке пропасть...

Молодой лейтенант выдохнул, выбравшись из смрадного подъезда. Из окна на первом этаже слышались надрывные мелодии граммофона и женский смех. Он неприязненно взглянул на открытую форточку и медленно побрёл по улице, низко надвинув на глаза клетчатое кепи.

ГЛАВА 4

Будильник зазвенел сегодня почти на полчаса раньше. Я пошарил рукой на тумбочке возле своей панцирной кровати в поисках источника этого надрывного звука, перевернул тяжёлый агрегат одним неловким движением, заставив на полу дребезжать его ещё громче.

– Мам... – протянул я, не открывая глаза. Сегодня всю ночь мне снился сон с Валентиной. Мы гуляли с ней на берегу реки, вокруг цвели какие-то полевые цветы, а она такая лёгкая, невесомая, улыбчивая в своём коротеньком ситцевом платье срывала их горстями и подбрасывала вверх, звонко смеясь. А в тот момент, когда мы оказались совсем близко

друг другу, когда у себя на лице я почувствовал её дыхание, готовый впиться в эти жадные губы жарким поцелуем, прозвенел подлый будильник, требуя немедленно собираться на работу. Сон был настолько ярким, сочным, до краёв наполненный красками, что даже открывать глаза было лень.

– Мам... – позвал я мать, с которой жил в небольшой, но уютной комнате на ХТЗ.

– Чего кричишь? – зашла моя старушка в свежем платке на голове и чистом переднике, согласно традиции встав намного раньше меня, чтобы приготовить завтрак, вытирая руки о мокрую тряпку.

– Где этот будильник? – простонал я, накрывая по-детски голову подушкой. – Почему взрослые люди ходят на эту дурацкую работу? Почему нельзя, как в детстве, остаться дома... Прогулять... Сослаться больным?

– Ох, Сашка, Сашка... – мать нагнулась вниз, заглянув куда-то под кровать, пошарила там рукой и всё-таки отключила дребезжащий агрегат, разбудивший, наверное, всех соседей. – Потому что труд сделал из обезьяны человека... Не будешь работать превратишься в какого-нибудь тунеядца или фарцовщика.... Что тогда?

– Тогда тюрьма... – грустно выдохнул я, окончательно проснувшись.

– Вот и весь сказ, – поставила на место часы мать, – иди есть, я на стол уже все поставила.

Мигом выскользнув из-под одеяла, я потянулся разминая

затёкшее тело. Несколько раз наклонился, шлёпая босыми ногами по дощатому полу, изобразил некое подобие зарядки.

– Иди уже!– заворчала мать.– Остынет ведь!

Все ещё с полузакрытыми глазами я по запаху выбрался на кухню, где уже стояла чашка наведённого крепкого чая и огромный бутерброд. Соседи ещё не проснулись, поэтому можно было спокойно наслаждаться одиночеством и думать о Валентине.

Почему она мне так запала в сердце? Что в ней такого особенного, что не дает мне забыть эти глаза и завораживающий голос? Склонный с детства к самоанализу я попытался разобраться, но ответа так и не нашёл. Меня необъяснимо тянуло к ней, словно магнитом, что было уже слишком странно, учитывая тот момент, что виделись мы с ней только раз, а разговаривали и того меньше.

– Ты сегодня поздно?– спросила мама, убирая со стола грязную посуду.

– Как пойдет, сама знаешь!– я торопливо запихал в рот остатки бутерброда, поблагодарив её за завтрак.– Вчера прибыл новой начальник управления нашего из самой Москвы! серьёзный дядька... Как себя поведет неизвестно. Так что, если задержусь, то не переживай, ложись спать.

– Ох, работа твоя эта...

– Нормальная работа!– обнял я её, целуя в щеку.– Отличная, я бы сказал! Жуликов и врагов трудового народа ловить! Почетная...

– Иди уж! Почетный...– отмахнулась шуточно мать, давая возможность мне быстренько собраться, напялив отглаженный мундир, висящий в моей комнате на стуле рядом с кроватью. Своего отца я практически не знал. Они с матерью разошлись, когда мне было всего года три. После этого, он был периодически наездами у меня в гостях, но ничего кроме скандалов от этих его приходо́в я не запомнил. Комната эта досталась нам от дедушки с бабушкой, жили мы в ней давно, вдвоем, мать-пенсионерка заботилась обо мне, как могла, а я трудился, надеясь на то, что когда-нибудь накоплю и куплю нам с ней нормальный отдельный дом, как показывают на киносеансах.

– Я улетел!– прокричал я ей от двери, готовый к выходу.

– Господи, спаси и сохрани!– перекрестила она меня в след, хотя вроде как сейчас это было и не принято. Как комсомольцу, да еще и работнику НКВД мне бы следовало поговорить с ней, как с несознательной гражданкой, но переубедить старушку получилось бы вряд ли, а вреда от ее знаменья никому не будет это уж точно, главное, чтобы соседи не донесли куда следует, чтобы таким образом попробовать расширить свою жилплощадь, но они вроде ребята проверенные, подвести не должны. Мы часто с ними раньше собирались вместе одной большой компанией за столом во дворе, пели песни, играли на гармонии, шутили, смеялись и пекли картошку в жарких красноватых углях, но теперь последнее время это общение сошло на нет... Я иногда замечал

на себе косые взгляды тети Иры или ее зятя, когда приходил в форме с работы. Они опасливо смотрели на меня, боясь сказать чего-то лишнего. Да... Разъединение это произошло именно тогда, когда я после армии устроился служить в НКВД. Почему-то эти четыре буквы наводили настоящую панику на моих соседей. Молодой зять Олежек, живущий с нею и старшей дочкой на одной жилплощаде здоровался со мной сквозь зубы. Подруга детства Танька смотрела мне в след осуждающе, но я старался относиться к этому, как можно проще, просто люди не знают, каким важным делом занимаются в нашей организации, сколько врагов скрывается под личиной благопристойных граждан, какие гадости они творят, иногда занимая самые высокие посты. Одно дело Тухачевского чего стоит? Сколько в высших эшелонах власти нашлось троцкистов и противников режима? А ведь маршалы, генералы? Чего уж говорить о простых людях...

На улице пахло дождем. Земля умытая с ночи парила, поднимаясь клубами мутного плотного тумана. Прогрохотал трамвай по стыкам рельс, подав длинный предупреждающий гудок. Мысленно я пожалел о том, что мне, как младшему чину не положена личная машина. Сейчас бы сел в нее, да покатил бы по утренним, еще не проснувшимся зеленым улицам Харькова, наблюдая в приоткрытое окошко, как прохожие спешат на работу. Но нет... Трамвай пришлось ждать почти двадцать минут. Потом суметь влезть в него, протиснувшись в толпе куда-то к середине площадки.

– Молодой человек, оплатите за проезд!

– У меня проездной... – выдохнул я, пытаюсь втиснуться между крупным солидным дядечкой в очках и такой же габаритной дамочкой с авоськой.

– А аккуратней нельзя! – выдохнула дама, но тут же осеклась, заметив мою форму. – Извините...

– Да, вот еще! Это вы меня простите, ведь это я...

– Нет, что вы, что вы! – покачала головой женщина, и в ее глазах я отчетливо прочитал нешуточный испуг.

Все дорогу молчали. Вокруг меня образовался некий вакуум тяжелого молчания, которого я, впрочем, не замечал, думая о Валентине. Что она сейчас делает? Чем занята? Может быть готовит завтрак своему мужу? Улыбается ему... Помимо воли, я ощутил нешуточный укол беспричинной ревности. Как будто я не знал раньше, что у нее есть муж!

– Вы выходите? – женщина с авоськой затопталась возле меня, подталкивая меня к выходу.

– Да, извините, – очнулся я от своих мыслей, продвигаясь в след за толпой.

Здание НКВД располагалась на главной площади города, по достоверным данным самой большой в мире. Огромное массивное, старинное многоэтажное здание стояло, будто памятник прошедшей эпохи царизма недалеко от маршрутов движения нашего трамвая. Я соскочил с подножки и весело насвистывая какую-то незатейливую песенку двинулся к открытым дверям, у которых стоял конвой с непрони-

цаемым лицом.

– Саня! – окликнули меня сзади. Я оглянулся. Меня догонял Васька Конопатов, примерно мой ровесник, открытый общительный паренек, раньше состоявший на оперативной работе, но с самоубийством товарища Мазо – нашего прошлого начальника, ставший секретарем у секретаря!– А я кричу тебе, кричу, а ты будто не слышишь...

Слегка запыхавшийся догнал он меня, покрасневший, с черным кожаным портфелем под мышкой.

– А ты все еще бумагу мараешь!– кивнул я на портфель.

– Да куда там!– отмахнулся Василий.– Наконец-то сдыхался... Теперь начальник новый, Власенко снова секретарь, а я снова к вам, в опера... так сказать. В поле...

– Это намного интересней!– кивнул я. Мы никогда не были с Конопатовым друзьями, близко не общались, тем удивительнее было, что он вот так запросто решил ко мне подойти и заговорить. Такую перемену в его характере я объяснил просто, раз человек снова из небожителей возвращается в оперативную работу, ему хочется найти хоть какой-то контакт, который будет помогать ему на первых порах.

– Ты нового начальника видел? Говорят его встречать тебя посылал Власенко?– поинтересовался Конопатов, понизив голос до шепота.

– Как будто ты не видел,– отмахнулся я.

– Нет, я-то конечно... Он такой разнос Власенко устроил

вчера! Мама не горюй!— рассмеялся Василий.— И делопроизводство ни к черту! И с бандитизмом не боретесь! И статистика у вас по врагам народа хромает! Нестор Петрович до сих пор, наверное, заикается...

— Суровый мужик,— согласился я.

— А, что же...— оглядевшись по сторонам, словно проверяя, подслушивает нас кто-то или нет.— Он сам или с семьей прибыл?

— Тебе-то что?

— Да, если с семьей, то надолго, а вот если один, то шашкой помахает, да укатит обратно в свою Москву,— прошептал Конопатов.

Почему-то мне стало неприятно от этого вопроса, словно в чужом грязном белье меня заставлял рыться Василь.

— С семьей и собакой!— огрызнулся я.— Доволен?

— Зачем ты так сразу...— пожал плечами Василий.— Я же просто так, интересуюсь...

Больше ни слова ни сказав, я вошел в здание, мимоходом махнув перед часовыми на вахте своей красной корочкой. Позади плелся, обиженно поджав губу, Конопатов, не понимающий почему этот простой вопрос вызвал у меня такую странную реакцию.

Да и я, пожалуй, и сам не мог ответить на этот вопрос. Скорее всего, теперь все, что было связано с Валентиной у меня вызывало поразительное чувство собственности, никак не связанного с приятной или неприятной к спраши-

вающему.

На пороге нашего кабинета нашего кабинета нас встречал встревоженный и немного нервный начальник отдела капитан первого ранга Жидков. Он поминутно вытирал пот со лба красивым носовым платочком домашнего шитья, краснел и тяжело дышал. При виде нас этот невысокий колобкообразный человек, больше похожий на директор продмага средней города, даже подпрыгнул на месте и гневно затопал каблуками форменных сапог.

– Где вас черти носят?– взревел он, потрясая кулаком правой руки. В левой у него находилась коленкоровая папка коричневого цвета с какими-то важными документами. С ней этот плешивый товарищ не расставался никогда, готовый в любой момент записать что-то важное или привести какую статистическую информацию.

– Товарищ...

– Я вам дам товарищ капитан!– заревел он, окинув меня гневным взглядом.– Конопатов? Ты чего там за спиной у него прячешься? Тоже опоздал...

– Я...

– Ты! На восемь назначено экстренное совещание у нового начальника управления, приказано прибыть всему оперативному составу управления, без опозданий...– ядовито добавил он, сверля меня злым взглядом.

– Без трех минут восемь...– пожал плечами я, кивая на

круглые огромные настенные часы, висящие в конце этажа.

– Ты меня еще поучи, сопляк!– рявкнул Жидков, снова промокнув лысину. Видимо, в управлении наступало время больших перемен, если даже начальник оперативного отдела находился в таком нервном состоянии.

– Виноват, товарищ капитан первого ранга!– вытянулся я в струнку, сделав глупое по-военному бесстрастное лицо.– Исправлюсь!

– Идем, нас ждут...

Жидков поманил нас за собой на третий этаж, где располагался наш аппарат управления. Позади Конопатов облегченно выдохнул. Буря эмоций прошла мимо него, а весь удар пришлось принять мне.

Сюда на олимп харьковского управления НКВД мне приходилось подниматься лишь один раз, когда подписывал документы о переводе, поэтому на обстановку царящую вокруг я смотрел с явным интересом.

Из кабинета в кабинет сновали туда незнакомые мне офицеры. Нас, спешащих на совещание, обогнала девушка стенографистка с папкой такого же цвета, как у нашего Жидкова. С капитаном поздоровался какой-то усатый капитан. Приглушенный свет из-за зашторенных окон создавал напряженную, рабочую и немного таинственную атмосферу. Длинная красная мягкая ковровая дорожка была идеально вычищена, от чего в самом ее начале я неловко затоптался, ловя себя на мысли, что было бы неплохо разуться.

Оглянулся на Конопатова, который тоже чувствовал себя слегка неловко. Осматривался по сторонам, словно находился в Эрмитаже, глядя на окружающие стены, украшенные дорогими картинами и скульптурами, как на произведения искусства в музее.

У кабинета начальника стояло два часовых, вооруженных двумя винтовками с примкнутыми штыками. Их я не знал, в отличие от постовых внизу. Взгляд отрешенный, лицо серьезное, того гляди и правда применит оружие по его прямому назначению. При нашем приближении. Один из них выдвинулся вперед, загородив нам проход.

– Начальник караула сержант государственной безопасности Митников. Ваши документы.

Жидков растерялся, засуетился, что-то забормотал себе под нос в поисках нужной бумажки.

– Секундочку... Где же она... Извините... Я...

Я впервые видел, чтобы могущественный начальник оперативной части управления НКВД так трясся перед простым сержантом. Это было настолько удивительно и необычно, что я испытал некое волнение и трепет, что было мне вовсе несвойственно. Да, в управлении действительно наступили другие времена.

– Ах вот она... – Жидков виновато улыбнулся и протянул скомканную телефонограмму начальнику караула. Сержант ее внимательно изучил, несколько минут читал, сверяясь с какими-то своими данными, записанными в блокнот. А по-

том отступил в сторону, уступая нам дорогу.

– Товарищ майор ждет вас!– по кивку его головы второй из караульных распахнул двери кабинет, впуская нас в холодный полумрак помещения. Не знаю уж почему, но и тут тяжелые зеленые шторы были задернуты. На столе горела одинокая лампа под зеленым круглым абажуром. Под этим неярким светом что-то писал всемогущий Секретарь товарищ Власенко. Он поднял на нас свои блеклые серые глаза и сухо кивнул на дверь, приглашая нас войти.

– Вас ждут...

И только сейчас я осознал, что меня слегка потряхивает от волнения. Не каждый раз простого оперативника вызывает на ковер столь высокое начальство. Особенно это страшно ощущать, когда не знаешь за пряники ты вызван или кнутом тебя огреют через всю спину с потягом, словно нашкодившего кота.

Выдохнув, будто прыгая в глубокую воду, Жидков шагнул в кабинет, где сидел уже знакомый мне товарищ Коноваленко. Он работал над какими-то бумагами, что-то внимательно читая. Вид его был уставший, словно предыдущую ночь спать ему не пришлось, а может так оно и было на самом деле. Я с удовольствием отметил, что выглядит он намного старше своей жены. Красавица и чудовище... Подумалось мне, и я инстинктивно расправил плечи, будто желая выглядеть лучше, чем мой придуманный соперник.

– Капитан госбезопасности первого ранга Жидков по ва-

шему приказанию прибыл!— бодро доложил наш командир, выпятив грудь колесом, насколько это было возможно с его колобкообразной фигурой.

— Присаживайтесь, товарищи,— кивнул Коноваленко, кивая на соседние стулья. Бумагу, что он читал, начальник управления отложил, зато достал из папки на столе новый документ, подав его нам,— читайте...

Жидков чуть дрогнувшей рукой взял бумагу и зашевелил губами. Потом передал ее сидящему рядом Конопатову, и лишь через вторые руки она досталась мне.

Начальнику Управления Наркомата Внутренних Дел по Харьков и Харьковской Области товарищу Коноваленко А.В. строго секретно. В сложившейся ситуации в столице Украины, разгуле бандитизма приказываю принять меры по сохранению валютно-золотого резерва республики Украина. Обеспечить в недельный срок выполнения мероприятий по профилактике и искоренению бандитизма в городе Харькове и его районах, а так же принять меры по перевозке валютно-золотого резерва в здание Управления НКВД до поступления особого распоряжения наркомата.

Нарком НКВД тов. Ежов.

— Что скажите, товарищи?— поинтересовался Коноваленко, когда все прочитали телеграмму до самого конца. Жидков облизнул полные губы и вытер пот со лба, который теперь катился по его плешивой голове крупными градинами.

— Это...э...это серьезное мероприятие,— проглотил встав-

ший комок в горле Жидков, отдавая назад телеграмму из Москвы.

– Ответственность не менее серьезная ложится на нас, как на исполнителей данного распоряжения, поверьте мне..– Коноваленко устало потер виски, снимая усталость после работы с документами.

– Я внимательно изучил материалы дела по грабёжам. Оперативная работа по ним практически не проводилась нашими силами. Никаких данных нет! Как вы это можете это объяснить, товарищ Жидков?

– Я...Понимаете, товарищ майор! Грабежи и бандитизм – это сфера компетенции скорее милиции, чем органов госбезопасности. Вплотную этим делом мы стали заниматься только лишь вчера. Никакой информации наработать еще толком не сумели. Единственное, что мне стало понятно, что несколько организованных нападений на конвои перевозящие ценности это звенья одной цепи, дел рук одной банды...

– Замечательный вывод!Отлично! И это говорит мне начальник оперативного отдела республиканского управления! – ехидно улыбнулся Коноваленко.– Думаю, что такие вывод сделал бы и школьник... Что скажите вы, оперативные работники?– обратился он к нам с Конопатовым, который лишь опустил голову ниже, уткнувшись в столешницу. Пришлось отдуваться за всех именно мне. А что делать? Спрашивать что-то с Конопатова невозможно. Парень только из секретарей вчера к нам перевелся. Жидков трус, того и гля-

ди сознание потеряет от грозного рыка нового начальника.

– Все нападения совершены при перевозке ценностей из одного хранилища в другое, в наиболее уязвимых местах маршрутов движения конвоя. Из этого легко сделать вывод, что банда точно знала маршрут перевозки и могла выбрать место для нападения. А откуда она могла знать маршрут? Только из первых уст. Кто-то осведомленный передает информацию банде...

– Уже лучше!– отметил Коноваленко, задумавшись.– Кто был осведомлен о маршрутах перевозки государственных ценностей?

– Милиция,– подхватил мою идею торопливо Жидков.

– Мы...– добавил Конопатов, слегка вздрогнув от звука собственного голоса.

– И госрезерв!– заключил я. – Где-то в этих трех организациях сидит «крот», которого нужно вычислить, через него есть шанс выйти на банду, ну или в крайнем случае предотвратить дальнейшие нападения.

– Отлично, товарищи!– похвалил нас Коноваленко.– Значит делаем следующим образом, товарищ Жидков...

– Я!– приподнялся на стуле капитан, у которого наступило чувство некоего облегчения, когда он понял, что никто прямо сейчас его расстреливать или снимать с должности прямо здесь не будет.

– Вы займетесь составлением планом перевозки золотиwa-

лютного резерва республики. К среде мне необходимо знать все... Вплоть до количества человек охраны и их послужного списка, а так же маршрутах перевозки и прочего.

– Слушаюсь, товарищ майор первого ранга!

– Товарищ Конопатов займется организацией упреждающего удара...

Василий непонимающе и удивленно поднял свои кустистые брови.

– Наверняка, у милиции есть данные, где в городе собираются преступные элементы, уголовная элита Харькова. Необходимо устроить сплошную облаву. Может кто-то видел из них что-то, слышал про такую удачливую банду. Работа кропотливая, но нужная.

– Есть!– обрадованно согласился Василий.

– Ну, а вам товарищ Клименко достается самое сложное...– улыбнулся майор.– Искать предателя!

Вскакивать я не стал, просто понимающе кивнул, удивляясь собственной наглости. Коноваленко при всех своих плюсах был мне глубоко неприятен. От одной мысли, что этой самой рукой он касался Валентины, которой крутил в пальцах карандаш, меня начинало трясти. Но вместе с тем, я понимал и то, что он является моим начальником и деться от этого обстоятельства некуда.

– Слушаюсь!– выдавил я из себя, опустив глаза в стол.

– Совещание окончено...Завтра прошу с результатами ко мне.

Коноваленко встал, давая понять, что прием окончен. После него осталось двойственное впечатление. С одной стороны я гордился тем, что мне поручили самую ответственную и важную миссию, а вот с другой... Господи, мне ужасно хотелось увидеть снова Валечку, и начинать свой розыск я решил именно с посещения ее.

ГЛАВА 5

После прошедшего совещания товарищ Власенко подождал пока все разойдутся и, лишь оставшись в кабинете в полном одиночестве, набрал заученный наизусть номер, состоящий из четырех цифр. Прозвучал в трубке длинный гудок, а потом молодой голос девушки оператора поинтересовался о цели звонка.

– Добавочный ноль пять, – сообщил ей Власенко, покусывая от волнения нижнюю губу. В столь высокие кабинеты он звонил редко, а если быть точным, то вообще первый и единственный раз сегодня.

– Соединяю... – опять три длинных гудка и через паузу в трубке возник суровый мужской голос.

– Слушаю вас... – сообщили на том конце.

– Добрый день, беспокоит вас товарищ Власенко из Харьковского УНКВД, – представился Нестор Петрович.

– Власенко? Не помню такого... Что нужно?

– Понимаете... Тут такая ситуация, что я не могу вам не просигнализировать, как коммунист, как ответственный товарищ о том, что творится в нашем управлении с приходом

товарища Коноваленко...

– Ближе к делу... Вы же понимаете кому звоните.

Нестор Петрович замер с трубкой у уха и затих, прекрасно представляя последствия того, чем все может для него закончиться, если на том конце правительственной связи решат, что причина их побеспокоить была не достаточно веская.

– Понимаю, товарищ...

– Не надо имен... Говорите.

– Товарищ Коноваленко получил сегодня распоряжение о перевозке всех ценностей госрезерва республики в здание управления НКВД. Бросился его рьяно выполнять, тем самым поставив под угрозу сохранность данных ценностей. Считаю, что пока не поймана банда преступников, промышляющих нападением на инкассацию, перевозка госрезерва осуществлять не стоит. Я, как коммунист, не мог остаться в стороне, увидев какую большую глупость совершает мой новый начальник, сообщил ему об этом, но он меня и слушать не захотел!

– Коноваленко значит... – задумались на том конце провода. Сердце тревожно забилося в груди Власенко. Сейчас или никогда! В их организации снимали погоны только вместе с головой, уж такая тут была собственная специфика. – И как вы хотите, чтобы наркомат отреагировал на данную информацию? – в голосе собеседника Нестора Петровича слышалась легкая насмешка.

– Я, как ответственный работник, член партии с 1928 года...

– Оставьте, эту ересь для юных пионеров... Организуйте негласное наблюдение за товарищем Коноваленко, – отдал распоряжение неизвестный голос в трубке, – если будет какое-то подозрение, то обязательно сигнализируйте нам, мы примем меры...

В трубке послышались короткие гудки, там, в Москве разъединились, а Власенко так и сидел с телефоном возле уха, пытаясь унять бешено колотящиеся сердце. Ему сегодня несказанно повезло, ведь этот разговор мог закончиться совершенно по-другому. И уже через пару минут из этого кабинета Нестора Петровича вывели бы в наручниках в неизвестном направлении.

Через силу он улыбнулся, глядя пустым взглядом куда-то в простенок.

– Нестор Петрович... – из кабинета Коноваленко вышел немного уставшим, прихрамывающим на правую ногу – болезненный след гражданской войны.

– Слушаю, товарищ майор! – Власенко нацепил на лицо одну из самых своих заискивающих улыбок, вскочил со своего места, внимательный и осторожный.

– На сегодня уже хватит работы, – сообщил ему Андрей Викторович, – мы и без того уже шестнадцать часов не выходили из этого здания, кажется, нам обоим пора отдохнуть. Мою машину к подъезду, а дежурному доложите, что я на

телефоне дома. Пойду отосплюсь, хоть немного. Иначе сил совсем не осталось...

– Не бережете вы себя, товарищ майор. Вот Соломон Савельевич все так же...ночь, полночь все за бумагами, да за бумагами...А жить-то когда?– Власенко после сегодняшней маленькой победы не мог не позволить себе эту маленькую шпильку в адрес начальника.

– Спасибо за заботу, Нестор Петрович,– кивнул Коноваленко, поморщившись, прекрасно понимая намек своего личного секретаря, но не подав при этом вида,–как изведем всех преступников и врагов революции, так и отдохнем.

Начальник управления харьковского НКВД медленно вышел из кабинета, наградив Секретаря долгим пронзительным взглядом, который так же был понят именно так, как должно...Мол, мы тоже не лыком шиты, тоже все понимаем...Когда дверь за начальником закрылась, Власенко позволил себе расслабиться. Заискивающая улыбка медленно сползла у него с лица, как весенний тающий снег со стылой земли.

– Ссука...– прошептал зло в пустоту Нестор Петрович, чувствуя, как ненависть к этому человеку растекается у него по груди горячей волной гнева. Коноваленко был очень опасным противником, которого стоило опасаться, в отличие от Мазо, который ему безгранично доверял и которого можно было легко провести на мякине.

Власенко взял трубку, набрав короткий номер отдела

негласного наблюдения. Совсем недавно его начальник капитан третьего ранга госбезопасности Пуцко попал в очень неприятную ситуацию с валютными операциями. Все вскрылось, до суда чести он мог не дожить, в НКВД короткий разговор с пятнающими ее честь офицерами, но власти всемогущего Секретаря хватило, чтобы не только замять это дело, но и сохранить за Пуцко его погоны и пост. Он был ему обязан жизнью, а значит, готов выполнить любое поручение Нестора Петровича. Именно этим он и решил воспользоваться.

– На проводе, Пуцко!– после пары длинных гудков капитан отозвался на том конце провода.

– Это Власенко...

– Да, Нестор Петрович.

– В Москве обеспокоены тем, как устроился на новом месте товарищ Коноваленко. Мне только что пришло распоряжение из наркомата проверить нравится ли ему город, нет ли никаких проблем у нашего нового начальника, бытовых, семейных, рабочих... Мало ли что? Человек он новый, с тонкой душевной организацией, первому встречному жаловаться на жизнь не будет... А помочь товарищу в процессе адаптации мы обязаны, как вы считаете, товарищ капитан?

На том конце провода установилось гробовое молчание. Пуцко реально оценивал, чем ему грозит просьба всесильного Секретаря, если негласное наблюдение провалится и все вскрыется. Тогда точно придется только лишь стреляться в своем собственном кабинете, следуя примеру Мазо.

– Я...

– Вы, товарищ Пуцко, человек надежный проверенный,— торопливо, не давая опомниться, заговорил Власенко,— сами попадали в разные ситуации неприятные., но сумели доказать, что помыслы ваши чисты, а все поступки направлены на процветание нашего социалистического государства и его жителей...

Сволочной Секретарь все же напомнил, Пуцко, что кое-чем ему тот обязан. Начальник отдела негласного наблюдения тяжело вздохнул, понимая, что, если следовать старинной русской пословице, попал в колесо – пищи, да беги...

– Сегодня же мы посмотрим, что можно сделать...

– Отлично!— обрадовался Власенко.— Это должны быть самые проверенные и надежные товарищи, скажите им, что Родина их не забудет!

ГЛАВА 6

Сумерки сгущались над городом, окутывая Харьков плотным серым покрывалом. В неясном свете фонарей тени вокруг виделись длиннее и более устрашающе. Василий Конопатов шагал домой значительно припозднившись с работы. Мысль о том, что необходимо предупредить о совещании у начальника Кола не давала ему покоя. Только где же его искать-то? На последней хате его не найти. Он сам объявил об этом при последней их встрече. Шурочка для него пройденный этап, как он сам признавался, меняя таких шурочек одну за одной, не оставаясь вместе со своими приближенными

больше двух дней на одном месте. Харьков – город большой, ищи свищи его, как ветра в поле...

Особенно остро их связь Василь почувствовал именно сейчас, когда опасность оказаться за решеткой стала наиболее явственна. Теперь назад пути не было, он слишком плотно оказался связан с Колом, слишком сильно впутан в его грязные делишки, а всему виной была Марьяна.

Он с неудовольствием вспомнил свою сестру, которая когда-то очень давно познакомила его с вором, сгинув где-то в очередной пьяной драке, на одной из блат хат, где-то на окраине города. Еще никогда он не думал о ней с такой ненавистью.

– И не страшно тебе гулять по ночным улицам одному, гражданин начальник, – Конопатов ничего не успел толком сообразить. Его тело вдруг отбросило в сторону, рот оказался зажат крепкой мозолистой ладонью, пропахшей табаком-самосадам.

Василь испуганно дернулся, замычал, попытался вырваться, но хватка у неизвестного была почти смертельной.

– Тише, начальник... тише...

– Ммм...

– Чего ты там мычишь? – только сейчас, поняв, что убивать его никто пока не собирается, Василь успокоился, узнав знакомый голос.

– Кол! – воскликнул он, не понимая, то ли радоваться ему, то ли бояться того, что вор сам на него вышел, когда ладонь

исчезла с лица, дав возможность глубоко вздохнуть.

– А то кто же...– хватка ослабла, сильным толчком Конопатова выпроводили из подворотни под свет уличных фонарей. Он покачнулся, но сумел удержаться на ногах.

– Я только думал о тебе...

– Отлично! Я тоже надеялся, что ты принесешь в клювике своем обещанную информацию,– самого вора Конопатов не видел. Тот старался держаться в тени подворотни. Видимо, не доверял, то ли по своему странному обыкновению, как всегда перестраховывался.

– Я все узнал!

– Это отличная новость, гражданин начальник, базлай...

– В управление пришла бумага из Москвы...

– Меня не интересуют ваши малявы друг другу!

– Ты не понял!– торопливо перебил его Конопатов.– своими нападениями вы навели шороха не только в Харькове, это все ушло наверх, и там нешуточно обеспокоены. Пришел однозначный приказ вас поймать...

– Ловилка еще не выросла,– самодовольно хмыкнули в темноте.

– Вами занялись всерьез, а пока ценности госрезерва республики решено переправить в здание Управления, а там, как ты понимаешь миллионы...

– Уже лучше, гражданин начальник! Когда повезут червонцы?

– Ты не понимаешь?!– психанул Василий.– Вас ловят все!

Милиция, мы, все! И если вас поймают, то нам обоим вышка! Расстрел! Отдай мою долю и давай расходиться. Валите из республики, куда хотите...

– Ох, какие мы грозные... – в тишине почти пустой улицы, где-то во мраке подворотни оглушительно звонко щелкнул взводимый курок. Почему-то Василь был уверен, что его ствол сейчас был направлен ему в грудь.

– Вы же понимаете, что будет, если вас поймают? Социалистическая собственность в особо крупных размерах... Расстрел! В лучшем случае ГУЛАГ почти пожизненно!

– Нам не привыкать, малыш, к этому... Когда повезут деньги?

Конопатов выдохнул, чувствуя, как подгибаются его колени. Он не мог стоять! Да, он боялся! Боялся Кола больше всего на свете! И этот страх был не более объясним, как клаустрофобия или еще что-то. Смерть, глупая смерть от рук этого упыря приводила его в ужас.

– Они... Управление готовит облаву, ее исполнение поручено мне... Только после нее повезут деньги. Так сказать, хотят минимизировать риски...

– Отлично, начальник! Просто в цвет...

– Чему ты радуешься, урод! – сорвался Конопатов. – А если во время облавы кого-то из твоих кретинов или тебя самого зацепят? Что тогда?

– Тогда ты застрелишься, мусор, как и положено тебе, – рявкнули в ответ из темноты.

– Я...жить хочу!

– Все хотят, дурачок! А хорошо жить, хотят единицы. За хорошую жизнь бороться надо, поступки совершать! А не ныть и стенать, как баба...

– Что мне делать с облавой?– плечи Конопатов опустился обессиленно вниз, он, как будто, из него вытянули какой-то внутренний стержень. Василь устал бояться, устал бороться и жить в постоянном страхе за свою жизнь.

– Делай свою облаву. Мусорам надо подкинуть тоже чего-то на хлебушек, чтобы они успокоились и спокойно повезли деньги... Вот тогда, мы сможем сорвать самый большой куш, который когда-либо срывали бродяги вроде нас с тобой,– мечтательно причмокнул губами Кол в темноте, но Конопатов настолько ясно и четко представил перед собой его довольное лицо, что его слегка передернуло.

– Не тебя же мне ловить-то?– возмутился Василий. Сердце немного успокоилось в груди. Наступило что-то вроде тупого онемения, как будто плевать ему стало и на свою жизнь, и на только-только начавшуюся карьеру, вообще на все, осталась там, внутри только глубокая сосущая пустота.

– Конечно не меня!– рассмеялись в ответ из темноты.– Кишка тонка меня поймать! Бритву знаешь?

– Какую бритву?

– Б...ть! Не опасную же! Босяк есть один на Кирова, погнало Бритва... Он иногда промышляет разбоем, а так квартирки чистит зажиточных советских граждан, все нищие под

его контролем побираются, вообще авторитетный человек. Власть имеет...

– Ну...

– Колено гну!– цыкнули разозлено на него из темноты.– Ему в тюрьму резона идти нет, накосячил он перед ворами сильно, недовольны они, а в тюрьме и на пересылках их власть... Так что барахтаться будет до последнего патрона. Обставь все так, будто он кипеш с инкассацией навёл, а я тебе его адресок скину. Только смотри сам под пулю не угоди, Бритва фраер ещё тот...

– Спасибо за заботу,– кивнул нелепо Конопатов.

– Трудись, родной! Всё на благо Родины!– из темноты подворотни засмеялись, уже не особо скрываясь.– Бритва работает на Кирова, но хаза его в посёлке Халтурина. Знаешь где?

Василь кивнул, раздумывая над предложением Кола. Если план вора удастся, то и его ждёт неплохое повышение по службе, плюс уважение товарищей, которое он слегка подрастерял, согласившись на должность секретаря у Власенко, когда тот был у власти. А если выгорит ещё с госрезервом... Что тогда? Тогда останется только бежать? Куда? Союз большой, есть где развернуться, а ещё лучше махнуть в Ленинград, а оттуда через Финский залив к финнам. Говорят, что с деньгами в их капиталистической стране жить можно... Что его тут держит здесь? Да ничего!

Его мысли прервал на самом интересном хриплый голос вора.

– Вот за Немышлей его зазноба и живёт, повезёт пристяжными ещё кого-то возьмёте. Их там много обитают.

– Спасибо, – кивнул Василь.

– Иди уж... Темно на дворе, бандиты бродят... – глумливо заботливым голосом посоветовали ему.

Василь спорить не стал. В голове уже начал складываться план предстоящей операции. Для начала окружить посёлок. Для этого понадобится милиция и рота НКВД полка охраны. Своим оперсоставом выдвинуться к дому, естественно предложить сдаться. Бритва откажется и тогда...

Что будет тогда думать не хотелось, слишком опасно. Приятнее всего мечтать о том, чем вся эта история может закончиться. А новый начальник управления, по слухам, мог не только наказывать, но и выдвигать особо способных, к коим Конопатов себя несомненно относил. Черт с ним с риском, игра стоила свеч!

ГЛАВА 7

Валентина сделал шаг вперёд. Вокруг царила непроницаемая темнота. Лишь под ногами еле заметно светилось пятно бледного света. Она сделала ещё один робкий шаг вперёд, потом ещё один.

– Здесь есть кто-нибудь? – спросила женщина дрожащим от страха голосом. Страх пришёл сразу, как только она оказалась в этом непонятном и жутком коридоре. Со стен капало, было зябко. По коридору, словно в стерео трубе гулял надрывный ледяной ветер. – Здесь есть кто-нибудь? – повто-

рила она свой вопрос.

В ответ оглушительно громко, отталкиваясь от каменных стен звонким эхом, прозвучал чей-то надрывный смех, вызвавший новый приступ мурашек на коже.

– Ответьте!– чуть не расплакалась она, гневно топнув ножкой, которая неожиданно потеряла опору, зависнув на секунды в воздухе, вокруг будто включили прожектор огромной мощности. Мир вспыхнул жёлтым светом, и Валя вдруг поняла, что стоит на узкой тонкой балке, а вниз, куда хватает взгляда простирается непроглядная гнетущая пустота, которая только что была вокруг неё. Женщина сумела удержать равновесие усилием воли, заставив себя не кричать от охватившего её ужаса.

– Ответьте же...– она сделала осторожный шаг вперёд. Женщина почему-то была уверена, что в темноте вокруг кто-то таится и непременно желает ей зла.– Я...

Балка начала трещать по швам. От её цельной основы оторвался сначала небольшой кусок бетона, потом раздался оглушительный треск, и её насквозь прошла длинная глубокая борозда трещины. Балка закачалась, грозя вот-вот рухнуть в черную зовущую пустоту.

– Нееет!– прокричал Валентина, чувствуя, как ноги теряют опору. Тело женщины качнулось из стороны в сторону, готовое рухнуть вниз...И тут она проснулась.

Никакой черноты, никакого коридора и балки не было. Только ее новое жильё...очередная квартира за последние

несколько лет карьерного взлёта мужа, очередное наследство от попавших в жернова конторы людей. Как они в ней жили? Были ли счастливы? Любил ли застрелившийся Мазо свою жену? Были ли у них дети? Часто ли гостили друзья?

Валентина встряхнулась, словно сбрасывая с себя остатки кошмара. Спать в спальне предшественника своего мужа она не могла. Ей все время чудилось, что Соломон Мазо и его жена, сгинувшая в лагерях ГУЛАГа наблюдают за ней из-за шторы у окна, слегка посмеиваясь над наивностью новых хозяев. Мол, вы намериваетесь тут задержаться, а, нет, ничего не выйдет...

Женщина устало потёрла глаза, поставив кипятится чайник. Кошмары преследовали её с того момента, как она переступила порог этой квартиры. Осложняло все это ещё и отсутствие мужа, который днями и ночами прибывал на работе. Звонить он ей туда запретил, приходить тем более... Вот и выходило, что выкручиваться надо было самой.

В замке зашуршали, вставляя ключ.

– Господи, Андрей... – она бросилась в прихожую, торопливо щелкая замками. – Андрюша!

– Привет, – хмуро встретил он ее на пороге, так и не найдя нужного ключа.

– Андрюш! – она бросилась ему на шею, еще находясь под впечатлением ужаса ночного кошмара.

– Хватит...хватит, Валентина, – отстранил он ее устало, снимая форменный китель, – что случилось?

– Ты не представляешь какая тут жуткая квартира! Это еще хуже, что была у нас Остоженке в Москве!

– Не преувеличивай, дорогая,– улыбнулся Коноваленко, двигаясь на кухню,– у тебя так каждый раз на новом месте...

– Но...

– Ты лучше скажи, что у нас на ужин?– хмуро осмотрел пустой стол начальник управления НКВД.– Я жутко устал...

– Андрей...

– Ничего, как всегда...

– Андрей!

– Я, пожалуй, посплю пойду...

– Тебе плевать на меня?– возмутилась Валентина, перегородив дорогу своему мужу, направляющемуся в спальню.

– О чем ты?

– А о том, что я уже двенадцать лет бегаю за тобой из города в город, из района в район, а ты делаешь карьеру! Постоянно эти ведомственные дома, сменяющие одни другие, мы несёмся из одной республики в другую и обратно, даже не задерживаясь где-то больше года. И все это время я здесь одна, готовлю тебе поесть и жду... Я все время жду тебя вместе с этой атмосферой могильников, которая витает в этих съемных квартирах!

– По-моему, ты слишком перенервничала...

– Я одна! Слышишь! Одна! Тут не то, что перенервничаешь, тут впору с ума сойти!

– Валя...

– Что, Андрей? Когда ты звал меня замуж, то клялся, что никогда меня не оставишь, будешь заботиться обо мне, а в итоге? В итоге наш сын растёт с бабушкой, я, как затворница торчу в квартире, а ты строишь карьеру...

– Я хочу, чтобы вы были счастливы, – вздохнул Коноваленко, понимая, что ссоры не избежать.

– Что-то у тебя не очень-то получается, – хмыкнула Валентина, уступив дорогу мужу в спальню. Так было всегда. Она злилась, ругалась, пыталась бороться, но в итоге карьера всегда побеждала. На глаза накатили слёзы. По щеке сбежала слезинка, потом еще одна и еще. Ей стало душно.

– Извини... – покачал головой Коноваленко, выйдя из кухни.

Что ей его извинения? Будто они могли что-то изменить? Что она видела за все время их долгого брака? Череду квартир? Редкие минуты счастья и внимания, когда родился Глеб?

Валентина вышла замуж первый раз в восемнадцать лет. Её избранником стал близкий друг семьи, который на тот момент показался ей довольно неплохим вариантом. В это время умер отец, ей нужно было на кого-то опереться, иметь опору... И что вышло из этого брака? Ничего...

Спустя пару лет она встретила Андрея. Вариант с безумно, как ей тогда казалось, влюбленным в нее перспективным офицером ЧК, показался ей выходом из их бедственного семейного положения, когда она на своих плечах одна тянуло

и престарелую мать, и сестру, которая ещё училась в школе. Любила ли она его? На этот вопрос даже сама Валя не знала ответа. Андрей был надёжным и...И что ещё? Она не понимала. Он смог подарить ей сына, опору, которой ей так не хватало, но измученное долгим ожиданием настоящей яркой, как вспышка любви, сердце требовало чего-то иного, пусть не такого надёжного, но любимого...

Вечное ожидание его с работы, редкие разговоры по душам, недостаток внимания, все это копилось внутри неё долгие годы, превращаясь в неотвратимый снежный ком, застрявший где-то в груди и готовый, как гнойный нарыв прорваться наружу.

Он все время работал...Днями и ночами Коноваленко пропадал в своём НКВД, объясняя ей что строит карьеру, что осталось немного потерпеть и все наладится. Но ничего не налаживалось, он оставался не любимым, а попрежнему лишь надёжным, а вместе с новой должностью в наркомате внутренних дел, исчезал лишний час их уединения, когда они могли быть вместе, наслаждаясь обществом друг друга. Они всё дальше и дальше становились друг от друга. В какой-то момент, даже не обсуждая это, перестав спать вместе. Андрей уходил засветло, приходил поздно ночью, когда Валентина уже спала, и создавалось впечатление, что то, что между ними уже мало напоминает семью, скорее вынужденное сожительство.

Все это, как киноплёнка, пронеслось в голове Валентины,

сидящей за столом на огромной неуютной кухне новой квартиры.

– Господи...какая же я дура...– прошептала она, обхватив свою голову руками. Осознание того, что на всех отправных и главных точках своей жизни она повернула не туда оглушило её, будто ударом обухом топора. Захотелось напиться...Просто напиться до умопомрачения, чтобы утолить боль, чтобы забыть все, чтобы исчез этот противный сладковатый запах покойника, который витал по этой чертовой квартире. Захотелось дышать...Она потянулась к форточке, дёрнула на себя, но фрамуга не подалась, закрашенная намертво толстым слоем краски, лишь надрывно скрипнула, сочувствуя одинокой женщине.

– Подышать...– выдохнула Валентина, ослабляя завязки на своей очень дорогой кофточке, привезённой мужем из командировку в Запорожье.– Воздуха...

Она рванулась в коридор, все ещё путаясь в лабиринтах незнакомого жилья, с трудом нашла в потёмках выход, не включая свет, боясь, что именно сейчас, в этот момент, сюда же выйдет Андрей, и ей придётся ему что-то говорить, что-то объяснять...

Нет...она не могла. Перед глазами возник образ сына, оставленного перед самым переездом в Харьков на время у бабушки в деревне. Валентина обязательно его заберёт, как только все устроится. Устроится ли?

Перепрыгивая через ступеньку, совсем как девчонка, спе-

шащая на свидание, она спустилась вниз. Распахнула дверь подъезда вдыхая свежий воздух влажного, умытого дождём города.

Наконец...

– Сегодня чудесная погода... – окликнул её звонкий голос откуда-то со стороны лип, росших возле небольшой детской площадки. Валентина вздрогнула и медленно повернулась, уверенная в том, кого увидит на узкой скамеечке с высокой спинкой. Ощущение того, что она стоит на пороге чего-то грандиозного вдруг пришло к ней, принесённое именно этой по-детски наивной интонацией и ароматом душистых лип.

Я не знаю, почему я пришёл к дому, где была квартира Коноваленко. На что надеюсь? Чего ожидаю? Мне просто захотелось хотя бы на время оказаться где-то неподалёку от женщины, которая вот уже сутки не выходила из моей головы. Я шёл и думал о ней, писал отчёт и думал о ней, ел и мечтал о нашей встрече, спал, а она мне снилась. Валентина полностью захватила мои мысли и чувства, меня тянуло именно к этому дому, чтобы хоть краем глаза, увидеть её силуэт в окне, услышать её чудесный голос, а если повезёт, то и поговорить.

Когда она выскочила взъерошенная из парадной, будто сбежавшая из плена в одном ситцевом платье. Я даже не сразу поверил своим глазам, настолько это было поразительным и чудесным, что даже не верилось... Через силу я окликнул её, сморозив какую-то банальность.

– Сегодня чудесная погода...– уверенный, что она мне не ответит, что даже не помнит меня.

– Добрый вечер, товарищ лейтенант!– улыбнулась Валентина мне, сделав шаг в мою сторону. Мне в тот момент показалось, что её голос немного дрожит.

– Здравствуйте,– я неловко встал, оправился, заметался в поисках фуражки, свалившейся за скамейку, пока дежурил под ее окнами, ожидая неизвестно чего.

– Вы к моему мужу? Вестовой?– уточнила она, приблизившись настолько близко, что я мог разглядеть в уголках её глаз прозрачные капельки слезинок. Валя это заметила и торопливым движением ладони смахнула их с лица. Моё сердце взвыло от нежности к ней, мне захотелось провести рукой по её щеке, прижать к себе, шепча ласковые слова.

– Вы к мужу? Тогда почему не поднимаетесь?– повторила она свой вопрос, ибо я торчал столбом бессмысленно хлопая глазами, не в силах вымолвить хоть слово.

– Я? Я нет...Я сам...

– Что?

– Я гулял просто, решил передохнуть...– кое-как оправдался я, опустив глаза в каменную брусчатку улицы.– Тут у вас хорошо! Липы всякие...

Она рассмеялась чистым звонким смехом, и от её улыбки мне стало так горячо, будто сейчас был не поздний вечер, а раскалённый полдень, и солнце с небес готово было меня испепелить.

– Липы всякие это, конечно аргумент...– покачала головой она, отсмеявшись.– Вы позволите нарушить ваше уединение?– кивнула она на скамейку, рядом с которой я топтался, как первокурсник на первом зачёте.

– Что? Ах, да... Конечно!– я смахнул невидимую пыль и присел рядом, стараясь держаться поодаль. Неужели, идя сюда, чтобы поглазеть на окна Валечки, я мог подумать, что вот так вот запросто смогу с ней сидеть рядом, вдыхать аромат её духов, слышать её лучистый смех.

– И давно вы тут сидите?– спросила она, глядя куда-то вдаль, где по широкой улице медленно гроыхал трамвай, везя запоздавших со смены рабочих по своим домам. Женщина проводила его грустным взглядом.

– Часа три...– ответил я правду, краснея, как мальчишка.

– Липы дело такое! Затягивает...– улыбнулась Валентина, оправляя чуть сбившееся на коленях платье. Я пораженно уставился на идеальный изгиб её коленей, лёгкий загар уходящий от самой щиколотки вверх, к недосыгаемым сокровенным местам. Тяжело сглотнул, во рту сразу стало сухо. Сердце испуганно бахнуло в груди, со всего размаха ухая куда-то в пятки. Я боялся дышать, чтобы не спугнуть это сладкое мгновение, когда мы с ней остались наедине. – А я вот решила прогуляться перед сном... На липы посмотреть...– мне пришлось кивнуть, что говорить я не знал, просто чувствовал, что делать ничего не надо, что иногда лучше вот так вот промолчать, наслаждаясь тишиной, понятной без всяких

глупых и никому ненужных слов. Это же настоящая судьба! Именно она направила меня сюда, чтобы я увидел Её!

– Мне пора... – через пять минут нашего молчания Валентина встала, подавая мне руку. – Рада была увидеться, Александр!

Надо же! Она запомнила, как меня зовут! Она знает! Счастливее, чем я в этот миг в мире не было человека.

– Мне... я тоже... Доброй ночи! – выдавил я из себя что-то разумное. Валя улыбнулась.

– Я, пожалуй, пойду.

– Да-да... идите... То есть...

– Что? – она повернулась ко мне, глядя мне прямо в глаза, и от этого взгляда мурашки побежали по коже.

– Вы... Валентина... Может, я вам как-нибудь покажу наш город? – выпалил я, сам испугавшись своей смелости. Вот еще! Нужен ей, такой красивой, умной, привлекательной какой-то лейтенант! – Извините... – торопливо попросил я прощения. – Просто вы человек в Харькове новый, а я здесь живу с рождения... У нас очень красивый город!

– Я уверена в этом! – усмехнулась она, как мне показалось с легкой горечью. – Ничего не могу обещать, но, если мне вдруг захочется на экскурсию, то я обязательно вас найду.

– Как? – округлил я глаза от удивления.

– Вы забываете, кто мой муж, Александр... – покачала головой Валентина, направляясь к подъезду. Я не мог отвести от неё своего взгляда, пока она не скрылась за корич-

невой дверью парадной, своим скрипом приведшей меня в чувство. Что за день сегодня?! Что за липы?! Я по-детски подпрыгнул, взвизгнув совсем уж неприлично для офицера НКВД. Направился домой, ощущая, что поспать мне сегодня от бури эмоций, бушевавших в моем сердце, не придётся.

Едва дверь за Вале́й закрылась, грохнувшись о косяк. Она прижалась к стене, чувствуя, как сердце пытается выпрыгнуть из её груди. Подниматься наверх к мужу ей совсем не хотелось. Перед глазами все плыло, тело пылало, соскучившееся по ласке, а эти влюбленные серо-зеленые глаза лейтенанта сводили с ума, заставляя думать вовсе уж о неприличном. Липы... Усмехнулась она, так и стоя с закрытыми глазами посреди парадной, прижавшись к холодной кирпичной стене. Липы... Какие к черту липы? Его глаза говорили больше, чем он сам. Взгляд молодого парня пожирал её, заставляя алеть давно не красневшие щеки кумачовым цветом. Конечно, у них ничего не может быть! Она замужняя женщина, жена его командира... Но, Боже, как же приятно быть нужной, любимой, желанной, той, ради которой можно три часа сидеть на лавочке перед домом, не надеясь на встречу...

– Липы... – Валентина еще раз улыбнулась и медленно пошла наверх. Андрей, наверное, уже спит, не стоит его будить. Шаги её становились осторожнее и тише по мере того, как они приближалась к своей квартире.

Муж не удосужился даже закрыть за ней плотнее дверь. Она оставалась полуприкрытой все это время, показавшееся

Валентине вечностью. Но кто же станет обкрадывать начальника республиканского управления НКВД? Разве что сумасшедший какой-то!

Свет по всей квартире был потушен. Из комнаты супруга доносилось надрывное сопение. Теперь спать... Уговорила сама себя Коноваленко. Аккуратно, чтобы не скрипнули пружины на старом диване, она легла в зале, по шею накрывшись пуховым одеялом, как в детстве. Последней её мыслью перед глубоким и крепким сном были лейтенант, который так застенчиво и мило улыбался ей под липами.

ГЛАВА 8

Валечка...Валюша...Её улыбчивое лицо стояло у меня перед глазами, грустный взгляд и слегка наклонённая на бок голова, украшенная светлыми кудряшками. Чудесный голос звучал в голове, как набат. И пусть мы с ней поговорили всего лишь несколько минут, но я не мог выбросить у себя из головы эту встречу.

Всю ночь она мне снилась в вовсе уж неприличных образах, а утром я встал раньше будильника почти на час. Блаженно пялился в с тень, прокручивая в голове подробности нашего с ней разговора.

Ну и что, что она меня старше? Что с того, что у неё есть муж, семья? Я не мог, не хотел выбросить эту женщину из своей головы. Она, словно наваждение, преследовало меня ежесекундно, ухватив мёртвой хваткой моё влюблённое сердце. С каждым прожитым часом мне всё сильнее хоте-

лось перестать сопротивляться этому чувству, искренне надеяться, что это взаимно, и где-то далеко, на противоположном конце города, на улице Кирова, в пустой квартире одна, Валентина тоже думает обо мне, точно так же улыбаясь при мысли о возможном свиданье.

– Я тебя найду... – звучало в голове обнадеживающе, наивно, но я верил, что так оно и будет, несмотря на свой печальный опыт в отношениях с женщинами.

В свои двадцать я имел довольно скоротечный роман с однокурсницей, вылившийся в мою личную драму. Общительная и милая девушка Юля была на два года меня старше, и я до сих пор не совсем понимал, что ей во мне понравилось, захватило так, что оба мы потеряли головы. Счастливое безумие длилось весь мой летний отпуск, закончившись, как только я вернулся в школу подготовки офицеров НКВД. В письмах Юлии сначала стала проскальзывать необъяснимая холодность, ледяной тон, а потом и сами письма стали короче, превратившись чуть ли не в телеграммы, а когда я вернулся в увольнение в родной город, то с изумлением обнаружил в квартире моей возлюбленной подаренные новым ухажёром цветы. Она не стала ничего скрывать. Сказала, что разлюбила, что её новый возлюбленный очень солидный человек, имеет шансы построить неплохую карьеру, и было бы глупо надеяться на то, что молодой лейтенант всесильного наркомата когда-то выйдет в люди, когда рядом такой вариант. Стало горько и обидно. Я ушёл, чтобы больше никогда

не появится в её жизни.

После было несколько легкомысленных интрижек, но как таковых отношений у меня не было, любить больше никого я не хотел, да и, наверное, не мог... Слишком больно было на душе, слишком грязно и одновременно тоскливо. Было... До того момента пока Секретарь не послал меня на вокзал для встречи нового начальника, пока я не увидел Валечку. Именно тогда мой уютный мирок рухнул... Именно в тот момент я ощутил, что могу любить с той же силой, что и раньше, а то и сильнее...

Мать тоже заметила моё новое состояние. Она всегда была мне близка, легко распознавала, когда я грустил, когда был искренне счастлив. Едва, я встал за час до будильника, она тут же последовала за мной, ехидно заметив:

– Ходишь, улыбаешься, как чумной!– рассмеялась она.– Влюбился что ли?

Я промолчал. Хотелось это пока не до конца разгоревшееся чувство спрятать где-то внутри, подальше от посторонних глаз, чтобы ненароком, неосторожным словом или делом не затушить разгорающиеся пламя.

Будто на крыльях, я полетел на работу. И даже тот факт, что сегодня на утреннем совещании мне придётся видеть ненавистного мужа Вали, меня не расстраивал. Может с ним поговорить? Неужели он не поймёт? Неужели он сам никогда не любил?

Валечка... Я смотрел в окно, не видя ничего перед собою,

только её образ в ситцевом коричневом платье, туго обтягивающим стройную фигуру.

– Клименко! лейтенант Клименко! Вы слушаете своего товарища?– окликнул меня Коноваленко, заметив мой бессмысленный взгляд, направленный в окно. Я оглянулся по сторонам. Мы сидели в кабинете начальника управления. Напротив меня стоял Василь Конопатов и что-то докладывал, слегка покрасневший, как всегда, когда выступал перед аудиторией. Этого у него ещё с курсов. По центру Коноваленко, на столе крепкие руки с пальцами сцепленными в замок. Свеж, гладко выбрит. Именно он мне сделал это замечание, которое я не расслышал с первого раза. По правую руку от меня устроился Жидков, толкнувший меня локтём вовремя в бок. Сейчас, очнувшись, я смог расслышать его напряжённый шёпот:

– Совсем охренел, Клименко!– зло пробурчал он.– Не выспался что ли?

Как ему объяснить, что за долгое время я сегодня спал очень крепко и сладко, согреваемый мыслями о Валечке?

Чуть поодаль, в полумраке угла, примостился Секретарь. Власенко не любил военную форму, предпочитал носить гражданский пиджак и слегка чужеродно смотрелся в этом кабинете в своей клетчатой тройке. Он улыбнулся мне, заметив мой взгляд, но от этой улыбки, больше напоминающей оскал тигра, стало холодновато, а по спине пробежали мурашки. Невзрачный с виду человек, в очках, больше напо-

минает учителя математике в школе, а нет же... Глянешь на него, и мороз по коже.

– Вы заснули что ли?– поинтересовался Коноваленко, уставившись на меня тяжёлым внимательным взглядом.

– Никак нет! Слушаю...

– Это заметно!– гневно взял карандаш начальник управления.– Пока вы тут дремали, витая где-то в облаках, товарищ Жидков представил нам план переброски госрезерва из золотовалютного хранилища в наше управление, но его исполнять пока не уничтожена банда налётчиков не представляется возможным,– терпеливо пояснил он, делая какие-то пометки у себя на листе бумаги,– товарищ Конопатов выяснил, где предположительно прячется банда налётчиков, предлагает провести операцию по её ликвидации, но начать и спланировать мы её не можем, пока у нас нет ваших данных о наличии «крота» в милиции или, не дай Бог, в нашей конторе...– Андрей Викторович выжидательно посмотрел на меня, не понимающего, чего он хочет.

– Встань...– зло прошептал сквозь зубы Жидков, толкая снова меня локтем в бок.

– Я...– зацепился за стул, чуть его не опрокинув, вскочил, вытянув руки по швам.– Считаю, что операцию проводить необходимо. Выявить «крота» в столь сжатые сроки не выйдет, а вот, проведя операцию без участия милиции, мы получим некоторые результаты, даже в случае провала облавы...

– Интересно...– приспустил очки Секретарь Власенко.–

Каким это образом?

– По сути милиция – наше слабое звено, – начал пояснять я, полностью придя в норму, сумев переключиться на работу, – туда набирают всех кому не лень, некоторые могли ранее иметь уголовный опыт, у некоторых близкие родственники сидели или отбывают наказание, никто за этим строго не следит при приёме на работу. Теоретически «крот» завёлся именно там. Не знаю, по своей воли или по глупости он передаёт информацию бандитам, но это факт. Если облава, о которой не будет знать милиция провалиться, то «болтун» находится в этих стенах, если все закончится удачно, то кто-то из милиции сливает информацию налётчикам и перед переброской ценностей надо прошерстить местные линейные отделы.

– Толково, – кивнул Коноваленко, постукивая карандашом по дубовой столешнице, – значит операции товарища Конопатова быть?

– Так точно, товарищ майор госбезопасности! – подтвердил я. Поймал внимательный взгляд начальника, брошенный в угол на конспектирующего Секретаря. Тот пожал плечами, будто сомневаясь.

– Вроде Клименко прав... – согласился Жидков.

– Тогда приступим, товарищи...

ГЛАВА 9

Тентовый грузовичок трясся по разбитой проселочной дороге, подпрыгивая на особенно глубоких ухабах. До посёл-

ка Халтурина цивилизация ещё не добралась, несмотря на близость к городу. И если по Салтовской улице мы доехали с относительным комфортом, то когда начали спускаться в жилые кварталы вниз, к речке Немышле, неподалёку от того места, где я жил с матерью, то здесь началось самое настоящее бездорожье.

Сидящие напротив меня солдаты из роты охраны НКВД хмуро и молча сидели на деревянных скамеечках, уставленных возле борта. Самый молодой из них устроился напротив меня. Пухлые губы, только начинавший появляться детский чёрный пушок под носом – всё это говорило о том, что солдат был срочником. Он испуганно сжимал влажными ладонями винтовку, о чем-то шепча про себя одними губами. То ли молитву читал, то ли еще что-то... Я усмехнулся, вспомнив себя на первой такой операции. Я тоже боялся. А кто не боится? Страх человека мобилизует, выброс адреналина заставляет мозг думать быстрее, решения принимать мгновенно, а иногда и совершать то, что в обычной жизни ты бы никогда не сделал.

Рядом сидел Конопатов. Василь был тоже нервозен. Постоянно шевелился, пытаюсь на неудобной скамеечке устроиться половчее.

– Его зовут Бритва... – прошептал он мне на ухо, слегка дрогнувшим голосом. Очень опасный тип. За спиной три ходки в лагерь. Последний раз сбежал оттуда, убив конвоира. Промышляет разбоем, ни один труп на нём висит уже.

Если попадётся, то сто процентов вышка. Так что терять ему нечего, будет бодаться до последнего,— проговорил Василь, на всякий случай ощупав кобуру с наганом, закрепленную на поясе.

— А ты-то это все узнал откуда?— поинтересовался лениво я, стараясь не ломать голову о том, как все сложится в предстоящей операции. Загадывать все равно бесполезно, только нервы себе испортишь. Даже самый лучший план не сбывается, когда звучат первые выстрелы.

— Походил, информаторов потряс... Вот они поделились! Курочка по зёрнышку, так сказать...— это все я уже слышал на совещании у Коноваленко. Москва давила сверху и требовала закрыть вопрос с бандой. Вот майор и согласился на заведомую авантюру. Никто не знает сколько бандитов, чем они вооружены, те ли это бандиты... Столичным шишкам ведь не объяснишь что такое оперативная кропотливая работа, им вынь да положь налётчиков на блюдечко с голубой каёмочкой, да безопасность госрезерва обеспечить, при чем в кратчайшие сроки.

Мотор несколько раз чихнул и заглох. Я повалился на Конопатова, слегка придавив того собственным весом.

— Началось?— удивлённо спросил срочник напротив меня.

— Почти...

— Приехали! Выходи строиться!

— К машинам!— раздались громкие выкрики старших групп.

Мы с Василем вылезли последние, когда Жидков проводил инструктаж – красный как рак, да от жары жутко потеющий.

– Дома окружать. Заходить осторожно. Проверили документы, обошли комнаты и наружу. При любой опасности разрешаю стрелять на поражение. Все слышали?

– Так точно!– прогудел неровной строй солдат.

– Ну...пошли!– махнул рукой Жидков, доставая из кобуры наган, взводя курок.– Помните, что противник очень опасен и терять ему нечего.

Только теперь я позволил себе осмотреться. Этот район я знал неплохо. Прожил в нескольких кварталах отсюда всю свою жизнь. Рабочие коммуналки, загаженные подъезды, вечные ссоры, склоки с соседями и бандитские разборки сопровождали меня здесь всю мою юность и детство. Это вам не центр города, здесь народ живёт, что попроще. Невысокие кирпичные домишки тянулись вниз к самой Немышле. Узкие улочки, небольшие окна бойницы, неопрятные дворы с выломанным штакетником – всё это делало общий вид каким-то грязным и заранее бандитским.

– Бритва говоришь...– прошептал я, не обращая конкретно к Василию, все ещё топчущемуся рядом. Впереди с пригорка, на котором остановились наши машины, во главе с Жидковым нестройно спускались цепи солдат, участвующих в облаве. Где-то во дворе загавкала надрывно собака.

– Бритва...– согласился Конопатов.

– Окольцевать район у нас не хватило сил,— рассуждал я, глядя на редкую цепь солдат,— если Бритва тот налётчик, который нам нужен, то он будет уходить, и уходить будет через Немышлю в лес, вон туда... Я этот район неплохо знаю, сколько уже тут живу.

– Предлагаешь встретиться?— подмигнул мне Конопатов, мгновенно ухватив мою мысль.

– А то! Заводи мотор!— приказал я водителю, который уже закурил самокрутку, попыхивая ароматным самосадам, что-то осматривая под передним колесом. Опытный шофер поморщился. Ему не хотелось лезть в самое пекло. Лучше вот тут отсидеться, пока операция не закончилась бы. Примерно так же брали в прошлом году Миколу Ворожейко, оцепили, пошли на проверку документов и на тебе... Уже вечером пришлось в городской морг отвозить три солдатика из роты охраны, совсем молодых и безусых.

– Приказу не было...— отмахнулся водитель настороженно поглядывая на нас, внутренне надеясь, что мы смолчим и все утрясётся.

– Кому сказано, заводи!— рявкнул я, прыгая на переднее сиденье полупортки. Конопатов уже забирался внутрь тентованного кузова.

– Одни начальники кругом,— вздохнул печально шофер, с явным сожалением выбрасывая недокуренную самокрутку,— послать некого...

– Живей!— подбодрил я его. Азарт погони захватил меня.

Сердце заколотилось, я был почти на сто процентов уверен, что, если информация Василя верна, то Бритва будет уходить через Немышлянский лес.— Гони вниз!— скомандовал я, дождавшись пока старенький мотор прочихается, затарахтит, как положено, набирая обороты.

— Вниз и налево... Мимо яра, а там покажу.

— Ох, товарищ лейтенант!— покачал головой шофер, трогая полуторку с места.

Где-то левее нас раздались три подряд выстрела то ли из наган, то ли из винтовку. Посыпалось битое стекло, слышался женский отчаянный крик.

— Гони, родной! Поспешать надо...— прошептал я, доставая из кобуры оружие. Шофер с подозрением посмотрел на револьвер, но газу прибавил.

У поворота на неширокий лужок, начинающий зарастать мелким кустарником, он затормозил, намекая на то, что дальше не поедет. Поймав мой угрожающий взгляд, пояснил:

— Топко там, товарищ командир. Не выеду, если заеду....

— Черт с тобой!— махнул я рукой, выпрыгивая из кабины.— Василь!

Конопатов был уже рядом. Наган в руках тускло блестел серой сталью. Мельком взглянул на него, оружие на взводе, глаза горят. Меня и самого потряхивало, словно это была моя первая боевая операция.

— Дальше не проедем,— объяснил я,— придётся пешком.

— Убили! Ой, убили!— заголосили где-то в районе одно-

этажных домиков.

– Бегом!– переглянулись мы, одновременно срываясь с места.

Теперь беспорядочная стрельба слышалась отовсюду. То там, то здесь гремели одиночные выстрелы, слышались азартные крики погони и испуганных мирных жителей.

– Жидков шороха навёл в посёлке..– тяжело дыша, проговорил на ходу Конопатов.

– Без шума не вышло, значит точно на прорыв пойдут!

Короткая автоматная очередь за кустами заставила нас пригнуться.

– Это что пулемёт?– настороженно уточнил Василь.

– Пушка!– некогда ему было объяснять что-то.– Держись меня...

Мы уже выбрались с открытого пространства, добежав до низкорослого подлеска. Справа трещали кусты, кто-то прорывался сквозь посадку, особо не заботясь о скрытности.

– Ложись!– я успел рухнуть на землю и толкнуть за собой Конопатов, пораженно и увлечённо глазеющего по сторонам. Прямо на нас, со стороны посёлка пёрли трое. В руках каждого из них по нагану, а один был вооружён автоматом системы Шпагина. Таких даже в нашем ведомстве были единицы, что уж говорить об армии, а тут нате вам у бандитов такой опытный образец уже есть. Беглецы были одеты во что попало. На том, кто находился правее вовсе была лишь одна белоснежная майка, двое других кое-как были запахнуты в

тёмные пиджаки.

– Бритва, кажись, ушли... – выдохнул один из этой славной тройки, облокотившись тяжело дыша на колени. Его крепкая мускулистая грудь высоко вздымалась в такт его прерывистому от бега дыханию.

– Сорвались... – согласился тот, что был в одной майке и выглядел постарше. Сквозь густой чёрный кучерявый волос на груди проглядывались синие купола церквей, что в их бандитской иерархии выдавало в нем авторитетного вора.

– Легавые суки! – сплюнул третий. – Я смотрю в окно, а они цепью идут по улице. Важные такие... Впереди маленький, круглый, как колобок! Рожа красная довольная! Ну, я из окна по ним очередью. Первый упал толстомордый, следом ещё двое. Остальные залегли и давая шмалять по окнам. Я на веранду и тикать...

– Такая же херня! – согласился тот, которого называли бритвой. – Сдал кто-то, сука! Нас искали, бя буду.

Мы с Василем переглянулись. Выходит Жидков ранен или вообще убит. Операцией руководит кто-то из роты охраны. И до ушедших в рывок воров им дела сейчас нет. Разгрести то, что уже успело произойти. Перевязать раненых, провести обыски.

Конопатов кивнул понимающе. Пора было действовать. Все, что могли мы выяснили. Теперь оставалось не дать бандитам уйти. Пальцами показал на правого, Василю на левого, пытаясь взять Бритву живьём. Он много чего должен был

нам рассказать. И как они выходили на инкассаторов, и кто им предоставлял информацию и в каком ведомстве.

Как можно аккуратнее передвинул руку с наганом вперёд, тщательно прицеливаясь. Второй попытки мне дадут. Сразу же очередь по кустикам, где мы с Конопатовым залегли, и все, поминай, как звали. Мушка дёргалась в такт резкому дыханию, никак не желая установиться где-то в одной точке. Другой рукой я вёл отсчёт для Василя. Раз, два, три... Медленно разогнул я свои три пальца. Наши два выстрела слились в один, прозвучавшие в наступившей оглушительной тишине почти одновременно. Моя цель подломилась в коленях. Его глаза широко раскрылись, налётчик схватился за грудь, аккуратно падая лицом вниз. Краем глаза усмотрел, что Конопатов не промахнулся. Его бандит заваливался назад, когда я уже рванул через кусты к оставшемуся в одиночестве Бритве.

– Сука, мусорская!– рявкнул тот, увидев меня, но среагировать не успел. Не зря я почти два года занимался новомодным самбо. Сильным ударом ноги я выбил из рук Бритвы револьвер, отлетевший куда-то в кусты. Довернул корпусом пируэт, но получил сильный джеб слева. Покачнулся, чувствуя, как в глазах все поплыло. Скулу обожгло сильной болью, отозвавшейся в голове колокольным звоном. Где же Конопатов?

– Стоять!– заорал лейтенант, выскакивая следом за мной, громко стреляя из своего оружия в воздух. И, что меня уди-

вило, вместо того, чтобы просто взять на прицел Бритву или хотя бы прострелить ему для острастки колено, он по-бычьему наклонил голову вниз и бросился на вора в рукопашную. Налётчик встретил его прямым в голову. Отчего красивое лицо Василя мгновенно окрасилось кровью. Он взвыл, нелепо взмахнул рукой, промазал, заставляя вора уклоняться и пятиться.

– Щас...сука, я тебе устрою Бородино!– процедил Бритва, бросаясь вперёд на Конопатова. В его руках мелькнуло что-то стальное, похожее на заточку или финский нож, который последние несколько лет стал очень модным у криминальных элементов нашего города.

Не знаю, как Василь умудрился уклониться. Остро заточенное лезвие опасной бритвы, как я теперь успел рассмотреть, скользнуло по рукаву мундира, разрезая плотную ткань. Конопатов всхлипнул и завалился на землю, хватаясь целой ладонью за повреждённое плечо.

– Смерть мусорам!– терять время было нельзя, ещё секунда и этот озверевший фанатик прикончит лейтенанта. Но, Господи, как же хочется взять его живым...

Я бросился вперёд, толкая вора в широкую спину ногой, тот кувыркком полетел через упавшего Василя, споткнулся о него, закружился и рухнул в траву.

– Лежать!– я наконец-то вспомнил о своём нагане. В пылу борьбы я совсем про него забыл. Холодная сталь рукояти как-то успокаивала, придавала уверенность. Рядом стонал

Конопатов, держась за порезанное плечо.— Руки за голову! Лицом в землю! Не шевелиться!

Бритва приказа не выполнил. Правда, лежал недвижимо. Сердце ёкнуло. Неужели всё наши усилия пошли прахом? Все зря?

— Хватит дурить, Бритва! — прокричал я.— Ноги на ширину плеч, руки на затылок! Ты арестован!

Ноль внимания, фунт презрения. Вор так и лежал уткнувшись в зелёную траву лицом вниз, а под ним расплывалось тёмное пятно.

— Бритва!

— Саня, помоги! Помоги, я умираю! Эта тварь меня порезала!— ныл рядом Конопатов, крутясь волчком, но ни это было самое главное. Главное, что, видимо, главный налётчик Харькова только что благополучно ушёл в мир иной, унеся с собой и имя крота, и организации, в которой этот крот работает.

Медленно и аккуратно я подошёл к лежащему вору. Его исколотые татуировками руками были спрятаны под живот. По ярко выступившим почти чёрным венам стекала бурая кровь.

— Хорош дурит, Бритва! Все уже...— я повернул его на спину, рискнув. Безжизненные серо-стальные глаза смотрели куда-то мимо меня. В животе торчала та самая бритва, за которую он и получил своё прозвище, её он обхватил обеими руками. Видимо наткнулся, падая на землю, пропоров сво-

им же оружием себе живот.— Кончено...—добавил я, отворачиваясь. Меня замутило. То ли от последствий его хлѣсткого удара, то ли вида крови и глупой случайной смерти.

— Клименко, мать твою!— взревел Василь.— Хватит смотреть на этого негодяя. Глянь-ка, на мою руку. Этот гад меня поранил...

Я повернулся к напарнику. Плотная ткань гимнастѣрки была прорезана полностью, на слегка угреватом плече виднелась узкая полоска срезанной кожи. Лезвие вошло неглубоко. Похоже эта была самая настоящая царапина.

— Жить будешь...— недовольно пробормотал я, борясь с приступами тошноты.

— То есть как? Как буду? Там ничего серьёзного? Ты уверен?— взъярился Конопатов, опасливо поглядывая на пальцы, зажимающие рану, покрытые липкой алой кровью.

— Уверен...— кивнул я, устало плюхаясь рядом прямо на сырую землю.

— А ведь мы их взяли! Взяли, Саня!— рассмеялся Конопатов, кивая на три трупа вокруг нас.— Сами взяли!

— Ага...— почему-то мне не особо было радостно от этого. По сути операцию мы провалили с треском. Потеряли Жидкова, ранен Конопатов и ни одного налѣтчика не взяли живым. Позор...

— За это нам по ордену положено,— мечтательно промолвил Василь. Страх прошѣл, адреналин отхлестал, и теперь он немного успокоился.

– Сутулого...

– Что?

– Ничего, это я так!– отмахнулся я.

Со стороны, где мы оставили машину с шофером слышался лай собак, чьи-то голоса и возбуждённые крики. На поляну, где развернулось наше сражение сначала выбежал Мухтар – немецкая овчарка из роты охраны, а потом и несколько человек из наркомата во главе с Коноваленко. Майор был встревожен, в руках пистолет, позади двое срочников с автоматами.

– Живы?– спросил он, осматривая нас.

– Живы, товарищ майор!– браво доложил Конопатов, найдя в себе силы встать, держась за плечо.– Немного ранен, Бритва при задержании убит. Напоролся в схватке на свою бритву,– хмыкнул он,– банда уничтожена.

– И вместе с ними начальник оперативного отдела капитан Жидков. Три пули в грудь. Все ранения смертельные...– зло бросил Коноваленко, покосившись на меня, сидящего в траве низко опустив голову.

– Что же вы сами сюда попёрлись-то? Не предупредили никого!– укоризненно покачала начальник управления головой.– А если бы их больше прорвалось из кольца? Постреляли бы, как котят...

– Оперативна обстановка не дала нам времени на размышления,– отчеканил Конопатов, вытянувшись в струнку,– пришлось действовать.

– Молодцы! – похвалил нас Коноваленко.– Ранен?– кивнул он на руку Василя. Кровь уже давно перестала сочиться. Теперь только на белом белье оставалось кроваво-красное пятно жутковатого вида.

– Пустяки, товарищ майор!– отмахнулся мой напарник.– Как вы-то оказались здесь?

– Решил лично проконтролировать, а тут городской бой практически идёт! Жидков погиб, командование перешло к сержанту Лучко. Никто не понимает, что делать. Вы исчезли... Потом только удалось выяснить, что ваша парочка куда-то уехала на машине. По следам нашли. Хорошо, что цивилизация с асфальтом не дошла еще во все районы Харькова,– вяло усмехнулся Коноваленко, пряча оружие.– Даю день отдыха после успешно проведенной операции по задержанию особо опасной банды. Завтра с утра проведем разбор!

Двое срочников подхватили на руки тело Бритвы, охая и стеная понесли его к машине. Следом за ними отправился майор. Головокружение прошло. Я медленно встал на ноги, всё ещё пошатываясь. Никак не удачная операция! Я бы сказал совсем неудачная... Теперь все концы к кроту обрублены. Единственное хорошее из всего этого, что госрезерв можно перевозить спокойно в управление.

ГЛАВА 10

Валентина проснулась утром в отличном настроении. Сегодня впервые за долгое время она смогла абстрагироваться от того, что окружало её, запихнуть все мысли в дальний

уголок головы и уснуть. Впервые за долгое время ей не снился кошмар с лопнувшей балкой в крошечной темноте. А потому она открыла глаза, когда за окном уже во всю вступил в свои права непогожий хмурый летний денёк, который, впрочем, своей слякотью и плаксивостью не смог испортить ей этого самого расчудесного настроения, виной которому был, конечно же, тот самый молодой влюбленный лейтенант, пожиравший вчера вечером её глазами на лавочке перед подъездом. Валечка была настолько увлечена им, что сама испугалась своей безотчётной смелости. Сколько ему лет? Двадцать два максимум? А ей? Умывшись свежей, почти ледяной водой из-под крана, она взглянула на своё лицо. Миловидна... И что ж? Чего он хочет своими ухаживаниями? Любовь? Вздор! Им никогда не быть вместе. Общество консервативно! Оно не примет их, ей тридцать семь, ему двадцать два, хуже, если моложе... Опомнись, дурочка! Уговаривала она себя. Эта игра! Мальчика никто не любил. Тем более такие тётки, как ты! Куда ты лезешь?

Но настырный влюбленный лейтенант из головы не шёл. Валентина, так и бродила по квартире, глупо улыбаясь целое утро. Сварила себе кофе и наблюдала, как по проспекту Дзержинского на работу спешат ответственные товарищи в фетровых шляпах, модных пиджаках с однотонными зонтиками на длинной ручке. Следом по своим делам, в сторону Центрального рынка шагали солидные матроны, жены этих самых ответственных товарищей, в разноцветных платьях,

изящно повязанных платках и шляпках. По-летнему времени по проспекту, огибая редкие служебные ведомственные автомобили, рассекали на велосипедах молодые ребята, чуть старше Глеба.

Сына непременно нужно привести сюда. Валентина поняла вдруг насколько она соскучилась по своему ребёнку. Андрей точно будет против, но она его уговорит. Обязательно уговорит.

Прямо с кофе в руках она прошла в спальню, где ночевал муж. Спали они порознь давно, почти полтора года. Сначала причиной был болеющий Глеб, не дающий выспаться нормально Андрею, потом это вошло у них в привычку, даже когда ребёнок переехал к бабушке. Муж очень уставал, поздно приходил, рано вставал. Его Валя почти не видела. Всё её замужество свелось к простому процессу постоянного ожидания.

А как бы повёл себя Саша, если узнал, что у неё есть сын? Вдруг пришла ей в голову мысль, когда она отпирала дверь комнаты мужа. Какой он, к чёрту, тебе Саша! Прогнала она от себя эту мысль.

Постель Андрея была заправлена, словно он и не ночевал тут. Во сколько он ушёл, Валентина не знала, слишком крепко спала. Присела на край покрывала и провела рукой по подушке, ожидая, что вот-вот испытает что-то вроде прилива нежности, но...Ничего! В сердце оставалось так же пусто, как и раньше.

Со вздохом она вышла из комнаты, плотно притворив за собой дверь. Эксперимент не удался, но она обязана, должна попробовать вернуть утерянное в бесконечной погоне за лучшей жизнью и карьерой старое чувство. Ей и без того приходится слишком часто отгонять от себя образ серо – зелёных глаз лейтенанта, а она мать, жена, хранительница семейного очага, думать о другом мужчине неправильно...

Всё это твердила ей спокойный рассудок, а сердце сладко замирало при одной мысли, что она когда-нибудь снова сможет увидеть этот наглый, почти раздевающий её взгляд, пухлые губы и звонкий, ещё не поломавшийся голос.

Стоп... Выдохнула Валентина, оставляя чашку кофе в сторону. Нужно просто отвлечься, переключиться, и все снова наладится. Для начала...

Женщина осмотрелась по сторонам, взглянув по-новому на их с Андреем съёмную квартиру. Старые полки, уставленные книгами, были покрыты толстым слоем пыли. В раковине на кухне громоздилась гора немытой со вчерашнего вечера посуду. Начать уборку, а там сходить на рынок, как все харьковские матроны, развеяться, а потом приготовить ужин на двоих.

Наметив план действий, Валентина приступила к его выполнению. Одну за другой она вытирала книжные полки, потом долго и усиленно мыла пол. Старый паркет, уложенный ещё в период царствования Николая Первого никак не хотел оттираться. Видимо, раньше тут часто ходили в обуви,

не утруждая себя её снятием. Повсюду были видны полосы, оставленные офицерскими сапогами. С ними пришлось помучиться прежде, чем оттереть.

Ближе к обеду Валентина ощутила, как вялость и апатия покидают разгорячённое тело. Мышцы радостно гудели от полученной нагрузки, и когда она уже заканчивала драить коридор. В двери позвонили. Вытирая руки о застиранный передник, нашедшийся на кухне и оставшийся после последних хозяев квартиры, женщина отперла оба замка.

На пороге стояла крупная круглолицая высокая женщина в домашнем фиолетовом халате. Её русые некрашенные волосы были стянуты в конский хвостик на затылке, открывая мелкие, чуть узковатые глаза, высокий лоб и вздёрнутый носик.

– Добрый день!– поздоровалась незнакомка, решительно отодвигая Валентину в сторону.– А я вижу вы уже устроились,– одобрительно кивнула она, кивая головой на половую тряпку, так и оставшуюся лежать мокрым грузом у порога,– правильно... Чем раньше начнёшь... Меня, кстати, Роза Кляшевич зовут,– подала она руку ошарашенной Вале,– я ваша соседка снизу. Меня все спрашивают во дворе... Кто заселился к Мазо? Кто заселился? А что я им скажу? Что сказать им этим любопытствующим? Что тётя Роза не знает? Хм... Не поверят!

– Валентина Коноваленко,– представилась в ответ хозяйка,– можно просто Валя...

– Очень приятно, а меня можно просто Роза...– уже ничуть не смущаясь, соседка прошлась по всем комнатам квартиры, скептически оценивая её состояние.– Мы так дружили с Лерочкой! Она была хорошей девочкой, настоящей еврейкой! Какие мы с ней пекли пироги, пальчики оближешь...

– Я не пеку,– улыбнулась Валентина. От этой женщины исходила такая дикая энергия и сила, хорошее настроение и позитив, что не улыбнуться ей было совершенно невозможно!

– Ну, ничего страшного! Научимся!– подмигнула ей Роза.– Я, будем честными, тоже не пекла их, только ела... Мой муж работает в универмаге Харьков, что на площади Восстания. И если хотите, то мы непременно сходим туда прогуляться. Вы ведь города-то толком не знаете? Вот я вам его и покажу...

Валентина потерянно кивнула, уступая напору гостьи. Тем более сама не собиралась засиживаться дома.

– Вы влюбитесь в наш город! Уверяю вас, дорогая!

– Не сомневаюсь,– кивнула Валя, почему-то при этих словах вспомнив опять про лейтенанта Клименко. Где он сейчас? Что делает? Думает ли о ней?

– Тогда чего зря время терять?– тут же бросилась к двери Роза.– Отправимся тотчас же!

– Но...

– Никаких но, милая! Тёте Розе не отказывают!

Валентина кивнула, широко и открыто улыбаясь. Кажет-

ся, она нашла человека, который сможет её отвлечь от ненавистного ухажёра. Проводив Розу до двери, она начала собираться, договорившись встретится через полчаса у подъезда.

Решив надеть самое свое красивое платье, чтобы не выглядеть дурнушкой в столице республики, женщина долго подбирала к нему босоножки. Андрей никогда не скупился на подарки, да достать многое из того, что простые смертные на прилавках магазинов не видели, мог, так что выбор был велик, и к условному времени она естественно не успела.

Тётя Роза не словом не обмолвилась за опоздание, меланхолично курила папиросу у дверей, выпуская плотный сизый дым, плавающий клубами вокруг неё. На ней сегодня была плотная шляпка с вуалью, синее платье и высокие босоножки на низком каблуке.

Вдвоём они отправились сначала на остановку трамвая. Новенькие, только с завода громыхающие вагоны быстро донесли их до главного универмага столицы. И только сейчас Валентина оценила весь масштаб и атмосферу Харькова.

Это оказался довольно милый и уютный город, наполненный зеленью, узкими аллеями вековых деревьев, аккуратными парками со скамейками для отдыха, где важно восседали пенсионеры, почитывая свежую прессу, мчались по тротуарам детишки, звенели громкие гудки общественного транспорта, дребезжали клаксоны автомобилей, вокруг шла одна непрерывная стройка, но вместе с тем, в Харькове не было той суеты, которая присущая столицам. В Москве всё дви-

жение, царящее вокруг её жителей, было какое-то надоедливое, настырное, напоминающее кипящий водоворот, который не дает тебе возможности вздохнуть тебе полной грудью и насладиться окружающими тебя пейзажами. Здесь всё было иначе...Люди никуда не спешили, были взаимовежливыми, иногда казалось, что тут всегда царил такой миропорядок с самого сотворения земли.

Роза почти всю дорогу молчала, давая возможность Вале впитать в себя весь этот дух, но за три остановки до конечной, все же разошлась:

– Я с Лерочкой была очень дружна,— сообщила она ей, доверчиво кладя свою широкую ладонь на руку Валентины,— они частенько с Соломон Савельевичем собирались у нас, поболтать о том, о сём, поделиться последними новостями, попить чайку! Вы знаете, девонька, как мой Марк заваривает чай? О...это целое искусство...И уверяю, что такого чая вы в жизни ещё не пробовали!

Валентина улыбалась и больше старалась слушать. Долгая семейная жизнь с чекистом научила её быть не слишком болтливой.

– Жаль Лерочку...– горестно кивнула тётя Роза.— Жаль...

– А что произошло с ними?– будто невзначай поинтересовалась Валя. Андрей ей ничего про бывших хозяев квартиры не рассказывал, зная, как она относится к такого рода рассказам.

– Вы не знает?– удивилась Роза.— Ваш муж занял место

Соломон Савельевича!

– Мы стараемся редко говорить на рабочие темы,– виновато пожала плечами Валечка.

– Понимаю! Режим секретности! Сейчас вся страна – сплошной режим...Секретности! Тира...– соседка спохватилась, что её понесло куда-то не туда, и резко оборвала себя на полуслове.– Вообще, в вашей квартире раньше жила прекрасная семья по фамилии Мазо,– выйдя из трамвая и убедившись, что её никто не слышит лишней, продолжила Роза,– муж – Соломон Савельевич герой Гражданской войны, с шашкой наперевес устанавливал в городе советскую власть, потом боролся с контрреволюцией, идеал, ленинец! Его жена Валерия Львовна – прекрасная женщина, добрая воспитанная, интеллигентная, не то, что эти из так называемой новой советской элиты, хабалки из деревень, только что отошедшие от сохи. Знаете, милочка, как говорят : «Девушку из деревни вытравить можно, а вот деревню из девушки...» В ней был шик, блеск, всё, что присуще дворянке. Квартиру эту они получили, как только Мазо возглавил наркомат внутренних дел республики. Всего пару месяцев назад...

– И?– напряжённо поторопила тётю Розу Валентина.

– И с этого момента начались проблемы...За Соломон Савельевича всерьёз взялись товарищи компетентные из Москвы. Там, как раз, поменялось руководство. Старые ленинцы оказались не в чести...– соседка грустно покачала головой.–

Вы ничего, что я так прямо?— нахмурилась женщина, ведя Валу под ручку, словно маленькую девочку, по-мужски как-то.— Сразу вспомнилось, что Валерия Львовна дворянка, да не из простого рода, а самого, что ни на есть графского, во время революции её первый муж перешёл на сторону белогвардейцев и основательно потрепал тут в Балаклее советские части с небольшим отрядом юнкеров. Лерочка попала под следствие, а когда следствие и наш гуманный суд, самый гуманный суд в мире разобрался, постановив арест и расстрел, как врага народа безобидной женщины, Соломону Савельевичу попали в руки эти списки, увидев свою жену, он покончил с собой, не выдержав такого...

Они стояли на пороге центрального универмага Харькова, где за стеклянной витриной виднелись заполненные полки товаров.

— Её расстрелять постановили только за то, что её первый муж был белым, а она дворянкой?— изумилась Валя. Живя с большим чином НКВД, она жила, словно в своём отличном от остальных изолированном мире. Они мало говорили про работу, да и чего греха таить, последнее время вообще ни о чем не говорили. Для Валентины стало настоящим откровением то, что ей рассказала о семье Мазо Роза. В её мире суд был справедлив, а расстреливали только отъявленных бандитов или настоящих врагов социалистического государства, вроде членов ленинградского дела, сгубивших товарища Кирова.

– Да такое сплошь и рядом! Идёт большая чистка... Смотри, дорогая, как бы твой муж не попал бы в её жернова, – покачала головой Роза, – я не знаю никого, кто бы вернулся оттуда...

– И вы так смело говорите об этом! Неужели не боитесь? – озадаченно спросил Валечка.

– Отбоялась я своё, деточка. В революцию, в Гражданскую... Совсем отбоялась. Теперь меня сам черт не испугает! Одно жалко, если мой Марк останется один... Этот оболтус никак не приспособлен к самостоятельной жизни. А вот кстати и он...

Только сейчас Валя поняла насколько была права в личностной характеристике своего супруга тётя Роза. Это был очень полный, с запорожскими обвисшими усами мужчина, слегка лысоватый, в сером костюме тройке дорогого покроя. Его взгляд постоянно бегал по сторонам, с трудом сосредотачиваясь на чем-то одном, словно искал все время что-то. Речь была торопливой, слегка заикающейся, а дорогие туфли из настоящей кожи были стоптаны и кое-как зашнурованы. Вид Марк Розенштейн имел комичный и немного чудаковатый. Он настолько сильно отличался от привычных друзей и сослуживцев её мужа, с которыми Коноваленко было знакома, что она помимо воли улыбнулась при виде такого экземпляра.

– Розочка моя... – проканючил Розентштейн, обнимая свою супругу, которая была явно довольна произведённым

на Валю эффектом.— Где ты запропастилась? Я жду тебя уже битый час с того момента, как ты мне протелефонировала из дома. У меня же дела! Как ты не понимаешь! Сегодня привезли новый товар, очень изысканные и дорогие цветочные горшки с фабрики «Москвичка». Их надо принять, посчитать...

— Подождут твои горшки, Марк!— строго осаждала его тётя Роза.— Я привела к нам нашу новую соседку. Познакомься, это Валентина Коноваленко — жена нашего нового начальника республиканского НКВД. Валя — это мой муж Марк.

Они улыбнулись друг другу и приветливо кивнули в знак знакомства, но в какой-то момент Вале показалось, что во взгляд Розенштейна мелькнул испуг.

— Мы решили прогуляться по твоему хозяйству... Осмотреться и может быть что-то прикупить для дома.

— Конечно-конечно, девочки,— обрадовался Марк тому, что ему не придётся везде сопровождать свою жену и выслушивать её длинные и нудные наставления,— универмаг в вашем полном распоряжении. Продавщиц я предупрежу. Они все вам покажут и расскажут.

С этими словами они вступили за стеклянную дверь универмага «Харьков». С этого самого момента, Валя, словно попала в другой мир, красивых вещей и модных в союзе нарядов. Им показали всё, что только можно было. От простых и доступных каждому жителю республики платьев, до тех, которые могла купить только люди, входящие в элиту Укра-

инской ССР.

От обилия расцветок и фасонов у Вале закружилась голова. Она очень давно в Москве посещала такие магазины, и теперь изрядно соскучившись по такому времяпровождению, с головой окуналась в это всё. Тем более Роза оказалась интересной и весёлой собеседницей, не дававшей её скучать на протяжении трёх часов, проведённых внутри универсального магазина.

Время пролетело незаметно. Как и предполагала Валя, такой способ развеяться оказался вполне действенным. Молодой лейтенант, занимавший уже пару дней все её мысли, из головы выветрился вместе с покупкой нового платья отличного покроя, которого на обычном прилавке не достать. Настроение поднялось, и женщина всё-таки решила попробовать наладить с мужем отношения сегодня вечером. Хотя бы ради Глеба, ради сохранения семьи. Ведь, будь он хоть чуточку ласков, то никаких бы проблем не было. Они жили бы по прежнему хорошо. Эта обманчивая мысль не давала ей покоя. Недавно думавшая о том, что совсем не любит своего мужа женщина, теперь считала по-другому. Ей он казался сегодня единственным близким человеком, который остался у неё на этой земле, после Глеба и матери, и пусть это не та любовь, о которой пишут книги, сочиняют стихи и поют романсы, это чувство достойно уважения и последней попытки спасти его.

У подъезда с тётей Розой они распрощались, договорив-

шись о том, что Валентина обязательно забежит с утра к Розенштейнам попить кофе и немного поболтать. После этой открытой и яркой женщины, наполненной эмоциями, как действующий вулкан, женщины у Коноваленко осталось приятное послевкусие. Она мигом поднялась в квартиру, зажгла везде свет. Андрея дома не было. До пяти часов вечера оставалось ещё куча времени, чтобы приготовить небольшой и вкусный ужин, а так же привести себя в порядок.

За каких-то два часа до прихода супруга домой, Валя умудрилась запечь курицу, купленную по дороге на Конном рынке, недалеко от универсама, где работал Марк Розенштейн, убраться немного в квартире и принять ванну, но ни в пять, ни в семь, ни даже в девять Андрей с работы не вернулся. Валентина несколько раз набирала, оставленный возле домашнего телефона номер его приёмной, но каждый раз долгие длинные гудки оканчивались сбоем, никто не брал трубку.

Она уже начала грустить, сидя перед заполненным продуктами праздничным столом. Наложила себе салата, вяло поковырялась в тарелке, но аппетит пропал вместе с погожим настроением. Ведь так было всегда. Работа для мужа была на первом месте, а ведь мог бы хотя позвонить, предупредить, так, мол, и так, дорогая... Задерживаюсь, буду к полуночи. Ты ужин не готовь, меня не жди, а ложись спать... Но нет... А когда она ему последний раз готовила? Может муж и ждать перестал, что по нему кто-то будет скучать, то-

ропить с работы, поминутно поглядывая на часы? Может в их разладе есть и её вина?

Валя гневно отставила тарелку с салатом в сторону. Упавшая вилка громко загремела, неловко сброшенная локтем со стола. Вина? Крымская «Массандра», подаренная ей Марком на прощание, как презент для мужа, стояла в самой середине украшенного стола. Будь, что будет... Она залпом опрокинула бокал терпкого ароматного напитка. Услышав, как повернулся в замочной скважине ключ.

– Валентина!– позвал её от порога Андрей, снимая форменную фуражку.– Валя! Валя! Ау! Ты почему не спишь?

Зашёл он на кухню, найдя жену в огромной ещё в не совсем знакомой и привычной квартире. Валя сидела за полным продуктами столом, уставившись в одну точку. По щеке её текли слёзы. Ей было горько своих стараний, своей попытки, которую, увы, никто не оценил.

– Ты почему не спишь?– повторил свой вопрос Коноваленко, присаживаясь напротив. Накрыв её ладонь, своей рукой.– Я подъехал, смотрю в окнах свет. Уж испугался, что что-то случилось...

В его голосе Валентине показалось, что-то знакомое, родное. А вдруг? Вдруг? Она шмыгнула носом, вытирая катившуюся слезу.

– Вот,– обвела она с вымученной улыбкой рукой всё столовое великолепие,– решила мужу устроить праздничный ужин...

– Извини,– нахмурился Андрей,– сегодня облаву проводили на налётчиков. Стрельба, сама понимаешь... Очень сложное задержание! Завтра на работу,– он бросил взгляд на наручные часы. Половина первого...– очень рано на работу. Извини, родная,– он провёл ладонью по её щеке, и Валентина прижалась к ней в ответ, словно маленький котёнок. Потёрлась об неё и поцеловала крепкие пальцы, пахнущие порошком.

– Я все понимаю... Жаль только продукты перевела,– улыbnулась она, не отпуская руку супруга.

– Утром позавтракаю!– отмахнулся Андрей, поднимаясь со своего места.

– Постой...– Валентина прижалась к нему всем телом, нежно проведя пальцами по его небритой шее.– Я...

Её жадные губы нашли его щеку. Еле коснулись её, сползая игриво до краешка плотно сжатых губ. Она попробовала провести по ним языком, слегка раздвинуть их, но те оставались по прежнему непреклонными и холодными, никак не отвечая на поцелуи. Ничего не понимая, что происходит, Валя открыла полуприкрытые глаза и взглянула на хмуро стоящего перед ней мужа.

– Что-то не так?

– Валь, я же сказал, что устал...– отстранился он от неё, отодвигая супругу чуть в сторону, как какой-то мешающий предмет мебели.– Задержание, сама понимаешь...

– Понимаю...– кивнула Валентина. Тугой комок осозна-

ния того, что попытка вернуть мир в семью не увенчалась успехом, стянула ей горло. Она еле смогла совладать с собой, чтобы выдавить из себя подобие улыбки. Она не нужна своему мужу, ни как жена, ни как женщина! Так больно ей ещё никто в этой жизни не делал! Обида и боль убили последнюю надежду.

– Конечно...устал...– отвернулась она, начав собирать со стола, чувствуя прямой немигающий взгляд супруга у себя на спине, молясь лишь о том, чтобы не всхлипнуть от боли.

– Извини...Я...– Андрей попытался её обнять, но Валя рывком освободила свои плечи, сбросив его ладони.

– Устал, иди спать!– коротко ответила она, уходя в ванну, а Андрей лишь грустно смотрел ей в след, понимая, что они стоят на пороге чего-то переломного в их жизни. Почему он ей отказал? Хотел проявить характер? Ведь в ссоре они были уже больше месяца. Проучить? Или он, действительно, потерял интерес к ней, как к женщине? На этот вопрос он, пожалуй, и сам не знал ответа. Со вздохом он, тяжело ступая, направился в свою комнату, даже не понимая, что сам того не желая своими сегодняшними действиями дал отсчёт чему-то ужасному, жуткому, тому, что перевернёт их с Валентиной жизнь и жизнь ещё нескольких людей с ног на голову, что с этого момента колесо судьбы завертелось в другую сторону, готовое перемолоть их в беспощадных жерновах истории.

ГЛАВА 11

Утром в управлении было необычайно многолюдно. Я

прошёл по коридору, встретив больших чинов из облисполкома, милиции, несколько представителей прокуратуры. Все суетились, бегали по кабинетам. В конце коридора слышались громкие надрывные рыдания.

Я прошёл чуть дальше, чтобы посмотреть, кто это ревёт. Оказалось, что жена капитана нашего начальника Жидкова – Ирина Васильевна. Молодая барышня лет тридцати, намного младше своего мужа. Теперь она сидела на лавках в конце длинного коридора первого этажа, брошенная и забытая всеми, обхватив растрёпанную, непокрытую ничем голову обеими руками, плача навзрыд. Услышав мои шаги, она подняла красные зарёванные глаза на меня, вытирая слёзы платком.

– Саша? Клименко? Ты?

Я кивнул, не зная, что мне сказать сейчас, чем утешить женщину, потерявшую единственного кормильца в семье, оставшуюся с тремя малолетними детьми одной. Насколько мне было известно, Ирина Васильевна ни дня не работала нигде. Едва они с Жидковым расписались, когда ей исполнилось восемнадцать. Родителей она потеряла в революцию, прибилась к одну из полков, расквартированных в Харькове, которым как раз командовал Жидков, так и осталась с ним до конца...

– Как?! Скажи как?– посмотрела она меня полными отчаяния глазами.– Как получилось так, что все вернулись живыми, а он... Он убит?! Как? Почему именно он?!

Бессмысленно было ей говорить, что такое могло случит-

ся с каждым, что и я, идя первым перед цепью, мог схватить эту пулю, мог и Василь Конопатов, даже начальник управления... Бессмысленно оправдываться в том, что остался живой, а её муж лежит в областном морге с пробитой грудью. Глупо, как-то оправдываться...

– Там какие-то документы надо собрать... Чтобы пенсию тебе и твоим детям платили, насколько я знаю, – отводя глаза в сторону, посоветовал я.

– Сволочи! Вы все тут сволочи! – тихо и зло прошептала Ирина. – Вы, как клубок змей здесь вертитесь, лишь бы тебя не укусило, на остальных людей вам глубоко плевать... Зачем я сюда пришла? Хотела вам в глаза посмотреть... Как должность моего мужа уже делите, пока он мёртвый лежит.

– Я...

– Не смей! – она отвесила мне звонкую пощёчину. Такой силы от этой худенькой женщины я никак не ожидал. Щёку обожгло горячей болью. – Не смей меня перебивать! Вы все тут совесть давно продали, а те, кто не продал, те спрятали её куда-то далеко, чтобы не мешала творить ваши гнусности.

– Ирина... – попробовал я встать и уйти, но она ухватила меня за руку.

– Все вы сгинете за то, что творите в своём управлении. Все до единого! Никому не станет нужно то, что вы тут делаете, считая важным... Только моего мужа... уже никто мне не вернёт.

– Извините, мне пора, – я рывком, совсем невежливо вы-

рвал свою ладонь из её удивительно крепких пальцев. Зачем я вообще к ней полез? Зачем со своей инициативой опять попал под неприятности. На душе после этого непростого разговора остался неприятный осадок. Я ловил на себе насмешливые взгляды остальных сотрудников, проходящих мимо нас, чувствуя себя гадко, словно вымазался в чем-то противном и липком.

– Извините... Вы про пенсию узнайте!

Я быстрым шагом вернулся к широкой лестнице на второй этаж, где находился наш отдел. В след мне донеслись опять приглушённые рыдания вдовы Жидкова. Кажется, она пришла сюда сегодня вовсе не за льготами и пенсией, а просто выплакаться, выреветься, выбросить ту боль, саднящей раной, сидящую у неё в груди.

У красного знамени, на посту номер один стояла фотография капитана Жидкова. В траурной рамочке с надписью, что данный офицер погиб в борьбе с бандитизмом. Стараясь не смотреть на неё, прошмыгнул в нашу каморку, где собирались опера.

В кабинете уже сидел Василий, баюкая свою раненую руку, замотанную плотным белым бинтом, будто там действительно была серьёзное ранение.

– Доброе утро! – поздоровался он, привставая на старом табурете.

– Если он доброе... – буркнул я, плюхаясь на своё место, заваленное бумагами до самой настольной лампы. Вчера на

эмоциях после проведённой операции мне удалось уснуть далеко не сразу. Я ворочался, ходил курить, раз за разом перематывая в голове события прошедшего дня. Мог ли я, что-то сделать, спасти Жидкова, если бы не пошёл в другую сторону, а был бы рядом? Вряд ли... Капитан – в прошлом лихой кавалерист, в сущности добрый малый, безнадёжно отставший от современной тактики и стратегии, но исполнительный и верный партии товарищ, не послушался и повёл облаву так, как повёл, зато Бритва и его сообщники ушли бы, зато сейчас нападения на инкассаторов прекратятся, деньги госрезерва в безопасности, а в безопасности ли? У ж слишком всё гладко получилось... Отчего на душе остался неприятный осадок. Искали эту банду всем Харьковым, столько сил потратили, обыски, облавы, всё впустую, а тут раз... И все кончено. Странно даже ...

– Видел вдову Жидкова? – кивнул куда-то на дверь Василь, чтобы как-то начать разговор.

Я кивнул. Разговаривать с Василём не хотелось. Вот капитан убит, а этот хлюст руку свою поцарапанную баюкает, словно её оторвало. Я знал, что так думать нельзя, несправедливо, но ничего с собой не мог поделать. Я впервые терял людей во время операции, людей, которые ко мне относились довольно неплохо. Были, если не друзьями, то отличными товарищами и рассудительными начальниками. Никогда не думал, что это оказывается так больно. Василь всё понял. Он был неглуп, а потому замолчал, давая мне время выстра-

даться, угрюмо уткнулся в стакан с чаем, о чем-то сосредоточенно думая.

– Товарищи офицеры, – в нашу каморку зашёл Секретарь. Власенко сегодня был в форме, туго стянутый портупеей, словно тростинка, худой, бледный, в огромных круглых очках, которые никак не ладились с его офицерским образом. Хромовые сапоги скрипели при ходьбе и были удивительно начищены до зеркального блеска. Левая рука у него была перевязана траурной алой ленточкой. Мы мгновенно вскочили, вытянувшись во фронт. Это было первое посещение всеильного заместителя наших скромных пенатов.

– Приказом начальника управления НКВД по городу Харькова и Харьковской области капитан госбезопасности первого ранга Жидков за борьбу с бандитизмом и врагами народного хозяйства награждён орденом Владимира Ильича Ленина, увы, посмертно... Тем же приказом временно исполняющим обязанности оперативного отдела управления назначается Конопатов Василий Алексеевич, проявивший доблесть и мужество в задержании особо опасных преступников.

– Служу Советскому Союзу! – гаркнул бодро Василь, но поймав мой насмешливый взгляд смутился и смазал концовку. Мы-то оба знали, кто на самом деле устранил Бритву.

– Времени рассусоливать некогда, ребятки, – кивнул Секретарь, утратив всю свою официальную важность. Снял очки, присел на свободный стул, предназначенный у нас в

кабинете для допроса задержанных,— Москва требует действий! Наркомат в бешенстве! Банда поймана, уничтожена, но госрезерв находится в госбанке, а не здесь, под нашей охраной. Конопатов?

— Я!

— Ты, как преемник капитана Жидкова, разберись в его записях, планах по переброске денежных средств под нашу охрану.

— Слушаюсь!

— А ты, лейтенант, займёшься другим направлением нашей деятельности... Москва требует усилить розыск врагов трудового народа в рядах нашей партии...

Я поморщился. Никогда не занимался политическими преступлениями. Считал это чем-то грязным и подлым, а может, как и товарищ Мазо ошибочным. Как можно было по нормативу восемь человек в месяц искать предателей? Хорошо, если из этих восьми, хоть один действительно «контра», чаще бывало, что сажали совершенно безвинно. За неосторожно сказанное слово, брошенную неугодную фразу, по наветам и клевете.

— Не довольны? Или может вы не согласны с нашим наркомом товарищем Ежовым, что гидра заразы распространялась почти во сферы жизни нашего молодого и здорового социалистического организма? Или вы не согласны с товарищем Сталиным? — Секретарь испуганно вжал в голову в плечи, словно поминая всуе отца народов, получит тут же мгно-

венное и неотвратимое наказание.

– Никак нет!– гаркнул я, понимая, что от этого поручения мне не отвертеться.

– Пока товарищ Конопатов займётся разработкой планы перевозки ценностей. Я вас попрошу разобраться вот в этом деле...– Секретарь бросил картонную папку, перевязанную тесёмками на мой стол.– Помните, что у нас горит план отчётности перед Москвой.

– Слушаюсь!

Секретарь усмехнулся и вышел, тихонько претворив за собой дверь. Он всегда так ходил, словно крался. Я раздражённо стукнул кулаком по столу и сел.

– Хочешь вместо тебя съезжу на задержание?– предложил Конопатов, наблюдая за моей реакцией.

– Тебе нельзя,– огрызнулся я, расстроенный полученным приказом,– ты у нас теперь начальник.

Василь все понял и замолчал, а я раскрыл материалы дела, искренне надеясь, что это действительно враг народа, а не как обычно болтливый научный сотрудник, рассказавший про вождя неприличный анекдот. Так...

В деле были лишь две коротеньких справки и длинный опус, написанный от руки. Быстро пробежал глазами выдержки от участкового. Так...Марк Розенштайн 1888 года рождения, урожденный еврей, проживает в Харькове с с рождения. Происходит из семьи ювелиров. На момент Великой Октябрьской его отец владел небольшим магазином по

ремонту и продаже украшений. После свержения монархии изъявил желание остаться в стране, добровольно передал все семейные ценности на благо революции. Отец и мать уехали в Париж. В данный момент их местонахождение неизвестно. Был директором продовольственного магазина на Блюхера. Состоял в комиссии по новой экономической политике при республиканском исполкоме. В 1935 году назначен на должность директора универсального магазина «Харьков». Женат. Детей нет. По месту жительства характеризуется, как ответственный квартиросъёмщик и неконфликтный человек.

А вторая справка о ком? Подумал я, хотя уже примерно знал о ком... Сколько мне таких справок пришлось перечитать за последний год или два? Сотни, десятки? И за каждой из них, за сухими строчками казённого текста целые человеческие судьбы, искалеченные, измолотые неповоротливой политической машиной.

Роза Розенштайн, урождённая Вихель. Еврейка из богатой харьковской семьи фабрикантов. Отец – владелец завода по производству посуды. В 1917 году бежал в Австрию, спасаясь от большевиков, бросив всё семью на произвол судьбы. Матери Розы пришлось срочно искать для девицы на выданье, коей была молодая еврейка хорошую партию. В браке с Марком Розенштайном. Детей нет. Домохозяйка.

Я медленно перевернул справки, доставая третий листок, исписанный грубым, отнюдь не каллиграфическим почерком. Внимательно вчитался в косые строчки.

Довожу до вашего сведения, что мой начальник – Марк Иосифович Розенштайн, управляющий универсальным магазином «Харьков» неоднократно пользовался своим служебным положением в личных целях. Так 22 мая 1937 года он вне очереди выписал себе новый холодильник «ЗИЛ» со склада и отправил его к себе домой, что, на мой взгляд, является грубым нарушением этики советского руководителя. Вчера 21 июля в универмаг пришла его жена вместе со своей подругой. Марк Иосифович отдал приказ работницам торгового зала немедленно обслужить супругу с гостьей, оставив без внимания остальных посетителей. Докладываю вам, его женой было приобретено два шелковых платья по 105 рублей каждое, и шуба за 210 рублей, что много больше зарплаты честного советского директора магазина. Из чего можно сделать вывод, что Розенштайн занимается фарцовкой и перепродажей товаров, скупая их в универмаге по обычным ценам, а продавая втридорога. Кроме этого Марк Розенштайн в перерывах неоднократно хаял советскую власть и лично товарища Сталина, склонял работников торгового зала к саботажу. В связи с этим, прошу рассмотреть вопрос о благонадёжности гражданина Розенштайна.

Главный бухгалтер универмага

Тов. Костенко В.И.

На кляузе широким размашистым почерком нового начальника было написана резолюция: «Задержать до выяснения»

– Бред же полный!– разозлился я, хлопнув кулаком по столу.– Бред!

– Что там?– потянулся к папке Конопатов, открыл, быстро пробежавшись глазами. Спорить я не стал, начальник всё-таки, как-никак.

– Бред! Ведь понятно, что это самый настоящий донос! Написанный этим Костенко лишь с одной единственной целью, занять место самого Розенштейна!– нахмурился я. – Каким надо быть кретином, чтобы посреди торгового зала публично хаять товарища Сталина?

– Успокойся, Саша...– поморщился Василь, откладывая папку себе на стол.– Таких доносов сотни приходят к нам в контору и на каждый сигнал мы обязаны реагировать.

– Реагировать?– вскочил я со своего места.– А хочешь я расскажу, как будет на самом деле? Хочешь? Эту семью арестуют по 58-ой статье, запрячут к нашим костоломам в СИЗО на Холодной горе, которые выбьют из них любые признания, повторю ЛЮБЫЕ! И окажется, что наш директор универмага злостный враг народа, троцкист, готовивший вместе с женой по ночам в двухкомнатной квартире государственный переворот и тайно перепечатавший тезисы Зиновьева на печатной машинке.

– Это наша работа!

– Наша работа искать преступников, Вася!– заорал я, разойдясь не на шутку.– Преступ-ни-ков!– по слогам повторил я.– А это...

– Чистым хочешь остаться?– спокойно уточнил Конопатов, неожиданно нахмурившись.– В милицию надо было идти служить...А мы работаем! И такие заявления... Может быть, если бы не ответственные граждане, вроде товарища Костенко, контрреволюция нас задушила ещё тогда, в восемнадцатом.

– Ну и сука же ты, Конопатов!– процедил я, отстраняясь подальше от своего нового начальника.

– Будем считать я этого не слышал,– не стал обострять напарник,– дело это я у тебя изымаю, а сегодня даю тебе заслуженный выходной за вчерашнюю операцию. Побудешь дома, наберёшься сил, подумаешь, может быть...О целесообразности с такими убеждениями твоей работы в органах!

– Да пошёл ты!– сплюнул я, быстрым шагом покидая кабинет. Дверь позади меня оглушительно хлопнула, оставив Конопатова в одиночестве. Он несколько секунд смотрел в стену прямо перед собой. На его лице блуждала ленивая, несколько рассеянная улыбка. Казалось, что эта история со мной. Моё искреннее возмущение, не только его не расстроили, но даже сыграли на руку.

Василь полез в ящик стола и достал чистый листок. Быстренько набросал текст кляузы. Первой бумаги в моем личном деле. Аккуратно сложил пополам и спрятал в стол. Потом вызвал дежурный наряд к воротам и отправился на задержание. Настроение у него было приподнятым и благодушным. Он кого-то похлопал по плечу, пошутил с дежур-

ным. Ощущение от новой должности были самые замечательные. Казалось, что все смотрят на него теперь по-другому, все ждут решительных действий. Повязку на руке он снимать не стал. С ней у него создавался образ бывалого вояки, опытного чекиста. Водитель полупортки уважительно покосился на бинты, но ничего не спросил, все и без того знали про вчерашнюю операцию.

– Куда едем, товарищ лейтенант?– уточнил он, когда в кузов уселись четыре солдата из роты охраны, а Василь занял место рядом с шофером.

– Для начала в универмаг «Харьков», потом на...– он быстро заглянул в постановление об аресте. – На Кирова! К ведомственному дому.

Мотор взревел, выбросив из выхлопной трубы облако сизого дыма. Полупортка качнулась на рессорах, мягко трогая с места, а Василь уже смотрел в окно на проплывающий там город, медленно варящийся в летнем мареве Харьков, думая о том, что жизнь постепенно налаживается. Все концы к Колу обрублены. Никто не подозревает, что банда налётчиков осталась цела и невредима. Деньги повезут по его, Конопатова плану, в котором он будет знать каждую точку, каждый метр маршрута. Именно он подскажет вору, где идеальной будет всего напасть на конвой. Вместе они разыграют беспроегрешную партию, сделав так, чтобы Василь остался вне подозрений. Ему лишние пятна на биографии не нужны, особенно сейчас, когда карьера стала складываться са-

мым наилучшим образом. Начальник оперативного отдела, а там... Чем черт не шутит? Избавиться бы только от этого чистоплюя Клименко... Но он вспыльчив и болтлив не в меру, не умеет свои мысли держать при себе. Каждая его ошибка будет аккуратно записываться и прятаться в ящик стола, чтобы когда масса станет критической...

Его мысли прервал водитель, затормозив рывком у прямоугольного здания ведомственного дома, где проживали партийные бонзы республики, которым советский народ доверил денно и нощно заботиться о собственном благополучии.

Красивый уютный дворик, аллея с вековыми липами, несколько лавочек с пенсионерами, игравшими в домино – всё это создавало какую-то уютную атмосферу. При виде черного «воронка» они затихли, выжидательно наблюдая за тем, в какой подъезд направится конвой. Конопатов был уверен, что сейчас у каждого из них гулко бьётся испуганное сердце в груди, потеют ладони и каждый из этих благообразных старичков мысленно надеется, что это не к нему, а к соседу.

Возле машины выстроились трое автоматчиков. Василь поправил перевязь на руке, важно прищурился, осматривая двор, нарочно держа паузу, теща своё самолюбие, наслаждаясь этой дрожью и ужасом, пронизавшим партийных чиновников в этот выходной собравшихся во дворе, чтобы скоротать день за партейкой другой домино.

Лениво, растягивая время, он отдал им честь, взяв под

лакированный козырёк своей форменной фуражки. Двинулся к подъезду, где проживала семья Розенштейнов. Позади, возобновились тихие разговоры, послышался настороженный шепоток, кто-то испуганно охнул, как особо впечатлительная девица. Позади топали двое срочников из роты охраны, взятых скорее для устрашения и солидности. Конопатов был уверен, что Марк не станет оказывать вместе со своей женой сопротивления.

Перепрыгивая через ступеньку, он легко поднялся на нужный этаж и постучал в дверь. Это тоже было неким жестом устрашения, работники органов нарочно в таких случаях стучали, хотя на двери располагался звонок.

– Секундочку!– послышался звонкий женский голос из-за двери. Тонкая филёнчатая дверь почти не скрывала звуков, доносящихся из квартиры.– Марк, открой дверь, будь так любезен. Иначе твои любимые оладушки подгорят и ты останешься без завтрака...

Всё это звучало настолько подомашнему, что позади Василя один из срочников тяжело вздохнул. Василию пришлось обернуться и бросить на нарушителя дисциплины строгий командирский взгляд, напоминающий тому о том, что работников органов госбезопасности не имеет права давать себе слабину и жалеть государственных преступников.

– Сейчас, Розочка! Уже бегу!

Со злостью от этой идеаллической картины Конопатов застучал сильнее и нетерпеливее. Тонкая дверь содрогнулась

под его ударами кулака, норовя вывалиться вместе с коробкой.

– Да кто там... Кого с утра пораньше?– ворчал директор магазина, шаркая домашними войлочными тапочками совсем близко. Загремела снимаемая цепочка и щёлкнул замок.

– Простите...– растерянно пробормотал Розенштайн, переводя взгляд с Конопатова на конвой с автоматами, торчащий позади него.

– Гражданин Розенштайн?– уточнил на всякий случай Василь, хотя и без того знал, что это он.

– Товарищи, а что собственно...

– Мы войдём?– не дожидаясь ответа Конопатов оттолкнул грубо полноватого мужчину в в глубь коридора. Марк покачнулся, опрокидывая небольшую тумбу с декоративной дорожкой вазой. Ваза разлетелась вдребезги, как ей и положено.

– Товарищи! Я не понимаю...– промямлил Розенштайн, вставая. По его волосатой руке, покрытой черным курчавым волосом чиркнул осколок фарфора. По его запястью теперь текла струйка крови, но страх перед ворвавшимися в его дом людьми был столь велик, что он её не замечал.

– Марк... Доро...– Роза замерла на пороге комнаты, испуганно переводя взгляд с Конопатова на своего мужа.

– Розочка...

– Что вы себе позволяете, товарищи?– вскинулась она, намного быстрее придя в себя, чем супруг.

– Ваш муж обвиняется в антисоветской деятельности и будет задержан, – спокойно сообщил ей Конопатов, напряженно улыбаясь.

– Кто?! Марк? Да он...

– Роза... – голос её мужа дрогнул. – Не надо...

Он попятился назад, схватившись за вдруг заколовшее сердце. Розенштайн побледнел и прислонился к стенке.

– Не надо, гражданка! Ваш муж говорит правильные вещи, хоть и враг народа... – улыбнулся Конопатов, поправляя кобуру с важным видом.

– Он – враг? – Роза бросилась с отчаянным криком в лицо Василию. Ее полные пальцы вдруг мёртвой хваткой уцепились в его волосы и стали тянуть его голову вниз. Она отчаянно кричала, редела и плакала, слов в этом потоке было не разобрать.

– Розочка...

– Стоять! – один из конвоя шагнул навстречу Марка, щелкая затвором автомата.

– Дапусти ты, глупая баба! – Василь с одной рукой не мог совладать с Розой, а она ослепленная страхом все рвала и рвала его волосы на голове, пыталась выцарапать глаза, но он ловко уклонялся, пряча голову в подбородок. Щеку обожгла царапина от острых длинных ногтей.

– Да успокойте ее, вашу мать! – рявкнул Василь, прижатый к стенке.

Сильный удар приклада в спину опрокинул Розу на него.

Она громко ойкнула и подалась вперед, хватая ртом воздух.

– Сука!– свободной рукой Конопатов ударил Розу по лицу. Голова женщины откинулась в сторону, а губа сразу же лопнула. – Тварь!

Он со всей силы ударил её в живот, опрокидывая на спину.

– Сука!– тяжелый подкованный сапог вонзился куда-то в область спины. Роза выгнулась, лежа ничком, громко застонав.

– Розочка!– Марк кинулся супруге на помощь, но ствол автомата уперся ему в грудь.

– Стоять!

Василь с ненавистью вытер с лица кровь. Царапина от ногтей оказалась глубокой и сочилась из раны тонкой струйкой крови.

– Похоже, гражданка Розентшайн, вы оказались в створе со своим мужем-антисоветчиком и будете так же задержаны за сопротивление органом госбезопасности,– процедил он, доставая из кармана галифе отутюженный носовой платок. Скрепя зубами, приложил к ране, чувствуя неприятное жжение.

– Это...это бесчеловечно!– выдохнул Марк, вытирая текущие по щекам слёзы.

– Уводите их!– кивнул Василь.

Один из срочников подхватил женщину под руки. От боли та почти потеряла сознание. Глаза её закатывались ку-

да-то вверх, а сознание от удара кулаком терялось. Однако, на лестничной площадке она рассмотрела замершую этажом выше Валентину, наблюдающую за арестом с заплаканными глазами.

– Вот и пришёл наш черед, девочка моя... – проговорила она одними губами так, что эти слова, сказанные на прощание смогла разобрать только сама Коноваленко.

Увидев её, Конопатов злобно ощерился.

– Вы кто такая, гражданка? – недовольно бросил он, оставившаяся на лестничном марше.

– Коноваленко Валентина Владимировна! Жена майора госбезопасности Коновленко Андрей Викторовича, – поджав губы, решительно сообщила она, шагнув вниз, – мы живем над семьей Розенштайн. За что задержаны эти люди?

Фамилия начальника оказала на Василя волшебное действие. Он подтянулся и даже попробовал убрать с лица недовольную мину.

– Я бы не советовал жене столь высокопоставленного чиновника интересоваться такими вещами... – выдавил он из себя, провожая взглядом конвой вместе с четой Розенштайнов, которым даже не дали толком собраться, забрав из дома прямо в домашнем.

– А я бы не советовала советовать жене своего начальника! – коротко отрезала Валентина. Потом она удивлялась, откуда у нее взялась эта сила, так четко и ясно ответить зарвавшемуся лейтенанту. – Отвечайте!

– Враги народа! Приказ подписан вашим же супругом!– он протянул Вале помятую бумажку с ордером на арест.

Валя вчиталась в каллиграфически выведенные буквы. Этот почерк она бы узнала даже среди миллиона других «задержать до выяснения». Сердце куда-то ухнуло. Почему так? Почему единственного её друга, который появился в этом недружественном для нее городе, забрал ее муж? Почему именно так? Сначала мать, потом сын, теперь Роза с ее безобидным подкаблучником мужем... Почему он всех забирает вокруг нее, не оставив ничего взамен?

– Разрешите идти?– Конопатов воспользовался растерянностью женщины и взял под козырек, аккуратно выудив из рук Вали смятую бумажку.

Почему так? Почему страна сама себя уничтожает? Почему умные думающие люди должны жить в страхе? Почему таких, как Роза Розенштайн и ее муж, ничего не замышляющих против советской власти, арестовывают?

Валя даже не заметила, что осталась на лестнице одна. В подъезде царил тишина. Жильцы переживали бурю, молясь лишь о том, чтобы следующими за кем придут стали не они. Коноваленко пошатнулась и схватилась за перила. Идти в магазин перехотелось. На сердце осталась лишь горькая пустота.

ГЛАВА 12

С трудом она поднялась, словно опущенная в воду, на свой этаж. Не с первого раза попала в замок ключом, чтобы

отворить дверь. Руки дрожали и не слушались. Перед глазами стояла Роза с разбитым в кровь лицом в одном домашнем халате и исподнем, торчащим из-под него.

Что творится в её стране? Ради этого люди делали революцию, сменяли вождей? Это завещал великий Ленин, когда выступал на первом съезде? Ах, какое было прекрасное время! Какие планы строили люди! О чем думали? Что построят новую жизнь, где не будет угнетения, где не будет страха... А что теперь? Почему все настолько исказилось, что белое стало черным, а черное белым? Почему человек свободный не может говорить в полный голос о том, о чем он думает? Почему вокруг сплошная цензура? Почему ты выходишь из дома и беспрестанно оглядываешься, опасаясь, что вот-вот из-за угла появится «воронок», тебя погрузят в его всепоглощающее черное нутро, и ты просто исчезнешь по чьему-то навету? На судьбе твоих родственников поставят жирный нестираемый ничем крест, клеймо врага народа, а вместо тебя останется лишь скупая строчка приговора «десять лет без права переписки». Был человек и нет человека... За это ли боролись в далеком семнадцатом году их отцы и матери? Этого хотели? Или просто система изменилась, исказилась, сломалась?

Эти простые, но одновременно ужасные мысли, осознание своей жуткой беспомощности перед государственной машиной, поразили Валентину до глубины души. И то, что её муж причастен к этому, что с его попустительства все это проис-

ходит, вызвало в ней глубокую волну отвращения. К себе самой, к своему супругу, к их жизни, которая отдает приспособничеством...

– Валечка... – она не заметила, как Андрей зашел в комнату, его крепкие руки обняли ее за плечи, будто пытаясь вырвать из плена этих жутких мыслей. Она брезгливо повела телом, стряхивая их. А может этими самыми руками он только что привел в исполнение приговор доброй и милой семье Розенштайнов. Именно эти пальцы спустили курок.

Коноваленко заметил ее состояние. Они слишком долго прожили вместе, чтобы он не понимал свою жену. Андрей отстранился и присел напротив на корточки. Взял её руки в свои холодные ладони и посмотрел в глаза.

– Я сегодня решил освободиться пораньше, – сообщил он ей, глядя прямо в глаза, – пора и нам осмотреть город, в котором мы живем... Как ты смотришь на то, чтобы прогуляться немного?

Валентина отстранилась, вставая с табуретки, высвободив свои ладони из его крепких пальцев. Обида от вчерашней ссоры, густо замешанная на сильном эмоциональном потрясении после ареста Розентшайнов, не давала ей находиться с ним рядом.

– Что-то случилось? – встревоженно спросил он, твердо решивший помириться с супругой.

– наших соседей арестовали! – преувеличенно спокойно сообщила Валя ему, отойдя к плите, сделав вид, что зани-

мается готовкой, а на самом деле, лишь бессмысленно переставляя тарелки.

– Соседей?– нахмурился Андрей.– Это каких?

– Прекрасные милые люди,– нервно огрызнулась Валя, не глядя в его сторону,– семья Розенштайнов, Марк и Роза. Она домохозяйка, а он директор магазина.

– Странно...– нахмурился муж, поправляя форму.

– Еще как странно, Андрей!– воскликнула она, выронив одну из тарелок на пол. Фарфор с грохотом разлетелся на кусочки. Оба вздрогнули.– Они ничего не замыслили против советской власти! Ни-че-го! А под ордером на арест стояла твоя подпись...

– Знаешь, сколько таких ордеров мне приходится подписывать в день?– огрызнулся Коноваленко.

– И все эти люди виноваты?– повысила голос Валентина. Одиночество, разлука с сыном, разлад в семье, страх за свою жизнь смешались в одну гремучую смесь.

– Я не знаю....– растерянно пожал плечами Коноваленко.

– А я знаю, что нет! Что вы обычные трусы и ничего большего! Ты руководишь трусами, которые боятся собственной тени!

– Валя...

– Что Валя?! Или я не права? Вы затыкаете рот всем и каждому, который смеет думать не так, как вы! Вы хуже царских жандармов!

– Это тебя наши соседи просветили?– разозлился Коно-

валенко.— Может там и стоит моя подпись! Может они действительно виноваты! А может и нет! Органы разберутся...

— Знаю я, как они разберутся....

— Надеюсь, ты с ними не успела слишком близко познакомиться?

— А то что?— нахмурилась Валентина.

— Связь с врагами народа порочит звание мое, как офицера госбезопасности, и...

— И что? Нас тоже посадят?— почти закричала Валентина. Из глаз ее брызнули слезы. Она бессмысленно теребила в руках кухонное полотенце.

— Это может очень сильно повлиять на мою карьеру,— заметил Коноваленко, понимая, что говорит не то, что сейчас требуется.

— Карьеру?— разозлилась Валентина.— А что у нас есть кроме твоей карьеры? Может быть семья? Или нормальная спокойная жизнь? Мы только и делаем, что живем твоей карьерой! Она преследует нас! И что толку? Жить в точно таком же страхе, как остальные, но слишком многим жертвовать? Мы меняем города и области, квартиры и дома, а жизнь проходит...

— Валь...

— Я больше не могу так... У меня нет сил!

— Потерпи чуток... Все обязательно наладится!— Андрей шагнул к ней, пытаясь хоть как-то успокоить супругу, но она вырвалась снова из его объятий.

– Мне надоело ждать, Андрей, когда наступит это долгожданное завтра... Я хочу жить в счастливом сегодня.

– Я...

– Извини!– Валентина швырнула полотенце обратно на стол и быстрым шагом выскочила из квартиры. Эти толстые бетонные стены душили ее. Комок слез подкатил куда-то под горло, вырываясь наружу приглушенными рыданиями. Она брела по улице, не разбирая дороги. Прохожие испуганно шарахались от нее, всклокоченной и зареванной. Она сама себе не могла объяснить, что произошло внутри, что сломалось. Просто в миг, когда она увидела арестованных Розу и Марка, ее внутренний стержень не выдержал постоянного одиночества, разлуки с сыном и постоянных переездов, когда она только-только нашла родственную душу тетю Розу, когда вдруг ощутила, что у нее появился человек в жизни, кому интересна ее жизнь, даже в этот момент, работа мужа отняла все. Это было проклятием, преследовавшим Валентину всю сознательную жизнь. Его она вынести не могла. Чувство несправедливости происходящего ломало внутренние границы, меняло сознание женщины, навсегда оставляя позади её по-детски наивные чувства и мысли.

– Валя...– знакомый голос окликнул бредущую по липовой аллее женщину. Она обернулась. Тот самый лейтенант, встречавший их на вокзале Харькова, сидел на лавочке недалеко от их дома, в руках у него был смятый букет полевых ромашек. Наивный, молодой, глупый мальчишка... Сколько

ему? Двадцать? Ей почти сорок. На что он надеется, приходя сюда каждый день, дежуря у подъезда, как часовой у полкового знамени? Он же из их системы... Из системы ее мужа! И будь он сегодня в военной форме, то она никогда бы не подошла бы к нему, не откликнулась на его окрик, просто бы прошла мимо, испытывая почти такое же отвращение как к Андрею сейчас, но парень был в черном пиджаке, светлой рубашке в крупную клетку и смешной огромной кепке, надвинутой на глаза, абсолютно ему не идущей.

Валентина остановилась, выжидательно глядя на меня. Глаза красные заплаканные смотрели куда-то мимо.

– Добрый... Здравствуй!– нерешительно начал я, понимая, что сказать зареванной женщине, стоящей на улице одной, добрый день было бы глупо.

Валентина шагнула навстречу мне. Мимо протарахтел грузовик, азартно нам посигналивший хриплым гудком. За рулем усатый шофер приветливо махнул рукой.

– Здравствуй, Саша,– поздоровалась она, вытирая ладонью слезы, напоминающие огромные прозрачные льдинки.

– Я... Тут...– я мял в руках и без того превратившийся в веник букет ромашек, сорванных на городской клумбе.

– Это мне?– кивнула она на цветы.

– А? Да!– спохватился я, пытаюсь оправить смятые лепестки. Валентина молча взяла букет. Понюхала. Они пахли свежескошенной травой и свежестью.

– Красивые...– ей уже так много лет никто не дарил цве-

тов. А этот мальчишка с его упрямством, наивной любовью настолько сильно всколыхнул все то, что она давно забыла, спрятала внутри себя, что сердце Валентины захлестнула нежность. Она подалась чуть вперед. И я понял, принял её это бессознательное движение, раскрыв свои объятия. Тепло ее тела согрело меня, заставило вздрогнуть, а дыхание на какое-то время и вовсе остановится, чтобы не спугнуть этот момент высшего счастья. Я зарылся лицом в ее кудрявые волосы, вдыхая аромат дурманящей свежести, чувствуя себя, будто во сне, не веря такому чуду. Валентина попробовала поднять голову, чтобы посмотреть мне в глаза, но ее лоб наткнулся на мои губы. Неловко они коснулись кожи женщины. Она слегка вздрогнула. Я чувствовал, как трепещет ее маленькое сердце, как вжимается она в мои объятия, причесаясь от всего на свете, и испытывая высшее счастье от того, что могу ей это дать. Я провел рукой по ее хрупким плечам, ощущая, как ладонь скользит по идеальному женскому телу. Неумело поцеловал висок, вот-вот ожидая, что она меня оттолкнет, накричит и навсегда исчезнет, как дым, но женщина стояла попрежнему в моих объятиях, чуть дрожа.

– Я... – она подняла голову, и ее губы оказались прямо напротив моих. Жадные приоткрытые, готовые к поцелую. Я не мог, не хотел останавливаться! Очень нежно коснулся их, понимая, что она отвечает на мой поцелуй своим. Это было, как полет в пустоту. Кажется, что только стоял твердо на земле обеими ногами и ощущал, что никакая сила не смо-

жет тебя сдвинуть отсюда, и вдруг раз... И тело летит в сладкую истому, не чувствуя дна. Я не могу сказать сколько это продолжалось. Время для нас в тот момент остановило свой бег, оставив лишь нам двоим стук наших сердец, бьющихся в унисон. Именно в тот момент я понял, что никакой другой женщины мне в целом мире не надо, что сегодня я встретил ту, ради которой готов пойти на край света. Именно тогда, когда мы падали вниз, одновременно поднимаясь наверх...

Спустя некоторое время, когда дыхания стало не хватать, мы отстранились друг от друга. Валечка посмотрела на меня снизу вверх, вглядываясь в меня, словно пыталась запомнить. Потом провела ладонью по моей щеке и еле заметно улыбнулась.

– Мальчик мой...

В пору было, конечно, надуться. Ну какой я ей мальчик? Крепкий двадцатилетний мужчина, в самом рассвете сил... Но даже я, со свойственным мне упрямством, понял, что лучше промолчать сейчас. Не стоило нарушать то хрупкое, что установилось между нами эти вечером на липовой аллее в самом сердце Харькова. Мальчик? Пусть будет так... Я молча взял её за руку и повел по дороге. Из-за разницы в росте было немного неудобно, и она аккуртано высвободилась.

– Что теперь будет... – проговорила она, старательно отворачивая глаза.

– Свадьба будет! – радостно подхватил я, обгоняя её и усаживая на скамейку. Валя не сопротивлялась. Ошарашенно

и счастливо смотрела мимо меня, сложив руки на коленях, как примерная ученица.

– Какая свадьба, Сашка? Я замужем... У меня ребенок есть.

– Но ты же не счастлива с ним!– воскликнул горячо я, бухаясь перед ней на колени. Мне плевать было на новые брюки, справленные матерью в горторге по какой-то льготе, мне плевать было на весь мир, сейчас для меня существовала только она, её грустная улыбка, грустный взгляд из-под длинных ресниц, тихий встревоженный голос.

– Откуда ты знаешь?

– Чувствую... Валь, как только я тебя увидел, то мой мир, словно перевернулся с ног на голову! Я вдруг ощутил, что ты самое дорогое, что у меня есть в жизни и ничего другого мне не надо. Замужем? Давай разведемся! Завтра же подашь заявление в ЗАГС! Ребенок? Я очень люблю детей... – я уткнулся ей в открытые ладошки, лежащие на коленях, стал покрывать их поцелуями. Для меня в этот момент перестал существовать целый мир. Во всей Вселенной остались только мы вдвоем. И мне стало неважно, что нас кто-нибудь увидит или услышит, я готов был горы свернуть ради робкой улыбки моей Валечки.

– Перестань! Саш...

– Я люблю тебя!– воскликнул я.– Выходи за меня замуж!

– Дурачок!– рассмеялась она.– Маленький дурачок...

– Почему дурачок! Разведешься со своим мужем, мы тут

же распишемся, заберем твоего сына, кстати, где он сейчас? Я хочу с ним познакомиться! Уверен, он похож на тебя!

– Разведемся... Ты помнишь, кто мой муж?

– А что начальники республиканского НКВД не люди? Им разводиться не положено?

Сейчас, после нашего первого поцелуя для меня не существовало никаких преград. Мир казался простым и понятным. Вот она, Валечка, женщина, которую я люблю... Так почему мы нам с ней не быть вместе?

– Я вообще сомневаюсь, что там работают люди после сегодняшнего дня...

– Я тоже там работаю,– пришлось мне заметить.

– Ты еще ребенок, неиспорченный системой,– усмехнулась Валентина,– пройдет десяток лет и она тоже тебя сломает, научит цинизму, сделает жестче, злее... Уж поверь мне!

– Я...

– Не спорь!– она приложила свой пальчик моим губам.– Я точно знаю...

Мимо нас проскочила огромная овчарка с ошейником. Следом за ней по аллее брел крепкого вида в фетровой шляпе седобородый старичок, чем-то похожий на товарища Калинина. Он шел, помахивая тростью, но заметив нас немного смутился, затормозил, захлопав серыми, как гладь утренней реки глазами.

– Молодые люди, я дико извиняюсь, но не видели ли вы мою Герту? Она не пробежала здесь, плутовка этакая?

– Вон, за теми кустами!– махнул я в направлении, куда исчезла овчарка, но очарование момента для Вали прошло. Она встала со скамьи, отодвигая меня в сторону. Букет ромашек остался лежать одиноко на струганных досках. Оба, и я, и она, понимали, что им суждено здесь остаться навсегда, потому что взять их Валентина с собой не может.

– Мне пора, Сашка!– первые робкие звезды загорелись на все еще сером небосводе. Левее нас медленно и неотвратимо выползала из-за туч прозрачно-белая луна.

– Позволь, проводить?– я очень хотел остаться с ней, с моей Валечкой, как можно дольше, каждая минута рядом делала меня самым счастливым человеком на земле. Мне достаточно было просто находиться рядом, дышать одним с ней воздухом, наслаждаться её красотой и чистым звуком голоса.

– Боюсь, что не стоит... Не дай Бог, кто-то увидет!

– Я...

– Ты самый храбрый мальчик на этой планете,– улыбнулась Валентина, глядя мне прямо в глаза,– это я помню... Но не стоит...

Я потупил глаза в землю, обиженно краснея.

– Саш...– Валентина подергала меня за рукав.– Саша...

– Я люблю тебя!– буркнул я.

– Не стоит...– она обхватила мою голову руками и впилась губами мне в губы. И планета вдруг завертелась все сильнее. Голова закружилась, словно от переизбытка воздуха.

– Люблю...– прошептал я, покрывая её лицо поцелуями.

– Пора, дурачок...Пора...

– Мне не хочется тебя отпускать...– покачал я головой, сжимая Валентину в объятиях и чувствуя, как под тонкой тканью сатинового платья бьется её огромное сердце.

– Надо идти,– она оказалась мудрее и умнее меня. Отстранилась и пошла в сторону дома, разрывая наши объятия.

– А что было сегодня?– вдруг вспомнил я слова любимой женщины, что после сегодняшнего дня она сомневается, что в управлении работают люди, а не звери.

Валентина остановилась на секунду, внимательно посмотрела на меня, а потом тихо произнесла, так что я еле расслышал:

– Сегодня?– переспросила она.– Сегодня наступил день, когда вся моя старая жизнь рухнула...

И медленно пошла по аллее. Я не знал, как к этому относиться, то ли радоваться, то ли грустить. Каким-то причудливым образом, по прихоти небес, наши с ней судьбы сегодня переплелись окончательно и бесповоротно. И к чему эта связь приведёт было известно лишь только им самим.

– Мы увидимся завтра? – прокричал я ей вслед. Она промолчала, уходя всё дальше и дальше в свете начинающих зажигаться фонарей.– Я буду ждать! Валя! Я буду каждый день ждать тебя здесь! Завтра в шесть! Валя!

Сердце радостно ныло от нахлынувших чувств. Я успевал на последний рабочий трамвай в свой поселок Халтурина. Часы показывали половину восьмого. Вприпрыжку рванул к

ближайшей остановке на Сумской, чтобы не опоздать. Мне хотелось петь, кричать на весь мир о своём счастье. Душа пела, и весь город казался теперь таким приветливым и полетному приукрашенным. Я любил, и хотел надеяться, что не безответно.

А Валентина через десять минут была дома. Ключей она с собой не захватила в пылу ссоры. И теперь очень надеялась, что Андрей оставил дверь открытой. Аккуратно толкнула её и облегченно выдохнула, когда та с легким скрипом подалась. В квартире было темно. Женщина медленно прошла на кухню, щелкнув выключателем. Муж спал. Слава Богу... Ей не хотелось ему врать и что-то объяснять... Ей не хотелось его даже видеть. Перед глазами стоял Сашка, а искусанные с жадностью губы ещё хранили сладкое послевкусие.

ГЛАВА 13

Всемогущий секретарь управления НКВД по Харьковской области практически жил на работе. Он редко возвращался домой, ночуя на продавленном старом диване, стоящем в его кабинете. В шкафу для бумаг, на самой нижней полке были заранее припрятаны подушка с одеялом, а в верхнем ящике стола, рядом с наградным револьвером лежал кипятильник. Каждое свое утро Власенко начинал с крепкого чая.

Но сегодня, когда вечер едва опустился на сонные улицы Харькова, он решительно смахнул разложенные по столу кипы бумаг в одну кучу, и стал торопливо собираться, несколь-

ко раз бросив настороженный взгляд на старые напольные часы, гулко бухающие своим тяжелым маятником в углу приемной, словно боялся куда-то опоздать.

Сегодня он мог позволить себе уйти намного раньше, благо сам начальник управления отправился домой ближе к обеду, предупредив, что будет на телефоне. На вечер у него была назначена очень важная встреча, а вот до этого момента ему нужно было посетить тюрьму на Холодной горе, чтобы присутствовать на допросе одной из недавно задержанных.

Сборы не заняли много времени. Старенькая потертая шляпа, кожаный портфель, являющийся предметом тайной гордости Нестора Петровича – вот и весь скарб, который принадлежал всемогущему Секретарю. Очки с надтреснутым стеклом он решил не надевать, спрятав их в нагрудный карман светло-серого пиджака. Спустился вниз, предупредив на проходной, что будет только завтра утром. Офицер, дежуривший на посту, тотчас же записал по какому адресу можно будет найти Власенко и снова углубился в чтение какой-то очередной книжки.

Выйдя на улицу Нестор Петрович огляделся. Он так привык долгое время находится в полумраке приемной, что теперь на свежем воздухе, на оживленной площади Дзержинского, где прогуливалось множество людей, он чувствовал себя немного неуютно, словно лишился какой-то особой защиты в виде толстых каменных стен своего родного управления. Однако, переселив себя, он уверенно зашагал в сто-

рону остановки, где длинной змеей толпилась очередь харьковчан на автобус. Он пристроился к молодой влюбленной парочке, прислушиваясь к их счастливому щебетанию.

– У нас будет много-много детей, Ванюш,– говорила она ему на ушко, но так, что Власенко, все хорошо слышал,– построим большой и светлый дом! Там будет много друзей...

– Конечно, любимая!– подтверждал её слова парень, которого звали Иваном. Всё это любовное щебетание было чуждо Власенко. Всю свою жизнь он был один, и это одиночество с течением лет, Нестор Петрович ощущал всё сильнее, особенно когда ему попадались вот такие счастливые парочки. Ему стало неприятно...

– Простите... А куда идёт этот автобус? – уточнил он, прерывая их, увидев громыхающий по брусчатке транспорт.

– Холодная гора!– отозвался Ванюша, повернув счастливое лицо к Власенко.

– Именно туда мне и надо!– кивнул Секретарь, приподняв в знак признательности шляпу.

– Какой неприятный мужчина...– донесся ему в след женский озадаченный голос.– Вроде ничего плохого не спросил, а в душе остался такой осадок, будто в грязи вымазали...

Помимо воли Секретарь улыбнулся. Он прекрасно знал об этом своем свойстве и в душе был доволен, что сумел испортить людям прекрасное настроение.

Кое-как затолкавшись в переполненный автобус, Власенко честно оплатил проезд, устроившись у окна, наблюдая

за цветущим родным городом и раздумывая над тем, в какую опасную игру он ввязался. Коновленко был несомненно очень опасным и неприятным противником. За счет более богатого опыта межструктурной грызни он мог легко свалить Секретаря, но, слава Богу, пока не догадывался, ни про слежку за ним, ни про планы занять его место самого Власенко.

Кстати о слежке... Сегодня пришел первый рапорт от службы наружного наблюдения, установленного за семьей начальника управления. Агенты докладывали, что сам Коноваленко пока ни в чем порочном замечен не был, строго следует однажды заведенному маршруту с работы домой и обратно, а вот то, что творилось за эти дни с его супругой заставило всемогущего Секретаря оставить все свои дела и отправиться в СИЗО на Холодной горе, а потом и на личную встречу с агентом наружного наблюдения, что было запрещено всеми возможными инструкциями. Никто из управления не должен был знать наружку в лицо, потому как, возможно и такое, что в самом скором будущем, наблюдение придется вести за своими кураторами.

Во-первых, в короткой записке-рапорте, было рассказано о том, что сегодня днем был произведен арест соседей Коноваленко по ведомственному дому семьи Розенштейнов. И Марк и Роза ничем не выделялись среди сотен других еврейских семей Харькова. Она домохозяйка, он директор магазина... Ничего особенного! Если бы не кляуза одного из сотрудников универсама, о антисоветской деятельности Марка

Соломоновича. То ли шубами спекулировал, то ли товарища Сталина хаял во всеуслышание... Вообще не суть важно! Особо разбираться орлы из оперативного отдела не стали, быстренько слепили 58-ю статью и его с женой упекли на Холодную гору. Интересно Власенко было не это... Интересно было то, что Роза Розентшайн была по докладу наружного наблюдения лично была знакома с Валентиной Коноваленко, а значит по-соседски могла владеть какой-нибудь информацией, которая Секретарю в борьбе против своего начальника обязательно бы пригодилась. Нестор Петрович мгновенно среагировал, как только получил нужную информацию. Лично подписал приказ о переводе Розы и Марка в отдельные камеры-одиночки и запретил трогать их до своего прибытия. Исполнительный капитан Сушкин – начальник СИЗО выполнил все в точности.

Ну, а, во-вторых, ближе к вечеру, от агентов пришёл тревожный сигнал о личной встрече. Отказать он не имел права, а потому назначил её на половину шестого в парке Горького, сразу после того, как посетит Розентшайнов.

– Конечная, товарищ! – окликнула его кондуктор, вырывая из состояния глубокой задумчивости.

– Ах, да... Конечно... – спохватился Власенко, хватаясь за свой кожаный портфель.

– Спят прям на ходу! – всплеснула руками грузная женщина в белом платке.

– Извините... – буркнул Нестор Петрович, выскакивая из

автобуса. Можно было бы конечно прибыть сюда официально, устроить допрос по всем правилам, не трогая свои старые связи, но Секретарь не хотел, чтобы его имя и фамилия где-то фигурировали, кроме списков работников управления. Потому он сразу направился не к главному входу, где возле забора с колючей проволокой топталось трое охранников, а к заднему двору, где возле неприметной серой дверце в сплошной стене из бетона топтался его старый знакомый капитан Сушко. Сушко был небрит, от него слегка паховало свежим перегаром, да и впечатление этот сгорбленный человек тридцати лет отроду создавал дряхлого измученного старика. Работа в органах сказывалось на него довольно плохо. Нестор Петрович помнил его немного другим, когда парень по своей личной неопытности попытался организовать за деньги побег из холодногогорской тюрьмы одного из очень богатых и влиятельных в прошлом контрреволюционеров Харькова. Секретарь тогда пожалел парнишку, заводил уголовное дело не стал, подумав, что, авось, да какой-то толк с него будет. Нестор Петрович всю свою жизнь любил и ценил беспринципных и алчных людей, считая, что ими легче легкого управлять в отличии от честных фанатиков. Вот и спустя столько лет этот парень пригодился.

– День добрый, Нестор Петрович, – вскинулся Сушко, когда Власенко тихо и незаметно подошёл к нему со спины.

– И тебе не хворать, товарищ капитан, – кивнул сухо Секретарь, отряхивая ладонью невидимые пылинки с мятого

мундира начальника СИЗО,— а я гляжу, что совсем пить часто стал, уже и на работе не просыхаешь...

— Да вы что...

— Будет тебе,— отмахнулся Власенко,— перегаром прет, как от спиртзавода, Кончай мне это, капитан, иначе все твои грешки вспомню разом.

— Да я...

— Ты меня услышал!— оборвал его Секретарь.— Я сказал, кончишь плохо! Или куда-нибудь в ГУЛАГ мордовский хочешь начальником лагеря, а? Жизнь плоха в столице стала?

— Нестор Петрович...— побледнел Сушко, захлопав, словно рыба выброшенная на берег, одними губами.— Дети у меня, трое...

— Вот и я о том...Как наши супруги-то?

— Всё сделал, как просили! Рассадил в одиночки, жрать не дают, пить не дают! Баба, та к вечеру взвыла...

— Отлично!— потер заскорузлые мозоли Секретарь, ехидно улбынувшись.— Вот с нее мы и начнем, товарищ капитан. Показывай свои владения...

Сушко повернулся к двери, тихо постучав. Тотчас же металлическая створка отъехала в сторону, пропуская их внутрь. Это было нечто вроде узкого коридора, обшитого выкрашенными зеленым толстыми металлическими листами. В правом углу торчал часовой с винтовкой в руках. Увидев их, он вытянулся «по стойке смирно», уперев взгляд куда-то вверх.

– Этот не наступит?– кивнул на него Секретарь, надевший очки.

– Этот надежный! Мой человек...– небрежно ответил Сушко, ведя Нестора Петровича по длинным коридорам холодногорского СИЗО. В конце коридора обнаружилась лестница, сваренная из витой арматуры в палец толщиной, громко цокая каблуками сапог, вместе с капитаном они поднялись на второй этаж, оказавшись в административном корпусе. Путь им перегородила еще одна решётка,запертая на замок. Сушко порылся в карманах галифе, ища необходимый ключ.

– Строго тут у вас все...– удивился Секретарь, которому раньше в таких заведениях бывать не приходилось.

За решеткой оказался еще один коридор. Деревянные двери, обитые тонким коричневым дермантином, угрюмо встречали не званых посетителей.

– Разговаривать будете у меня в кабинете, там спокойнее и никто не помешает. Пусть все думают, что на допрос Розенштайнов вызвал я,– пояснил Сушко, отпирая дверь с латунной табличкой, где были указаны часы приема по личным вопросам.

В кабинете капитана пахло спиртным. На столе, на вчерашней газете «Правда» валялись остатки колбасы и зачерствелый кусок черного хлеба. Заметив недовольную мину на лице Секретаря, Сушко мгновенно смахнул все в стол.

Власенко огляделся. Деревянный стул, стол, несколько ла-

вочек по краям для проведения совещаний, грязные зеленые шторы, на окнах решетки, портрет товарища Сталина на стене и небольшой бюст Дзержинского на несгораемом сейфе – вот и вся скучная обстановка.

– Не густо у нас живет начальник СИЗО, – заметил Секретарь, снимая шляпу и пытаясь выбрать место на столе почище для неё.

– Что поделать?! – пожал плечами Сушко, наводя порядок. – В нашей стране сейчас быть богатым опасно. Аскетизм – вот глупейшее из всего, что могло придумать человечество...

– А...

– Я уже вызвал конвой! Розентшайны сейчас будут.

– Это хорошо, – кивнул Власенко, укладывая себе на колени свой кожаный портфель, с которым не расставался никогда и нигде, – ты допрос сам веди, как Бог тебе подскажет, а я туточки в уголке посижу, понаблюдаю.

Он специально выбрал место, где его было плохо видно, из-за подавшей от стены тени.

– А у меня вопросы появятся, так я их сразу и задам... – Власенко улыбнулся той самой улыбкой, от которой у многих его подчиненных дрожь пробегала по телу. Сушко дернул нервно плечом и кивнул.

Несколько минут молчали. Говорить Секретарю с капитаном было не о чем. Он нервно постукивал обычным карандашом по гладкой поверхности письменного стола, обдумыва-

вая предстоящий допрос. Сушко ошутимо волновался, частенько бросая косо́й взгляд на стоящие на полке часы в виде кремлевских курантов.

Наконец, в дверь постучали. На пороге показался старший сержант в форме госбезопасности с синими погонами. Он осмотрел кабинет, сделав вид, что не заметил Секретаря, и только потом втолкнул туда избитого, полуголого мужчину с широкими залысинами. Одет мужчина был в какое-то тряпье, бывшее когда-то домашним халатом. Руки и колени были сбиты до крови. Длинные глубокие ушибы саднили. Под глазам арестованного красовался огромный синяк, а нос опух и слегка был свернут на правую сторону. Из-за чего лицо Марка Розенштайна казалось в полумраке комнаты каким-то мертвецки бледным и чудовищно исковерканным.

– Я говорил, чтобы арестованного не били... – уточнил Власенко в наступившей тишине, которую разрывали только всхлипывания бывшего директора магазина.

– Сержант? – окликнул конвой Сушко, испуганно сжимаясь внутри. О строгости Нестора Петровича ходили легенды. Неавыполнения своих приказов он не терпел и для капитана вся эта история могла закончиться тем, что он займет соседнюю камеру вместе с Розенштайнами.

– Я, товарищ капитан! – конвой топтался за дверью в ожидании поручений.

– Откуда побои на задержанном? – строго спросил Сушко, уперев руки в бока..

– Так...это...упал...Да и при задержании сопротивление оказывал,— пожал плечами конвоир. Для него не было ничего удивительного, что враг народа несколько раз проехался своей наглой антисоветской мордой по стенке своей камеры, так поступали со всеми, кто попадал в холодногорские застенки.

Секретаря это объяснение не удовлетворило, но немного успокоило. Жестом он отправил сержанта обратно за дверь и встал со своего места, замерев над упавшим и так еще не вставшим с колен Марком.

– Марк Соломонович Розенштайн, выкрест...уроженец Харькова. Женат. Детей не имеет. Арестован по статье 58 – антисоветская деятельность...– словно читая его личное дело, проговорил Секретарь, расшагивая вокруг лежащего мужчины. Сушко отошел в сторону, уступив право вести допрос старшему по званию. – Что же вы так, дорогой Марк Соломонович? Вам Родина важное дело доверила, коммерцию в молодом социалистическом государстве налаживать. Доход в казну приносить, а вы...Шубами барыжите....– покачал разочарованно головой Секретарь.– Нехорошо...

– Шубами?– выдохнул с трудом Марк, так и оставшись лежать на полу кабинета, скрючившись в три погибели.

– А то чем же? Вместо того, чтобы продавать их, согласно очереди, вы беспринципно брали денег с гражданок и обслуживали тех кто больше даст вне очереди. Так?

– Нет...– вымолвил Марк. В его глазах запылала искорка

надежды. Ведь шубы это не так страшно, шубы – это не предательство Родины. Шубы – это мелочь, за них не расстреливают. Вот, если бы они узнали про его критику товарища Сталина, тогда пришлось бы беспокоиться. А Роза? Розу-то за что? Она тоже болтлива не в меру... Может где-то, что-то ляпнула? Например, новой соседке? У неё муж – начальник этих извергов. Но надежды Марка Соломоновича на благоплучный исход дела мгновенно рухнули, когда неизвестный ему мужчина в круглых треснувших очках задал очередной вежливый вопрос.

– Ладно шубы... А осуждать решения партии и лично товарища Сталина? – Секретарь бросил короткий почтительный взгляд на портрет. – Что молчишь сука?!

Остроносый ботинок Нестора Петровича вонзился в открытый, ничем незащищенный бок Розентшайна. Тот охнул от боли, закатывая глаза, дернулся в сторону, но был тут же ухвачен за остатки воротника халата крепкой рукой гражданского, ведущего допрос.

– Больно, тварь? – уточнил Власенко, брызгая в разбитое лицо Марка слюной. – Больно? – он отвесил ему оглушительную оплеуху. От чего голова директора магазина безвольно мотнулась из стороны в сторону. – ты еще не знаешь, что такое боль! Я научу тебя...

– Что вам надо... Я ни в чем не виноват! – пробормотал, почти плача, Розентшайн. Все его внутренности болели от постоянных побоев, десны кровоточили, так и не зажив по-

сле того, как при задержании ему выбили большинство зубов.

– Не виноват?– Нестор Петрович с трудом отпустил грязную, пропитанную потом и кровью ткань воротника.– Может быть...– он встал, отряхнул руки, протерев платочком запотевшие стекла очков.– Может быть это ошибка, как вы считаете, товарищ Сушко?– капитан лишь кивнул. Ему ужасно хотелось выпить. Постоянное насилие, которое сопровождало его на работе, сводило его с ума. Убитые им люди все чаще приходили к нему во сне, но вырваться из этой кровавой карусели не было никакой возможности. Оставалось только лишь терпеть, да заливать свое горе крепким самогоном.

– Может и не виновен...Только это надо доказать! Советский человек должен постоянно доказывать, что рад помочь органам госбезопасности, иначе он не советский человек, а шпион...

– Я...я...я советский человек! Прошу вас, поверьте мне...– Марк собрался с остатками сил и встал на колени. Пачкая светлый паркет своей алой кровью, он пополз так к ногам Секретаря.– Прошу, поверьте...

– Ты знаком с Кононенко Валентиной Владимировной?– быстро, недав ему опомниться, задал вопрос Власенко.

– Нет...То есть да...Вообщем это наша соседка! Они недавно вселились...Её муж из ваших...То есть работает в органах.– затараторил Марк торопливо, по его щекам текли крупные прозрачные слезы, смешиваясь с кровью.– Роза

привела её к нам в магазин и очень хвалила. Мне она показала доброй и открытой женщиной...

– А мужа её знаете?

– Нет, клянусь! Ни разу не видел. Она говорила, что он рано уходит и поздно приходит, много работы и мало времени на семью! Прошу... Прошу не убивайте!– Марк схватился за лакированный ботинок Секретаря и вдруг начали тыкаться в него носом. С ужасом и затаенным возбуждением Власенко понял, что Розентштайн его целует. Это было настолько поразительно, удивительно и приятно, что Нестор Петрович в какой-то миг ощутил себя всемогущим.

– Простите... Я искуплю! Клянусь, я все искуплю! Только дайте мне возможность! Я сделаю все, что вы скажите... Умоляю вас! Не трогайте нас с Розочкой!

– Искупишь, говоришь...– задумчиво проговорил Секретарь.– По вашей статье, марк Соломонович вам с супругой, конечно же, положен расстрел. «Особая трока» даже не будет разбираться навет пришел на вас или это все правда, pistolет в лоб и все... Здравствуй ваш еврейский рай, если он, конечно, существует, но я могу помочь...

– Помогите! Помогите, заклинаю!– Марк Соломонович еще активнее начал тыкаться в ботинки Власенко, пытаясь своей угодливостью, мягкостью и подобострастием вымолить прощение для себя и своей жены, которую безумно любил.– Я сделаю все, что угодно! Обещаю! Помогите! У Розочки слабое сердце... Она не выдержит тюрьмы.

– Я могу повлиять на решение «тройки»... Фарцовка шубами не такое уж большое прегрешение, чтобы расстрелять вашу семью. Думаю, что десяти лет лагерей хватит, а выйдете, одумаетесь... Начнете жить заново...

– Да! Заново! Обещаю! Господи, как мне вас... – зарыдал Марк Соломонович. Несколько секунд назад он ждал, что ему пустят пулю в лоб, а сейчас он жил! И ему давали шанс продолжить это дело. Ну и что, что в лагере? Неужели там люди не живут? Выживет и он... Лишь бы ни его ни Розочку не убили.

– Хорошо, товарищ Розенштайн. Пожалуй, я вам верю... – вздохнул Секретарь. Шагнул к столу, где оставил свой новенький портфель. Немного пошуршал там бумагами и достал лист допроса, заполненный аккуратным каллиграфическим почерком, в котором без труда угадывался его собственный. – Это протокол вашего допроса. Он к делу подшит не будет... К вашему делу! – уточнил с ехидной улыбкой Влащенко. – Он останется у меня до поры до времени, пока не настанет в нем необходимость. В нем вы точно указываете и рассказываете, как гражданин Коноваленко Андрей Викторович посредством своей собственной жены пытался вас завербовать для шпионажа в пользу... Пусть будут немцы! – усмехнулся Нестор Петрович, спустя небольшую паузу. – Вы гордо отказались, как самый настоящий советский гражданин, и написали явку с повинной. За это я вам обещаю десять лет лагерей вместо расстрела и возможность отбывать

наказание вместе с вашей обожаемой Розочкой.

– А её нельзя... – робко начал торговаться Розенштейн.

– Молчать, тварь! – рявкнул на него Секретарь, замахнувшись в его сторону кулаком. Марк Соломонович подался в сторону, защищаясь. Он был испуган и растерян. Весь его привычный мир рухнул сегодня утром. Из доброй сказки жизнь превратилась в настоящий кошмар.

– Я согласен... – пробормотал Розенштейн, вытирая слезы.

– Вот и отлично! – улыбнулся Нестор Петрович, подсовывая ему протокол допроса вместе с карандашом. – А завтра пройдет суд и вы отправитесь вместе с супругой по этапу куда-нибудь за Урал? Вы когда-нибудь были в Сибири? Нет... Свежий воздух, лес, постоянные физические нагрузки... Вам, кажется, это будет полезно? Вон, смотрите, жирком заплыли, как тюлень, – он лениво и небрежно снова ткнул Розенштейна в живот носком ботинка. Директор магазина ойкнул, но бумагу все же подписал. Страх перед всемогущими органами был настолько силен, что он даже не думал сопротивляться. Марк Соломонович был полностью во власти этого невзрачного человека.

– Вот и отличненько... – Власенко спрятал бумагу в портфель, уже не обращая никакого внимания на лежащего у его ног мужчину. – Товарищ капитан, этого субчика в камеру. Организуйте все, как договорились. Думаю, Сибирь слишком суровая мера для такого сговорчивого гражданина.

МордЛяг самое то... Климат помягче, да и этап не слишком много времени у вас займет.

– Слушаюсь, товарищ...

– Тсс!– приложил к губам палец Секретарь, прерывая Сушко на полуслове. Скосил глаза на лежащего без движения Розенштайна, искренне надеящегося, что про него забудут и больше трогать не будут, хотя бы сегодня. Тело ныло и болело, измученное, избитое, выхолощенное, словно мокрая тряпка.

– А с бабой что?

– Бабу следом... Она мне неинтересна! Слава Богу, ногти ей вырывать на глазах мужа не пришлось. Марк Соломонович прекрасно все понял и без жестких мер.

Сушко громко позвал конвойных, которые сторожили у двери, прислушиваясь к стенаниям Розенштайна. Сержант заглянул почти через секунду.

– Увести,– кивнул на распластанное тело капитан, доставая из одного из ящичков своего письменного стола початую бутылку водки. Набулькал почти половину граненного стакана и разом орокинул в себя, даже не поморщившись.

– Пьешь ты много, милоч...– заметил Власенко, следуя за конвоем к выходу.– Сдохнешь от неё родимой!– уже на пороге произнес Нестор Петрович, укоризненно покачав головой. Сам он спиртное не пил, считал, что это путь в никуда, а пьющих людей сторонился, полагая, что многие из них излишне болтливы и неблагонадежны. Отчасти Секретарь

был прав... Через три месяца капитан Сушко – начальник холодногорской тюрьмы города Харькова был найден повешенным в своем собственном кабинете дежурной сменой. Многие были уверены, что доблестного офицера НКВД ликвидировали бандиты, сводя с ним счеты, но другие, с которыми Сушко был близко знаком, утверждали, что виной всему неумеренное распитие спиртного, приведшее к тому, что капитан решил свести счеты с жизнью.

Дорогу по полутемным коридорам холодногорской тюрьмы Власенко нашёл обратно самостоятельно. Благо, путь назад оказался недолгим. Через пару минут всеильный Секретарь оказался под тенью деревьев, высаженных подле высокого кирпичного забора. Пели птицы, светило солнце, а настроение было под стать такой замечательной погоде. Первый ход в долгой и интересной партии с очень сильным противником был сделан. Нестор Петрович пошел в наступление.

За ветхими, покосившимися домами, расположенными чуть поодаль от тюремного забора обнаружилась автобусная остановка. На ней скучал молодой парнишка лет семнадцати, лузгая семечки в бумажный пакетик, свернутый из свежего номера «Украинской правды».

– А во сколько будет автобус?– поинтересовался Власенко, присаживаясь рядом, бережно уместив драгоценный портфель себе на колени.

– Да вон он же он, дядя!– кивнул на громыхающее все-

ми своими сочленениями металлическое чудовище, медленно заворачивающее на остановку. И снова Нестора Петровича окунуло в общественную жизнь родного города. Он трясся в автобусе минут сорок, пока не оказался на улице Ворошилова, где по обеим сторонам широкого проспекта располагались удобные лавочки, прогуливались парочки, гуляли бабушки с внуками, кормя голубей, которых тут оказалось превеликое множество. И она в массе своей совершенно людей не чуралась, привыкнув к их пристальному вниманию и постоянной кормежке, лениво бродили перекормленные птицы по вековой брусчатке, даже не в силах подняться на крыло ожиревшие, довольные, хохлатые... Через несколько лет их переловят голодные немецкие солдаты, оставшиеся в городе без провианта. Но это будет потом, а сейчас, голуби, вполне удовлетворенные жизнью, радовали глазз харьковчан и гостей города.

Власенко осмотрелся внимательнее. Среди этого пестрого бульварного разнообразия его на одной из скамеек должен был ждать агент наружного наблюдения, вызвавший его экстренным сигналом. Заметив сгорбленную фигуру, Нестор Петрович шагнул к нужному месту. Присел рядом, развернув газету так широко, словно действительно был заинтересован чтением.

Седой старик с тростью в руках не обратил на своего соседа никакого внимания. Громко по-разбойничьи свистнул подзывая немецкую овчарку, совершавшую променад

по близ лежащим кустам. Собака длинными прыжками за несколько секунд оказалась подле хозяина, мгновенно отзываясь на зов. Стала ластиться к ногам, негромко поскуливая.

– Пришёл сигнал четыре двойки,– негромко произнес Власенко, рассматривая блуждающих по парку блаженных отдыхающих,– это просьба о прямой встрече.

– Ситуация потребовала нарушения всех возможных инструкций,– улыбнулся старик, почесывая свою овчарку. Они беседовали так, словно не друг с другом, произнеся короткие рубленые, малопонятные фразы среднестатистическому обывателю куда-то в воздух.

– И что же случилось?

– У нашего объекта семейные неприятности...– тихо произнес старичок, пристегивая к кожаному ошейнику тонкий ремешок.

– Да вы что?!– удивился Власенко.– Насколько серьезные?

– Настолько, насколько это возможно...

– Очень интересно,– задумался Секретарь, прикусив нижнюю губу. Сегодня у него был определенно замечательный день. Сначала признание Розенштайнов, теперь доклад службы наружного наблюдения...

– И кто же счастливчик?

– Наш с вами коллега.

– Даже так!– теперь Нестор Петрович был действительно удивлен.

– Боюсь бастион верности скоро падет,– вздохнул старик, вставая со скамейки. Верная овчарка тут же оказалась рядом, преданно заглядывая ему в глаза,– никому в этом мире верить нельзя.

– Это просто замечательная новость!– улыбнулся Власенко.

– Рад был увидеться!– приподнял край легкой летней шляпы старик, слегка прикоснувшись к ее полам двумя пальцами. Дернул поводок и зашагал в противоположную сторону от входа в парк. Секретарь удовлетворенно прицокнул языком. Коноваленко оказался настолько глупым и неопытным в интригах руководителем, что справится с ним оказалось даже проще, чем с революционером Мазо. Тот хотя бы что-то подозревал и был чист, как жена Цезаря, а тут и жена не невинна, да и у самого начальника управления рыльцо в пушку. Власенко тяжело вздохнул, поворачиваясь на ту сторону скамьи, где сидел агент. На самом крае гладко оструганных досок был оставлен белый конверт. Торопливо и воровато Нестор Петрович взял его в руки, оглядевшись по сторонам и убедившись, что за ним никто посторонний не наблюдает. Приоткрыл, заглянув туда одним глазом, почти тут же удивленно закашлявшись. На него с черно-белой фотографии смотрели, обнявшись, жена его непосредственного руководителя Валентина Коноваленко и лейтенант оперативной части управления Клименко.

– Вот так поворот...– пробормотал Секретарь, складывая

драгоценную фотографию в черный кожаный портфель.

ГЛАВА 14

Лейтенант госбезопасности Конопатов закончил сегодня работу поздно. Пришлось разгребать дела своего предшественника, составлять ордера на обыски и аресты, потом согласовывать их в центральном аппарате, в котором все будто сговорились именно в этот день не присутствовать на работе. Начальник управления явился лишь к полудню, слегка помятый, будто после большой пьянки, невыспавшийся и расстроенный, он не пожелал видеть Конопатова у себя. Пришлось ждать Секретаря, который тоже куда-то исчез, хотя выходил из управления только по большим праздникам.

Вернулся его бывший шеф довольный и в хорошем настроении. Даже пытался пошутить, что скоро Конопатов и его должность займет, подсидев. Документы он проглядел быстро, кое-где делая пометки на полях, но никаких существенных резолюций не вынес. Уже в самом конце аудиенции из своего кабинета вышел Коноваленко. Кажется, он был слегка под шафе... Его немного покачивало, а глаз с трудом фокусировались на каком-то предмете.

– Нестор Петрович, что с планом перевозки госхрана? Только что звонила Москва. Требуется в течение трех дней завершить операцию, – проговорил он, покачиваясь. Его мундир был растянут. Из под помятой гимнастерки виднелось несвежее нательное белье.

– А...

– План готов!– отчеканил Василь, вытянувшись в струнку. Он давно уже придумал почти беспроблемную схему, в которой и он, и Кол окажутся в выигрыше.

– Да...– не расстерялся Секретарь, из-под очков-половинок внимательно поглядывая на Конопатова.– План готов и лейтенант доложит его, если прикажете.

– Прикажу!– буркнул Коноваленко, шагая обратно в свой кабинет. Василя в спину аккуратно подтолкнул Власенко. Мол, иди, докладывай, раз уж вылез вперед батяки такой умный.

Будто в омут с головой, Василь двинулся следом. Сердце бешено колотилось. Сейчас он сделает самый главный шаг в своей еще пока короткой жизни. Следом в комнату скользнула тень Власенко. Он, как обычно, занял место в углу. Так, чтобы тень от лампы скрывала его от находящихся в комнате.

– Разрешите доложить?– браво гаркнул Конопатов. От его крика майор поморщился, неторопливо занял свое место во главе стола, спрятав куда-то в его недры забытый граненный стакан. – Докладывайте...

– Смысл всей операции – доставить в целостности и сохранности ценности республики под охрану в наше управление.

– Это всем известно, старайтесь не отвлекаться и докладывать по существу,– прервал его Секретарь тихим голосом из своего укромного уголка.

– Так вот...Даже с учетом того, что мы уничтожили бан-

ду налетчиков. Криминогенная обстановка в городе остается довольно-таки напряженной. На сегодня в сводке милиции больше двадцати грабежей и разбойных нападений на магазины, торговые точки, отдельных граждан. В связи с чем остается опасность нападения на госхран,— Конопатов не смутился и продолжил гнуть свою линию. Это был его звездный час, минута славы, о которой он мечтал всю свою жизнь,— после недолгих раздумий я пришел к выводу, что золотой резерв нашей республики надо вывозить несколькими машинами по разным маршрутам.

— Очень интересно... — нахмурился Коноваленко, пытаюсь сосредоточиться на словах подчиненного. В голове было пусто, шумело от выпитого накануне спиртного.

— Мы создаем несколько фальшивых маршрутов, несколько автомобилей, конвой под них, а сами вывозим госрезерв на неприметном транспорте без лишних охранников прямо в наше управления,— победно улыбнулся Конопатов,— налетчики клюют на приманку в виде усиленной охраны, а мы тем временем спокойно довозим ценности до места назначения. Даже, если они попробуют нападать на несколько машин сразу, они никак не смогут предугадать, что все деньги республики перевозят в обычном легковом автомобиле.

В кабинете наступила напряженная тишина. Оба руководителя раздумывали над предложением Конопатова. Оно было безусловно рискованным и очень опасным, но имело шансы на успех именно из-за своей лихости.

– По-моему неплохо...– после долгой паузы, наконец, из своего угла произнес Секретарь.

– Согласен,– кивнул майор.

– Вот списки необходимых сил и средств для проведения операции,– подал Конопатов бумагу из коленкоровой папочки коричневого цвета.

– Так... Рота охраны...Три автомобиля...– быстро пробежал по нему глазами Коноваленко и удовлетворенно кивнул.– Толково. Когда можете приступить?

– Послезавтра!– браво отчеканил Василь.

– Отлично! Исполняйте! Хотя...А кто все же будет охранять сам госрезерв?

– Об этом никому кроме меня знать не положено,– набрался наглости и отчеканил Василий,– «крота» ни в наших рядах, ни в рядах милиции мы так и не нашли, так что...

Коноваленко с Секретарем переглянулись, что-то прочитали друг у друга в глазах. Опытные аппаратчики они понимали друг друга с полуслова.

– Хорошо, товарищ лейтенант, готовьте операцию,– кивнул Коноваленко, вставая со своего места и давая понять, что аудиенция окончена. Следом за ним поднялись Конопатов и Секретарь, тщательно законспектировавший весь разговор.

– Я вам доверяю,– пожал руку Конопатову Коноваленко. Рука оказалась сухой и крепкой. Василь в ответ лишь улыбнулся. Говорить что-то было лишним...Он прекрасно пом-

нил вчерашний вечер, когда они с Колом до мельчайших деталей продумывали эту операцию. Задача перед вором и офицером госбезопасности стояла непростая. Нужно было украть золтвалютный резерв так, чтобы под подозрение не попал сам Конопатов.

– Ты мне еще понадобится.– самоуверенно заявил Кол, попивая крепкий чифирь из металлической кружки.

В итоге пришли именно к такому плану, который Василь сегодня представил на рассмотрение руководства.

– Тебе бы с твоими мозгами у нас работать,– уже под утро, когда все было расписано вором до мелочей, сказал ему Василий.

– Никогда погоны не носил и носить не буду, запахло,– сплюнул Кол, удовлетворенно откидываясь на спинку стула.

– Зря, мог бы дивизией командовать!– покачал головой лейтенант.

– Мне моей хватает... Машка!– заорал вор, почесывая татуированную синими куполами грудь. В комнату зашла полненькая розовощекая девчужка лет двадцати, вполне похожая на какую-нибудь доярку из села Хацапетовка. Только сейчас на ней ничего не было, кроме бус, туго обвивавших её шею.

– А ну-ка поди сюда...– вор грубо схватил женщину на грудь, оставив красный след пятерни на нежной по-детски кожей.– Хочешь?– кивнул он Конопатову, густо покрасневшему в кресле напротив.

– Я, пожалуй пойду... – отрицательно закивал Василь.

– Иди, малыш, – рассмеялся Кол, сладко целуя красавицу, – у тебя завтра очень трудный день...

Сейчас, выходя из кабинета Коноваленко, Василь переживал вчерашнюю ночь, как забавное приключение. А что? Надо было остаться... Когда еще такой шанс перепадет помилиться с какой-нибудь красоткой, что только ворама ранга Кола подстать? Конопатов усмехнулся. Самое сложное он пережил, его с воровым план утвердили, и сейчас было самое главное претворить его в жизнь! А там с большими деньгами придет все остальное... Такие красотки сами ему на шею будут прыгать.

Быстро он спустился вниз, в свой кабинет. Клименко не было. Он с грохотом сбросил выложенные на краю его стола дела на пол. Уселся, закинув ноги на стол. И никто, никогда не сможет его заподозрить в таком громком преступлении.

ГЛАВА 15

Весь вечер я ходил, будто чумной. Голова шла кругом, а я ни о чем не мог думать, кроме как о Валентине. Утром вскочил ни свет ни заря и, даже мать заметила, что со мной что-то не так. А что со мной может быть так, если я влюбился? Влюбился, как мальчишка! Позвонил на работу и сказался больным. Сегодня мне было совсем неохота провести этот замечательный день, разгребая дела, которыми был завален мой рабочий стол. Вместо этого я позавтракал, сделал легкую зарядку и стал гладить свой лучший пиджак.

– Чего это ты вырядился?– спросила мама, наблюдая за тем, как я красуюсь возле зеркала. – Жениться что ли собрался?

– А может и так...– хмыкнул я, крутясь возле зеркала в коридоре. Как невеста на выданье.

– Ох, Сашка...Сашка...На работу, что не пойдешь сегодня?

– Нет!– прокричал я уже из прихожей.– Отгул взял...

Светлый кудрявый чуб никак не хотел ложиться ровно, по-детски топорщился вверх, несмотря на все мои усилия и смачивания водой. Плюнув на него, я выскочил из дома, перепрыгивая через ступеньку.

Неужели я сегодня её снова увижу? Неужели смогу прикоснуться к её губам, рукам, вдохнуть запах ее тела. Сердце от этой мысли сладко зануло в груди, готовое вырваться вперед и побежать быстрее меня на свиданье с любимой женщиной. Как бывает в пору влюбленности, бесшабашной молодости, меня мало волновало, что Валентина замужем, что у нее есть ребенок, что она старше меня. Мне хотелось только быть с ней рядом, наслаждаться голосом любимой, оберегать и защищать ее по мере своих сил и возможностей.

Мне казалось, что даже земля крутится медленнее, чем ей положено, травмай катится еле-еле, громыхая на стыках рельсов своими могучими железными внутренностями. Время остановило свой бег, все люди, машины, дома стали лишь декорацией для нашей с Валентиной любви. У меня нико-

гда не было такого могучего чувства внутри. Оно разрывало, распирало меня, не давая возможности вздохнуть.

У дома Валентины я остановился, даже не заметив, как оказался там, погруженный в свои мысли и чувства. Рабочий день был в самом разгаре. Улицы были путы, и лишь у подъезда суетилась малышня, радующаяся яркому солнцу и каникулам. У нас с Валеёй тоже будет такой малыш... Я оглядел маленькую розовощекую девчонку, сосредоточенно кормящую куличиками из песка свою огромную, почти с её рост куклу. Обязательно будет! Мы должны быть самыми счастливыми родителями на свете.

В тени лип, на лавочке сидел уже знакомый мне седовласый старик, читая газету. У его ног лежала овчарка, настороженно прядая ушами на каждый посторонний шум. Емудя кивнул, как старому знакомому. Он улыбнулся и радостно покивал.

– Доброго ранку вам, пане!– по-украински приветствовал он меня, отрывая взгляд от свежего номера «Правды»

– Дякую!– поблагодарил я его, проходя на ту сторону дома, окна которого выходили на проспект Сталина. Выбрав этаж Валечки, подобрал камешек помельче и запустил в открытую форточку. Тихо звякнуло стекло.

– Ты чего хулиганишь! – раздалось в ответ. Какая-то полная женщина в ночной рубашке и бигудях выглянуло через неплотно прикрытые шторы.– А ну, сейчас милицию вызову!

– Ошибочка вышла, гражданочка!– потупил виноватый взгляд я. Это ж надо так промахнуться!

– Сашка...– этажом выше кричащей женщины я увидел свою Валечку. Она распахнула окно, высунувшись из него почти наполовину.– Сашка...

Она не кричала мне в ответ, только по ее губам и горящим глазам я поняла, что любимая рада меня видеть.

– Что стоишь-то? Ну-ка пошел отсюда! Ты хоть знаешь, куда камни кидаешь! А если стекло разобьешь? Что тогда? Кто его вставлять будет?

Я не стал спорить. Тем более Валентина помахала мне рукой, указав, что скоро выйдет из дома. Понуро побрел в самый конец квартала, присмотрев лавочку, укрытую от посторонних глаз. Что за чудо? Что за женщина? Отчего я, как первоклассник, готов за ней в огонь и в воду? Неужели, это странное сосущее чувство в груди и есть любовь?

– Перебудил весь дом!– голос любимой раздался у меня где-то за спиной. Я вскочил, оторопело замер, не веря, что она пришла, что я её вижу, что...Порывисто бросился к ней, поцеловал, но она аккуратно освободилась из моих медвежьих объятий.

– Увидет кто...

– Валя...

– Пойдем...– держаться за руки было неудобно. Валентина со своей миниатюрностью была много ниже меня, поэтому я просто шел с ней рядом, наслаждаясь звуком её голоса.

Солнце пригревало со всех сторон. Улицы города были пусты. Создавалось такое ощущение, что мы остались вдвоем на планете земля. И только для нас сегодня был этот город, эти дома, эти раскаленные крыши и проспекты.

– Я сейчас!– за углом, у самого перехода всегда местные старушки продавали цветы. Мне до ужаса хотелось сделать Валечке что-то приятное, чтобы снова увидеть ее улыбку и блеск глаз.

– Ты куда?– донеслось мне в след, но я уже нырнул а угол, где прямо на земле, в оцинкованных ведрах медленно вяли под палящим летним солнцем ромашки.

– Сколько?– быстро спросил я первую попавшуюся хозяйку этого цветочного богатства в белом льняном платке, поверх седых волос.

– А сколь не жалко будя...– с деревенским акцентом ответила она. Не глядя, я сунул ей в потну ладонь деньги, сгребая все ромашки из ведра.

– Постой, а сдачу?!– кричала она в след, когда я перепрыгивая через кованый заборчик неся к своей Валентине с улыбкой наблюдающей за происходящем.

– Саша...зачем?– но с наслаждением опустила лицо в душистый букет. – Гадать теперь можно, как в детстве,– заключила она, отрывая лепесток от самого большого бутона.

– Не надо гадать...Любит...– я отодвинул ромашки и с чувством поцеловал Валентину в губы.

– У меня всегда голова кружится, когда ты целуешь ме-

ня,— рассмеялась робко женщина, когда дыхание закончилось и нам пришлось разорвать наши объятия.

— Ага... И сердце колотится, как сумасшедшее,— выдохнул я.

Мы двинулись гулять по переулкам самого красивого города на Земле. Стараясь огибать шумные проспекты и бульвары, чтобы нас никто из знакомых мужа Валентины не заметил.

— Хотя вряд ли... Только, если сам Андрей,— грустно усмехнулась Валечка, глядя куда-то в сторону, будто вспоминая что-то печальное.

— А знакомые? — спросил я.

— Мы слишком мало времени пробыли здесь, чтобы завести настоящих знакомых. Единственными были Розенштайны, да и тех вчера арестовали по какому-то нелепому обвинению, которое подписал мой муж,— он горько выдохнула,— для него всегда карьера была на первом месте...

— Вы давно женаты?— мне неприятен был этот вопрос, как и все, что связано было в её жизни с Коноваленко, но не задать его, чувствуя, что ей надо выговориться, я не мог.

— Двенадцать лет... Я тогда была совсем молодой девчонкой, и Андрей стал для меня вторым мужем.

— Вторым?— удивился я.

— Это тебя удивляет?— нахмурилась она.

— Да нет... Просто...

— В тот период мне было очень трудно... Отец умер, я оста-

лась одна, практически без средств к существованию, а он был герой Гражданской войны, настоящий офицер-медик, давно влюбленный в меня. Предложил замуж, я вышла, но наша семейная жизнь сразу не заладилась. Он изменял мне, а наше совместное существование скорее напоминало сожительство двух друзей. Никакой любви, никаких чувств. О детях тоже речи не шло. Мы никогда не ругались, но и огня не было...

– И дальше что?– аккуратно поинтересовался я, видя, как от нахлынувших на любимую женщину воспоминаний, у нее заблестели слезы в уголках глаз.

– Дальше, мы, как и жили, решили разойтись... Без скандалов, истерик и взаимных упреков.

– Сколько лет это продолжалось?

– Три года...

– Это довольно солидный срок,– кивнул я, хотя никаких отношений у меня до этого никогда не было и судить я не мог.

– Не такой уж солидный...– грустно улыбнулась Валентина. Я снова оказалась одна, без денег, без средств к существованию. Подработка ощутимого дохода не приносила, квартира, где я жила в Москве была съемной, а дальше была беспросветная мгла... И пусть это звучит несколько театрально, но я не видела своего будущего...

– И тут появился майор Коноваленко.

– Тогда он еще не был никаким майором... Молодой лей-

тенант, герой гражданской войны. Он красиво за мной ухаживал, каждые выходные ехал на поезде из Ленинграда, чтобы повидать меня, дарил цветы, и спустя несколько месяцев предложил переехать к нему. Любила ли я его? Не знаю... Может одиночество подтолкнуло меня в его объятия, может чувство обреченности. Но я решила круто изменить свою жизнь и уехала в Ленинград. Кто мог тогда предположить, что все так обернется?

– Как?– заинтересовался я, приобнимая ее за плечи. Мы нашли какую-то пустую лавочку во дворах и сели на нее, чтобы немного передохнуть.

– Андрей – хороший человек, но ужасный карьерист. Ради своей карьеры он сутками пребывал на работе, мало мне уделяя внимания. Так продолжалось год, два, три, потом родился Глеб. Мне стало совсем тяжело. Постоянные переезды, новые должности, новые квартиры вот такие, как эта...

– Эта?

– С постоянным запахом покойника,– криво улыбнулась Валентина, прикусив нижнюю губу от нехороших воспоминаний,– это, как круговорот! С начальника отдела, начальником управления, с начальника управления в центральный аппарат, с центрального аппарата сюда, главой республиканского НКВД.

– А где ваш сын?

– Глеб живет у бабушки под Лугой, как только он подрос, Андрей решил, что постоянные переезды, смены детских са-

дов и школ не пойдут ему на пользу. Я согласилась и теперь жалею... Он единственный родной для меня человек в этом мире.

– Ты скучаешь по нему... – кивнул я, удивляясь непростой судьбе моей любимой женщины.

– Очень, он мне снится каждую ночь, мне так хочется его обнять, прижать к себе и больше никогда не отпускать.

– Мы его обязательно заберем, моя милая, – я обнял ее и поцеловал в щечку, чуть ниже ушка, вдыхая ее непередаваемый аромат.

– Сашка... Сашка... – она погладила меня в ответ по щеке, и столько нежности было в этом жесте, столько любви, что мое сердце дрогнуло. Я был готов бороться со всем миром, рушить все на своем пути, лишь бы эта женщина прожившая долгую и непростую жизнь была бы наконец-то счастлива со мной. – Боюсь, это нереально.

– Глупости! – вскинулся я. – Я с ним поговорю, всю объясню. Расскажу, что мы любим друг друга. Он поймет!

– Может и поймет, но не отпустит... – покачала она головой. – Он убьет тебя!

– Бред, он офицер НКВД! Как он меня убьет?

– Да... Видно, что ты мало времени провел еще в этой системе. Она тебя не сломала, – улыбнулась грустно Валентина, – мне, кажется, пора...

Женщина встала со скамейки.

– Я провожу тебя!

– Не надо, Саша...

– Почему?– воскликнул я, чувствуя, как горько сейчас Валентине, как она не хочет, не желает говорить того, что говорит.

– Не стоит. Извини...– она двинулась по улице. Высоко и гордо подняв свою голову, не оборачиваясь назад. Букет ромашек, уже чуть подвявших от полуденной жары, так и остался лежать, никому не нужный и всеми забытый.

И мне бы в этот момент прокричать ей в след, что я ее очень люблю, никому не отдам, что все будет хорошо, остановить... Но я стоял, глядя ей в спину, мучаясь от нежности к этой женщины, которая стала моей судьбой в одно мгновение.

ГЛАВА 16

Утром следующего дня мне пришлось выйти на работу. Отгулы закончились экстренным сообщением нарочного, посланного из управления прямо ко мне домой и заставшего меня ближе к вечеру после встречи с Валентиной. Посыльный передал мне указание явиться к восьми утра в расположения управления за подписью начальника оперативного отдела старшего лейтенанта Конопатова для выполнения особого поручения.

Я, если быть честным, даже не сразу понял кто затребовал мою персону к себе, настолько быстрым и неожиданным был карьерный взлет моего бывшего однокашника. Раньше он для меня был просто Василь, Василёк, а теперь товарищ

командир, отец и учитель. Но такова судьба...Кого-то она ласкает изо дня в день, одаривая всеми мыслимыми и немыслимыми почестями, а кого-то с размаху каждый раз в грязь, едва он поднимает голову, вздохнув немного спокойнее, чтобы не расслаблялся, боролся за каждый день под солнцем.

Ничего не поделаешь...Пришлось утром собираться на службу, наскоро перекусив бутербродами, приготовленными матерью к чаю. День обещал быть суматошным.

У входа в главное управление толпились солдаты из роты охраны. Курили, негромко перешучиваясь, все вооружены. Молодые салажата волнуются, то и дело поправляя винтовку на плече, прислушиваясь к разговорам старших по званию и сроку службы. Многих я тут знал, с кем-то был лично знаком, кого-то видел на операциях по задержанию преступников, с некоторыми мне удалось перекинуться парой слов, но никто понятия не имел о том, зачем их тут всех собрали. Опера из районного и областного управлений держались особняком, словно подчеркивая свою обособленность от остальной массы труженников плаща и кинжала. В мою сторону они даже не посмотрели.

Я быстро поднялся на нужный мне этаж, уже примерно догадываясь по какой причине в нашем сонном республиканском царстве такой ажиотаж. Конечно же золотой запас Украины...Республика погрязла в бандитизме, то и глядишь начнут не только грабить банки, но и госучереждения, дабы не рисковать до полной победы с беззаконием решено спря-

тать золотовалютный резерв у нас в НКВД. Видимо, Василь все-таки план безопасной перевозки придумал... Отстал я от жизни, отстал...

Дверь нашего с Конопатовым кабинета была приоткрыта. Оттуда доносился голос моего нового начальника, слегка срывающийся на визг. Входить я не стал, прислушался.

– И никто! Слышите меня, никто не должен знать о маршруте следования вашего автомобиля! Помните, что вы перевозите ценности, за сохранность которых мы все отвечаем головой. И первая полетит ваша, товарищ капитан, если что-то случится. Конверт вскрыете, как только прибудете на место. Свободны!

Забыв постучать, все-таки это и мой кабинет тоже, я вошел, заметив шмыгнувшего мимо меня капитана из роты охраны областного НКВД. Тот был взволнован, испуган, что-то буркнул мне на ходу и убежал прочь. Его я проводил удивленным ничего не понимающим взглядом. Откуда столько паники? По сути, нам всем предстоит заурядная операция, а развели ажиотажа, будто мы золотой запас всей советской России прячем?

– Денек не задался... – заметил я, занимая свое место, напротив стола Конопатова, поймав на себе его недовольный взгляд.

– Ты время видел? – даже не потрудившись поздороваться, заявил он, попытавшись гневно сверкнуть глазами. Что у него непременно получилось бы, будь я хоть капельку по

впечатлительнее.

– Видел,– согласился я, бросив короткий взгляд на наручные часы, показывающие пятнадцать минут девятого.

– Из-за тебя не начинаем операцию! Все может полететь ко всем чертям! – стукнул кулаком по столу Василь.

– Тише, Василий... не помню как тебя по батюшке,– тихо произнес я,– а то перенервничаешь, как на прошлом задержании, придется в кустах прятаться целый час.

– Ты...

– Я, товарищ лейтенант!– наигранно бодро пришлось вскочить мне со стула.

Упоминание об задержании бандитов, в котором погиб наш командир, немного остудило пыл Конопатова, а то, что всю операцию он протрусился, как заяц под кустом, заставило его покраснеть и отложить публичную порку за мое опоздание на более позднее время.

– Ценности перевозим сегодня,– буркнул он, опустив глаза в бумаги.

– Рискованно,– покачал головой я,– «крота» мы так и не вычислили, да и уверенности в том, что мы уничтожили именно ту банду налетчиков, что нам нужно нет никакой.

– Именно поэтому от хранилища будет выезжать десять машин с конвоем, как положено! Все автомобили отправятся к управлению разными маршрутами. И лишь в одной из них будет золото. О том в какой не будет знать никто, кроме нас двоих, ни Власенко, ни Коноваленко, никто!

– И от чего же нам досталась такая честь?– нахмурился я, ощущая, как где-то внутри меня разрастается тугим снежным комом предчувствие чего-то нехорошего.

– Золото повезем мы...– после небольшой паузы проговорил тихо Василь.

– Вдвоем?– удивился я.

– И четыре человека охраны, но они не будут в курсе того, что наша машина главная.

Я задумался. С одной стороны. Перевозка оставалась довольно рискованным предприятием, а с другой план был хорош, что ни говори, Конопатов потрудился на славу, и имел неплохие шансы на успех. Думать о том, что случится, если все провалится не хотелось. Тогда полетят не только наши с Васей головы, но и тех, кто дал разрешение на проведение операции.

– Что надо делать?– после небольшой паузы уточнил я.

– Надо ехать...Машины ждут,– встал со своего места Конопатов, оправив мундир.

– Добро.

Мне оставалось достать свое табельное оружие из сейфа, спрятанного в углу за дверью и спуститься вниз. В остальном я был готов. Вдвоем с Василем мы спустились вниз, где нас уже поджидал караван из автомобилей. Старались не разговаривать. Волновались, и каждый думал о чем-то своем. Валентина не выходила у меня из головы. Её образ преследовал меня, как самое настоящее наваждение, и то, что она вчера

так порывисто убежала с нашего свиданья, заставляло меня грустить.

– По машинам!– по-детски звонко и нараспев прокричал Василь, давая команду подготовленным группам. Сразу же зазвякало оружие, загремели закрываемые тентованные борта небольших грузовиков. Привлеченные солдаты запрыгивали внутрь, располагаясь на лавочках у самых края, поближе к свежему воздуху. Срочникам в новинку и за счастье прокатиться по городу, поглазеть на девушек, прогуливающих по бульварам и улицам, позубоскалить, вспоминая свою другую, гражданскую жизнь.

Василь занял место в кабине, рядом с усатым водителем из автомобильного взвода приписанного к нашему управлению, а я, кряхтя, запрыгнул внутрь душного кузова, заняв место рядом с безусым парнишкой лет восемнадцати, влажными от волнения руками, сжимающего свою винтовку.

– Как настроение?– подмигнул я ему, дабы слегка подбодрить.

В ответ он вяло улыбнулся, снова оперев взгляд в сержанта, сидевшего напротив. Остальные трое вообще производили вид бывалый и опытный. Их я раньше не видел в управлении. Где их только откопал Василь? Может из областных или из холодногорской тюрьмы. На мою улыбку и приветствие никто из них не ответил. Все были напряжены, как струна, молчали, сосредоточенно о чем-то думая. Ну и пусть... Я откинулся назад, устраиваясь, как можно удобнее, дорога зай-

мет примерно полчаса, можно и помечтать о чем-то.

Грузовик тряхнуло. Он взревел своим двигателем, утробно и глухо заурчав. Нас швырнуло друг на друга, а я еле удержался, чтобы не придавить солдатика рядом со мной. Шофер нашей машины подал длинный протяжный гудок клаксоном, как теплоход к отправлению. Мы медленно двинулись по дороге, подпрыгивая на неровной брусчатке. В про свете неплотно закрытого тента на крыльце управления я увидел Власенко – самого Секретаря, наблюдавшего за нашим отъездом через свои очки-половинки.

Еще бы перекрестил на дорогу, право слово... Усмехнулся я про себя, прислушиваясь к мерно гудящему двигателю. Из пункта А в пункт Б перевезти груз в целостности и сохранности, что может быть проще? Осложняет все только лишь то, что груз – это миллионы рублей золотом, заполучить которое очень много желающих. А что было бы со мной, если бы я стал миллионером?

Забрал бы Валюшку, написал бы заявление и отправился бы на море! Где у нас море? Крым? Ялта? Да, туда, где солнце, тепло, кипарисы... Взяли бы с собой Глеба, купили небольшой домик и жили счастливо до самой старости, наслаждаясь закатами. Я никогда не был на море, но говорят там прекрасно...

Жаль только, что в нашей стране миллионеров не бывает. Миллионер – это капиталист, который наживается на трудовом народе, да и Валентина... Согласилась бы она? А то-

варищ майор? Как бы он отреагировал на это все? Сколько ему можно лгать, что мы любим друг друга с его женой? Это нечестно... Нечестно по отношению к нему, Вале, к самому себе... Надо бы с ним поговорить, как закончится операция. Только Валечке ничего не говорить, иначе она будет против...

Грузовик притормозил, снова бросив нас в разные стороны кузова. Заскрипели ворота.

– Кажется, приехали, – констатировал я, но мне никто не ответил. Только парнишка-срочник рядом со мной сжал плотнее цевье винтовки.

– К машине! – где-то рядом прозвенел Конопатов. Надо же, оказался неплохим организатором, продумал операцию, спланировал, нашел людей. После пыльного душного кузова яркий солнечный свет ударил по глазам. Зажмурившись, спрыгнул вниз. Следом, как мешок с картошкой приземлился срочник. Ничего, оботрется, скоро станет на таких же, как он смотреть свысока. Все мы были такие... Поискал глазами Конопатова, раздающего распоряжения остальным старшим машин.

– Погрузка займет ровно десять минут! – пояснял он. – Через десять минут Тарасенко отправляется по проспекту Октября, Чудинов в переулок товарища Петтерса, а остальные следом, согласна плана. Взялись шустрее, мужички!

Ящики были уже приготовлены заранее. Их сложили пирамидой у входа в хранилище, а рядом топтался представи-

тель госбанка в засаленных нарукавниках с бухгалтерской книжкой в руках, ведя учет.

Ничего примечательного в грузе не было. Обычные серо-зеленые яки из-под снарядов. Таких в пору курсантской юности было перетаскано видимо-невидимо. Один за другим они оказывались в кузове нашего грузовика. Чтобы не мешать, я отошел в сторону, наблюдая за тем, как споро и слаженно работают конвойные, словно постоянно только этим и занимаются. Оружие сложено пирамидой в стороне. А ребята, засучив рукава, протаскивают, подносят, поднимают. Конопатов устроился рядом с бухгалтером, тоже считая ящики с золотом. Не дай Бог, какого не досчитаются, все – пиши пропало. Магадан для Васьки будет самым лучшим исходом.

– Ты фраер рамсы попутал, что ли?! – совсем рядом раздался оглушительный грохот. Ящик, который несли срочник, сидящий рядом со мной, и один из конвойных, выпал из рук паренька и рухнул на асфальт. Крышка треснула, и на землю просыпались слитки с клеймом СССР. Золото ослепительно заблестело на солнце, будто только вылитое.

– Я...я... – растерялся паренек. – Я сейчас все приберу...

Он бросился к ящику, пытаясь запихнуть обратно просыпанное золото.

– Канай отсюда! – его отпихнули в сторону, не дав прикоснуться.

– Руки у вас, – покачал головой Конопатов, прибежавший

на шум,— из одного места растут...

— Извините...

— У вас будет мешок? Или еще один ящик, товарищ Ле-
венец?— обратился Василий к бухгалтеру, невозмутимо взи-
рающему на происходящее.

— Секундочку!— недовольно поморщился тот, видимо, ду-
мая, как списывать испорченный инвентарь. Для них бумаж-
ки самое главное...Дебет с кредитом должны сходиться.

— Что стоим, бараны?!— рявкнул недовольно Конопатов,
наблюдая, как я от всего самоустранился и закурил папиро-
су.— Грузим! Время!

Солдаты бросились исполнять приказ, а я в который раз за
сегодняшнее утро ощутил непонятное мне предчувствие че-
го-то нехорошего. Что меня смутило? Я задумчиво осмотрел
погрузку. Вроде все нормально, а нет...Ноет в груди, будто
предупреждает.

— Становись!— последний ящик с грохотом опустился в
кузов. Взмыленные работой солдаты построились в одну
неровную шеренгу. Мои четверо пристроились с краю. — По
машинам!— махнул рукой Конопатов, расписываясь в полу-
чении у довольного проведенной работой бухгалтера. Все,
теперь ответственность за золотой запас республики цели-
ком и полностью лежит на наших с Васькой плечах, и это
обстоятельство отчего-то меня радовало все меньше и мень-
ше....Особенно учитывая неосторожно оброненную фразу
одним из моих конвойных.

– Рамсы попутал...– тихо проговорил я лексикон из тюремного жаргона. Откуда Василий набрал таких солдат? Скорее всего из холодногогорской тюрьмы. Я слышал, что охранники там часто перенимают привычки заключенных.

– Поехали!

Снова скрип ворот. Ноги на ящиках. Так удобнее... Срочник отчего-то стал жаться поближе ко мне, словно к родной матери. Наверное, ему тоже жутковато и удивительно видеть такое количество золота. Двигатель басовито заурчал, и машина тронулась с места. Ну все, теперь еще полчаса и сегодняшнюю операцию можно считать успешно завершенной. Васька получит очередное поощрение, а я под это дело выпрошу у него отгул, чтобы повидаться с Валечкой. Оказалось, что любовь сложная штука -она не только радует влюбленных этим горячим чувством в груди, но и заставляет мучиться от того, что ты не можешь прикоснуться к родным рукам, обнять и поцеловать дорогого тебе человека.

Машину вдруг резко дернуло, словно сорвали ручник. Я повалился вниз, больно приложившись локтем об острый угол ящика. В глазах потемнело, а земля с небом на доли секунды поменялись местами.

– Твою мать, Конопатов!– заорал я.– С ума что ли сошел?

Снаружи хлопнула дверь. Кто-то вылез из кабины, громко охая от боли.

– Сашка! Клименко!– кто же еще, кроме моего друга и начальника? С трудом выбравшись из-за ящиков, я заме-

тил, что все уже снаружи. Напряженно оглядываются, словно ожидают нападения. Срочник даже передернул затвор своей винтовки, которую всю дорогу баюкал, как младенца.

– Здесь я, черт!– я ударился головой о борт, но все же вылез наружу.– Что тут случилось?

Василь топтался возле открытой двери со стороны водителя, тыкая заскурузлым пальцем внутрь. Его лицо было слегка взволнованно...

– Едем, а тут на тебе... Шофер за сердце! Плохо мне плохо! Вижу сейчас врежемся, ну я ручник и дернул...– затараторил он, завидев меня.

– Сейчас...– я бросился к машине, считая себя знатоком сердечных болезней. Моя мать давно страдала давлением, поэтому кое-что я в этом смыслил. Конопатов уступил мне место, пропуская вперед. Усатый водитель полулежал, растекшись по сиденью бесформенной массой. Пустые мертвые глаза смотрели куда-то в сторону и в них застыл самый настоящий ужас.

– Черт! Кажется, он мертв!– прокричал я, запрыгивая на подножку, чтобы проверить пульс. И тут позади меня раздался выстрел. Срочник, попавший на свое первое важное задание, взмахнул руками, подался вперед, теряя равновесие. На спине у него расплывалось красное кровавое пятно.

– Что за...– мой взгляд опустился чуть ниже пояса водителя, и справа я досмотрел аккуратное пулевое отверстие. Никакого сердечного приступа! Он был застрелен!

– Прости, Саня... – я успел обернуться прежде, чем мое плечо обожгла острая боль. Васька Конопатов – мой несуразный друг, немного трусливый, льстивый и вечно всем пытающийся угодить, стрелял мне в спину из своего табельного оружия. Меня швырнуло вбок, как скошенного. Мир померк, словно выключили свет. Перед глазами замелькали картинки, как в кино. Дыхание замерло, отдаваясь болью в левой лопатке. Я все слышал, понимал, но не мог ничего сделать.

– Босяк не подведет, Кол? – раздался совсем рядом со мной, лежащим на земле и беспомощным, голос Конопатова.

– Все будет тип-топ начальник! Не бзди!

– Разгружайте машину, пока никто не спохватился, – подал команду Василий, который если и не был главным в этой банде, то занимал не самое низкое положение в ее иерархии. Ой дурак! Чуть не застонал я. Мы всеми силами искали «крота», ловили банду, а они действовали у нас под самым носом. Васька, мой друг Васька наводил этого самого Кола на конвои с деньгами и драгоценностями, несомненно будучи с ними в доле. В поселке Халтурина они подсунули нам кого-то другого, чтобы усыпить бдительность. Именно агенты Конопатова донесли на эту банду! Господи... Валечка... Какой я идиот! Как я мог так опростоволоситься? А теперь они решили сорвать большой куш! Василь сам разработал план, сам его и претворил в жизнь, посадив вместо солдат своих подельников в машину. То-то срочник, кото-

рый, видимо, был лишний здесь, так испуганно косился на эти бандитские рожи! Дурак ты Клименко! Дурак и не лечишься! Что теперь будет? Как он объяснит пропажу золотого запаса? Ведь, если я погибну от рук злодеев, водитель и срочник застреляны в бою, то Конопатов останется один, ему и отвечать... Ответ подсказал мне сам Василий, прохаживающийся над моим бездыханным телом.

– Кол, ты шамальни мне в руку что ли со своего «вальтера»! Скажу напали, отбивались, но ранили, потерял много крови... Провалился без сознания, очнулся, а золота тю-тю!

– Кто ж тебе поверит, Васюта?– рассмеялся налетчик.– Водила убит так, что сразу просекут лепилы, что шамляли с соседнего сиденья...

– А на переднем сиденье сидел товарищ Клименко! Вот его хладный труп, рядышком... Я за золотом в кузове бдил, чтобы никакая сволочь ни одного слитка,– Вася лениво пнул меня носком сапога так, что у меня замелькали огоньки перед глазами.– Он и в сговоре с бандитами был! И своих налетчиков в машину посадил. Сука одним из словом...– Конопатов усмехнулся.– Тот самый «крот», которого так долго искали.

От несправедливости происходящей вокруг меня чуть не стошнило. Усилием воли я сдержался, чтобы не застонать.

– Сука ты, Васек,– похвалил его Кол,– но сука хитрая...

– Где же Босьяк?– напрягся голос Василя.– Машина должна подойти уже сейчас...

– Будет! Все будет!– смех невидимого мне Кола был хриплый и противный. Рана в груди немного отпустила. Стало легче. Левая рука теперь ныла тупой давящей болью.– В руку говоришь...

Выстрел прозвучал оглушительно громко. Рядом с хрустом на гравий упало тело Конопатова. Он застонал, закрутился волчком на месте, громко матерясь.

– Больно-то как... Сука... Больно....

– Терпи, Васек!– поддержал его налетчик.– Терпи!

Шорох сапог раздался совсем рядом. Я приоткрыл глаза, чтобы увидеть расположение противника., одновременно вспоминая взводил ли я курок на револьвере или нет. Казалось взводил... Дай Бог, чтобы так и было...

– Чего стоим? Разгружаем машину! Босьяк приедет, нам когти рвать быстро надо будет!– скомандовал Кол, делая шаг вперед.

Пора! Я собрал для этого рывка все свои возможные силы. Тело винтом крутнулось на земле, а правая рука метнулась к кобуре. На доли секунды я все же опередил прожженного бандита, выстрелив ему в лоб. Как так вышло, я сам не понял, никогда не был в лидерах по стрельбе в управлении. Голова Кола откинулась назад, он рухнул на землю, как подкошенный, но времени наслаждаться плодами своего мастерства не было. Еще где-то двое противников оставалось живыми и здоровыми. Меня опять спасло чудо. А иначе, как назвать то, что именно в этот момент, когда я решил не ожи-

данно воскреснуть, два врага тащили ящик с золотом из кузова автомашины. Ихх руки были заняты, а оружие валялось брошенное рядом.

– Что за бляд...во!– воскликнул один из них, наблюдая, как черное вороненное дуло моего револьвера направляется в его стороны. Глухо бахнул пистолет, выплевывая смерть. Ящик с золотом республики грохнулся на землю, придавив ноги одному из нападавших, но ему уже было все равно. Простреленная грудь еле вздымалась в такт последним ударом сердца. У меня у самого ноги подкашивались. Боль в простреленной лопатке была просто чудовищной. Кровь натекла под рубашку и липла, оставляя горячее неприятное ощущение. Туман в глазах никуда не исчез. Потому я сильно удивился, попав в обоих с первого раза. Что скажет мать... Охая и стеная от боли, я захромал к винтовкам, брошенным подле уже сгруженных ящиков. Сейчас приедет какой-то Босьяк, еще надо будет и с ним разбираться.

– Сука!– если бы Конопатов за спиной, про которого я благополучно забыл, не крикнул театрально, а просто выстрелил мне в спину, то мне бы ни за что на свете не повезло б среагировать на нападение, но Васька всегда был склонен к эффектным поступкам, а тут ещё и на волне полного провала его операции... Вообще, я успел. Каким-то шестым чувством шарахнулся в сторону, одновременно с разворота нашпиговывая пулями тело друга, уже нацелившегося избавиться нежелательного свидетеля и назначившего меня коз-

лом отпущения во всей этой истории . Последнее, что я увидел перед тем, как потерять сознание, так это полные ненависти глаза товарища, снова попавшего мне куда-то в руку уже перед самой своей смертью.

ГЛАВА 17

– Это просто какой-то кошмар!– старший майор госбезопасности прошелся мимо лежащих на земле трупов, кое-как прикрытых найденными где-то белыми простынями, успешшими уже местами напитаться кровью. Рассыпанное по асфальту золото придавала всему окружающему вид приключенческого романа Стивенсона.

– Мы были в шаге от провала,– осторожно заметил Влащенко, следуя за своим начальником на почтительном удалении с бумагой в руках, в которой он делал химическим карандашом какие-то свои пометки,– представляю чтобы было, если бы золото было бы все-таки похищено...

– Головы нам не сносить,– подтвердил Коноваленко, подходя к тому месту, где, раскинув широко руки, словно стремясь обнять весь мир, лежал труп убитого лейтенанта Конопатова. Грудь его было во многих местах прострелена, вокруг аккуратных дырочек гимнастерки расплывались правильные окружности. Их было так много, что казалось, будто форма на нем не зеленого, а бордового цвета. Глаза широко открыты, а взгляд был наполнен обидой и непониманием.

– Как произошло так, что автомобиль с грузом отклонился от заданного маршрута?– хмуро спросил Андрей Викто-

рович, стараясь не смотреть на убитого подчиненного. Секретарь мгновенно среагировал, достал из своего портфеля какую-то бумагу и стал читать.

– Согласно показаниям очевидцев, золотой запас республики был погружен в грузовик лейтенанта Конопатова в условленное планом время. Груз сопровождали несколько солдат из роты охраны НКВД области. Как выяснилось, солдатом из них был только вот этот молодой парнишка и наш водитель. Остальные члены преступной банды-налетчиков. Их опознали по татуировкам – это некто Кол, Хмыза и Шершень. Все трое убиты.

Нестор Петрович наклонился над одним из трупов и, безглаголиво поморщившись, отогнул край запахнутой небрежно гимнастерки. Из-под глубокого выреза воротника мелькнула синяя татуированная кожа. Вверх купола православного храма и еще какая-то малопонятная композиция.

– Это Кол?– кивнул в его сторону Коноваленко.

– Скорее всего банда его причастна к нападениям на всех инкассаторов города и области. Действовали нагло, нахрапом. Именно те, кого мы так долго искали,– Власенко аккуратно вытер запачканные в крови пальцы чистым носовым платком и тут же выбросил его рядом.– Предполагаю, что Конопатов был с ними в сговоре...

– Тот самый «крот»...– задумчиво проговорил старший майор госбезопасности.

– Так точно! Свидетели показывают, что именно он си-

дел на переднем сиденье автомобиля, был старшим машины... Лейтенант Клименко занимал место в кузове. Скорее всего Конопатов выстрелил в водителя из-под руки, как только они оказались в условленном с бандитами тихом месте. Машина остановилась. Началась схватка, Клименко удалось уничтожить бандитов, но сам он был несколько раз ранен, так что показания дать не может. На скорой его отвезли в городскую больницу на Пушкинской.

– Молодец!– похвалил Коноваленко.– Как же мы такую суку в своих рядах проморгали, товарищ Секретарь...– пробормотал он задумчиво, возвращаясь к телу Конопатова.

– Василий Конопатов был отличником службы, трудолюбивым и инициативным работником, занимал с недавнего времени пост начальника оперативного отдела, коммунист с незапятнанной репутацией,– браво доложил Нестор Петрович.

– Да уж... Коммунист еще тот... Андрей Викторович был явно расстроен произошедшим, но самое горячее ему приготовил Власенко напоследок.

– Такого человека обвинить в преступлении, значит опорочить партию, тех товарищей, которые его продвигали по карьерной лестнице, доверяли...– осторожно начал Власенко.

– Может его наградить?– разозлился Коноваленко, уперев тяжелый взгляд из-под насупленных бровей на Власенко, но того такими вещами было не напугать. Он сам умел смотреть

так, что многие сознание теряли на допросах.

– Скорее всего... – пожал он плечами.

– Ты дурак, Секретарь? – искренне изумился Андрей.

– Отойдем, товарищ старший майор? – попросил Власенко, при этом его лицо озарила хитрая улыбка.

Эксперты все еще суетились вокруг убитых. Доставали пули, что-то мерили своими линейками, фотографировали. Мимо бродили зеваки, сквозь оцепление наблюдая за происходящими следственными действиями.

Они отошли в сторону, выбрав укромный уголок, защищенный от чужих глаз плотной листвой деревьев, растущих вокруг площадки, на которой произошло нападение.

– О чем ты хотел поговорить?

– Понимаете, товарищ старший майор... – замялся Власенко. – Тут такое дело...

– Не виляй, Секретарь! Говори прямо... Почему мы должны Конопатова наградить?

– С того момента, как вы прибыли в Харьков, по приказу товарища Ежова за вами и вашей семьей было установлено негласное наружное наблюдение. Все результаты доставлялись мне, а я их отправлял на Москву... – поймав злой и удивленный взгляд Коноваленко, всерьез опасаясь, что тот его ударит, Власенко поспешил добавить. – Это было сделано не потому, что контора вам не доверяла, а потому что беспокоилась за вас...

– Хорошо беспокойство! – хмыкнул Коноваленко, сжимая

кулаки.

– Ваша жена..

– Вы и за ней следили?– майор с эмоциями не справился. Схватил Власенко за грудки, и тот затрепыхался в его мощных руках, как рыбешка, выброшенная на берег волной.

– Исключительно в целях безопасности! Да, отпустите же меня!– Нестор Петрович оттолкнул Коноваленко, вырываясь из хватки своего начальника.– Изменяет она вам!

– Что?– лицо Коноваленко побледнело. Он остановился, опустил руки. Желваки заходили у него на скулах. Еще чуть-чуть и он ударит Власенко.

– Согласно докладам наружного наблюдения. Ваша супруга Коноваленко Валентина Владимировна регулярно встречается в ваше отсутствие с лейтенантом Клименко...

– Тем самым...

– Да, тем самым, который в одиночку уничтожил банду преступников и лежит раненным в городской больнице!– обиженно выкрикнул Власенко.– Вот, я и подумал, что мертвые сраму не имут. Конопатов и его банда уже ничего никому не расскажут, а вот Клименко можно примерно наказать, сделав крайним...

– Ты!

– Я, товарищ старший майор!– разозлился Нестор Петрович, раскраснелся, очки сползли на один край.– Как вам с ним будет работаться дальше? С героем-то? А, если дальше пойдет слухи? Начальник рогоносец! То-то смеху по всему

управлению будет... Вы станете предметом насмешек, издевательств подчиненных... Вам оно надо? Я же о вашей репутации беспокоюсь!

– Сука... – прошипел зло Коноваленко.

– В этой истории явно не я, а этот молоденький лейтенант, ухлестывающий нагло за чужой женой!

Буря эмоций захлестнула Коноваленко. Сердце отчаянно застучало, сжимаясь от боли. Как? Как она могла? Валечка... За что? Он еле сдержался, чтобы не зареветь от горя, тугой плетью стянувшей горло. Осипшим от волнения голосом он уточнил:

– Что вы предлагаете?

– Нам нужно избавиться от Клименко, – решительно произнес Секретарь, – как говорит наш мудрый вождь и учитель товарищ Сталин, нет человека – нет проблемы! Мы всем объявляем, что в машине старшим сидел именно он, в сговоре с бандитами был лейтенант, а Конопатов героически сражался, защищая народное золото.

– А если он откажется?

– Откажется? Кто его спрашивать-то будет? Десять лет строгача, если не расстрел. В нашей конторе таких дел, знаете сколько...

– Я бы не хотел...

– Чего? – аккуртано осведомился Власенко.

– Чтобы его расстреляли... – глаза Коноваленко смотрели в одну точку. Боли не было. Только пустота, гложущая его

изнутри, словно червь. Измена...

– Дело ваше, но я бы...

– Мне плевать, что хотел бы ты!– рявкнул Коноваленко, резко разворачиваясь на каблуках и направляясь прочь, что-то было в его походке такое, отчего тонкие губы Власенко озарила довольная улыбка. Надлом... Старший майор госбезопасности оказался не таким твердым чекистом, как предписывала инструкция.

Измена... Билось в висок одно и тоже слово. Измена... Валечка... Как же ты могла?

Совершенно оглушенный и потерянный он брел по улице, не замечая куда направляется. Измена... Это оказалось больно. Очень больно. Нет... Скорее обидно! Любил ли он ее за столько лет совместной жизни Андрей не знал... Но привык – это уж точно! Двенадцать лет назад Валентина казалась ему недостижимой, прекрасной мечтой детства. Первой любовью! Он добивался ее, мотался каждый день, как дурак из Ленинграда в Москву, дарил цветы, ухаживал, а потом... Что наступило потом? Потом была свадьба, рождение Глеба, и все куда-то ушло... Измена... Виновата ли она сама в том, что любовь ушла? Или виноват он, что слишком много времени уделял карьере вместо того, чтобы проводить все это время с семьей? Или виноваты его случайные связи, не дававшие возможности соскучиться по ласкам супруги? Кто там был? Секретарша в центральном аппарате Людочка, Верочка... Калейдоскоп лиц крутился у него перед глазами, ме-

няя одно, другое, третье... Все, как во сне! Все просто и понятно! Измена! Нет, конечно, виновата только она! Пошлая, блудливая тварь, променявшая его на какого-то молоденького мальчика, едва тот замаячил на горизонте!

Из горла Коноваленко вырвался то ли всхлип, то ли рык... Он встряхнулся, приводя себя в порядок. Огляделся по сторонам, даже не заметив, что за своими мыслями пришел к собственному дому.

– Сука!– выругался он, быстро поднимаясь по лестнице.

Дверь в квартиру была приоткрыта. Валентина мыла пол, задрав до колен полы длинного домашнего халата. Не замечая её, он прошел в комнату, наследив грязными сапогами.

– Андрей!

– Ты...– он вернулся, подскочил почти вплотную к ней, вглядываясь в её лицо, ища в нем признаки лживости, обмана, измены... Нет...– Ты!

– Что-то случилось?– нет, у Валентины были все те же жадные до поцелуев губы, та же улыбка, те же глаза, как два омута, смотрящие на него, ища поддержки и защиты, как и много лет назад.

– Тварь!– он очень хотел куда-то выплеснуть эту боль, которую терпеть не было сил. Кулак с треском врезался в стену совсем рядом с головой Вали. Она испуганно всхлипнула, зажав красивый лживый рот ладонью.

– Андрей...

– Лживая тварь!– закричал он, отходя подальше, чтобы

не сорваться, не ударить её.— Ты... Ты мне изменяла!— выкрикнул он ей в лицо, а по лицу потекли слезы. Это было так необычно, видеть взрослого сорокалетнего мужика с текущими по небритым щекам слезами и жуткой всепоглощающе ненавистью в глазах.

— Андрюш...— Валентина попыталась обнять его, но он вырвался, оттолкнув её к стене.

— Сволочь! Ты сволочь!— орал он, неожиданно для самого себя пнув ногой стол. Тот опрокинулся на бок, зазвенела посуда. Валя закричала. Обхватила голову руками, зарыдала от боли и обиды. Да... Она казалась сама себя сильной, старалась быть сильной, но в первую очередь она была просто женщиной.

— Я...

— Ничего не говори! Слышишь! Ничего!— Коноваленко схватил её за руки и грубо встряхнул, словно тряпичную куклу.— Хватит вранья! Наслушался!

Валя сползла на пол, громко рыдая, свернувшись клубком у ног мужа.

— Не говори мне сейчас ничего! Мы... Мы забудем все это! Забудем! Все! Баста! Хватит! Я посажу твоего ублюдка! Этого молокососа, который посмел прикоснуться к тебе! Он исчезнет из нашей жизни! Ты забудешь его, и у нас будет все хорошо! Идеальная семья! Слышишь...— он наклонился к плачущей Валентине.— Не будет ничего! Мы его сотрем! Сотрем, как неудачный отрывок из романа, и начнем все заново.

во! Слышишь!

– Я его люблю... – тихо проговорила Валя, заслоняя лицо, опасаясь, что муж все же ударит ее, но тот лишь только зло процедил сквозь зубы:

– А меня уже нет? – сквозь слезы, непрерывным потоком текущие по лицу, она покачала головой.

– Как полюбила, так и разлюбишь! – кивнул Андрей, вставая с колен, на которые опустился, чтобы видеть глаза супруги. – У меня сейчас карьера. Разводиться мне никак нельзя! Какой начальник без жены? Смех один... – глаза его отдавали безумием, захлестнувшим Коноваленко откуда-то изнутри. – нет... разводиться нам нельзя! Да и не дам я тебе никакого развода. Клименко посадим. Пусть посидит, подумает, как у старших товарищей жен отбивать! Прав был Секретарь, таких наказывать надо!

– Андрюш... не... не надо...

– Надо, Валя! Надо! Посадим и будет сидеть! Был бы человек, а дело найдется! А ты, ты будешь со мной! Никуда не денешься... – он суетливо забегал по комнате, наводя порядок.

– Я люблю его...

– И люби себе на здоровье! Если любишь, то будешь со мной рядом, а не с ним! Иначе...

– Иначе что? – тихим несчастным голосом уточнила Валя.

– Иначе расстрел... Я ему такое дело сошью, что либо десятка и ты со мной, либо... – он прислонил палец к виску же-

ны и сделал вид, что стреляет.— Расстрел, мать её... Вот так вот...

— Я...

— Тихо! Тише...— он погладил её по кучерявым волосам, спускающимся к шее, когда-то она любила, если он так делал, мурлыкала, как кошка, а теперь разрыдалась. — Мы нужны друг друга! Нужны, Валечка... Я тебе, чтобы спасти твоего хахалю, а ты мне, чтобы спасти карьеру...— он поправил форму, приглаживая волосы возле зеркала, которое осталось чудом целым после такого скандала. — Я на службу, а ты ужин приготовь, к нам гости придут... Сегодня...— каждое слово давалось ему с огромным трудом. Он будто выдавливал его из себя, стараясь сделать вид, что ничего не произошло.

— Ну вот и хорошо,— на прощание он чмокнул её в щечку, оставляя след холодных губ на мокрой щеке. Она отшатнулась, потирая место поцелуя, словно ее туда укусила змея, провожая его долгим пронзительным взглядом.

ГЛАВА 18

Яркий свет с трудом пробивался сквозь неплотно закрытые ресницы. Я видел белую комнату, аккуратную мебель, столик со стульями и какой-то ящик. На нем что-то было неясно нарисовано чем-то ярким, но сосредоточиться и рассмотреть его, как следует, не получалось. По комнате, в которой я лежал бродила неясная женская тень в белом медицинском халате, из чего я сделал вывод, что нахожусь в лазарете управления. Фигура медсестры была настолько похожа

на Валечкину, что я помимо воли прошептал:

– Валя...

Женщина обернулась, бросилась ко мне. Сильный яркий свет бил по глазам, и я закрыл их окончательно, анализируя свои ощущения. Тело ныло и болело, отзываясь страданием на те непотребства, что я сотворил с ним в последнее время. Грудь жгло, но уже другой, тупой ноющей болью, почти непрерывной и уже какой-то привычной. Во рту было сухо, как в пустыне. Губы слиплись, покрывшись прозрачной пленкой.

– Пи...ить...– выдавил я из себя, так и не открыв глаза.

– Сейчас...Сейчас!– раздался над головой женский голос. Она пошевелила мои конечности, потрогала лоб. Рука была нежная, гладкая и жутко холодная.

– Сильный жар...Надо звать врача! Я сейчас!

Стукнула дверь. Я не видел, как она вышла. Глаза открыть было больно. В них, словно насыпали песка. Они остро реагировали на яркий свет, почти так же, как и уши на громкие звуки. Сколько я провалялся без сознания? День, два? А может неделю? А может и час? Осторожно, постепенно раскрывая глаза, я взглянул на себя. Грудь туго обтянута бинтами, словно пулеметными лентами. Ноги укрыты тонкой несвежей простыней, спадающей на грязный деревянный пол, истоптанный чьими-то грязными ботинками. Так с осмотра собственного тела, я вернулся к обзору комнаты, в которой находился. Ящик с непонятной мне аббревиа-

турой оказался медицинским сейфом, рисунок на нем красным крестом. Панцирная кровать, на которой я лежал, стояла в самом углу узкой, как пенал палаты. Ничего лишнего в нем не было. Шторы на окнах тоже отсутствовали. По ту сторону виднелись выкрашенные белым цветом крепкие, даже на вид, решетки. Никогда бы не подумал, что в нашем ведомственном лазарете такая скудная обстановка.. Попытался приподняться, но боль в груди не дала даже шевельнуться. Я застонал и прекратил всякие поползновения встать.

– Вот!– дверь распахнулась настежь, на пороге показалась та самая медсестра, увидевшая первой мое пробуждение, а за ней строгий доктор с клиновидной бородкой «под Калинина» в очках.– Я значит убираюсь тута...А он, как завопит! Вера! Вера! Пить... Честное слово, Иосиф Львович, будто мертвеца увидела!– медсестра торопливо перекрестилась, смутилась от этого движения, покраснела и выбежала в коридор. Нынче креститься было не модно! Религия – опиум для народа! Я выдавил из себя саркастическую усмешку.

– Улыбаются, гражданин! Уже хорошо!– улыбнулся доктор, заходя в палату и плотно прикрывая за собой дверь. По ушам резанула непривычное гражданин. Какой я ему гражданин?! Я товарищ, в крайнем случае друг, но гражданин?!

Врач присел рядышком, придвинув к кровати табурет. Померял пульс, осмотрел склеры, заставил показать язык, будто в детстве. Мешать распросами я ему не стал, пусть человек занимается своим делом, и лишь, когда он удовлетво-

ренно кивнул чему-то своему и отошел помыть руки к настенному рукомойнику, я позволил себе поинтересоваться:

– Жить буду, доктор?

– Скорее всего, молодой человек... Скорее всего, – покачал головой врач, – тело молодое, организм здоровый, выдержал нагрузку. Теперь остается ждать, что вы пойдете на поправку.

– А сколько...

– Неделю, максимум полторы и будете ходить. Хотя в вашем случае я бы не торопился.

– Я не о том... Сколько я провалялся в этом лазарете без сознания, – улыбнулся я, – ничего не помню...

– Не мудрено! Такие ранения... Товарищ следователь вообще давал лишь десять процентов на то, что вы очнетесь! – улыбнулся доктор. Его халат распахнулся, и я с удивлением заметил под ним черную арестантскую робу.

– Следователь? Я вообще где нахожусь?! – воскликнул я, чувствуя, что случилось что-то нехорошее, пока я был без сознания. От переизбытка чувств я попытался сесть в постели, но боль заставила меня рухнуть обратно. В глазах потемнело и заплясали озорные разноцветные огоньки.

– Как? Вы ничего не помните? – удивился доктор. – вы находитесь в следственном изоляторе холодногорской тюрьмы, а именно в ее лазарете для особо опасных преступников. А следователь... Следователь товарищ Волков, он видит ваше дело... Кстати, а вот и он...

Дверь моей палаты распахнулась и на пороге показался крупный мужчина с волчьим внимательным взглядом, бывающим только лишь у гэбистов, зачесанным набок прилизанным чубом и идеально ровным пробором. Он был высок этот капитан, хорошо сложен и, наверное, очень часто нравился женщинам.

– А мне доложили, что наш больной очнулся...– с улыбкой, от которой по моей спине побежали сотни ледяных мурашек, проговорил капитан.– Иду мимо, дай думаю, загляну, проведаю, как там наш летчик-налетчик поживает...

– Что за бред вы несете, товарищ капитан?– нахмурился я.– Какой-то такой налетчик?

– Я тебе не товарищ, тварь продажная...– зло процедил Волков, нахмурившись.

– Разрешите идти, гражданин начальник?– заторопился прочь врач, поправляя распахнутый халат.– У меня еще три камеры больных обойти надо!

– Идите, доктор,– небрежно кивнул следак, присаживаясь рядом со мной на краешек кровати. Панцирная сетка жалобно всхлипнула под немалым весом такого бугая,– мы немножго поболтаем с подследственным...

– Только прошу вас недолго! Пациент все еще слаб и ему требуется отдых,– пряча глаза и стараясь не смотреть в мою сторону, пробормотал на бегу врач.

– На Колыме отдохнет, сука! Если повезет конечно...– бросил в след доктору Волков, поворачиваясь ко мне. – Хо-

чешь, чтобы повезло?— теперь он обращался ко мне. Злой, внимательный....Таких я навиделся много за время работы в органах. Карьерист. Готовый сломать любую жизнь, ради пусть и незначительного, но поощрения.

— Послушай, капитан...— слова давались с трудом. От волнения все плыло перед глазами, но я должен был закончить, до конца разобраться во всем. Иначе, так в следующий раз проснешься, а ты уже лес валишь в одном из ГУЛАГов.— Это какая-то ошибка...Я лейтенант госбезопасности. Такой же, как и ты, из системы.

— Был...— после небольшой паузы проговорил Волков, счастливо скалясь. Мне до жути захотелось съездить кулаком по этой смазливой довольной физиономии, но я понял, что этим все только осложню. — Пока не проданся ворюгу за долю от наворованных барышей!

— Что за бред?!

— Тебе знаком некто Кол -авторитетный ворюга Харькова?

— Знаком, мы его разрабатывали по делу о нападении на инкассаторов,— кивнул я.

— Разрабатывали?!— совсем уж искренне рассмеялся Волков.— Ваньку вы валяли, а не разрабатывали. Хотели с Колом куш побольше срубить? Весь золотой запас республики разом? Да хренушки вам!— он скрутил рабоче-крестьянскую фигуру прямо перед моим носом. Я вообще перестал что-либо понимать. Как так получилось, что из главных героев всей этой истории, я стал ее главным виновником? Может я что-

то пропустил. Пока находился без сознания? Может они все думают, что я был в сговоре не только с Колом, но и с Конопатовым?

– Товарищ капитан...

– Я тебе... – нахмурился Волков.

– Хорошо... Гражданин начальник... Это не я, это Конопатов был в сговоре с Колом! Они планировали украсть госрезерв республики... Понимаете! Васька наш... – слова давались с трудом, я чувствовал, что теряю сознание, но просто был обязан доказать, объяснить, доложить! – Они вдвоем спланировали всю операцию... Мы... я...

– Складно брешешь! – похвалил капитан. – Только такому поганцу, как ты, порочащему звание офицера НКВД не поверит никто! Никто слышишь! Расклад такой... – вздохнул следователь, доставая из своей коричневой коленкоровой папочки какую-то бумагу. – Вот твое признание, как ты, сучонок, хотел золото хапнуть и за бугор свалить вместе со своим подельничком Колом, подпишешь – десятку строгача вклеим и на свободу с чистой совестью. Нет... Расстрел.

– Я не виноват! – угрюмо буркнул я. – Вызовите сюда моего начальника – старшего майора госбезопасности Коноваленко. Он должен поверить! Он в курсе.

– Коноваленко? – удивился Волков. И его удивление было настолько искренне, что я сам испугался, как бы пока я не валялся тут в отключке, не произошло еще что-то более серьезного. В голове мелькнуло... Валечка...

– Что с ним?

– Тебе знать это не положено!– отрезал капитан.– Подпишешь признание?

Я помотал головой, слишком пораженный происходящем, чтобы что-то произносить. Да и силы мои иссякли, будучи небеспредельными. Валя... Что с ней? Что с майором? Откуда весь этот бред взялся? Может я еще сплю? В коме какой-то? Что матери сказали? Она не перенесет...

– А вот так?– с легкой улыбкой уточнил следак, нажимая мне прямо на забинтованную грудь. Мир взорвался ярким огнем, мгновенно застав глаза мне жуткой болью. Я взвыл, до боли кусая нижнюю губу, попытался столкнуть тяжелую лапу следователя, но не смог.

– Подпишешь?– его голос пробивался ко мне уже сквозь болезненный туман забытья. Комната прояснилась, а потом поплыла по кругу. Я ощутил, как теряю сознание. На мое счастье то же самое понял и Волков.

– Ничего, я попозже найду!– пообещал он, вставая с кровати. Последнее, что я услышал в этот день был мерзкий скрип сетки и стук входной двери, а потом мир снова погрузился в спасительную тьму, где уже не было ничего, только пустота...

ГЛАВА 19

Коноваленко беспробудно пил уже три недели подряд. Ночевать домой не шел. Не хотел видеть Валентину, заливая боль водкой. Ночевал тут же в кабинете на старом продав-

ленном диване, помнившим многих его предшественников. Секретарь все это время держался с ним подчеркнуто вежливо, ни разу не напомнил об общей с ним тайне, но в душе Андрея было гадко, будто по уши в дерьме вывалился, отдав приказ об аресте Клименко.

Иногда, в алкогольном угаре, он порывался броситься в тюрьму, чтобы отменить свой несправедливое распоряжение, рожденное ревностью, но в этот момент, словно колокольный набат в его ушах звучали слова Власенко об измене Валентины.

– А ваша-то жена вам изменяет!– эти слова поднимали в его душе новую волну ярости, заставляя забыть о походе в СИЗО, где в тюремной больничке валялся лейтенант, посягнувший на честь его семьи. Он снова пил, потом спал, совсем перестал есть. Работа его волновала все меньше и меньше... Он забросил дела, отдав их на откуп Секретарю. И тот замечательно со всем навалившимся справлялся, лишь однажды побеспокоив недели полторы назад своего непосредственного начальника.

– Разрешите?– его физиономию в очках видеть сил не было. Она почему-то ассоциировалась у него с предательством, но Андрей, как раз наливавший себе в стакан, немного алкоголя, ради опохмелки, все же кивнул.

– Понимаю ваше состояние, товарищ майор,– начал Власенко, скептически оглядев бардак, который царил в рабочем кабинете начальника НКВД,– но мне очень нужно, что-

бы вы подписали кое-какой приказ.

Нестор Петрович крутился возле порога, теребя в ладонях белый лист бумаги.

– Какой приказ?– Коноваленко опрокинул водку в себя, даже не почувствовав горечи. Вытер губы рукавом несвежей гимнастерки и закурил.

– Тут бумага одна... Она касается Клименко...

– Сука...– стукнул кулаком по столу Андрей Викторович, чувствуя, что хмелеет.

– Понимаю, как вам больно слышать, но необходимо все же назначить следователя на данное дело...– замялся Секретарь.– У меня уже есть подходящая кандидатура! Капитан Волков! Блестящие характеристики, прекрасные показатели, раскрываемость стопроцентная! Ни один еще не ушел от него без чистосердечного признания...А учитывая наши...особые...обстоятельства, нам именно это и нужно.

– Давай...– небрежным жестом Коноваленко вырвал из рук Власенко бумагу. Закурил, пыхтя папиросой. От едкого дыма табака у Нестора Петровича заслезились глаза. Но он терпел, зная, что за терпение ему воздастья. Всего лишь шаг оставался до заветной мечты, всего лишь, маленький шажок...

– А может ну его, а?– как у всех пьющих людей у Коноваленко быстро сменилось настроение. Он сморкнулся прямо на пол и отбросил постановление в сторону.– Хрен с ней с Валькой-то! Пусть живет с этим щенком! Пройдет год, два,

три, бросит он ее... Бросит, как пить дать! Кому она уже старая нужна будет? Жизнь сама ее накажет, как думаешь, Петрович?— майор набулькал себе еще стакан, прглотив его, как воду.— Ведь, как в Библии говорится? Не суди, да не судим будешь!

Офицер истерически рассмеялся, вытирая выступившие от спиртного на глазах слезы.

— А вот хер им! Пусть сидит!— он засуетился, ища на столе ручку.— пусть сидит и помнит, сука, на чей каравай свой роток разинул!— пьяный начальник управления НКВД погрозил невидимому Клименко кулаком. — А эта тварь... пусть мучается... Живет мучается, что жизнь пацану молодому сломала! Вертихвостка! А я ей буду напоминать, каждый день... Слышишь, Петрович? Каждый день будет напоминать об этом!— в поисках ручки и в своих пространственных рассуждениях Коноваленко добрался до Власенко, дыхнул ему в лицо перегаром, заставляя поморщиться.— Чего морщишься? Не нравится... И мне не нравится...

Он подписал постановление, назначив капитана Волкова следователем по делу лейтенанта Клименко. Подписал и отрезал себе путь назад, туда, где можно было все еще наладить и исправить.

Только понял он это, Андрей, слишком поздно, от того и пил, глуша боль, от того и домой не шел, боясь взглянуть жене в глаза, признаться в своей слабости. Стыдно...

Вспоминая этот момент, Коноваленко поморщился. Хва-

тит пить, решил он. Хватит. Рука скользнула по щеке, нащупывая густую окладистую бороду, отращенную за три недели беспробудного пьянства. Хватит! Надо учиться жить по-новому, по-другому... Заваленный стол пустыми бутылками был противен. От скуренных папирос было мерзко и сухо во рту. Майор сделал глоток прямо из кувшина давешней воды и чуть не вырвал.

Боль от измены со временем не стала меньше. Притупилась... Стала другой. Обида прочно засела в сердце, как заноза. Ему неожиданно захотелось увидеть Валентину. Как она там без него? Почти месяц... Ему докладывали, что жена несколько раз приходила сюда, но приказ не пускать ее блюли крепко. Что теперь с ней? Может уехала к матери с Глебом? Или нет? Куда она без денег? Ждет его дома?

Дверь в его кабинет распахнулась, и сначала Андрей Викторович подумал, что допился окончательно, и его посетили галлюцинации. Внутри вошел сам нарком внутренних дел, небольшого роста, худощавый, с внимательным цепким взглядом. Позади него толпились двое охранников, чуть поодаль от них довольный Власенко.

– Что тут у нас?– проговорил Ежов, шагнув к Коноваленко, заросшему, грязному, до кончиков волос пропахшему спиртным.– Как вы и говорили, товарищ Власенко, полная и окончательная деградация,– констатировал нарком, повертев крепкими пальцами подбородок Андрея.

– Товарищ нарком...– выдавил из себя майор. В груди ек-

нуло. Теперь точно конец!

– Узнал, сукин сын!– улыбнулся жестко Ежов.– Ты что же творишь, майор, а? Тебя на хрена на такую должность поставили? Безопасностью республики руководить понимаешь, а ты?

– Виноват, товарищ нарком!– Андрей Викторович попытался стать в стойку «смирно», но закружилась голова. Он пошатнулся, и чтобы не упасть схватился за плечо Ежова. Мгновенно среагировали охранники, щелкнули затворы автоматов, направленных ему в грудь. В голове мелькнула мысль, что может так оно и лучше? Броситься на них, сделать вид, что нападаю, а потом забыть...И нет Валиной измены, нет этого проклятого города, нет ничего...Пустота...

Коноваленко отбросил эту мысль сразу, выровнявшись. А как же Глеб? Какого ему будет жить с клеймом врага народа. Ведь кто-то обязательно пожелает на этом заработать свою очередную звездочку. Раздуют дело до покушения, а там... О том, что там, думать не хотелось.

– Исправлюсь, товарищ нарком!

– Поздно!– отмахнулся Ежов от дышащего на него перегаром майора.– Поздно, Андрюша...Думал я, что в тебе верного человека нашел, на республику поставил, а ты...

– Что я?– хмуро уточнил Коноваленко.

– А ты вон, какое непотребство творишь! Невинного человека из ревности под статью подводишь! Ну, трахнул он твою бабу, и что с того? От нее убудет что ли? Навалий обо-

им, а его куда-нибудь на Колыму моржей гонять. А ты, нет... Решил мстить! Не зря, товарищ Власенко нам неоднократно сигнализировал о тебе... Не зря... – покачал головой Ежов.

– Я... – Андрей бросил мстительный взгляд на Секретаря, притаившегося за спинами охранников наркома, но так ничего и не придумал, что сказать в свое оправдание. От мерзкой и довольной улыбки Нестора Петровича все перевернулось внутри.

– Это ж он, сука, предложил! – взорвался Коноваленко и ринулся вперед, особо не соображая, что творит. Сильный удар прикладом в лицо откинул в сторону его буйную голову, принеся мгновенное спасительное забытие. Крепко сложенный майор рухнул без сознания на пол своего кабинета от ловкого удара наркомовских охранников.

– Видите, товарищ Ежов! – видя, что опасность миновала, Секретарь выступил вперед, брезгливо переступив бездыханное тело майора. – Я же говорил... Он абсолютно стал неадекватен. Посадил этого Клименко за то, что пару раз тот сходил на свиданье с его супругой. Да, они там даже не целовались! Прикрыл предателя в наших рядах! Конопатова наградили, а именно он был информатором банды-налетчиков. А жену? Жену свою запереть в лечебницу? Разве так можно? Кричит арестовать немедленно! Что мне оставалось делать? – Власенко пожал плечами, виновато опустив голову. Это был его звездный час, тот момент, к которому он готовился всю свою жизнь и сыграть его надо было блестяще.

Ежов кивнул, соглашаясь с Секретарем.

– Пить надо уметь!– важно произнес он, тыкая оглушенного Коноваленко носком до блеска начищенного сапога.– Вы уж, Нестор Петрович, примите на себя обязанности майора. Уверен, вы справитесь!

– Слушаюсь, товарищ нарком!– расцвел Секретарь.– А его как?– он кивнул на Коноваленко.– Арестовать?

– Нет...Ему работу я найду! – улыбнулся хищной улыбкой Ежов.– Бабу его отпустить домой. Негоже здоровой женщине по психушкам шляться. А Казанову этого, лейтенанта молодого, в лагеря, пусть узнает каково это чужих баб по углам тискать...

Ежов брезгливо сморщился и быстрым шагом вышел из кабинета начальника управления. И никто уже не видел, как лицо Нестора Петровича озарила победная и счастливая улыбка.

ЧАСТЬ 2

ГЛАВА 1

Замок глухо щёлкнул где-то далеко, на пределе слышимости сознания. Я лишь глубже втянул колени к животу, закрыл голову руками, ожидая очередных побоев. Над головой прошелестели чьи-то легкие шаги.

– Что же ты, Сашка, наделал-то?– раздался надо мной знакомый до боли голос матери.– Что же ты натворил? Неужели, мы тебя с отцом этому учили?

В голосе матери было столько укоризны, столько боли,

что я невольно поднял спрятанное в ладонях лицо. Она стояла рядом, высохшая, бледная, совсем не такая, какой я запомнил я её. Старое, вытертое, много раз заштопанное, но опрятное платье было надето на ней совсем не по погоде. Она же замерзнет здесь, в этой сырой камере... Мелькнула в голове глупая мысль. Из-под зеленого платочка, повязанного по-старушечьи узлом под подбородком, выглядывала седая прядка тонких волос. Мне так захотелось обнять мать, прижать к себе, закричать, что я не виноват, что это все Васька Конопатов, наябедничать, как в детстве, что дух захватило.

– Мамка... – слезы навернулись на глаза. Сбитыми до кровями пальцами я потянулся к ней, чтобы хотя бы прикоснуться к родному человечку, но рука вдруг ухнула в пустоту. На месте матери стоял уже старший майор Коноваленко, гневно хмурясь, своими круглыми рыбьими глазами.

– Сука ты, лейтенант Клименко! Сука! – строго говорил он. – Жену мою трахнул! Карьеру мне испортил! Сука одним словом...

– Я...

– Ты, Клименко! – согласился майор.

– Я люблю Валентину... – спохватился я. – Мы любим друг друга!

– Ха-ха-ха! – искренне рассмеялся Коноваленко. – И чего вы добились своею любовью? Ты здесь, она там... А я несчастлив! Никто не счастлив!

– Врешь! – гнев медленно закипал во мне. Я сжал кулаки,

собирая в комок последние остатки сил.— Врешь, гад!

— Сам ты гад, Клименко! Гад и враг трудового народа! Таких расстрелять мало!

— Ааа...— я бросился вперед молотя воздух руками, но не устоял на ногах и рухнул на мокрый каменный пол. Сознание помутилось. Я сильно ударился головой. Камера поплыла в сером тумане. Грязный пол, потолок, стены...я не понимал чему из окружающей действительности можно верить, а что всего лишь плод моего воспаленного мозга и горячки, наступившей после постоянных побоев. — Нее-ет!

Чтобы не видеть ничего вокруг, опостылевшей камеры, серых невзрачных стен, не думать, я закрыл глаза, зажмурился, что было сил и закричал, кричал, колотя бетонный пол своей тюрьмы руками до ноющей боли, которая слегка меня отрезвила. Я, шатаясь встал, медленно направился к нарам с наброшенной на них соломой.

— Заключенный Клименко, встать лицом к стене, руки за спину!— заорали в приоткрывшуюся в двери узкую форточку, прозванную кормушкой. Виделось ли это мне? Или это было реальностью? Может я заболел? И все, что творилось со мной эти последние несколько месяцев всего лишь бред воспаленного воображения? Сон?

— Лицом к стене, сказано!

Я медленно шагнул к узкой полоске кирпичной кладки между навесным рукомошкой и нарами, оперся ладонями о стену, чувствуя, как покрытый инеем бетон неприятно хо-

лодит кожу.

– Не слышу...– раздался вальяжный голос из-за двери надзирателя.

– Заключенный Клименко, статья 58 часть Б!

– Верно, животное! Верно мыслить стал...– послышался издевательский смешок вертухая.– Того глядишь, к концу срока и исправишься. Станешь, так сказать образцовым гражданином, примером для общества...

За почти три месяца в СИЗО я уже неумолимо стал привыкать к подобным подколам и издевательской процедуре, сопровождающей каждый мой вывод из камеры на допрос. Поначалу гневно реагировал на каждое ехидное замечание конвоира, нервничал, пытался что-то ему доказать, объяснить, а потом наступило отупение от постоянных побоев, отвратительных условий, сосущего чувства голода и нытья в поврежденных мышцах. Я не мог и не хотел более кому-то что-то объяснять, кому-то что-то доказывать... Единственным моим желанием на тот момент было искреннее желание умереть, чтобы одним мгновением прекратить нескончаемую череду однообразных, как под копирку сложенных дней, которые я отмечал на стене в самом нижнем углу камеры, чтобы не видно было от входной двери, кусочком почти стертого кирпича.

– Стоять! Не оборачиваться!– тычок в поясницу прикладом ружья стал почти неощутим, да и ударил конвойный скорее для острастки, чем, действительно, причинить настоя-

шую боль.— Что тут у нас...

Тяжелые шаги раздались совсем близко, обошли меня полукругом. Направляясь к нарам. Надзиратель лениво поворочил ногой солому, заглянул под грубо сбитые доски.

— Запрещенных предметов нет, Клименко...— сделал вывод охранник с явным сожалением. Да и откуда бы им было здесь появиться. Посетителей ко мне не пускали, передач не передавали, а в узком пенале-одиночке, где из мебели лишь нары и рукомойник, да ведро в глу для справления нужды, затруднительно было бы что-то спрятать, однако, конвоир с упрямым упорством, доходящим до идиотского буквоедства выполнял инструкцию и каждое утро осматривал мою одиночку.

— Вот, что вы за люди, политические...Нет в вас зэковской романтики! Вот, где можно разгуляться. Бывает заходишь в камеру, а там и бритвы, и заточки из ложек, и карты...А тут...

— Виноват, гражданин начальник! Исправлюсь!— удар по почкам оглушил так, что в ушах зазвенело. Спину скрючило от боли, и я, как подкошенный, рухнул на колени, скрипнув зубами.

— Конечно исправишься!— радостно захихикал конвоир.— У нас не такие исправлялись...

В глазах потемнело. Я с трудом пытался восстановить сбитое дыхание и встать, но сил уже не было. Только боль... Боль, ставшая для меня уже привычной, словно неотделимой

от меня частью.

– Ладно...– вздохнул надзиратель, поправляя сползшую с плеча винтовку.– Повеселился, голубь мой, и будя... Товарищ следователь тебя ждет! Бумажки какие-то перед подписать. Сказал привести немедленно...

Ах, ты сволочь... Подумал я. Измываешься ты надо мной от души, но только не по приказу высшего руководства, а от собственного садистского начала. Нравится тебя людей ломать, словно сухую тростинку в пальцах, вот и ходишь сюда, как на работу каждое утро, да тычешь мне в спину своим прикладом, а где-то внутри у тебя все переворачивается от счастья, испытывая мелкий и почти незаметный никому во круг оргазм от осознания, что вот ты какой начальник, вот какой сильный... Сука!

Я сплюнул вязкую слюну на пол, утерев хлюпающий от хронического насморка нос рукавом затертого грязного и вонючего пиджака. Протянул смиренно руки назад, ожидая пока на запястьях не шелкнет холодная сталь наручников. Отпускать без них по коридору меня побаивались, хотя я и сам был неуверен, что в своем нынешнем состоянии буду способен совершить нечто геройское.

Немного повозившись у меня за спиной, конвоир справился с оковами и слегка подтолкнул меня к двери камеры. Каждый раз такой своеобразный «выход в свет» приносил мне массу приятных эмоций. Я мог видеть нечто другое кроме опостылевших, изученных до последнего пятнышка че-

тырех стен, в которые меня замуровали совершенно по-идиотски. От нахлынувших воспоминаний меня перекосило. А сколько было мечтаний, сколько несбывшихся надежд? Где сейчас Валя? Где мать? Что с ней? Какой я к черту враг народа? Расхититель социалистической собственности? Где доказательства? Все эти вопросы я пытался задавать капитану Волкову – следователю по-моему делу в первый месяц нескончаемых допросов, на которых меня пытались ломать, уговаривать, жалеть, а потом снова ломать. Больше я их уже не задавал... Оставался лишь один, вполне справедливый, но никому не нужный вопрос «зачем»? На него, пожалуй, даже сам капитан, ставший за эти несколько месяцев майором, не мог ответить... Приказано и все тут!

Я оглянулся. Конвоир Степан важно шествовал позади, держа на всякий случай оружие наготове. Уже прознавший, на что я способен.

Тогда мы тоже шли так же, кажется, даже на этом самом повороте перед лестницей... Я сумел сбиться с шага, сократив резко дистанцию между мной и зазевавшимся надзирателем. Степан подался вперед, и ствол ружья скользнул по моей пояснице, давая мне возможности уйти с линии огня и от души вмазать надзирателю садисту по его мужским атрибутам. Тот взвыл, выронил оружие, но со связанными руками, из охраняемой тюрьмы не сбежишь, а потому я терпеливо стал ждать, когда среагирует дежурная смена, в душе радуясь, что все же сумел отомстить гаду, пусть и мелко... Ме-

ня избили так, что я не мог встать с нар, временно отменили допросы, надеясь, что я все же сыграю в ящик, избавив всех от множества лишних хлопот, но я выжил, упрямо, на зло, а Степан с тех пор всегда был бдителен и не давал мне возможности сделать бросок.

– Что, тварь, боишься?– зло прошипел он мне над ухом, дыша куда-то в спину.– А вдруг я тебя расстреливатьведу?

Если быть честным, то в душе что-то дрогнуло. Где-то на подсознании вспомнилась мать, Валечка... Но боль от постоянных побоев, сносимых мной за время заключения, некое отупление от всего происходящего вокруг были настолько сильными, что слова конвоира я воспринял не то чтобы равнодушно, но с некоторым облегчением. Наконец-то... Я так устал, что каждой клеточкой своего измученного организма жаждал этого, а идущему позади меня Степану было невдомек, что бывают такие ситуации, когда страх перед смертью, намного ниже, чем само по себе желание жить. Ему этого было не объяснить, не понять... Только сосущая пустота внутри, будто вынули все нутро, оставив лишь только глухую боль.

– Стреляй!– кивнул я, не оборачиваясь, двигаясь по знакомому, выученному до кадой трещинке в стене коридору.– Стреляй!

– Иди уже,– недовольно буркнул тот, подталкивая меня к полуоткрытой двери.

У самого порога Степан меня обогнал. Первым вошел в

кабинет, докладывая преувеличенно бодрым голосом.

– Товарищ майор, задержанный Клименко по вашему приказанию прибыл!

Из-за тонкой перегородки послышался знакомый до боли голос Волкова. Выбитые зубы занули, будто предчувствуя, что это не конец мучений, а только их начало. Передо мной предстал все тот же кабинет, больше напоминающий своим аскетизмом монашескую келью. Узкий пенал с решетками на маленьком окне, построенном почти под самым потолком, сквозь которое еле-еле пробивался солнечный свет, длинный стол, заботливо застеленный зеленой скатертью, гнусная лампа дневного света под зеленым абажуром, а возле нее человек с кипой бумаг на столе, нетерпеливо постукивающий карандашом по дубовой столешнице. Табурет, прикрученный к полу, вмонтированный в него намертво, располагался напротив, чуть поодаль от следователя, именно на него меня усадил Степан, мгновенно сипарившийся за дверью.

– Ну что, Клименко, – внимательно всмотрелся в мои глаза этот меланхоличный тип с одинаковой спокойной, почти умиротворенной улыбочкой поощряющий своих помощников и подписывавший приговоры на расстрел, – не надумал сознаться?

– Товарищ...

– Какой я тебе товарищ, сука! – вкрадчиво уточнил Волков. Его верхние пуговицы на гимнастерке были расстегнуты, из-под воротника виднелось несвежее белье и волоса-

тая грудь. Рукава закатаны по локоть, обнажая крепкие рабоче-крестьянские запястья. Бить будет... Решил я, опуская глаза в пол.

– Гражданин майор, вы прекрасно знаете, что мне не в чем сознаваться. Нападение предотвратил я, никакого отношения к Колу и его банде я не имею, а золотой запаса республики планировал украсть Василь Конопатов, – в который раз повторил я одно и то же, готовый к тому, что как это было раньше, меня начнет мордовать этот громила-следователь. Но удара не последовало, Волков лишь тяжело вздохнул, словно исполнял неприятное, но уже такое привычное поручение.

– Ну, да и ладно, Клименко! – майор открыл мое личное дело, обнаруженное тут же, под кипой бумаг, полистал его, ища что-то. – Не захотел по-хорошему, будь по-твоему... Хотя чисто сердечное признание несомненно облегчило бы твою участь...

Мое сердце испуганно рухнуло в пятки. В голове взволнованными чайками заметались панически настроенные мысли. А что значит могло бы облегчить? И откуда такое наплевательское отношение к арестанту? Ведь все прошлые разы Волков не примаминал воспользоваться случаем и набить мне морду так, что потом несколько дней я не мог встать с нар, чтобы опорожниться.

– Чего смотришь? – вскинул он а меня свои хмурые глаза, даже слегка грустные. – Тройка вынесла тебе ожидаемый

приговор. Чего тянуть-то? Ведь вину свою ты все равно не признаешь, а таких как ты у судей по всему союзу знаешь сколько?

– Приговор... – выдохнул я, чувствуя, как темнеет в глазах. Это до той поры, пока тебе не скажут в лицо, что тебе суждено умереть, смерть кажется неким эфирным, секундным облегчением, а вот. Когда это все реально, близко, когда ты осознаешь с ужасом, что ничего уже потом не изменить, что не будет никакого потом, вот тогда становится по-настоящему жутковато.

– Все враги нашего государства должны быть обязательно наказаны, Клименко, наказаны по всей возможной строгости закона. Ты не исключение, – кивнул головой Волков, закрывая мое личное дело с таким удовольствием, словно вбивал лично в крышку моего гроба последний гвоздь, – сегодня мы с тобой прощаемся, авось, больше не увидимся... – майор даже мне улыбнулся, правда, в его улыбке отчетливо скользило нечто насмешливое. Это существо, безусловно, наслаждалось моими страданиями. Никакого прощания со мной он устраивает не хотел! Ему этого было не надо! Ему, с садистским наслаждением, всего лишь хотелось посмотреть на мою реакцию. Реакцию на приговор, обжалованию не подлежащий...

– Степан! – позвал он стоящего за дверью конвоира.

– Слушаю, товарищ майор! – браво гарнкул исполнительный надзиратель, заглянув в кабинет.

– Ты знаешь, что делать... – кивнул Волков на меня, указывая рукой на дверь.

Солдат кивнул, направляясь ко мне. Я попытался встать навстречу, но ноги подкосились. Пришлось рухнуть обратно, загремев костями.

– Ну-ну... Ты брось это! – укоризненно улыбнулся Степан. – Многие, чтобы облегчить свою участь, то на конвоира бросаются, чтобы при попытке к бегству, кто на следователя. Глупости это все... Бздишь ты, страшно, но надо понять, что дорога у нас у всех одна, просто кому-то раньше, кому-то позже, – он аккуратно подхватил меня под локоть, ставя на ноги.

Господи... Расстрел... Вот и все... Двадцать лет... Мамочки, как страшно! Интересно это больно?

Я готов был разрыдаться, забыть о гордости, броситься на коленях к майору, вымаливать прощения, был готов, если бы был уверен, что это поможет. Меня повесят? Или все же, как других? В пору работы в органах я слышал рассказы про то, как приговоренных вели по коридору, самому отдаленному и темному холодногорской тюрьмы, а потом бах и в пулю в затылок. Осужденный и понять-то ничего толком не успевал, ни то, чтобы почувствовать. Пуля...

– Степан, проводите гражданина Клименко, – слова Волкова громом прозвучали для меня среди ясного неба. Набравшись сил, смелости, густо замешанных на страхе и молодом максимализме, я сделал шаг в коридор. Мать жал-

ко... Как одна теперь одна-то...

– Шагай налево!– Степан подтолкнул меня в спину, направляя совсем не в тот коридор, где находилась моя камера.

– Молись, парень, если в Бога веруешь!– предложил конвоир, заупская меня в темный коридор, тускло освещенный лишь одной лампочкой в самом конце.

Крещенным я был, но, как и все коммунисты к религии относился с известной долей скептицизма. Неловко перекрестился, как никогда чувствуя дыхание смерти за своей спиной.

– Стоять!

– Сейчас...– прошептал я, чтобы услышать свой собственный голос, надеясь, что он мне придаст хоть немного мужества встретить смерть достойно.

Глухо щелкнул затвор винтовки, оглушительно, будто бы совсем над ухом.

– Стой смирно, Клименко!– в голосе Степана послышались впервые за несколько месяцев человеческие интонации, без лишней издевки.

– Господи, помоги!– я зажмурился, ожидая в любой момент выстрела в спину. Не будет больно... Только в первый момент может быть... Уговаривал я сам себя. Меня трясло. Я до боли сжал кулаки, надеясь не заорать от страха.

Щелчок... Мир вокруг меня поплыл туманными полосами. Я закачался из стороны в сторону, чувствуя, что теряю равновесие. Где же выстрел? Почему этот Степан тянет? Сил

больше не было держаться. Всю свою волю и пролетарскую нестигаемость я оставил на допросах у Волкова.

– Стреляй!– с отчаянием заорал я почти без сознания.

ГЛАВА 2

– Вас ждут,– майора Коноваленко, томящегося в широком коридоре Наркомата Госудраственной безопасности, окликнул из кабинета помощник наркома в звании капитан. Андрей Викторович в честь такого события, как прием у своего непосредственного начальника, чисто выбритый, выглаженный и отутюженный, бодро двинулся в приемную.

Он не в первый раз встречался с наркомом, помнил его непростой характер, а потому заранее приготовился к тяжелому разговору. Голова, нудно гудящая с похмелья, не давала сосредоточиться, и Коноваленко искренне надеялся, что беседа будет недолгой, а Ежов не учует запах густого перегара, который не смог перебить даже модный нынче одеколон «Шипр».

В приемной было светло. Зеленые тяжелые шторы были широко распахнуты, сквозь них в комнату пробивалось яркое зимнее полуденное солнце. Коноваленко быстро осмотрелся. Узкий стол. Несколько стульев, широкий мягкий диван для посетителей всех мастей, и стопы бумаг, наваленных кучей на рабочем столе секретаря. В сущности почти все такие казенные учреждения были одинаковы, сделаны под копирку, чтобы мало чем отличаться от столицы. Каждый местный царек, хоть в Украине, хоть в Казахстане, хоть в Душан-

бе, стремился не отставать от моды, введенной центром. И если сейчас был популярен в такого рода заведениях напускной аскетизм, то при прежнем наркоме все блистало позолотой и дорогой обстановкой.

– Нарком вас ждет!– помощник распахнул перед Коноваленко двери. Бросив окончательный проверяющий, будто рентген, взгляд. Нигде у майора не топорщится карманный револьвер? Не видно ли рукояти припрятанного в сапоге ножа? Андрей этот взгляд оценил. Благо, столько лет проработал в этой конторе, что считывал таких на раз...Вздыхнул, и словно в омут, нырнул в жарко натопленный кабинет начальника.

– Товарищ нарком государственной безопасности,– бравадно отчеканил Коноваленко, постараясь вытянуться во фронт, словно кадет на построении юнкерского училища в царской России,– старший майор государственной безопасности Коноваленко по вашему приказанию прибыл!

Ежов даже не обернулся, продолжал смотреть в окно, выдерживая томительную паузу. Это был звоночек! Мало того, что отозвав его из Харькова почти четыре месяца назад, руководитель госбезопасности не принимал его, несмотря на настойчивые просьбы, мариновал его в неведении, заставляя то собираться в лагерь, то снова надеяться на багополучный исход, так и теперь, все же изволив дать аудиенцию, больше двух часов держал в приемной, как нерадивого школьника в углу, а сейчас еще и молчал.

Он был невысок, худощав, темно-русые волосы, зачесанные наверх придавали ему солидности. Мундир, немного мешковато сидящий на нем, придавал вид немного комичный, но и одновременно устрашающий. Заметно было, что его Николай Иванович надевает не только на парады, но и реально в нем работает, а о результатах его работы, думается, последние годы была наслышана вся страна. Острые черты лица, мелкие, глубоко посаженные невыразительные глаза, болезненная бледность, создавали образ устрашающий, если еще принять на веру все те слухи, которые окружали наркома.

Коноваленко решил не торопиться. Замер у порога, рассматривая кабинет. Несколько дорогих картин с фривольными сюжетами, совсем непролетарскими, письменный стол из красного дерева, за которым Ежов казался совсем бы крохотным, над ним портрет Иосифа Виссарионовича Сталина. Ряд стульев у стены для посетителей попроще. В другом углу, возле портьеры спрятался журнальный столик и два кресла для гостей поважнее. На столике стоит графин с вином и два бокала, пепельница. Наполовину заполненная окурками от папирос.

– Что же вы товарищ Коноваленко, не сумели оправдать доверия партии?– наконец произнес Ежов, поворачиваясь к Андрею, выдержав долгую томительную паузу, видимо, для того, чтобы привести собеседника в тревожное психо-эмоциональное состояние. Слова Николай Иванович растяги-

вал, подражая Сталину, но того эффекта не выходило. Вместо уверенного баса с легкими нотками грузинского акцента получалось визгливое истеричное подвывание.

– Виноват, товарищ нарком... – смутился Андрей. – Я не совсем понимаю о чем идет речь. Золотовалютный резерв Украинской ССР сохранен, перевезен в управление НКВД. Банда налетчиков, терроризирующая весь город и область, разгромлена. Информатор в рядах органов арестован. Насколько я знаю, ведется следствие по его делу...

– Ты мне ваньку тут не валяй! – рявкнул Ежов, грохнув небольшим кулаком по столу. Его острые черты лица от гнева еще больше обострились. Щеки пошли красными пятнами, спускающимися на шею под гимнастерку. – Все я знаю про ваши успехи, товарищ майор!

– Старший майор! – поправил его Коноваленко. Будь он более трезв вчера, возможно сдержался бы от комментариев, но вчера, как и позавчера и четыре месяца назад он беспробудно пил, потерял хватку, и чувство опасности, позволившее сделать ему карьеру в рядах гэбистов, подвело его.

– Майор! – разозлился Ежов еще больше. Глуп ты сильно для старшего майора. Рылом не вышел и мозгами, которыми, если бы пошевелил, то, непременно понял бы, что я все знаю о твоих чудачествах в Харькове!

– Не понимаю...

– Заткнись, сука! – Ежов бросился к нему, сжвав кулаки. На секунду Коноваленко показалось, что истеричный нар-

ком его ударит, но тот сдержался, лишь снизу вверх посмотрел ему в глаза. Думаешь, я не в курсе, что банду организовал не твой Клименко, которого ты арестовал только потому, что он трахал твою жену, а тот другой, убитый лейтенантом? Или, как ты решил отомстить, сделал из Конопатова героя, а этого приказал посадить в холодногорскую тюрьму и следователя приписал такого, который точно выбьет из него нужные показания не мытьем, так катаньем? Про твои пьянки не знаю?

– Я...

– Ты, майор, дурак!– процедил Ежов, почти так же мгновенно успокоившись, как и разозлившись.– Просрал такую карьеру из-за бабы... Баба – она ж такая... От нее не убудет. Ну, попнулся туда лейтенант по молодому делу, что с того? Найди себе других!– Николай Иванович сплюнул недовольно поморщившись.– Ты думаешь я никогда своей жене не изменял или она мне? Но мы живем вместе, понимая, что это выгодно не только мне, но и ей. А ты... Проморгал крота у себя под носом, чуть не прое... л золотой запас республики, воспользовался служебным положением, подтасовал факты, обвинил невинного человека.. А ведь его может расстреляют, майор?– прищурившись, наблюдая за реакцией Андрей Викторовича, проговорил нарком.– государственная измена дело такое... Не жалко, а? У него мать-старушка. Все письма мне пишет, мол, простите, помогите...– пояснил он, заглядывая в глаза майору.– Вижу... хочешь ты этого... Да, вот

хрен тебе!– улыбнулся Ежов.– Еще я не исполнял прихоти мужей-рогоносцев! Нарком!

Андрей терпел, сжав до скрипа зубы. Он понимал, что Нарком его выводит нарочно, оскорбляет и злит, чтобы посмотреть его реакцию. Но позволить себе ответить не мог. Впитанное с молоком матери чинопочитание, безотчетный страх перед всемогущей властью этого человека делали его покрным и терпеливым.

– Не расстреляют паренька...– задумчиво проговорил Ежов, отходя к столику с вином. Он загорался, истерил феришно, мгновенно, и почти так же успокаивался, что выдавало в нем серьезные проблемы с психикой.– Но наказание он свое получит, как и ты, майор...

– Готов понести...

– Понести может корова от быка, а ты будешь наказан!

– Виноват!– Андрей Викторович старался не смотреть на наркома, уставившись в одну точку, он мечтал только об одном, чтобы это все быстрее закончилось.

– То, что старшим майором ты уже не будешь, ясно... Отправишься через пару дней к своему новому месту службы!– Николай Иванович налил себе в графин немного вина, залпом опрокинул его в себя, даже не поморщившись. Коноваленко вдруг понял, что его опасения о том, что Ежов может услышать его перегар были абсолютно беспочвенными. Нарком сам страдал от похмелья и запах алкоголя почуять не мог.– На столе предписание, уже подписанное...

Слава Богу... Выдохнул мысленно Коноваленко. Он ужасно боялся расстрела. В беспокойные времена, царившие вокруг, человеческая жизнь не стоила и ломаного гроша, а расстреливали в нашей стране и за куда меньшую провинность, а потому новое назначение показалось ему чуть ли не благодеянием со стороны органов госбезопасности.

– Может посмотреть... – донесся откуда-то издалека голос Ежова. На Андрея накатила теплая волна расслабленности. Ноги слегка подкосились, нечеловеческое напряжение спало. Он пошатнулся и сделал несколько неловких шагов вперед к столу, чувствуя спинным мозгом, как нарком наблюдает за ним, с легкой улыбкой на тонких бледных губах.

Шаг... Не торопись! Одернул Коноваленко себя. Ты и не в таких переделках бывал. Где же оно?

Назначение искать долго не пришлось. Узкая, как справка, бумага лежала прямо посреди стола. Под печатью с потекшими чернилами размашистым почерком Ежова было выведено: «Направить майора государственной безопасности Коноваленко Андрей Викторовича для усиления и контроля, а так же организации работы на местах в Главное Управление Лагерьей СССР. Назначить майора Коноваленко Андрей Викторовича начальником лагеря за номером 32 Мордовского Управления Лагерьей СССР. Прибыть на место новой работы майору Коноваленко не позднее семи суток с момента вручения данного назначения. Начальнику хозяйственного сектора МордЛага товарищу Петрову организовать содей-

ствие майору Коноваленко в обустройстве на новом месте. Нарком Государственно Безопасности СССР Ежов Н.И.»

Андрей облегченно выдохнул. Судя, по ехидным замечаниям Ежова. Он ожидал намного худшего. Понятно, что на карьере поставлен жирный крест, что из Мордлага в НКВД не возвращаются, но он жив! Он жив и не будет расстрелян! Это самое главное...

– Вижу, рад! – расстроился заметно нарком. Видимо, он все же ожидал слез, просьб о прощении и клятв о заверении в вечной верности и личной преданности, но при всех своих сволочных качествах Коноваленко был человеком принципов и никогда не перед кем не унижался. Не расстреляли, и слава Богу!

– Так точно, товарищ нарком! – собрался с мыслями Андрей. – Рад служить Родине, где угодно.

– Похвально! – улыбнулся Ежов. – Посмотрим, может годика через два... Если не сопьешься, майор, может и вернем тебя...

Как же... Подумал Коноваленко. Это ты расскажи кому другому, кто в нашей системе первый год работает. Не возвращаются с Мордлага, никто и никогда!

– И жинку свою прихвати туда! Тяжело ей будет здесь одной, с сыном-то... И сына туда же, – насмешливо кивнул Ежов.

– Но...

– Ты представь, начнутся наветы, в школе сыном врага

народа дразнить будут... Слушок-то прошел... – прищурился нарком. – А в Мордлаге он за тобой, как за каменной стеной будет.

– Так точно, товарищ нарком! – обреченно кивнул Коноваленко. Ссылка, самая, что ни на есть ссылка...

– Благодарить не надо! Службой благодари! – совсем уже весело рассмеялся Николай Иванович, и в его глазах запрыгали бесовские огоньки, от которых стало жутковато даже такому бывалому офицеру, как Андрей. – Да поспеши! Семь суток только с виду срок немалый, а кинешься, пролетят, как один день...

Майор кивнул, затаптался на месте. На душе было горько и противно. Будто его только что смешали с грязью. Вся его жизнь, вся его карьера полетела ко всем чертям росчерком одного пера. Внутри образовалась обреченная сосущая пустота. Едва сдержав эмоции, Андрей попросил разрешения отправиться немедленно.

– Свободен, майор! – улыбнулся Ежов, поднимая в знак прощания бокал с красным вином, выглядевшим, словно только что сцеженная кровь.

Людоеды! Вы все людоеды! Подумал про себя Андрей, сбега по широким ступеням наркомата госбезопасности. Все вокруг, словно пир во время чумы. Каждый царек, вроде Ежова, мнит себя всесильным, властелином судеб, а на самом деле, просто напросто спешит брать от жизни все здесь и сейчас, потому что прекрасно понимает, что завтра уже

может и не быть...Какой-нибудь другой, вышестоящий руководитель, как только что Ежов Андрею, выпишет ему пожизненную путевку в МордЛаг и все...Конец!

Личного автомобиля Коноваленко уже не полагалось. Поэтому он долго топтался на оставноке, ожидая нужный трамвай. Заскочил в его грохочущее чрево все еще опустошенный и уселся подальше от всех, у самого заднего выхода, решив непременно, что обязательно сегодня надерется вдрызг, ибо, что ему еще терять в этой жизни. Была семья – нет семьи, была работа – нет работы...Все в один миг переменялось, а он даже не понял, что перешел из разряда князей, в разряд отработанного и никому не нужного материала.

ГЛАВА 3

Очнулся я от того, что меня больно, с потягом хлопали по щекам. От каждого удара моя голова откидывалась назад, с треском впечатываясь в бетонный тюремный пол. Надо мной склонился Степан, встревоженно вглядываясь в мою реакцию.

– Эй, Клименко! Ты чего это вдруг?– взволнованно спрашивал он после каждого хлесткого удара.– Ну, шутканул я чуть-чуть...Глупо! Эй, давай, приходи в себя!

Туман в голове начал рассеиваться, сопровождаясь гулким звоном от ударов надзирателя. Я струдом открыл глаза и зло прошептал:

– Пошёл ты...

– Вот и славненько!– обрадовался конвойный, мгновенно

но отскакивая назад, наученный своим печальным опытом, о котором я уже в прошлый раз рассказывал.— А я-то, грешным делом, думал скопытился несгибаемый лейтенант! Ласты, как говорится, склеил. А ласты тебе склеивать нельзя... Никак нельзя,— торопливо заговорил Степан,— мне майор Волков дал задание тебя на этап доставить в целости и сохранности, мол, сам товарищ Ежов такое приказание отдал...

Я с трудом пошевелился, сначала рукой, потом ногой, аккуратно держась за коряво оштукатуренную стеночку, попробовал встать. Тело ломило, испытав нечеловеческое напряжение моральных и физических сил. Голова, то ли от потери сознания, то ли от попыток Степан меня оживить была сама не своя. К горлу подкатил тугой сладковатый комок и попросился наружу. Меня вырвало прямо на пол, я закашлялся, стараясь не свалиться в собственную рвоту. Кажется, у меня появилось ко всем болячкам, приобретенным в холодногорской тюрьме, еще и сотрясение мозга.

— То есть как этап?— отдышавшись, выдавил я из себя, вытирая замусоленным рукавом черной тюремной робы, рот.

— А он чего, товарищ майор-то,— удивился Степан,— тебе не сказал что ли? То-то ты так моей шутки спужался...— покачала он головой, и в его глазах промелькнула толика жалости ко мне. — Вчерась, постановление трибунала пришло по твоему делу. Приговорен ты, братец, к десяти годам без права переписки. Поедешь в лагеря, лес валить с другими

эсками... Но-но... – отшатнулся он, увидев мой взгляд, полный отчаяния и злобы. – Все же лучше, чем я тебя сейчас бы шлепнул. Какая-никакая, а жисть...

Я вынужден был с ним согласиться. Но только... Столько лет работая в системе государственной безопасности, ты становишься знаком со всей системой исправительных учреждений огромной страны помимо своей воли. Оттуда редко кто выходит живым, а уж тем более здоровым. Почти все осужденные на такие сроки не добывают их до конца, умирая за колючей проволокой на третий или второй год заключения. Все зависит от твоего здоровья и терпения, способности к адаптации и многим другим факторам, как острый нож от куска масла, отрезающих секунды твоей жизни. Лишь немногие возвращаются назад, сломанные морально, угробленные физически, счастливичики, которым повезло стать реабилитированными или те, в ком страна нуждается сильнее всего сейчас. Они уже никогда не будут другими, посмотрев на мир с другой стороне через призму колючей проволоки. Шанс был, но был настолько ничтожен, что мне пришла в голову мысль попросить застрелить Степана меня прямо тут при попытке к бегству.

– Ну чего зыркаешь? – нахмурился конвойный. – Не выстрелю, не проси... – словно прочитав мои мысли, сообщил он мне. – Говорю же тебе! Личный приказ товарища Ежова! Мне сидеть рядом с тобой желанья нет! Если что шамальну по ногам...

Сука... Чего же нарком так ко мне привязался-то. Надо же, такой приказ издал, что меня теперь, как царевну охраняют, даже стрелять запретил?

— А коль рыпнешься, ногу продырявлю,— продолжил Степан,— раненного, полуживого, все одно в вагон погрузим и по этапу отправим! Так как есть бумага... А сдается мне, Клименко, что в лагерь прибыть тебе надо б здоровым. Там найдется, где здоровье, мать его, и так подпортить без твоих фортелей!

Сжав губы, я кивнул, согласившись со Степаном. В голове начал формироваться некий план, очень опасный, практически неисполнимый. О котором я даже думать боялся. Да... именно тогда, в душном вонючем коридоре холодногорской тюрьмы города Харькова у меня впервые начали складываться первые наметки того, что произошло потом, спровоцировав целую цепочку событий, виной которых, как я потом понял, стал именно этот разговор со Степаном.

— Веди уж... — махнул рукой я, окончательно придя в себя. Состояние лучше не стало, но теперь я имел возможность хотя бы идти, хотя ходьбой это передвижение можно было назвать с трудом.

Конвойный махнул вправо, указывая на решетчатую дверь. Проворчал про то, что столько времени потеряли от того, что я, как кисейная барышня, падаю в обморок, а этап ждет, а за задержку этапа по головке не погладят. Придется писать объяснительную. Вообще ворчал, превратившись

снова в того самого бездушного Степана, которого я знал до этого дня.

– Лицом к стене, руки за спину! Быстро!– чтобы поторопить меня, конвойный для ускорения пнул меня прикладом в спину. Я уже привычно, механически принял нужную позу. Решив, что плетью обуха не перешибешь, и сопротивляться нет смысла. Надзиратель поковырялся в карманах галифе. Выудил оттуда связку ключей, поковырялся, ища нужный. Щелкнул металлически звонко замок. Решетка в коридор распахнулась и мы снова двинулись в путь, спускаясь по лестнице вниз.

– Завидую я тебе, Клименко...– вдруг проговорил позади Степан.– теперь всю свою жизнь проведешь на свежем воздухе!

Я понял, что он издевается. Отвечать не хотелось. Зачатки еще пока не совсем оформившегося плана крутились в голове. Не желая скалдываться в елдиную мозаику.

У выхода из тюрьмы, во внутренний дворик сидел еще один контролер. В руках ручка, книга сдачи и приема заключенных исписана густым мелким убористым почерком. Я его чем-то явно заинтересовал. Он встал со своего места, одернул гимнастерку и обошел вокруг меня так, будто я был невестой на выданье. Осмотрел со всех сторон. Заметил кровь у меня на затылке и гневно обратился к Степану:

– Это еще что такое?– видимо, я приложился о бетонный пол, когда падал, а потом в суете событий даже не заметил

очередной ссадины.

– Дык...– смешался Степан.– Я его веду по коридору на этап, а он брык и давай ножками сучить, как пилептик какой...Я его по щекам, а он без сознания...

– Приказа не читали?– нахмурился сержант, осматривая мою рану.

– Да я...

– Ладно,– махнул рукой придирчивый конвойный,– и так сойдет!

Я успел заметить, что Степан облегченно выдохнул. Что же такого от меня нужно самому наркому Ежову, что устраиваются такие проверки и такие сложности?

Сержант бегло ошупал меня на предмет оружия и запрещенных предметов, но ничего не нашел. Удовлетворенно хмыкнул и подтолкнул меня к двери.

– Шагай, Клименко!

Сердце замерло от предчувствия какого-то нового этапа в моей жизни, некоего очередного рубежа, который я пересеку. Шагнув за металлическую калитку. Вздыхнув, я шагнул за дверь, в след за бдительным сержантом, оказавшись оглушенным и ослепленным одновременно.

Яркий солнечный свет, от которого я отвык за время сидения в полутемной сырой камере холодногорской тюрьмы, ошеломил меня. Ударил больно по глазам, заставив прикрыть их ладонью. Чистый воздух, после смрадного, спертото, сырого каземата, закружил мою ослабленную сотрясени-

ем голову, наполнил радостно легкие, с жаностью впитывающие колкий с мороза кислород. Гвалт собак, немецких овчарок, оглушил, отвыкшее от шума уха, за полгода слышавшее лишь ворчание Степана, да крики майора Волкова на допросах. Я, будто заново увидел этот мир, родился вновь, открывая глаза, слыша иную речь... Даже ощутил нечто вроде душевного подъема. Настолько приятными были эти маленькие детали, такие привычные для обычных людей, и такие восхитительные для меня. Я замер на крыльце тюрьмы в ее внутреннем дворике, щурясь от морозного ноябрьского солнца.

Боже мой... Как же давно я не видел его! Теплый луч мазнул по моей щеке еле заметным нежным прикосновением, от которого дрожь пошла по телу, настолько ласковым и нежным оно было, словно само светило приветствовало меня на свободе.

– Чего, как кот на сметану жмуришься?! – зло бросил сержант, пихая меня в спину. Я покачнулся. Скользкие ступеньки подвели меня, и я полетел лицом в сугроб, наваленный подле крыльца. Пальцы с хрустом врезались в крепкий, колкий наст, но ничего приятнее, чем этот свежий, чистый, почти прозрачно белый снег, мне видеть не приходилось за эти последние полгода. Я с наслаждением сжал кулаки, чувствуя, как крошится под руками ледяная кромка. Поднес к губам, вдыхая морозную свежесть, и только сейчас заметил, что вокруг конвой напряженно наблюдает за мной, а оскаленные

морды сторожевых овчарок, норвят грызнуть меня за лицо.

– Вставай, братец!– проговорил один из них, ближний ко мне.– Пора!

Сержант поддернул меня за рукав, отрывая от казалось бы такой близкой мирной, обычной жизни, по которой в заключении я умудрился соскучиться.

– Этап ждать долго не будет!– гвалт собак не умолкал. Меня запахали в черный воронок, скрутив пополам. Захлопнули дверь, но на моих губах еще долго держался вкус ледяного снега и на щеке теплое прикосновение солнечного лучика, выглянувшего из-за туч. Только ради этого мгновения, всего лишь мгновения стоило испытать все те мучения, которые я выдержал во время следствия, только для того, чтобы понять и оценить всю красоту свободы!

Машину качнуло. В кабину залезли сопровождающие. Напоследок нас проводила глухим рычанием собачья свора. Мотор тихо заурчал, увозя меня подальше из Харькова, из холодногорской тюрьмы, возможно навсегда, переворачивая очередную страницу моей беспокойной жизни.

ГЛАВА 4

Валентина грустно смотрела в окно на только-только начинающуюся зиму. За окном всюду забелело, заснежило. Ледяной колкий мороз искусным узором разукрасил окно их очередной с Андреем съемной квартиры. Яркое солнце не грело, но уверенно заглядывала на узкую захламленную ку-

хоньку, пытаясь настроить на новый, более позитивный лад.

Из Харькова им пришлось выезжать спешно, будто преступникам. Андрей с ней не разговаривал, лишь перед самым отъездом поставил её перед совершившимся фактом, как это было всегда, всю их совместную жизнь. Глаза он прятал, словно это стало бы последней каплей в непростой судьбе этих двоих, объяснять ничего не хотел, да и не мог... А Валентина... Валентина просто не понимала, что происходит вокруг, череда событий, захлестнувшая ее, с того момента, как она повстречала на Южном вокзале столицы Украины молодого лейтенанта, разбередившее, казалось напрочь утратившее способность любить сердце, завертела ее, закружила, и она не могла сопротивляться подхватившему женщину потоку.

В то утро Андрей пришел с работы пьяным, злым и каким-то обреченным. Не глядя на нее, прошел к буфету, налил себе стакан водки, даже не поморщившись опрокинул в себя и коротко произнес единственную фразу, которую она услышала от него за последние три месяца:

– Собирайся... Мы уезжаем в Москву!

Для Валентины это прозвучало, как гром среди ясного неба. Все ее надежды, все мысли и планы летели ко всем чертям вместе с одной этой фразой: «Собирайся...» Она-то думала, что у них с Сашкой есть время, что они смогут как-то обойти острые углы, сделать их рывок с Андреем мягче, спокойнее, что пройдет время и муж её простит, но... Этого

времени у неет не было.

Не долго думая, она в одном домашнем платье, с непокрытой головой, вся в слезах выбежала из дома. Предчувствие нечто плохого душило её, и женщина спешила, как могла, игнорируя летние почти высохшие лужи. Она бежала туда, где ждал любимый, который не мог допустить ее отъезда. Спотыкаясь, в горячке, Валя села не в тот трамвай, он увез ее в совсем незнакомые места, почти на окраину Харькова, где по обоим сторонам широкой шоссейной дороги росли высокие тополя. С помощью доброжелательных горожан ей все же удалось попасть в поселок Халтурина, а в голове мысленно шел мерный отчет упущенного ими с Сашкой времени.

Только б он был дома... Молила она об одном, стуча в обшарпанную дверь коммунальной квартиры. Ей открыла его мать. Высокая статная дородная женщина с бледной кожей и усталыми грустными глазами, несущими в своем взгляде горький опыт несчастливо прожитой жизни.

– А Саша дома?– поправляя неловко расстрепавшиеся волосы спросила Валя, стараясь не глядеть матери своего любимого в глаза. Она знала, кожей чувствовала этот долгий напряженный испытывающий взгляд. Умом понимала чувства матери, которая несомненно хотела себе невестку помоложе, да и не такую расстрепанную, как сейчас, но сердце бешено билось в груди в унисон с мыслью, что это их последний шанс. Сейчас или никогда! Будто заклятие проговаривала она про себя.

Но мать Сашки неожиданно тягуче всхлипнула и схватилась за сердце. Оперлась о стенкеу рыдая приглушенно, словно про себя. Только сейчас Валя заметила, что глаза у матери любимого мокрые от слез, красные, будто засыпанные песком, а сама она еле держится на ногах.

– Вы... Подождите!– бросилась она к старушке, посиневшими губами хватаящей воздух.– Что с Сашей? Что случилось?

Глаза женщины начали закатываться. Она на глазах теряла сознания, а Валя, напрочь позабывшая о своих докторских навыках, лишь беспомощно гладила ее по седой голове.

– Сашку...

– Скорую! Вызовите доктора!– кричала Валя, прижимая к себе крепкое тело будущей, как она надеялась, свекрови.– Скорую!

На верхнем этаже хлопнула дверь, заскрипел запираемый замок. Никто не хотел помогать, никто не хотел открывать. Все боялись всего, кроме встречи со своей собственной совестью.

– Да помогите же вы все!– глаза Вали застилали слезы. Она ничего не могла с собой поделать. Чудовищное напряжение последних дней вылилось в опустошающую истерику.

– Тише, дочка... Тише....– выдавила из себя мать Александра, открывая помутневшие глаза. – Не выйдут они! И не помогут...

– Да почему! Бред! Это с каждым может случиться...–

всхлипнула Валентина.— Помогите! Вызовите врача! Тут человеку с сердцем плохо! Эй, люди вы или нет?! Неужели хуже животных?

— Не выйдут и не помогут...— покачала головой мать Александра.— Ведь мы теперь вроде бы как...

Слова ей давались с трудом после сердечного приступа. Голос звучал глухо, а улыбка выходила больше похожей на оскал. Слезы непрерывным потоком текли по морщинистым щекам, и Валентина вытирала их своей маленькой ладошкой, чувствуя ледяную холодность кожи свекрови.

— Что значит не помогут? Где Сашка?— быстро спросила Валя, пробуя поднять грузное тело женщины.

— Забрали Сашку... Дурак молодой... Забрали...

— Как? Куда?— не поняла Валя, усаживая маму любимого на колченогий табурет в прихожей, где ровными рядами была развешена одежда всех обитателей этой коммунальной квартиры.

— Куда у нас сейчас забирают?— усмехнулась женщина устало, словно выплакав всю боль, что была внутри нее все это время, она почувствовала себя намного лучше. — Мы теперь, дочка... враги народа вроде как...

Слова ее оглушили Валентину. Она покачнулась, схватилась за стенку и чуть не упала рядом. Весь мир рухнул в этот миг, все ее мечты, надежды, все сложилось, как карточный домик, от двух простых слов «враг народа». Это был даже не приговор, это было вроде черной метки, посланной самим

Господом. Такого быть не могло! Это ошибка, какое-то недоразумение... Последние слова она проговорила вслух.

– Никакого недоразумения, дочка... Сашка сегодня арестован и помещен в тюремную больницу Харькова, что Холодной горе по подозрению черт знает в чем! Придумали, будто бы он спланировал и пробовал совершить с подельниками ограбление! Мой Сашка, мой милый сыночек... И вдруг ограбление? Ведь ерунда же? Правда, дочка? Он же и мухи-то не обидет. Помню маленький совсем был, кур рубили во дворе, а он сразу убежал, жалко, значит было ему... За что? За что ему этакое?— глаза матери снова затянула пелена слез. Она плохо воспринимала окружающую действительность, ничего не хотела слышать и видеть. Теперь весь ее мир стал всецело принадлежать воспоминаниям о том времени, когда все было хорошо. Любое отклонение вызывало море слез и бурю печали.

– За что?— заревела она, уткнувшись в мокрое от пота платье Вали.

Она знала ответ. Знала, что скорее всего виной всему их связь. Что устроил арест своего бывшего подчиненного ее муж, что виной всему он, она и Андрей... Она знала, понимала, но объяснить это все матери, потерявшей, возможно, навсегда сына, не могла...

– Все будет хорошо,— погладила она старушку по голове, отстраняя женщину от себя, пытаясь заглянуть ей в глаза нечеловеческим усилием воли,— слышите! Все будет хоро-

шо! Я уверена, что там разберутся и Сашку выпустят!

Валя не верила в то, что говорила, но она должна была сказать именно эти слова, потому что их ждала Сашкина мать.

– Обязательно выпустят...

Через пару минут она вышла из подъезда, двигаясь наобум, словно сомнамбула. Ноги еле передвигались. Валя была, будто пьяная, слыша доносящиеся неодобрительные выкрики прохожих себе в спину. И черт с ними! Оглушенная горем она брела, не зная куда, лишь бы подальше от этого жуткого города, сломавшего не только ее жизнь, но и жизнь еще нескольких человек. Что теперь делать? Как быть? Без Сашки, без семьи, даже без ребенка... Куда идти? Как поступать? На эти вопросы ответов не было...

Ноги сами принесли ее обратно в их квартиру с Андреем, больше идти ей было некуда. Она ожидала скандала, криков, ругани, ссор, укоров, но ничего этого не было... Вместо сцен ревности на пороге стояли два их потертых чемодана и Андрей, одетый в парадную форму, чисто выбритый и отутюженный, словно на парад в честь первомая.

– Собирайся... Мы уезжаем в Москву! – зло бросил он, уходя на кухню.

С тех пор он ей больше ни сказал ни слова! А она все редела, страдала, рыдая по ночам в подушку. Одна в пустой съемной квартире, как и все предыдущие пропитанной стойким запахом ладана и чьей-то печали, жалея о том, что её женское счастье было так близко, так досягаемо, но все рав-

но рухнуло, едва начавшись. Вину ли она Андрея в случившемся? Нет... Скорее себя! А еще, где-то глубоко в душе, в самом темном закоулке, таилась, медленно тлея любовь к Александру вместе со жгучим чувством обиды, переполнявшим сердце женщины. Почему он пришел в ее жизнь? Для чего? Чтобы все сломать, нарушить и исчезнуть, согнуться в колымских лагерях? Зачем Господь дал ей возможность почувствовать себя счастливой, нужной кому-то, а потом забрал это все, раз и навсегда разделив существование Валентины на «до» и «после»?

С тех пор прошло почти три месяца. Они с Андреем переехали в Москву. На время командировки их поселили в ведомственную квартиру, на этот раз, даже не удосужившись перед их приездом прибраться. На полу в коридору Коноваленко встретила лужа запекшейся крови, вещи и часть мебели были разбросаны и поломаны. Кое-как Вале удалось навести тут порядок, замывать розовое пятно на старом, еще до-революционном паркете, подмести осколки битого стекла и расставить посуду по ящикам, но липкий запах ладана никуда не исчез. Он оставался тем самым, что изо дня в день преследовал Валентину.

О том, чтобы забрать сюда Глеба и речи быть не могло. Она чувствовала, что это их временное пристанище, неокончательная точка путешествия длинной в двенадцать долгих лет брака, а потому, даже не затевала разговор о возвращении сына. Андрей, как на работу, ходил на прием к Ежову,

вымаливал аудиенцию, но всемогущий нарком, то ли решил испытать терпение майора, то ли просто еще не придумал наказания, и Коноваленко раз за разом возвращался ни с чем. Хмурый, становясь с каждым разом все мрачнее, он садился на кухне с початой бутылкой водки и пил, заливая горе в полном одиночестве двухсотграммовыми гранеными стаканами, не обращая на Валентину никакого внимания. Потом уходил спать, чтобы утром снова явиться наркомат. Она же при нем выполняла роль домработницы. Стирала, готовила еду, прибиралась на кухне после его бурного возлияния, потом тихо уходила спать в соседнюю комнату, ревя всю ночь в подушку над своей неудавшейся судьбой.

Сегодня Валентина решила не спешить с уборкой. Воспоминания нахлынули на нее. Она заварила себе крепкого чая, наблюдая за суетой столичных жителей за окном. До времени, когда Андрей обычно возвращался из наркомата оставался почти час. Этого вполне должно было хватить, чтобы помыть посуду и накрыть на стол, но дверь скрипнула уже через двадцать минут. В коридоре послышались торопливые тяжелые шаги, а потом в кухню зашел Коноваленко.

Раскрасневшееся лицо и слегка покачивающаяся походка выдавали в нем то, что он уже где-то принял на грудь. Мужчина оперся о дверь в кухню и посмотрел на Валентину, недобро хмыкнул. От взгляда супруга у нее пошли крупные мурашки по спине, в поясище появился неприятный холодок, уж больно неприятным взглядом посмотрел Андрей.

Валя засуетилась. Смахнула передником со стола невидимые крошки, метнулась к холодильнику, чтобы достать обед, но он схватил ее за руку у самой двери. Отрицательно покачал головой и больно сжал запястье.

– Не стоит...– заплетающимся языком пробормотал супруг, двинувшись внутрь кухни. Рука Вали оставалась в его крепкой ладони. Никогда раньше он не поднимал на нее руку, никогда не смел сделать ей больно, тем страшнее было это простое, но суровое движение. Помимо воли женщина потянулась за ним.

– Поговорить надо...– это были его первые слова, обращенные к ней, сказанные за почти три месяца. Валя вздрогнула услышав охрипший голос супруга и вся, как будто, внутренне сжалась, предчувствуя что-то нехорошее.

– Говори, только руку выпусти,– она попыталась вырвать запястье, но куда ей было тягаться со здоровым сильным мужиком. Пальцы Андрея держали крепко.

– А вот хрен тебе!– рассмеялся он, пьяным взглядом буравя глубокий вырез ее домашней кофточки.

– Зашумлю!

– Да кричи! Кричи во весь голос!– отмахнулся он, отпуская руку. Она рванулась назад, уперлась в стол и не двинулась с места, испуганно рассматривая пьяного мужа.– Что ты будешь кричать? Спасите? Помогите? Убивают? Что?– улыбнулся он. Тяжело подошел к столу и достал из шкафа водку.– Засмеют ведь! Кто убивает? Законный супруг? Хотя

поколотить тебя не мешало бы за то, что рога мне поставила вместе с щенком своим...— Андрей залпом ахнул водку, поморщился, занюхав рукавом гимнастерки.— Убить суку...

— Ты уже почти убил! Мало?— выкрикнула Валя, вспомнив, что Сашка осужден, ждет приговора в далеком Харькове, и виной всем бедам свалившимся на его голову — она.

— Мало...Много...— Коноваленко сжал кулаки и нервно опустил их на стол, нервически поддергивая мышцами.— Кто знает? Легче мне не стало...Да и тебе, думаю тоже. Я вот к чему...Нарком меня сегодня принял! Аудиенцию дал, так сказать. Ты вообще в курсе, потаскуха, что ты не только своему щенку, но и мне жизнь сломала? Ты мне карьеру сломала! Понимаешь ты это или нет?— он неожиданно резко подскочил к Валентине и схватил ее за руки, потрянул, будто старую тряпичную куклу, с ненавистью глядя, как она испуганная все сильнее вжимается в стену, готовая разреветься.— Сука ты! Сука и тварь!— он замахнулся рукой на нее, но неожиданно остановился, грубо схватил женщину за подбородок двумя пальцами и повернул ее лицо к себе.— Ты понимаешь, что из-за тебя на моей жизни можно поставить крест? Из-за твоей похоти я лишился звания, должности, денег и власти, того, к чему стремился всю свою жизнь? Это ты понимаешь?! -рвавкнул он, заглядывая ей в глаза. И в этом взгляде Валентине показалось, что промелькнула нечто, некая искорка, которой раньше не было, или она старалась ее не замечать.— Я карабкался из дерьма всю свою жизнь, лизал тол-

стые партийные задницы, выслуживался, унижался, ради чего? Чтобы оказаться в Мордовском лагере вертухаем? Сторожить уркаганов? Ответ, почему?— Андрей со всего размаху врезал кулаком по стене, прямо над головой Валентины. Кожа на его пальцах лопнула, брызнув в разные стороны розовым.— Почему ты так поступила? Почему? У него, что хер толще? Или трахается он лучше? Почему?— заорал он ей в лицо, брызгая слюной. Лицо его исказилось, глаза бешено вылезли из орбит. Таким Вляя его не знала... Даже не предполагала, что он может быть таким. Попробовала отстраниться, но он прижал ее крепко к стене, не давая и шага ступить в сторону.— Почему?!

— Он меня любил...— тихо проговорила она, пряча глаза в сторону.

— Любил?! А я? Я тебя не любил?— взревел взбешенный Андрей, валя ее на пол, как игрушку. Валя подалась, чувствуя, что сопротивляться бесполезно. Огромное тяжелое тело, воняющее перегаром навалилось на нее сверху и слепо зашарила по крепкому телу.— Любил, говоришь... Тогда я тебя сейчас тоже полюблю...— зашептал муж, разгоряченный скандалом. Его ладони мгновенно оказались у нее на бедрах. Холодные пальцы рванули платье, разрывая его пополам снизу вверх, бесстыдно оголяя грудь. Валентина ойкнула и попробовала прикрыться.— Стоять!— горячее дыхание мужа было где-то возле ее шеи. Пылающие губы коснулись щеки, спускаясь на грудь. Он уже раздевался, всем телом по-

даваясь вперед.

– Прошу...

– Что?

– Н-не н-надо!– умоляла Валентина, отталкивая сошедшего с ума супруга, упираясь ладонями ему в грудь.– п-прошу...

Слезы душили, но какая-то нелепая пугающая даже ее самую гордость не давала зареветь в полный голос. Она смиренно приняла его в себя, чувствуя, как напряженная плоть разрывает ее пополам, как разбивает остатки того хорошего, что осталось у нее в душе после брака. С каждым мерным толчком она ненавидела его все сильнее, терзаясь от позора и боли, сжигавших ее изнутри. Валентина прикрыла глаза, стараясь не думать о том, что ее насилует собственный муж, что его руки нагло шарят по ее телу, особо не заботясь о том, чтобы это было приятно, молясь лишь, чтобы это побыстрее кончилось. Время превратилось в бесконечность, сосредоточившись лишь в самом низу живота, отмеряя секунды в такт бешеным толчкам Андрея.

Все кончилось быстро. Коноваленко отвалился в сторону, слегка застонав на пике. Оправил расстегнутую форму, пряча глаза от прямого взгляда Валентины, так и лежавшей на полу кухни с бесстыдно раскинутыми в стороны ногами. Не зная, что делать дальше, он налил себе еще водки и закурил, дрожащими пальцами, еле подкуриив папиросу. Отошел к окну, выпуская в форточку клубы сизого дыма.

С трудом Валентина встала. Пальцы сжимали порванное платье, скрывая наготу истерзанного тела с кое-где оставшимися синяками от пальцев Андрея. Она почему-то не могла разреветься. Не было сил. . . Пошатываясь, оглушенная болью и позором, женщина направилась в свою комнату, услышав доносящийся в след голос мужа:

– Вечером поезд! Собирай чемоданы!

И силы кончились! Она всхлипнула и ринулась в спальню, захлебываясь слезами, а Андрей так и смотрел в окно, где колкий мороз беззаботно и весело разрисовал стекло их очередной съемной квартиры. Шла зима 37-ого года.

ГЛАВА 5

Душная вонь автозака, а на деле обычного «воронка» с наглухо зашитыми металлическими листами окнами, сменилась чистым морозным ноябрьским воздухом. Дверь машины распахнулась и в открывшемся дверном проеме появилось улыбочливое лицо этапирующего меня сержанта.

– Давай, выходи! – махнул он рукой, делая аккуратный шаг назад и тут же взводя курок пистолета. Рядом с ним появилось трое конвойных, все с оружием. У ног того, что стоял правее, молодого срочника, устроилась огромная длиношерстная немецкая овчарка. При виде меня она злобно оскалилась, глухо зарычала, но так и не дернулась с места. Сразу было видно, что выдрессирована на совесть. Лишь глазами проводила каждое мое движение и, не найдя в нем ничего предосудительного, лениво стала чесать у себя за ухом.

Я выпрыгнул из автозака, стараясь держать руки за спиной, во избежании неприятностей. Конвойные нынче пошли нервные, еще пальнут сгоряча. Приземлился в рыхлый снег и осмотрелся по сторонам, щурясь от яркого, почти зимнего солнца.

Вокруг нас располагались пакгаузы, какие-то склады. Гудели под парами три паровоза. Несколько веток железной дороги густой сетью расползались по огромной территории, уходя куда-то вдаль, сменяясь стрелочными переводами, будками стрелочников и зелеными семафорами. Левее над стыком суетились путевые рабочие в оранжевых жилетках, негромко переругиваясь, а правее высилось массивное здание Южного железнодорожного вокзала, при виде которого мое сердце тоскливо заныло. Именно тут, несколько месяцев назад и началась моя история знакомства с Валечкой, именно там, на первой платформе я впервые увидел самую лучшую женщину на Земле и именно в тот момент весь мой привычный мир полетел в тартарары.

– Где вагон-то?– обернулся один из конвойных к сержанту. – Куда этого гаврика грузить?

– Торопиться надо!– поддержал его тот, что стоял с овчаркой. – Мы так до завтра не обернемся!

Я усмехнулся их молодости, излишней торопливости и наивности. Когда-то, совсем недавно я был такой же... Куда-то спешил, куда-то летел... К чему-то стремился, но всего три месяца в тюрьме раз и навсегда изменили мой мир. Сей-

час уже мне хотелось как можно дольше растянуть это мгновение, легкую иллюзию свободы, когда ты можешь свободно вдыхать свежий воздух, любоваться солнцем, окружающим миром и людьми вокруг, тем, что вскоре станет окончательно и бесповоротно недоступно, и остается ценить лишь одно это, мимолетный миг, когда ты ощущаешь себя причастным к этому миру.

– Да, вот он!– сержант указала куда-то дулом пистолета, где под парами медленно набирал скорость паровоз. Позади него, к его хвосту была прицеплена теплушка, в проеме которой торчал еще один из краснопогонников.– Говорил же товарищ капитан, что этап формировали в Сумах. Направили сюда, чтобы забрать нашего молодца...

– Много чести для него! Целый вагон под него выделили!– буркнул недовольно один из конвойных.

– Как же иначе-то?!– то ли спросил, то сам себе объяснил сержант.– Не каждый день Мордлаг отправляем... Редко, кому выпадает удача туда попасть! Видимо, друг,– улыбнулся он мне совсем по-товарищески,– насолил ты кому-то сильно! Там говорят зоны сплошь и рядом «черные». Власть на низ воровская!

Я пожал плечами, не зная, что на эту тираду ответить. По неписанному правилу всех служивших в органах направляли по суду на так называемую «красную» зону, где отбывали заключение такие же, как и они, проштрафившиеся офицеры, солдаты из рот НКВД и народной милиции. В том, что мне

выписали билет в Мордлаг, славившийся своими «черными» зонами, где власть администрации лагерей была лишь формальностью, была несомненно заслуга старшего майора госбезопасности Коноваленко. Обманутый муж решил, на всякий случай, напоследок, подстраховаться и сделал все, чтобы я точно не вернулся из мест заключения.

Я еще тогда не знал, что товарищ Ежов – всесильный нарком внутренних дел задумал очень непростое и нелегкое дело. С помощью таких, как майор вернуть власть над лагерями Мордовии силой в руки НКВД. Для этого легким мановением руки он полностью там сменил лагерное начальство, заменив их своими верными людьми, запачкавшими репутацию в грязных делишках, вроде мужа Валентины, чтобы те, горя желанием искупить свою вину, исправили данное недоумение.

– Ну, что, паря?– вздохнул сержант.– Скорее всего больше не увидимся...

Он ободряюще мне подмигнул, ехидно улыбнувшись. Я его понимал. Конвой провожал меня туда, откуда не возвращался еще никто, но я был обязан сделать невозможное, ради Валечки, ради матери, ради себя!

– Не думаю!– буркнул я, делая шаг вперед, к краю перрона. Овчарка мгновенно сделала стойку, готовая повалить меня на спину, перегрызая мне глотку. Глухо и предостерегающе зарычала.

– Герда!– оборвал ее конвойный.– Последние шаги чело-

век делает!

Они все были уверены, что провожают меня в последний путь, как покойника. В каждом их взгляде, в каждом движении это читалось и угадывалось. А вот, хрен вам! Мстительно подумал я. Еще поживу... Еще вас всех переживу.

Паровоз, дико стуча колесами, подкатил к перрону. Машинист уныло поздоровался со мной кивком головы, потом с солдатами.

– Где старший?– прокричал сержант, стараясь перекрыть дребезжащий, стучащий огромный организм черной от копоти машины.

– Я старший этапа! Лейтенант Ковригин!– из теплушки выскочил паренек, мой ровесник, в длиннополой шинели, которая была явно сшита не по его размеру, волочившейся по талому снегу.

– Забирайте, гражданина!– сержант подтолкнул меня вперед, больно уперевшись стволом пистолета между ребер.

– Последний нынче!– кивнул лейтенант.– Сейчас к грузовому прицепят и в путь! Сил никаких нет их собирать во всем городам и весям.

– Верю!– кивнул сержант, довольный тем, что удалось так быстро справиться с порученным ему делом.

– Он спокойный?– уточнил Ковригин, намекая на то, что в нарушении всех инструкций я был без наручников.

– Бывший сотрудник...

– Ого! И куда его...Мордлаг...Сурово!– покачал голо-

вой лейтенант, быстро листая мое личное дело.— Нападение на инкассаторов, разбой, бандитизм... Да тут целый букет! Слышь, гражданин, а ты точно в НКВД служил?

— Точно!— буркнул я, обходя стоящих солдат стороной и направляясь к составу.

— С характером...— неодобрительно покачал головой Ковригин.

— Еще каким!— подтвердил сержант, пожимая руку молодому безусому лейтенанту, который бросился в след за мной, догоняя у самой теплушки.

— У нас тут не тюрьма!— окликнул он меня, когда я, хватаясь за поручни, пытался влезть в вагон.— Тут свои правила, этап... Надумаешь еще раз вот так куда-то шагнуть без моего ведома, шмальну тебе в спину и поминай, как звали... Уяснил?

Я медленно обернулся к нему, молодому, с красными с мороза щеками, с честным открытым лицом в шапке-ушанке набекрень, еще совсем юному и неопытному. Хотел ответить, что-то грубое, но передумал. Жалко стало парня.

— Хорошо...

Паровоз дал длинный гудок к отправлению. Лязгнула сцепка на отпущенных тормозах. Ковригин торопливо запрыгнул следом за мной, отталкивая меня от двери. Вагон качнуло. Стоило бы запомнить этот момент. Миг, когда моя жизнь окончательно, раз и навсегда разделилась надвое, теперь окончательно и бесповоротно. Из почти всесильно-

го по республиканским меркам офицера госбезопасности, я неожиданно для себя, волею случая стал бесправным зэка, которого можно избить, не кормить, а то и вовсе убить, объяснив это потом пресечением попытки к бегству.

– Вот и все... – пробормотал Ковригин, наблюдая за мелькающими мимо станционными путями и пакгаузами. И от его слов противно заняло сердце, а в глазах, то ли от ветра, то ли от нахлынувших чувств неприятно засвербило. Я оглянулся на конвоира. Кто он в этой системе? Такой же винтик, как и я! Так же видит свободу через зарешеченное окно вагона. И разница в нас лишь в том, что он иногда может выйти подышать воздухом из душного, пропахшего насквозь потом и людскими испражнениями вагона, не ощущая на своей спине прицел автоматического оружия.

– Вот и все, – повторил я, отводя поскорее взгляд, чтобы молодой лейтенант не распознал моего настоящего состояния. Не верь! Не бойся! Не проси! Отныне это должно было стать моим жизненным правилом на очень и очень долгое время, если я хотел бы остаться в живых.

– Милости просим! – подтокнул меня снова Ковригин, пропуская вперед. Срочники, что сопровождали вместе с ним этап, ззапрыгнули в вагон где-то в хвосте.

Я повиновался, пришлось унять гордость, стерпев грубое обращение. Успокойся... Смирись... Твердил я себе. Ты теперь никто! Бандит! Зэк, но то, что понимал разум, простые и понятные вещи, отказывалось принимать сердце. Помор-

щился и шагнул внутрь теплушки, разгороженной пополам на две равные половины длинной крепкой, даже на вид, решеткой. В той части, где обитал сопровождающий состав были сколочены широкие двухярусные нары, с наброшенной на них соломой и импровизированной подушкой из скрученной в несколько шинели. На них дремал, покачиваясь в такт движению паровоза, еще один из конвоиров. На расстегнутой до пупка гимнастерке я разглядел 3 «кубаря» на петлицах, соответствующих званию сержанта государственной безопасности. Мужчина был крепко сложен, плечист, на лице раскинулись длинные висячие запорожские усы, а лицо пересекал широкий косоугольный шрам, идущий от глаза через всю щеку багровым следом. Этот был явно более опытен, чем наивный простачок Ковригин, в разы более опасен, и по факту, скорее всего, руководил переброской этапа.

У его изголовья топилась небольшая прямоугольная буржуйка, чадающая креозотом. Видимо, brave солдатики выменяли у работников станции на что-то шпалы. Сделали из них дрова и теперь грелись, наслаждаясь парящим теплом, исходящим от обшитых металлических листов.

Напротив буржуйки стройными рядами стояли несколько деревянных ящиков с консервами, картошкой и двухсотлитровый бак с питьевой водой, прикрытый металлической крышкой, далее стол с керосиновой лампой и два стула. На столе разложен нехитрый натюрморт из закуски в виде куска сала и початая бутылка мутно-сизого самогона.

У арестантов условия были менее комфортными. Нары тоже были двухярусными, но их для десяти крепких мужиков, а именно столько я насчитал находившихся за решеткой, не хватало. Человек семь лежали вповалку на полу, кутаясь в черные жиденькие телогрейки.

– Чего замер? Не в Эрмитаже!– подтолкнул меня Ковригин вперед поближе к решетке.

От шума на нарах проснулся сержант. Мгновенно открыл глаза, оглядел меня по-волчьи внимательным и цепким взглядом.

– Последний?– спросил он, садясь на нарах и почесывая выпирающее пузо с выглядывающим из-под гимнастерки несвежим бельем.

– Харьков проскочили...Это тот самый, особый...– со значением ответил Ковригин, отпирая камеру.– А ну, отошли от решетки, гавнодавы хреновы!– рявкнул он, стараясь, чтобы его звонкий, еще по-юношески ломкий голос звучал солидно.– Теперь до самого Саранска без остановок.

Заслышав его команду, те, что лежали на полу, начали медленно подниматься. Среди них я рассмотрел длиннородого батюшку с простым деревянным крестиком на груди, маленького шуплого чумазого цыганенка лет семнадцати, статного когда-то красивого мужчину с обезображенным ожогом лицом и троих крепких мужиков-работяг, каких можно встретить в любом городе и определить род их деятельности по крепким, разбитым тяжелой работой ладо-

ням, хватким глазам и неторопливой походке.

– Давай, шустрой!– поторопил их Ковригин, распахивая передо мной решетку, будто апостол Петр ворота в лучший мир. В том, что он был лучший я искренне сомневался, а вот в том, что другой... Это мне пришлось понять почти что сразу.

– А хавку сегодня давать будут, гражданин начальник?– прозвучал с нар хриплый голос с довольно узнаваемыми бл-таными интонациями. Я поднял голову наверх, разглядев на верхнем ярусе нар худощавого мужчину с бритой головой, сплошь украшенного синими татуировками. Широко распахнутая телогрейка, одетая на голое тело, совсем не скрывала воровских знаков различия. Тут были и купола, и товарищ Сталин, и русалка, и избитая фраза «не забуду мать родную», которую набивали себе почти все солидные арестанты Союза. Характерный прищур, золотая фикса, выглядывающая каждый раз из-под верхней губы, когда зэк скалился, выдавала в нем человека бывалого и . безусловно, опасного. Рядом с ним на нарах сидели еще двое – рыбешки чуть помельче. В руках одного из них с затекшим болезненной синевой глазом перестукивались четки. Другой – небольшого роста, ловкий и шустрый, как ртуть, с едва заметной ехидной улыбкой, исподлобья наблюдал за мной. На самом полу у нар, трясся совсем молодой паренек, потирающий озябшие плечи. Глаза его испуганно бегали из стороны в сторону, словно он в любой момент ожидал удара или хорошего

пинка.

– Так что с жратвой, начальник? Ты зачем нам лишний рот в хату привел, когда и нас-то кормить нечем?– ухмыльнулся тот самый расписной, что занимал главенствующее положение в этой нехитрой иерархии.

– А ну, цыц, Кислый!– погрозил ему пальцем Ковригин, словно бы случайно опустив руку на пояс, где была прицеплена поясная кобура.– Поговори мне еще! Будешь решения партии осуждать? Решила она, чтобы вы все вместе ехали в этом вагоне, значит поедите, никуда не денетесь!

– А про еду вы ничего так и не ответили...– аккуратно заметил тот самый солидный мужчина с ожогом во все лицо.

– Ша, босота!– сержанту надоели эти бессмысленные прения, и он решил вмешаться.– С набитым пузом хреново спится! Понял, Кислый! А ты господин белый офицер, сядь-ка обратно на место, пока я по твоему хребту палочкой-выручалочкой не прошелся. Жрать будете, когда я решу! Точка! Ехать нам порядка двух суток, а порций на вас выделило наше самое гуманное государство с гулькин хер! А значит, с сегодняшнего дня вводим одноразовое питание! Так сказать в целях экономии... Все слышали?

– А сами сало жрут, не стесняясь...– буркнул тихо один из арестантов, но тут же был услышан чутким ухом сержанта, который выудил из-под сенника чулок, туго набитый песком и со всего маху врезал почему-то именно мне по хребту. Видимо, чтобы я не торчал столбом на дороге и не мешался.

В глаза мгновенно потемнело. Я качнулся вперед, чувствуя, как второй, не менее сильный удар приласкал меня по затылку. Мир окончательно померк, заискрившись мириадами звезд, запыхавшимися в моей голове.

ГЛАВА 6

После того, что случилось у Валентины с мужем в тот памятный своим нечеловеческим ужасом вечер, они больше с Андреем не разговаривали. Всю ночь женщина проревела в подушку, не веря в случившееся, не понимая, как Коноваленко, которого она когда-то любила, мог себе позволить сотворить с ней такое, а на утро он, молча зашел к ней в комнату, как будто ни в чем не бывало.

– Внизу ждет машина!– сообщил он ей тут же, выходя из комнаты, смотря на нее, как на прокаженную.

– А я не хочу! Я не поеду с тобой!– закричал Валентина ему в след, сверкая зареванными невыспавшимися глазами.– Ты мне никто! Ты... Ты... Ты сволочь!– она заметалась в поисках чего-нибудь тяжелого, чтобы швырнуть в ненавистное, излишне спокойное лицо. Под руку попала только подушка, она бессильно метнула ее куда-то в угол и снова разрыдалась.– Отпусти меня, Андрей, прошу...– сквозь слезы прошептала женщина.– Я больше не могу так... Я больше не могу с тобой... Мне противно, больно... Я не хочу ни в какую Мордовию!

Коноваленко терпеливо ждал у двери, когда Валентина выговорится. Не сводил с нее ненавидящего взгляда. По его

скулам ходили желваки, и сдерживал он себя от вспышки ярости только лишь огромным усилием воли.

– Дай мне развод!– вскочила она с кровати, расстрепанная и взволнованная.– Прошу дай мне его! Я заберу Глеба от бабушки, и мы с ним уедем в какую-нибудь глушь, далеко-далеко, ты о нас больше никогда не услышишь! Обещаю! Только дай мне развод!– её запал почти так же быстро потух, как и появился. Она сникла, затряслась, бешено вращая глазами. – Умоляю...

– Развод...– задумчиво проговорил Коноваленко, а потом неожиданно резко оказался подле нее, намотав на кулак длинные шикарные волосы. Валентина ойкнула и застонал от боли.– Развод тебе нужен, сучка! Вот тебе, а не развод!– он отвесил ей оглушительную пощечину, от которой голова женщины качнулась назад, и если бы не намотанные на всю огромную пятерню гэбиста волосы, то Валентина несомненно упала.– Ты поедешь со мной, тварь! Поедешь, чего бы мне это не стоило... Ты мне жизнь сломала, понимаешь? Карьеру, семью, я все потерял из-за тебя! Но, клянусь, ты заплатишься за это. Ты поедешь со мной в лагерь, будешь жить там со мной и мучиться, каждый день мучиться...

Коноваленко дрожал. Пелена гнева спадала. Он разжал кулак, отпуская волосы жены, словно с трудом понимая, что натворил. Выдохнул, брезгливо вытерев потную от возбуждения ладонь о карман галифе.

– Собирайся, у тебя ровно пять минут...– дверь он плот-

но прикрыл за собой, оставив Валентину в одиночестве. Она встала, беспрестанно всхлипывая. Тушь потекла по щекам, оставляя черные грязные разводы. Ей ничего не оставалось делать, только собираться, управиться с вещами за пять минут, как приказал Андрей. Она боялась, боялась до жути собственного мужа, даже раньше не представляя, что он может быть таким.

Спустя пять минут они вышли из дома, где квартировали, пока Коноваленко ждал нового назначения, а еще через несколько часов поезд сообщением Москва-Саранск нёс их подальше от столицы, туда, где жизнь людей ограничивалась решетчатым забором с колючей проволокой и вышками по периметру огромной территории.

Всю дорогу молчали. В купе, куда им купили билеты находились еще двое попутчиков, таких же офицеров НКВД, как и Андрей, направляющихся в Мордовское управление лагерей с инспекционной проверкой. Очень быстро военные нашли между собой общий язык и забыли о Валентине, которой очень трудно было играть на людях роль заботливой и любящей жены. Она накрыла им небогатый, но подомашнему вкусный стол, из тех продуктов, что везли с собой проверяющие, а Андрей достал бутылку коньяка. Спиртное обнаружилось и у попутчиков. Вскоре купе загудело от шумных разговоров, анекдотов и обычной мужской болтовни. Поминутно бегали курить в холодный промозглый тамбур, а потом и вовсе перестали стесняться, забываясь в своей незна-

казанности, дымя в приоткрытую форточку.

Валентина пробовала поначалу их останавливать, но потом плюнула на бессмысленные споры, поймав недовольный взгляд Андрея, залезла на верхнюю полку, потеплее укрывшись двумя одеялами, мгновенно заснула, безмерно уставшая от того кошмара, что ей пришлось пережить. При мысли, что ждет ее впереди становилось жутковато. Муж после ее измены превратился в настоящего зверя, Сашка скорее всего расстрелян. Глеб далеко... И только мысль о сыне и матери, находящихся в деревне под Ленинградом не давала ей совсем сойти с ума и покончить с этим раз и навсегда. Только ради сына стоило жить и дальше бороться, даже в таких нечеловеческих условия, в которых пытался заставить ее жить Андрей. Уже засыпая, Валя поймала себя на мысли, что теперь, когда все выяснилось, ее измена раскрыта, мужу выгоднее не давать ей развода, чтобы не портить и без того подпорченную репутацию, проще сделать так, чтобы Валентина сама перестала хотеть жить... Тогда безутешному вдовцу было бы проще вернуть благосклонность наркома и реанимировать свою карьеру. От этой простой мысли женщине стало жутковато, она постаралась гнать ее от себя, повторяя, как заклинание, что вытерпит все, хотя бы ради своего ребенка.

– Грех... Большой грех об этом даже думать, – прозвучал во сне голос ее бабушки – религиозной старшуки, умершей еще до революции. – Бог терпел, нам велел! – твердила она из блеклого сизого тумана. Ее худенькую фигуру Валя ясно

не видела, но точно знала, что это баба Катя.— Терпи, дочка! Терпеливым воздастся, как и каждому по делам его...

— Бабушка!— прокричала женщина. Ей так хотелось именно сейчас прикоснуться к родному и любимому человеку. Погладить морщинистую руку бабули, посмотреть в ее внимательные, чуть насмешливые глаза.— Ба...!

Рука Валентины, провалилась в туман, ощущая перед собой пустоту. Тело подалось вперед, потянувшись следом, и Валентина проснулась, осоловело моргая сонными глазами. Купе было погружено во тьму. Поезд стоял на какой-то длительной стоянке, меняли паровоз, перецепляли вагоны. От толчка при сцепке женщина, чуть не рухнула вниз.

Андрей с товарищами был внизу. Спал, привалившись к окну рано поседевшей головой. Рот приоткрыт. Гимнастерка расстегнута до пояса и расправлена из галифе. Напротив него, обнявшись и храпя в два горла, дрыхли инспектора. Заваленный остатками закуси стол был почти рядом, стоило только протянуть руку, а на столе блестела наборная «финка», та самая, которой один из инспекторов хвастался перед тем, как окончательно вырубиться от выпитого спиртного. Мол, очень острое лезвие, рукоять выполнена под заказ, ручная работа...

Валентина наклонилась со своей полки, не сводя глаз с ножа. Оглушительно громкий храп заставил ее вздрогнуть и резко отстраниться назад, но это всего лишь один из инспекторов Толик или Виталик, она уже и не помнила, перевер-

нулся чуть в сторону и засопел.

Нож был совсем рядом. Идеальная белая майка Андрея, распахнутая на груди, мерно вздымалась в такт его дыханию. Всего лишь одно движение, подумала Валя. Всего лишь один удар... И забыть обо всем, как страшный сон! А дальше? Что дальше? Тот же лагерь? Только бе постоянных издевательств и морального гнета? Или все намного сложнее?

Рука сама потянулась к финке. Прохладная наборная ручка удобно легла ей в ладонь, словно сделана была под нее. Одно движение... и ее мучения закончатся. Тело Вали содрожалась крупная дрожь. Звякнул нож, поднимаемый между грязными стаканами. Аккуратно... Спокойно... Тихо, чтобы никто не проснулся.

А что потом? Потом будет потом... А сейчас...

– Не так-то просто пырнуть человека, да?– голос мужа отрезвил ее. Женщина испуганно выпустила нож и тот с грохотом упал на стол. Глаза Андрея внимательно и презрительно смотрели на нее, прожигая насквозь. Коноваленко был спокоен. Просто наблюдал за тем, как Валя всем телом поддалась назад, пытаясь вжаться в стенку их купе.– Бить надо вот сюда...– ткнул он пальцем себя в грудь. – Одним ударом... Чтобы раз и все! Что же ты, дорогая, выпустила ножичек из воих рук? Настроилась бей!– мужчина приподнялся и протянул ей финку.– Бери...

Валентина испуганно покачала головой. Наваждение прошло. Остался лишь страх, страх от наказания, которое ей

придумает муж, и страх от того, что могла натворить. О чем она думала? Как же Глеб? Или в этот момент она совсем не думала о сыне?

– Бей!– повторил Андрей с каменным лицом. Нож блестел в свете ночных фонарей станции, пробивающийся сквозь плотные занавески.

– П-п-прости...Я...

– Бей!– повысил голос Коноваленко, бешено вращая глазами.– Иначе я тебя саму здесь зарежу, тварь!

Нож в его огромной руке казался совсем маленьким, почти игрушечным. Сможет ли она воткнуть его в грудь своего мужа? Валя поджала колени под себя, забившись в угол купе, беспрестанно всхлипывая.

– Н-нет...Андрей, п-п-прости...Я не хочу! Н-н-не буду...

– Сука, бей!– он качнулся в ее сторону, словно намериваясь ударить, но в этот момент паровоз пришел в движение, вагоны дернулись, и гэбист не устоял на ногах. Его швырнуло вперед, на спящего внизу Толика. Тот мгновенно заворочался и очнулся от своего алкогольного сна.

– Саранск?– протирая глаза, уточнил он.– Где это мы?

За окном мелькали заборы, мачты семафоров и стрелочных будок. Город, разделенный с вокзалом каменной стеной, уплывал в густую ночную мглу.

– Сколько времени-то?– разминая затекшие члены, в след за товарищем проснулся тот, которого звали Виталик.– Чего это вы не спите?– заспанное, помятое лицо было некраси-

вым, но Валя была рада видеть его именно таким. Она даже не могла бы представить, чем бы все закончилось, если бы чудо не произошло и состав не отправили со станции.

Андрей смутился немного, поправил гимнастерку, неловко убирая руку с ножом за спину, чтобы избежать дальнейших расспросов. Вернулся на свое место, неискренне улыбувшись.

– Жена вот... Поужинать решили. Сальце нарежу, дай думаю... – пожал плечами он, ловко и быстро нарезая остатки закуски.

– Это дело хорошее! – обрадовался Виталик, потирая руки.

– Надо б отъезд обмыть! – поддержал его Толик, пододвигаясь к столу.

– Скорее уже приезд! – рассмеялся инспектор, доставая из коричневого чемодана еще одну поллитровую бутылку самогона.

Зазвенели стаканы. Снова пошли бессмысленные разговоры, воспоминания, рассказы. Валя облегченно выдохнула. О ней все забыли, все кроме Андрея. Когда она повернулась на своей полке к ним спиной, то еще долго ощущала где-то в области пояснице его тяжелый упрямый взгляд, сверлящий ее, словно насквозь.

Под бормотание инспекторов она все же уснула, когда за окном стало сереть. Негромкий перестук колес поезда сделал свое дело и убаюкал женщину. Теперь она задремала без

сновидений, провалившись в спасительную темноту, будто в яму без конца и края.

Все ее мысли, чувства остались там, в реальной жизни. Мозг сжалился над ней. Предоставив возможность отдохнуть. Ведь Валентина даже не представляла, что принесет ей следующее утро.

А утро наступило неожиданно и рано, как всегда бывает в поездах дальнего следования. Вроде бы и болтали до полночи, ходили туда сюда, а вот уже первые, самые нетерпеливые пассажиры с первыми петухами бредут в туалет. Кто-то хлопнул дверью, в соседнем купе заплакал ребенок. В коридоре проводник долго ругался с одним из пассажиров по поводу сырого белья. Через стенку от Валентины мужчина зашелся громким кашлем. Вагон понемногу оживал. И вот уже просят в полный голос кипяточку, выносят багаж в тамбур, цепляясь в узком проеме за двери. Кому-то скоро выходить...

В дверь постучали. Валентина вздрогнула и окончательно проснулась.

– Войдите!

– Товарищи, Саранск! – в купе заглянула молодая проводница, сменщица того парня, который ругался с их соседом по купе по поводу сырого белья. Спорили они пол ночи. Голова со сна была тяжелая, сказался стресс.

– Спасибо, – буркнула Валентина, спускаясь аккуратно вниз.

– Может чайку?– предложила девушка.

– Спасибо, не надо!– Андрея тоже разбудили. Огромные синие круги под глазами говорили о том, что он тоже спал в эту ночь плохо. Или это от пьянки? До сколько они куролесили тут? Подумала Валентина, шмыгнув из купе вместе с проводницей. Ей сейчас вовсе не хотелось оставаться с мужем один на один.

В туалет была очередь. Валя пристроилась у окна, наблюдая, как мелькают вокруг огромные лесные массивы. Куда ни глянь вокруг простирался лес. Это далеко не Харьков... Мелькнула в голове мысль. Отсюда не сбежишь...

– Женщина, вы идете?– уточнили позади.

– Да, конечно!– спохватилась она, стараясь не задерживать людей. На душе было гадко. Нехорошее предчувствие не покидавшее ее последнее время, казалось усилилось, а ей совсем не хотелось думать, что может быть еще хуже.

Они собрались. Благо вещей было немного. Андрей молчал, демонстративно разговаривая с попутчиками. На маленьком захолустном перроне они попрощались.

– Нам в Мордлаг,– сообщил Толик, поправляя сползшую портупею.

– А нам Темниковский,– пояснил Андрей, оглядываясь по сторонам,– встречать должны вроде...

– Скоро увидимся,– обрадовался Виталя, которому было слегка получше, чем товарищу,– Темниковский лагерь у нас первым в списке на проверку! Тут недалеко, километров

тридцать от Саранска.

– Рукой подать...– буркнул Коноваленко, ища глазами встречающих. Перрон был почти пуст. Одиноким милиционер бродил между пустых лавочек, настороженно поглядывая по сторонам. Несколько солдат грузили вагоны на соседней платформе. Командировал покрикивал на них, но без злобы, скорее для профилактики. Несколько проводниц уже скидывали баулы с бельем для смены.

– Зря, вы так, товарищ капитан! Для леса тридцать шесть километров это не расстояние...А коль, не встретят вас, то каждый день в двенадцать из Саранска туда поезд ходит,– подсказал инспектор.

– Я смотрю вы приехали подготовленные!– заметил Коноваленко.– Расписание знаете, места здешние...

– А то!– подмигнул Анатолий, оборачиваясь ко входу в небольшой каменный вокзал, которого и вокзалом назвать-то было трудно. Старая будка с окошком над которым белой краской было написано кассы. – А вот и товарищи встречающие...

На первой платформе появилось двое сержантов, внимательно оглядывающих всю станцию. Заметив компанию из трех офицеров и женщины, они направились к ним.

– Ладно, товарищ капитан,– улыбнулся Виталик, подавая Андрею руку,– спасибо, что скоротали наше время в дороге. Валентина...– он шутливо поклонился женщине, протянув и ей крепкую ладонь.– Приедем мы недели через две к тебе,

капитан,— враз посерьезнев и понизив голос до шепота, проговорил инспектор,— сразу тебе скажу, лагерь сложный, в нашей системе числится, как воровской... Прошлый начальник его на этом и погорел, что порядка не было, а власть эков была. Надеюсь, ты успеешь порядок там навести до нашего приезда,— он снова улыбнулся, теперь заорав в полный голос, сразу став похожим на того весельчака Виталика, который хохмил всю дорогу, отпуская сальные шуточки,— а коли не поставишь нам магарыч, капитан, так считай накопили всякого мы тебе в твоём хозяйстве... Вообще жди!

Подбежавшие сержанты действительно оказались встречающими. Один из них совсем молодой, подтянутый в идеально отглаженной форме тут же забрал двух проверяющих, сообщив, что их ждут в управлении Мордлага, а вот Андрею с Влаентиной достался хмурый усатый мужик в помятой гимнастёрке и нечищенных сапогах. Шинель на нем была расстегнута. На сапоги налипли тонны бурой грязи вперемешку с глиной. При виде Коноваленко он попробовал подтянуться, привести себя в порядок, но получилось плохо.

— Товарищ капитан, для вашей встречи направлен сержант Головкин!

— Вольно!— буркнул Андрей, недовольно поморщившись.— Что за вид?— указал он на расхристанного вояку.— Почему не по уставу?

— Так обод на телеге лопнул, товарищ капитан... Пришлось вытаскивать, менять, вот и...— пожал плечами Головкин.

ко.

– Телеге?– нахмурился еще сильнее Андрей.

– Ну да...– не понял вопроса сержант.– Наш транспорт туточки, прямо за вокзалом оставил я, значит...

Коноваленко тяжело вздохнул и пошел вперед, даже не обернувшись. Головка непонимающе пожал плечами, даже не представляя, что могло так расстроить нового начальника Темниковского лагеря. Протянул грязную ладонь за чемоданом Валентины, подхватил саквояж Коноваленко.

– А это супруг ваш, значит?– кивнул он в спину удаляющегося капитана. Валентина кивнула, представляя, что сейчас чувствует ее муж после такой встречи, как закипает у него все внутри.– И чего он лошадей не любит, значит?

Женщина промолчала, ощущая, как сырой пронизывающий ветер заползает под ее тонкое пальтишко, сшитое по последней моде у лучшей в Москве портнихе еще в хорошее дохарьковское время.

– Зря он так, значит,– бубнил за спиной сержант, следуя за нею на почтительном удалении,– лошадь – первейшее транспортное средство у нас! Не подведет, не сломается, да и соллярки не требует, как эти...

Валентина его уже не слышала. Ощущение того, что она стоит на пороге новой неизведанной сложной жизни усилилось. Со стуком двери Саранского вокзала она разделила ее на до до и после, и была совсем этому не рада.

ГЛАВА 7

Сознание возвращалось рывками. Сначала я увидел полутемную камеру, затягивающуюся блекло сизым туманом, потом снова провалился в темноту. Несколько секунд приходил в себя. В затылке ныло, словно меня огрели металлическим прутом, отдаваясь острой болью где-то в позвоночнике. Потом возник перед моим лицом образ мужика с ожогом на лице, будто сквозь вату я услышал голос бабушки в рясе, ворчавшим где-то левее.

– Господи Всевышний, Матерь Божья, дай силу рабу Божьему Твоему! – священнослужитель широко и размашисто перекрестился.

– Как вы себя чувствуете, молодой человек? – осторожно осведомился, поворачивая из стороны в сторону, держа тонкими крепкими пальцами меня за подбородок, мужчина с ожогом. От каждого его движения голова кружилась, отзываясь мутным позывом в желудке.

– Спасибо, уже лучше... – выдохнул я, открывая глаза полностью. Чуда не случилось. Все приключившееся со мной за эти полгода оказалось не глупым и страшным кошмаром, а самой настоящей реальностью. Левый бок, застуженный от лежания на холодном полу противно ныл.

– Голова не кружится? Не тошнит? – внимательно заглядывая мне в глаза, уточнил мужчина.

– Как же не тошнит?! От этого вагона тошнит уже всем! – заметил ехидно со своей полки зэк в татуировках, сплюнув демонстративно на пол, где все еще сидел молодой парень,

мгновенно выхвативший из-под нар грязную тряпку и затеревший плевком.

– Прошу заметить, господин Кислый, что вашего авторитетного мнения еще не спрашивали... – процедил презрительно изувеченный, поднимаясь с колен.

– Господ еще в семнадцатом расстреляли, товарищ Качинский! Так что всем мы здесь товарищи и братья! – усмехнулся недобро вор, зыркнув злым взглядом на мужчину. – А вот доберемся до лагеря... – мстительно пообещал он, там мы с вами поговорим по душам на нашем языке!

– А ну цыц, босота! – рявкнул тот самый сержант со своих нар, приоткрыв один глаз. Со времени, как я вырубился, они вдвоем с лейтенантом успели приговорить бутылку самогона, доесть остатки сала и лечь отдыхать. – Спать мешаете!

Кислый ощерился, будто бы это относилось не к нему, и повернулся к своим спутникам, азартно режущимся в подобию карт. Оттуда доносился смех и счастливый мат.

Я с трудом поднялся с пола, преодолевая тошноту и боль в затылке. Осмотрелся. Обстановка в вагоне не изменилась. Все те же сидели на полу, вору разместились на нарах. Конвой погасил керосиновые лампы, и теплушка погрузилось в теплый, почти домашний полумрак. Если бы не ледяная изморозь на стенах и на полу в углах, можно было легко представить, что находишься у себя в деревне под Мартовой, негромко трещит пламя в печке, а через полчаса зайдет мать и позовет ужинать, а ты лежишь на сундуке, закинув руки

за голову, и мечтаешь, мечтаешь, мечтаешь... Страхнув наваждение, я поежился. Ледяной холод начал забираться под черную робу, твердую от пота. Прошелся по камере, присоединившись к сидящим в углу батюшке и странному мужчине с ожогом, единственными из камеры, бросившихся мне помогать. Цыганенок спал, поджав под себя по-детски колени, свернувшись калачиком, воры резались в карты, трое рабочих тихо шушукались между собой. Жалуюсь на жизнь, судя по обрывкам доносившихся до меня фраз. Я сел рядом с тем, кого называли Качинским, предварительно испросив разрешения.

– Спасибо вам!– поблагодарил за помощь, протянув ему ладонь. Тот слегка замялся, в его глазах мелькнуло выражение, смутившее меня, вроде испуга или сомнения, но все же ответил на рукопожатие.

– Не за что,– тихо проговорил он,– тем мы от животных и отличаемся, что умеем придти на помощь ближнему своему в минуту горести...

– Не зря, Господь учит, возлюби ближнего своего, как самого себя!– вступил в разговор батюшка, дотоле молчавший.

– Жаль только многие этого не понимают!– вздохнул Качинский, пытаясь согреть дыханием замерзающие пальцы. Подумать только, в шаге от нас работала на всю свою мощь буржуйка, трещали дрова, а здесь было ужасно холодно. Печки не хватало объема, чтобы отопить все пространство теплушки, и грелись от нее лишь те, кто был ближе всего, то

есть конвой.

– Поймут! Поймут!– горячо заверил странного мужчину с ожогом батюшка.– И все заповеди Его вспомнят! И не убий! И не укради!

– Только будет это очень нескоро....– усмехнулся грустно Качинский.– Наш народ – народ крайностей. Бросает нас всю историю, как щепку от одного берега к другому... Нет культуры европейской, Петр Великий силой заставил догнать и перегнать немытую Европу, в болотах под Петроградом сгноив одиннадцать миллионов, нет порядка во власти, будьте любезны получить революцию. Нет в вас веры, вот вам атеизм! Надо провести индустриализацию, построить заводы, вот вам за пять лет новый промышленный гигант, а человек? Человек не интересен, всего лишь расходный материал, таких много по России-матушке, помрут эти, найдем других. И пока не наступит такой момент, когда будет нужна новая национальная идея, объединяющая миллионы наших соотечественников, не будет веры в этой стране... Ибо, не нужна сейчас вера людям в Бога. В заводы, машины, оружие нужна, а в Бога нет...

Видимо, спор был давний. Батюшка недовольно нахмурился. И замолчал, раздумывая над словами Качинского. Наступила тишина, которой я решил воспользоваться, чтобы познакомиться с новыми попутчиками.

– Мы так и не познакомились с моими спасителями...– повернулся я к мужчине с ожогом, нарушив тягостное мол-

чание.

– Это уж проще простого, – горько усмехнулся попутчик, – Лев Данилович Качинский бывший поручик лейб гвардии кавалерийского полка, дворянин в прошлом, в прошлом полковник Красной армии, главный инспектор кавалерии в Западном военном округе, ныне зэка. Осужден на десять лет лагерей за пропаганду империализма в рядах РККА, – он снова улыбнулся и в глазах мелькнула плохо скрываемая грусть, – а дело-то и выеденного яйца не стоило... Всего-то решил объяснить высоколобым представителям Генштаба, что переделать трактора в танки невозможно!

Я промолчал. По долгу своей службы я много встречал вот таких вот бывших «белых» офицеров, перешедших после революции семнадцатого в стан Красной армии. Многие из них были действительно вредителями и имели цель разрушить армию молодого социалистического государства изнутри. И лишь часть из них попадала в лагеря случайно, угодив под каток беспощадной машины под именем советское правосудие.

– Бывший лейтенант НКВД Клименко Александр Сергеевич. Осужден по навету и глупости, в результатах интриг начальства...

– Все мы тут молодой человек по глупости, – вздохнул горестно батюшка, а вот в глазах Качинского я прочел плохо скрытую настороженность.

– Это отец Григорий! – кивнул на священника поручик.

Доброжелательность из его голоса и интонации сочувствия улетучились. Сейчас он смотрел на меня волком, будто это именно я оставил ему огромный ожог на щеке.

– А я организовал в своем приходе террористическую ячейку, целью которого была свержение социализма и восстановление монархии, а так же возвращение всех привелегий церкви,– даже радостно сообщил батюшка,– мы все тут чьи-то агенты, террористы и революционеры... А вы знаете, молодой человек, в моем приходе самой молодой прихожанке было всего шестьдесят лет! Вот она-то и должна была выйти на улицу, чтобы спровоцировать протест народных масс! Графиня Остроухова... Добрейшей души человек! Жаль её... Погибла при допросе, сердце не выдержало!– священник вздохнул и перекрестился.– пусть земля ей будет пухом!

Мне почему-то стало стыдно. Нет... Я попрежнему верил, что революции в белых перчатках не делают, что для того, чтобы построить что-то новое, надо для начала сломать старое, но так близко, так глубоко я еще не сталкивался с жизнью этих людей. Сейчас, сидя с ними в одной теплушке, по одну сторону лагерной решетки, мне они уже не казались такими отъявленными негодьями и предателями, какими виделись из уютного кабинета Харьковского НКВД.

– А эти?– я кивнул в сторону кучковавшихся работяг, обращаясь в основном к отцу Григорию, потому как Качинский демонстративно повернулся ко мне спиной и даже засопел,

делая вид, что спит.— Эти тоже враги народа?

— Эти сами по себе, как и воры!— пояснил доброжелательно священник.— Сказали, что посадили их за мешок пшеницы, во что мне, если быть честным, искренне верится. Откуда-то из тамбовской губернии они, из одного колхоза. В этом году неурожай случился, дети пухнут с голода, а дать им нечего, вот мужики и решили украсть общественное, мол, пшеницы много, и не доглядят толком....

— Доглядели...— угрюмо проговорил я.

— А то!— усмехнулся отец Григорий.— Старшему среди них, бригадиру, значит, десятку впаяли за расхищение народного имущества, остальным по пятерке. Вот того усатого Федором зовут. Он у них за главного. Вот такая у нас нынче власть, товарищ Клименко...

Необычное обращение «товарищ», от которого за время долгого мытарства по тюрьмам я отвык, неожиданно резко резануло по уху. Я поморщился и поправил священника:

— Саша... Саша меня зовут!

— Александр — защитник значит!— перевел с греческого батюшка.— Сильное имя! Давай спать уж, Саша...— вздохнул он.— Неизвестно, что ждет нас завтра. Говорят в лагерь мы едем, где эти...— незаметно отец Григорий кивнул на нары, где слышались смешки и шлепки карт. — Правят бал...

С этими словами он повернулся на бок, подложив под голову острый худой локоть. Обвисшая ряса его не грела, как он не пытался завернуться в нее поплотнее.

– Спокойной ночи!– пожелал он мне и Качинскому вполголоса, закрывая глаза.

– Спокойной!– буркнул в ответ поручик, недовольно за сопев.

Жизнь мне подкидывала очередной непростой экзамен, помещая меня в те условия, где заветная фраза «лейтенант НКВД» не имела уже никакого значения, а главными были лишь твои личностные качества, да человеческое, что еще сохранялось в душе, спрятавшись в ее самом дальнем уголке. Как говорил классик, впервые в истории встретилась Россия, которая сажала, и Россия, которая сидела...И это не предвещало мне легкой и беззаботной жизни в лагере. Вздыхнув я попытался уснуть, борясь с очередным приступом головокружения и тошноты после удара сержанта.

Сон не шел. Я крутился, вертелся на месте, пытаюсь хотя бы подремать, но жесткие доски пола, то впивались мне всеми своими швами в мои ребра, то из щелей дуло так, что мороз пробегал по коже, заставляя подрагивать и кутаться в ничего не согревающую телогрейку.

Что теперь с Валеи? Увидимся мы когда-либо с ней? Как поступил с женой Коноваленко? Жива ли она? Все ли у нее нормально? Как мать? Все эти вопросы, на которых и ответов-то не было, роились в моей голове, мешая уснуть. Вкупе с долгим, почти постоянным напряжением всех сил моего организма, это давало жуткий эффект. Голова была чугузная, глаза, словно засыпали песком, потому я был даже рад,

когда еще не рассвело, а сержант уже подошел к решетке нашей импровизированной камеры, позвякивая алюминиевыми мисками.

– Кушать подано, животные!– весело проговорил Ковригин, наблюдая со своего места за раздачей пищи.

Камера зашевелилась. Мои горе-попутчики засуетились, каждый хотел успеть раньше остальных к небольшому окошку, оставленному специально для того, чтобы туда проходила металлическая миска и руки арестанта. Первым рванул за едой цыганенок. Он, как будто и не спал, а только и ждал команды, когда принесут кормежку. Следом потянулись ребятаги, отец Григорий. Степенно двинулся к раздаточному окну Качинский, и лишь воры не тронулись с места, наблюдая с легкой насмешкой за выстроившейся очередью.

Кислый потер голую грудь и тихо приказал пареньку устроившемуся под нарами:

– Метнись за хавкой!– мальчишка вздрогнул, но медленно двинулся в нашу сторону.

– Что сегодня у нас в меню, гражданин начальник? Чем честных бродяг попотчеваете?– уточнил он, скрестив руки на груди, так и не сдвинувшись с нар.

– А не все ли равно, Кислый? – огрызнулся сержант, разкладывая по мисками замороженные рыбы хвосты.– Я хоть помои налью, все равно жрать будете, чтобы с голоду не сдохнуть!

– Помои сам жри!– буркнул вор, усаживаясь на нарах по-

турецки скрестив ноги.

– Ты мне еще поговори!– многозначительно пообещал сержант.

– А ну, мужичье, дай дорогу фартовым!– прикрикнул Кислый с нар на живую очередь, выстроившуюся за едой.

Парень, которого послали за мисками с рыбьими хвостами, нерешительно двинулся в обход всех к раздаточному окну, вжимая голову в плечи, словно в каждый момент ожидая удара или оплеухи.

– Ты нам порцию пожирнее выбери, гражданин начальник!– попросил Кислый.– Воровской элите положено питаться вкусно!

Сидевшие рядом с ним на нарах зэки рассмеялись, поддерживая своего предводителя.

– Ох, приедем мы в лагерь, Кислый...– покачал головой сержант, подавая четыре миски в окошко.– Договорись ты у меня!

– Послушайте!– возмутился отец Григорий.– Мы же все стоим здесь за едой! Что за...

– Заткни хлебало, отче!– рывкнул тот, который был с синяком под глазом.

– Молчите...– тихо прошептал Качинский отцу Григорию.– Не лезьте на рожон!

Я промолчал, так как еще не совсем разобрался во взаимоотношениях царящих в этом коллективе. Дождался своей порции, которая представляла собой обрубок рыбьего хво-

ста, засоленного до невозможности, а потом еще и замороженного до состояния ледышки. Уселся в углу неподалеку от Качинского и батюшки, наблюдая за сокамерниками краем глаза.

Рыба была безвкусной, ее изначальную породу определить было практически невозможно. Жесткое мясо с трудом отделялось от кости и оставляло после каждого укуса на губах солоноватый привкус. Содрав шкуру, я увидел замороженных белых скользких червей, уютно устроившихся в желудке у водоплавающей. Чуть не вырвал, с трудом сдерживая позыв рвоты. Брезгливо отодвинул миску в сторону, наблюдая за тем, как Качинский с отцом Григорием поглощает неаппетитный завтрак прямо с костями, почти не жуя.

– Это вы зря, молодой человек,– заметил батюшка, увидев, что я не ем,– еда – это такая вещь, что брезговать ею ни в коем случае нельзя! Ибо неизвестно когда в следующий раз придется поесть! Правда, Лев Данилыч!

Бывший поручик брезгливо и мучительно морщился, но жевал твердое, как подметка рыбе мясо. Услышав вопрос, кивнул, пряча от меня глаза. После того, как он узнал, что я бывший офицер НКВД его отношение ко мне резко поменялось. Он стал молчалив, угрюм и неприятен.

– Вон, смотрите, как наша воровская элита уплетает этот деликатес! За обе щеки, я бы сказал!– кивнул священник в сторону Кислого со товарищами, которые расположились на нарах полукругом и поглощали завтрак. Парень, который

принес обед, попережнему был возле нар, с жадностью и болью, стоявшими в глазах, он наблюдал, как зэки поедают свою и его часть.

– А...

– Ему, увы, достанутся только объекты, – поймав мой вопросительный взгляд, пояснил батюшка, – видите ли, молодой человек, лагерный мир – это мир кастового неравенства и строгой иерархии Кто-то, как мы, пока болтается в проруби, не приставая ни к одному берегу, кто-то, как Федор со своими работягами – мужики. Они честно отбывают свой срок, работают, как положено, дают дневную норму выработки, кто-то, как Кислый со своими дружками находится на вершине этой социальной пирамиды. Им положено все, что не положено простым сидельцам. Они вроде бы как Политбюро, простит меня наш вождь и учитель товарищ Сталин, – отец Григорий широко перекрестился и осмотрелся по сторонам, не слышит ли его крамольных речей еще кто-то кроме меня, – а есть те, кто внизу пирамиды... Как вот этот парень... – он кивнул на беднягу, облизывающемуся внизу на еду, как кот на сметану. – Им до конца срока предназначено питаться объектами с барского стола и обеспечивать быт таких, как Кислый. Их называют «шестерками».

– Я смотрю, отец Григорий, вы неплохо разобрались в этой иерархии... – заметил я.

– Увы, я больше двух лет мыкаюсь по СИЗО... Наш самый гуманный и справедливый суд в мире никак не мог вы-

нести мне приговор. Вот и пришлось пройти эти университеты, чтобы не оказаться в основании пирамиды, так сказать от звонка до звонка.

– Понятно,– буркнул я, уткнувшись взглядом в стену. Аппетита не было. К тому же слишком соленая рыба мгновенно вызвала приступ жажды. Я облизал сухие, как наждак губы и умолк, надеясь, что после завтрака конвой расщедриться на кружку другую воды.

– А нет тебе, Петюня! Ничего не осталось...– развел руками демонстративно Кислый, обращаясь к пареньку у нар.– Разве что корыто облизать!

Вор лениво толкнул миску с нар, и она с грохотом загремела по теплушке. Парень бросился за ней, сломленный, измученный, кажется, даже немножко сдвинутый рассудком. С нар послышался жизнерадостный ржач.

– Не хуже псины, ты смотри!– обрадовался второй из расписных, что светил фингалом под глазом.– А так! Аппорт!

Он подбросил свою миску в воздух и из нее посыпались крохи крупных костей, которые не удалось сжевать и остатки рыбьих внутренностей. Они просыпались на пол. Парень отчаянно бросился их мусолить, подбирая прямо с заплыванного и затоптанного пола. Грязными пальцами, будто драгоценную жемчужину, он выбирал их среди кусков грязи и пыли, обсасывал их, блаженно жмурясь.

– Сейчас я...– третий сиделец подхватил свою миску и хотел уже просыпать ее содержимое на пол, но тут уже не

выдержал я.

– Стой!– вырвалось у меня. Вся теплушка устремила на меня свои глаза. Даже сержант, с нар наблюдавший за этим представлением по унижению человеческого достоинства привстал на локте, чтобы получше видеть. Ковригин – начальник конвоя куда-то вышел. Нас как раз перецепляли, меняли направление. Судя по обрывкам разговором, состав был уже где-то в Саранске. Еще чуть-чуть и прибудем в лагерь.

– Стой!– повторил я, потом медленно встал и направился к пареньку, замершему с костью в зубах, покрытой густой серой грязью. Тот испуганно смотрел на меня круглыми от ужаса глазами, опасаясь, что я всерьез иду либо отнимать его добычу, либо бить.– Держи...

Протянул я ему свою недоеденную порцию с червями. Воняла она, оттаив, преотвратно. Видимо, уже давным-давно протухла, а для того, чтобы отбить запах была заморожена. Паренек расстерянно повернулся к Кислому, будто выспрашивая его разрешения.

– Бери!– повторил я, толкая ему миску с рыбой в грязные ладони.– Ты же человек! Надо всегда оставаться человеком. Там меня мама учила...

– Мама...– улыбнулся паренек, и из уголка его глаз потекла маленькая, едва заметная слезинка.– Мама...

– Ты , парень, не лезь куда тебя не просят!– гневно проговорил Кислый, вставая с нар.– Он не человек-он «шестер-

ка», «шаха», пи...р конченный!

– Это не ты ли его назначил на эту должность?– огрызнулся я, вставляя в протянутые руки миску с едой и поворачиваясь к татуированному вору.

– Есть закон!– возразил мне зэк, зло щерясь.

– Какой? Право сильного?

– Воровской...

– Ты вор, вот и живи по своим воровским законам! А мы люди, мы по-людским живем,– возразил я, направляясь к своему месту, готовый в любой момент обернуться и драться, если зэк все же бросится на меня.

– В лагерь приедем, там один закон, воровской, а ты щенок, будешь так базарить, я тебе каждое слов в глотку вобью, уяснил?– прошипел Кислый.

– Да кончить его, суку ментовскую, Кислый!– взъярился второй, шустрый и быстрый, как ртуть.– Я слышал, как он пел этим, что лейтенант НКВД! Краснопогонник х..ев! Кончай, мусора!

– Давай!– развернулся я к ним, чувствуя, как накипевшая за долгое время злоба, вырывается из меня волной.– Давай! Всех положу!

Позади меня встали отец Григорий и недовольный Качинский. Оба были настроены решительно.

– Стоять, животные!– рявкнул сержант, прекращая потасовку, вскакивая с нар.– ну-ка рассосались по углам, пока профилактику вам не устроили. Разошлись, ишь ты!

Недовольно скривившись, Кислый с товарищами отправился на нары. Многозначительно мне улыбнувшись, мол разговор наш еще не окончен.

– А вы что стоите, как три богатыря на распутье!– заорал на нас сержант.– Сейчас всех троих по почкам отоварю!

Качинский потянул меня за плечо, возвращая на свое место. Отце Григорий широко и истово перекрестился. Не знаю, каков был толк от него в драке, но то, что он уже встал в один ряд рядом со мной, прибавило веса для него в моих глазах, так же как, впрочем, и бывшему поручику царской армии.

Паренек, за которого мы заступились, уполз обратно на свое место, вжав в голову в плечи, ожидая неотвратимого наказания, но счастливо глодал червивую рыбеху, причмокивая губами из моей миски.

– За нарушения режима этапирования, весь этап лишается пайки воды до прибытия в Темниковский лагерь,– объявил нам сержант, с наслаждением зачерпнув ковшик ледяной водицы и выпив его до дна. При виде этого действия у меня потекли помимо воли слюни. В горле пересохло, но что-то просить было бессмысленно. Ясно, что не даст.

– Мужественно, но глупо!– проговорил будто бы в никуда Лев Данилыч, устраиваясь поудобнее на жестком полу. Состав все-таки перецепили. Лейтенант Ковригин вернулся запыхавшийся и засыпанный снегом. За пределами теплушки начиналась метель.

– Надо было промолчать, когда унижают человека, смешивая его с дерьмом?– разозлился я, поворачиваясь к нему.

– Нетипичный вы гэбист, гражданин Клименко...– задумчиво произнес Качинский.– таких редко встретишь в вашей конторе. В основном эта и есть философия НКВД – сломать волю, унижить, растоптать, причинить боль...– он потер обожженную щеку, словно вспоминая что-то, некрасиво поморщившись.

– Плетью обуха не перешибешь прости Господи!– прошептал отец Григорий.– Дорога в ад устлана благими намерениями...

– Пошли к черту!– зло брякнул я, поворачиваясь к ним спиной и закрывая глаза. Пить хотелось ужасно. И это еще я съел только половину своей порции. Представив, что чувствуют сейчас остальные, я ощутил себя виноватым, в том, что оставил весь этап без воды. – К черту!– прошептал я еще раз, закрывая глаза и проваливаясь в спасительное забытие.

ГЛАВА 8

Головко не обманул. Возле входа в вокзал, с правой стороны от верей стояла телега с лошастью, лениво что-то выбирающей в снегу. При виде хоящина она заржала, приветливо кивая гривой. Сержант ласково потрепал её длинной, породистой шее, а потом обернулся к пораженно замершим подле телеги Андрею с Валентиной.

– Значит, устраиваемся, товарищи! Барышню мы вот сюда в сено посадим, а вас, товарищ капитан, значит, сюда, ко

мне на козлы, часа через четыре будем на месте. Барышня и подремать успеет.

Валентина заметила, как всего передернуло Андрея, когда к нему обратились в соответствии с новым званием. К новым петлицам он так пока привыкнуть не смог. Легко взвалил на телегу чемодану, сел рядом, не обращая внимания на супругу, которая неловко затопталась подле подводы, кутаясь в теплый пуховый платок. Дул пронизывающий сырой зимний ветер, который тут казался намного неприветливее и ледянее, чем в остальной части России.

Привокзальная площадь была пуста. На другой стороне промелькнула такая же телега с возницей, да трое рабочих прошли в сторону вокзала. Грустным и нелюдимым городом оказался Саранск, серые дома, пустые улицы, невзрачная площадь. Все здесь сделано было вроде бы как наполовину, не по-городскому, но уже и не по-деревенски, вот и эта подвода с лошастью... Казалось наступил новый век, век машиностроения и механизации, ан нет... Гривастая красавица, как и сто лет совершала переходы по тридцать с лишним верст, так и совершает.

– Тучочки, значит, удобнее всего будет... – заметил Головко замешательство Валентины и не преминул помочь. Подсадил ее на мягкое сено, куда она провалилась, будто в душистое парное молоко. Сразу стало намного теплее и уютнее, словно в детство вернулась.

– Но-оо! – причмокнул губами Головко, ловко управляя

поводьями. Лошадка, дотоле меланхоличная и спокойная, мгновенно взяла широким размашистым аллюром, и Валечке оставалось лишь только наблюдать, как мимо них пролетают дома, переулки, казенные учреждения и какие-то склады.

Все вокруг было уныло и однообразно. То противного скучно и неинтересно. Ей даже удалось задремать под неторопливый разговор мужа с сержантом.

– А что лагерь ваш,– интересовался Коноваленко,– большой? Что за жизнь в нем?

– Лагерь большой, значит...– негромко ему в ответ повествовал Головко, знай нахлестывая лошадку, несущую их по заснеженным улицам.– Темниковский самый крупный в нашем управлении. Почитай две тыщи душ содержит! Лесопилка у нас своя, цех лакокрасочных изделий, мебельная фабрика, значит, имеется... Шпалы делаем, шьем одежду мало-помалу...

– А начальником кто у вас?

– Дык, вы, товарищ капитан, и начальник, значит,– пожал плечами Головко.

– Я только приехал, а до меня? Что с ним произошло?

Наступило долгое молчание. Сержант явно не хотел отвечать на поставленный вопрос и сделал вид, что его не расслышал, вместо этого громко и по-рабойничьи засвистел, подгоняя каурую кобылку.

– Так что случилось с прежним начальником, а?– повторил

свой вопрос Андрей, стараясь, чтобы его голос звучал, как можно мягче и доброжелательнее.

– А все одно расскажут... – вздохнул Головко, пряча глаза. – Окромя политических, а их у нас больше половины. Сидят у нас рецидивисты всех мастей, воры значит. Главный среди них Хасан, морда некрещенная. Держит он ворье это в кулаке, вот тут, – сержант показла огромный сжатый кулак из разбитых работой ладоней, – норму не делает, на работу не ходит, да и всем своим «шестеркам» запрещает. Вот наш бывший начальник и сговориться с ним решил, дело это, значит, миром определить. Они норму выработки дают, а он им вроде бы как послабление режима, лично для Хасана сделает...

– И что? Воры согласились? – заинтересовался Андрей. Для него работа в лагере была новым и неизведанным этапом в карьере. Как-то раньше ему приходилось охотиться на шпионов, ловить бандитов и налетчиков, а вот с криминальными элементами дружбу водить он не пробовал.

– Воры они на то и воры! Жулье, значит! Им палец в рот не клади, значит, по локоть откусят! Через пару дней, даже те кто и выходил из этой компании на работу, и те бросили, вроде бы как забастовку, значит, устроили. Начальник к нему, мол, что же ты гад делаешь-то, договор дороже денег! А он ему в ответ, вот УДО мне оформи и дружкам моим, там и побалакаем. Начальнику, значит, деваться некуда, он все и оформил, а про то, в главному управлении прознали, вро-

де стукачка у нас завелось, ну и начальника нашего сторяча в расход пустили, значит. Упокой Христос, его душу грешную! Пресквернейший был мужик, доложу я вам... А вместо него, вас, значит, прислали... А пока вы не прибыли наш политрук обязанности исполняет. Парень молодой, горячий Ковригин фамилия. Он этап принимать поехал. Сегодня ночью прибыть должен!

– Этап?– нахмурился Коноваленко.

– Вроде как пополнения зэковского,– охотно пояснил Головкин, закуривая самосада из холщового кисета. Лошади поводи он отпустил. Она брела сама по себе, отдыхая. Андрей заметил, что сержант кобылу любил, берег ее, давая отдохнуть через определенные версты,– но вы особо не переживайте. Их мало прибудет, человек десять, не боле... У нас и без них все бараки переполнены. Лейтенант сделает и оформит все в лучшем виде.

– Ясно...– проговорил Андрей. Со времен Харькова он научился подозревать в людях самое плохое. Хитрый и пронырливый карьерист Секретарь Власенко объяснил ему на живом примере, что доверять никому кроме себя никому нельзя. И если в составе лагеря есть «крот» или сексот, то лучше его будет определить и вычислить сразу. Обо все об этом он ни словом не обмолвился Головкин, молча стал наблюдать за пролетающей мимо природой. Хвойные леса сменялись лиственными, засыпанные пушистым свежим снегом, они казались чуть ли не нарисованными, будто на кар-

тинке из сказки Морозко. Густые еловые лапы, увенчанные ледяными шапками, стояли ровными рядами вдоль проселочной дороги, по которой они ехали величаво и солидно. По правой от них стороне бежала вдаль двумя нитками рельс железнодорожная ветка. Судя по снежному насту, образовавшемуся поверх головок рельс, поезда здесь были редкостью и ходили нерегулярно. Левее, утопая в лучах холодного зимнего солнца, играющего бликами в разлившейся речке, в засушливое лето, судя по всему, пересыхающей до размеров ручейка, тек один из притоков Яваса. Сильное течение несло в себе обломки веток, куски бревен и прочий хлам, собравшийся с берегов. Зрелище было удивительное и завораживающее. Шумный поток гудел, ревел и рвался из берегов, ломая с хрустом камыш по пойме. Андрей попросил остановиться.

– Я думал такое бывает только весной!– кивнул он в сторону реки.

– Не зря мокши говорят, что второе название Яваса «беспокойный». Еще день два и встанет лед, скует это все намертво до самого апреля, а сейчас он на последнем издыхании у нас...– объяснил Головка. Самокрутка дотлела, обожгла сержанту губы.– Надо ехать, товарищ капитан, значит...Иначе до ночи не управимся, а ночевать в лесу дело малоприятное, особенно, значит, с барышней.

– Поехали, действительно!– кивнул Андрей, усаживаясь обратно не телегу.– Чего это я, правда? Нигде раньше такой

природы не видел.

– То ли еще будет!

– Это точно! А вот скажи мне, сержант, ты упомянул слов «мокши»... Это кто ж такие будут?

– Местные, мордва! Их по ихнему мокши зовут. Они нам иногда еду продают, что охотой зарабатывают.

– А что с питанием перебои?– встревожился Андрей.

Головко снова промолчал, мол, сами увидите, чего языком зря трепать. Или же не понимает, что организму на одной тушенке, да стылой гнилой картошке не протянуть долгую саранскую зиму? Ничего он ему не сказал, лишь прицокнул на кобылу громче обычного, погнав ее чуть быстрее. Под это мирное укачивание, вернувшее Валию в детство, женщина уснула, чувствуя себя в полной безопасности, впервые за последние полгода.

Неизвестно сколько они добирались до лагеря. Она открыла глаза, когда вокруг уже серело, а на лесную дорогу, по которой трусила легкой рысью лошадка, спускались сумерки. Верхушки елей окутал густой туман, спускаясь все ниже и ниже, клубясь по яркам и оврагам теплой белой ватой. Валия проснулась оттого, что ноги ощутимо стали подмерзать. Поднялся северный пронизывающий ветер, ледяным колким огнем обжигающим лицо.

Головко молчал, кажется, дремая на козлах, а муж о чем-то сосредоточенно думал. Что творилось в его голове, было одному Богу известно, но у Валентины, за столько лет

изучившей мужа, появилось стойкое ощущение, что ничего хорошего злая полуулыбка ни ей, ни работникам лагеря не предвещает.

– Еще долго?– неожиданно спросил он, недовольно кривя губы.

– Так, значит, уже почти приехали, товарищ капитан!– встрепенулся Головкин, поправляя съехавшую на глаза шапку-ушанку, бывшую ему на несколько размеров больше положенного.

Уставшая, но почуявшая дом, лошадь напрягла последние силы и вынесла их на небольшую сопку, хрипя и закусывая удила. Перед глазами Вали предстал огромный поселок, построенный в форме правильного квадрата, огороженного по всему периметру тремя рядами колючей проволоки. Там, куда вела, извиваясь по склону сопки дорога, располагались широкие ворота, возле которых примостилась серенькая невзрачная будочка. Возле будки, перетоптываясь с ноги на ногу, бродил замерший, с поднятым воротником потрепанной шинельки красноармеец в буденовке с синей пятиугольной звездой. На плече у него висела винтовка Мосина, бьющая его при каждом шаге по бедру. Он довольно резво наворачивал круги вокруг будки, дую на окоченевшие от холодного пронизывающего ветра пальцы, изредка приплясывая, чтобы согреться. Над воротами был растянута транспарант из красной кумачовой ткани. На нем широкими белыми буквами было начертано, что труд облагораживает чело-

века и призыв к исправлению. Транспорт был старым, кое-где потрепанным. Один край его был слегка надорван и тревожно хлопал на ветру.

Далее стройными правильными рядами тянулись грубо сколоченные бараки. Они были четко разделены на некое подобие улиц. На каждой такой улице располагалось друг за другом до десяти строений, вряд ли пригодных для проживания людей. В самом дальнем углу периметра виднелся длинный широкий ров на всю длину лагеря. Его Валентина бы ни за что из той точки, где они приостановились, никогда бы не заметила, если бы рядом с ним на белом снегу не выделялся вал рыжей глины. За стройными рядами бараков стояло двухэтажное здание, сложенное из толстых массивных бревен, с настоящими окнами и шиферной крышей, что было настоящей редкостью для этих мест, слева от него, еще одно, чуть поменьше и поскромнее, но все же то же солидное. Из высоких каменных труб в этих двух зданиях вился в небо тонкий серый дымок, который уже трудно было различить в сгущающихся сумерках и спускающимся тумане. По всему периметру, в пределах трех рядов колючей проволоки, на каждой улице отдельно в начале и конце, а так же по углам установлены были вышки. На каждой вышке сидело по пулеметчику, зорко всматривающемуся в каждое движение на улицах лагеря. Хотя лагерь был, на первый взгляд, пуст и покинут. Лишь в самом последнем из бараков звенело что-то и беспрестанно работало.

– Вот, значит, и есть наш Темниковский лагерь, сокращенно ТемЛаг!– гордо улыбнулся Головкин, понукая кобылу к движению. Их качнуло в телеге, а Валентина вообще опрокинулась на спину. Дорогое пальто помялось, на него налипла целая куча соломинок. Она недовольно отряхнулась, вспомнив, что совсем недавно встречали их по-другому, на красивой машине, а не на телеге, молодой офицер, а не старый сержант-сверхсрочник, глуховатый и повторяющий через слов «значит». При мысли о Сашке, ее сердце тревожно забилось, но она сумела совладать с собой, сделав каменное лицо. Не дай Бог, заметил бы ее воодушевление Андрей, не миновать большого скандала.

– Посторонись!– раздалось позади них бравурное и молодцеватое. Топот сотни пар сапог заставил заморенную кобылу шарахнуться в сторону, принимая правее. Валя обернулась, ища глазами источник крика.

По той же самой дороге, по которой они приехали в лагерь, маршировала огромная толпа мужчин самого ужасного вида. Многие из зэков еле передвигались. Этих немногих бедолаг старались поддерживать за руки соседи, шагающие рядом. Оборванные, грязные, немытые, ошалевшие от вшей и непосильной работы люди двигались в их сторону странной комковатой массой, мало напоминающей строй. Рядом с ними справа и слева двигались человек десять молодых конвоиров, каждый из которых был вооружен автоматом ППШ, а с двумя из вертухаев трусили, поджав уши две немецкие ов-

чарки, зорко поглядывающие за строем, подгоняющие толпу громким и звонким лаем, оглушительным эхом разносящимся по дороге.

– Ну-ка стоять!– проревел сержант в длинной шинеле, с покрытым легким инеем воротником. Зэки шаррахнулись в сторону, испуганные громким криком, подчиняясь абсолютному выработанному инстинкту страха опасности. Овчарки бросились вперед, срываясь на лай, натягивая поводки. – Стоять, твари!– прокричал конвойный, останавливая толпу, ломящуюся без разбору кто в лес, кто по дрова. Валентина вдруг увидела небритые впалые щеки, серые, будто посыпанные пеплом грустные глаза, напряженные, словно ждущие чего-то плохого лица. В них осталось мало чего человеческого, сломленные, задушенные режимом, они жили каким-то нечеловеческим напряжением воли, сами не понимая зачем, для чего, почему...

– Товарищ начальник лагеря, бригада седьмого отряда возвращается с места вырубki по лесозаготовкам в полном составе. Больных и отсутствующих нет! Докладывал старший сержант Серков,– доклад Андрей принимал уже стоя.

– Больных нет?– уточнил Коноваленко, стараясь не замечать полуживых людей покачивающихся в руках товарищей.

– Никак нет!

– А эти?

– Симулянты!– вытянулся в струнку Серко.– Завтра же будут наказаны тремя сутками карцера!

– Ну-ну...– нахмурился Андрей.– Можете продолжать движение!

– Становись! Смирно, граждане заключенные!– проорал Серко.– За мной шагом марш!

Бригада кое-как восстановила относительный порядок. Последовала за сержантом, проходя мимо Валентины, так и сидевшей с открытым ртом на телеге. Настолько поразительным, ужасающим было состояние зэков, что их движение напоминало движением живых мертвецов из книги ужасов. Пустые глаза, обтянутые синюшной кожей черепа, бесконечной вереницей тянущиеся друг за другом.

Когда колонна скрылась в воротах, Андрей дал команду двигаться дальше. Насколько Валентина знала мужа, такая картина его, несомненно, озадачила.

– Поторопись,– приказал он коротко Головку, настороженно наблюдающему за его реакцией на первую встречу с контингентом.

– Будет сделано!

На КПП их проверили, доложили по форме, все так же сопровождая неизвестно чего ждущим взглядом. Это раздражало и пугало.

– Что я тут делать буду...– вырвалось у Вали, когда они проскочили через весь лагерь, осмотрев «главный прашпект», как сообщил им радостно Головку. Картина вокруг была грустной и безрадостнойж. Вырвалось случайно, но Андрей ее прекрасно расслышал. Повернулся к ней вполобо-

рота, сверля острым колючим злым взглядом.

– Тоже чему ты училась так долго в институте...Людей лечить!

– Но...– попыталась возразить она, внутренне сжимаясь от предчувствия чего-то нехорошего.

– Что но? Тут есть вакансия главврача. Образование тебе позволяет им быть, а то, что это зэки, и тебе придется ходить к ним в бараке одной, рисковать жизнью, общаясь с ними, рисковать здоровьем, так не этого ли ты хотела, когда трахалась со своим...Клименко? Я хоть не верующий, но уверен, что каждому воздается по заслугам его. Так, Головка?

Сержант, будучи сверхсрочником, а значит человеком опытным, сделал вид, что не расслышал вопроса. А Валентина не стала спорить, боясь очередного всплеска гнева супруга и его последствий.

ГЛАВА 9

Рано утром я проснулся от встревоженного голоса отца Григория. Потом раздался шум, команда просыпаться.

– Встать, твари!– прикрикнул сержант, бросаясь к нашей решетке, перегородивающей вагон.

– Господи помилуй, душу усопшего раба Божьего!– тараторил батюшка истоиво крестясь. Рядом грустно вздохнул Качинский. Пришлось вставать. Открыл глаза, вставая на ноги. Рядом с нарами воров лежал труп молодого паренька, за которого вчера мне пришлось вступиться. Мальчишка лежал в луже собственной крови, глаза открыты, смотреть груст-

ным обреченным взглядом куда-то в потолок, будто видят там что-то, что недоступно нам, все еще живым.

– Боже мой... Совсем молодой парень... Как же так... грех-то какой!– качал головой отец Григорий, плаксиво, по-бабьи всхлипывая.

– Красиво ушел...– заключил Кислый, который тоже проснулся, и теперь сидел на нарах, поджав ноги по-турецки. Рядом его «шестерки» напряженно зыркали по сторонам, готовые в момент любой опасности защитить своего главаря.

– Откуда у него лезвие?– кивнул Качинский на открытую ладонь паренька. На ней валялся обломок лезвия от безопасной бритвы, которой мальчишка располосовал себе вены.

– Прошляпил досмотр!– заключил Кислый.

Я подошел поближе, рассматривая парня. Никаких следов борьбы, синяков. Ушибов и ссадин – абсолютно умиротворенное лицо, как будто он был даже счастлив закончить свой путь так.

– Кто-нибудь что-то слышал ночью?– спросил я, осматривая сокамерников.

– Ты свои замашки ментовские брось! Чай, не в кабинете у себя на Лубянке допросы тут устраивать!– буркнул Кислый, сверля меня упрямым мстительным взглядом. Федор со своими работягами отвернулся, а отец Григорий с Качинским пожали плечами.

– Тихо вроде все было!

– Да сам он, б...я буду!– бросил вор.– Вы только гляньте,

морда какая счастливая! Понимал, что на зону попадет, там опетушат! Слаб он... Слаб был! А так ушел красиво!— повторил зэк.

— Кто ушел?! Ну-ка, отошли от решетки, животные! Хайрей к стене, глаза в пол. Руки за спину! Ноги на ширине плеч! Живо!— прокричал сержант, хватая наган из кобуры. Они вместе с Ковригиным тоже окончательно проснулись и рассмотрели труп на полу камеры.

— Оглохли что ли!— щелкнул замок. Молодой лейтенант дождался пока мы примем указанную позу и ворвался в камеру.

— Твою ж мать!— сплюнул он, склонившись над самоубийцей, проверяя пульс. Хотя и сам понимал, что ни о какой жизни там не может быть и речи. Мертвец уже остыл и начал покрываться желто-синими трупными пятнами. Кровь свернулась несмываемым коричневым пятном под ним.

— Суки!— процедил он.— Кто вальнул? Говорить! Быстро! Ковригин бросился к Кислому, обдав того запахом свежего перегара. Посмотрел ему в глаза, даже попытался тряхнуть за плечи, но вор ловко угнулся.

— Сам он! Сам, начальник! Вон и «мойка» в ладонях! Засыпали стонал под шконкой, а проснулись, труп.

— Кто вальнул, суки! Признавайтесь, твари!— не остановился на Кислом взбешенный Ковригин.— Ты? — от вора бросился он к Федору, но тот смотрел куда мимо офицера, делая вид, что не понимает вопроса.— Или ты, батюшка, надоумил?

Или ты, контра? Говорить!

– Сам он, товарищ лейтенант...– глухо проговорил сержант.– Для нас для всех лучше будет, если сам...

Мысль опытного конвойного я понимал. Сообщи в лагерь сейчас, что совершенно убийство, начнутся долгие разборки. Комиссии и прочее. Ковригину не поздоровится, куда смотрели? Почему допустили? Дело все равно прикроют и спустят на тормозах, но нервов попортят изрядно, потому и настаивал сержант на самоубийстве. Хотя я лично сам был уверен, что без Кислого тут не обошлось. Конечно, ворам запрещено самим морать руки, но вот «шестерки» его вполне могли ночью помочь пареньку уйти в мир иной. Я мысленно даже прикинул, как это могло происходить. Дождались пока мальчишка заснет. Перевернется на спину. Один закрыл рот, чтобы кричать не мог, а второй резанул по венам. Потрепыхался, подергался под напором и все... Мне показалось, что я даже рассмотрел краем глаза довольную ухмылку Кислого.

– Хорошо...– согласился с младшим по званию офицер НКВД. Встал, отряхнул руки, брезгливо вытирая их чистым свежим белым платком, показавшимся после грязи тюремных камер и вонючей одежды чуть ли не белоснежным. Мама когда-то мне каждый день клала на работу такой же... Только с вышитой на боку ромашкой.– Пусть так... А вы... Запомните, твари, что как только приедем в лагерь! Я с каждого! Слышите! С каждого шкуру спущу...Понятно?!

– Так точно, гражданин начальник!– вразнобой отозва-

лись мы.

– Вольно, животные!– процедил Ковригин, выходя из камеры. Сержант тут же следом щелкнул замком, замыкая решетку.

– Эй, начальник!– торопливо вскочил Кислый на нарах.– Ты куда?

– Кислов, я что перед тобой отчитываться должен, а?– нахмурился сержант, кивая на металлический прут, стоявший возле бочки с водой.

– А жмурика куда?

– Ты может предлагаешь мне его к себе забрать? Рядом на нары положить, да стеречь?– ехидно усмехнулся конвойный.– Вы завалили паренька, вы с ним и до прибытия в лагерь существовать и будете. Пусть полежит, Кислов, он не кусается, да и сосед не шумный...– вдвоем Ковригин с помощником расхохотались над не очень уж остроумной шуткой. Качинский поморщился.

– Так нельзя, начальник! Тут тепло...Он вонять будет!– возмутился товарищ Кислового. Тот самый, что был с синяком под глазом, как рассказал мне отец Григорий, поставленным ему Львом Даниловичем в пылу идеологического спора.

– Извини, Портнов, но вагон-холодильник я не заказывал для вас,– улыбнулся Ковригин.– Приеду я в лагерь, меня спросят, получил ты десять эков, а привез девять, а где один? И что им сказать? Что у меня этап трупную вонь не переносит? Пришлось жмурика, который в дороге окочурился,

на перегоне выбросить? Отдыхай, Портнов!

– Хоть не топите!– попросил Качинский.– Сами же с нами нюхать будете...

Сержант несколько секунд подумал и кивнул.

– Вот это предложение дельное! Сразу видно аристократа!– тут же плеснул в буржуйку воды, чтобы погасить еле тлеющие с ночи угли. Они зашипели, обдали паром., поднимавшимся клубами к потолку вагона. Сразу возникла мысль о бане. Будто по мановению волшебной палочки зачесалось почти все тело. Я с трудом вспомнил, когда мылся.

– Прости его, Господи! – прошептал отец Григорий, снимая через голову свою потрепанную черную рясу, накрывая ею мальчишку.

– Замерзнешь...– шепнул ему я, когда священник уселся рядом, уперев грустный взгляд в стену.

– Так честно будет, по-человечески,– пояснил он, обхватив колени руками. Его худая, по-старчески дряблая кожа, покрылась мурашками. Грязная замусоленная майка не грела.

О трупe в камере все забыли. И теперь я прекрасно понимал батюшку, который прикрыл паренька. Лицо того уже не казалось бы мне спокойным и умиротворенным. Через распахнутые настежь глаза на нас всех смотрела бы сама смерть.

В Саранске нас отцепили от грузового поезда, в составе которого отправили по этапу. Ближе к обеду сержант пожалелся над нами и попоил водой. Видимо, мы приближались

к месту назначения, а значит экономить воду было бессмысленно. Слова Качинского меня расстроили. Несмотря на все то, что со мной случилось за последнее время, мысль о том, что контора – корень всех бед и проблем нашего молодого государства была мне искренне противна. Я не считал, что в наркомате работают лишь карьеристы и стукачи, но спорить с бывшим белым офицером не имело смысла.

На крупной станции наш вагон обогнали, подцепили к старенькому паровозу и медленно потянули в сторону Темниковского лагеря. Всю дорогу Кислый с друзьями бросал в мою сторону многозначительные взгляды, не обещавшие по прибытию лично мне ничего хорошего. Даже Ковригин с сержантом как-то попритихли, негромко сидели за стол, переговариваясь о чем-то своем.

Отцу Григорию я выделил свою робу погреться, удивляясь мужеству этого человека. Мороз мгновенно пробрался по всему телу, сковал замедляя движения. Немного потряхивало. Вагон, переставший отапливаться с широкими дырами в стене, через которые гулял сквозняк, быстро остывал, а он умудрился выдержать таким вот образом почти три часа, пока мы не увидели, что он теряет сознание, а губы уже синеют.

Качинский, наблюдая за нами, предложил меняться, давая погреться отцу Григорию одежду по очереди. Несмотря на идеологические разногласия Лев Данилович нравился мне все больше и больше своей спокойно рассудительностью

и зрелым взглядом на жизнь. Я бы даже несомненно смог бы с ним подружиться, но...

Часа через четыре наш состав остановили на небольшой станции. Определить это я сумел по отсутствию посторонних шумов, которые всегда сопровождают крупные железнодорожные узлы: голос диктора, гудки паровозов, гомон пассажиров... Ковригин вышел из вагона, распахнув двери настежь. Внутри тут же ворвалось облако морозного воздуха, а Качинский затрясся от холода.

– Встать! Лицом к стене!– прокричал сержант, отмыкая решетку.– По моему приказу построиться в колонну по одному и выходить. Напоминаю, животные, что шаг вправо, шаг влево будет считаться попыткой к бегству, поэтому настоятельно рекомендую идти ровненько, как балерины!

В этот раз он даже не стал заморачиваться с револьвером. Пистолет так и остался у него в поясной кобуре, а навел он на нас новенький ППШ в заводской смазке. Щелкнул затвором и сделал шаг в сторону, чтобы дать нам возможность пройти. Палец на спусковом крючке подрагивал. Глаза напряженно и цепко осматривали нас, готовые среагировать на любое лишнее движение и пальнуть по толпе очередью.

– Не бзди, начальник!– подмигнул ему Кислый, первым шагая вместе со своими шестерками наружу.– Кому ты нужен?

– Пошёл вперед, Кислов! Попытка к бегству штука такая, как хочу, так ее и определяю! Вот решу, что ты надумал ору-

жие мое захватить, яйца отстрелю тебе, что потом говорить будешь?— хмуро буркнул сержант.

Кислый пожал плечами и проследовал с гордо поднятой головой на свежий воздух, за ним двое его личных прихлебателей, или, как говорил презрительно о них Качинский, адъютантов. Далее в дверной просвет отправились Федор с товарищами, громко залаяли собаки, срываясь с поводка и лишь потом мы втроем.

Солнечный яркий свет больно ударил по глазам. После постоянного полумрака вагона, к которому я как-то за это время адаптировался, все казалось болезненно цветным и снежно белым. Неровный строй моих сокамерников уже стоял рядом с вагоном под пристальным взглядом Ковригина и солдат-срочников.

Я осмотрелся по сторонам, стараясь, чтобы это не выглядело излишне подозрительным.

Станция была небольшая. Одноэтажное здание с двухскатной крышей напоминало сказочный теремок из сказки Одоевского про Морозко. Резные наличники, высокое крыльцо, украшенное деревянными перилами, большие светлые окна легкомысленного ярко салатового цвета создавали общее впечатление нереальности происходящего. Вокруг, куда хватало взгляда, простиралось зеленое море леса и железнодорожный путь, уходящий в него словно бы в глубину. Два пути из трех были свободны. Из чего я сделал вывод, что станция популярностью у местных жителей не

пользуется. На третьем стоял наш вагон, уже отцепленный от паровоза. Возле платформы, где мы выстроились редкой цепью расположились семеро конвойных, настороженно наблюдавших за нашим поведением.

– Значит так, граждане бандиты, предатели и контрреволюционеры,– прокашлявшись громко и патетически начал Ковригин, пряча свой пистолет в кобуру. Сейчас, под прицелом восьми автоматов и под присмотром трех бешено лающих овчарок, ему нечего было нас бояться,– мы прибыли на станцию Темниково. До лагеря, который вас любезно решил взять и приютить, дальше придется идти ножками, чай, не барины, простите уж гражданин Качинский,– улыбнулся он ехидно Льву Данилычу,– а значит условия прежние... Шаг влево, шаг вправо – расстрел на месте. Идти молча, строем, следовать командам конвоя. Всем все понятно?

Наша неровная шеренга пробурчала нечто невразумительное.

– А если ж по нужде захочется, гражданин начальник?– развязно скалясь уточнил Кислый.– Можно мне на минутку в кустики отлучиться?

Ковригин побелел, понимая, что вор издевается над ним.

– Условия прежние! На-лево! Шагом...– сержант неожиданно остановил его, зашептав что-то на ухо, горячо доказывая.– Стоять! Направо! Что ж вы, твари этакие, о товарище своем не вспомнили? Я ж говорил, что десять с этапом поехало, десять ваших противных рыл должно и в лагерь при-

быть, а посему...— он задумчиво окинул нас взглядом.— Качинский и Клименко!

Мы с Львом переглянулись и шагнули вперед.

— Заключенный Качинский 1894 года рождения, статья 58 часть б.

— Заключенный Клименко 1915 года рождения, статья 58 часть в.

— В вагоне заберете товарища вашего и в путь! По очереди!

— Что?— вырвалось у меня. Тугой комок подкатил к горлу. Я представил, как выглядит труп паренька, за которого по глупости своей заступился вчера, как пах. Стал противно.

— Клименко, в ШИЗО сразу захотел?— нахмурил брови Ковригин.

— Никак нет!— потянул меня за рукав Качинский.— Будет исполнено...

Вдвоем мы вернулись обратно в вагон под пристальным взглядом сержанта. После свежего морозного воздуха дышать тут стало невыносимо. Все вокруг пропахло крепким мужским потом, нечистотами и запахом давно немых тел.

— Амбре еще то...— вздохнул Лев Данилович, наклоняясь над трупом. Сбросил с него ряску отца Григория, кинув ее мне.— Отдай, а то замерзнет наш духовник!— посоветовал он, взваливая на плечи паренька. Тело оказалось неожиданно тяжелым. Начал появляться сладковато приторный запах. Негнущиеся ноги со стуком волочились по полу.— Будем

нести по сколько сможем,— пояснил, крехтя, Качинский,— а там, как Бог даст...

Я вышел следом за белым офицером, приминая в одервенелах пальцах черную заштопанную рясу. Вихрастая голова паренька билась о плечо Качинского, который делал вид, что его это обстоятельство нисколько не смущает.

— Господи, прости их грешных, ибо не знают они, что творят!— шумно и испуганно выдохнул батюшка при виде нашей процессии. Лев Данилыч молча двигался в строю под насмешки конвойных и комментарии Ковригина:

— А что, Качинский, в этом во всем я чувствую историческую справедливость...— рассуждал он, пока мы неровным строем шагали по хорошо натопанной и наезжанной телегами колее среди вековых сосен.— Вы столько лет мучили, душили трудовой народ, кровь из него пили, соки последние выжимали, чтобы на балах сиськи молодым баряшням мять, да жрать и пить в три горла, а теперь ты — гвардейский офицер, образованный человек, несомненно, богатый в прошлом несешь на плечах в последний путь труп какого-то бедолаги, который кроме вшей и дешевых шлюх не видел-то ничего в этой жизни, благодаря вам. Что это, как не историческая справедливость, а?

— Мой род идет от потомков Леонарда Качинского — польского шляхтича, получившего свое дворянство за пролитую кровь во время русско-турецкой войны,— тяжело дыша, выдал из себя бывший полковник,— так что предки мои, то-

же не с неба свое состояние заработали, а кровь за Родину проливали.

– Родина-то вас и поимела!– заметил Ковригин.– А ну-ка, подтянись! – подал он команду, оглядываясь на растянувшуюся длинной цепочкой толпу арестантов.

– погоди, давай теперь я...– пришлось предложить мне помощь, видя, что Качинский склоняется к земле все ниже и ниже.

– Не надо...я...

– Давай, говорю!

Движение я заметил краем глаза, когда тело паренька рухнуло в снег, а я думал, как его перехватить поудобнее. Один из Федоровых работяг неожиданно резко дернулся влево, запрыгал, запетлял, как заяц, скрываясь в лесу. Его черная телогрейка была отчетливо видна на фоне засыпанного белым снегом пролеска. Бежал он смешно, нелепо, высоко выкидывая ноги, чтобы не утонуть в глубоких сугробах. Жажда жизни брала верх над голос разума. Он слепо перся напролом, ломая кусты и молодые деревья, как молодой лось.

Ковригин замер на месте, потянувшись за оружием, но был остановлен сержантом, подбежавшим на шум.

– Пусть порадуется, стервец!– процедил он, оборачиваясь к конвоирам.– Коммунару...

Один из солдат наклонился к овчарке, отпуская поводок. Собака залаяла, запрыгала, завиляла хвостом, пока не услышала громкую и отчетливую команду сержанта, прозвучав-

шую в наступившей тишине, как выстрел.

– Взять! Чужой!

Фигура беглеца почти скрылась в лесу. Наверное, он в этот момент испытывал момент настоящего вселенского счастья, воздух свободы пьянил... Овчарка стартанула почти сразу. Без лишнего лая она застелилась над сугробами, быстрыми прыжками догоняя зэка. На фоне собаки тот бежал слишком уж медленно.

– Догонит... – констатировал Лев Данилыч, присаживаясь прямо на снег рядом с телом, жадно загребая его красными ладонями и запихивая в рот. От него шел пар, по лицу было заметно, как он устал.

– Без шансов! – кивнул Кислый, оказавшийся в этот момент рядом и с интересом из-под ладони рассматривающий происходящую трагедию.

Когда до спины беглеца оставалось метров пять, а до леса и того меньше. Зэк обернулся, потерял ход, моментально увязая в сугробах, Коммунара прыгнула, оскалив пасть. Тяжелые мощные лапы ударили его в грудь, опрокидывая на спину. Раздался лай, а потом отчаянный крик. Натасканная на такие случаи, она вцепилась моментально в ногу всей своей клыкастой пастью. Рыча, начала трепать, подтягивая Федорова соратника по снегу.

Я обернулся на самого Федора, который наблюдал за этой картиной, стоя чуть в стороне. Здоровенный мужик недобольно хмурил брови и что-то шептал про себя. Заметно бы-

ло, что побег этот стал и для него полной неожиданностью.

– Куси его, Коммунара! Куси!– науськововали овчарку веселящиеся солдаты. Мне стало противно, намного больше противно, чем нести несколько километров давно застывший труп по зимнему лесу.

Отчаянный крик звонким эхом разорвал лес. Батюшка вздрогнул.

– До шеи добралась!– сообщил всем Кислый, отворачиваясь в сторону. Все стихло. Коммунара залаяла, сев рядом с пойманным эком.

– Вот видите, граждане контрреволюционеры,– выдохнул Ковригин. Его глаза азартно блестели. По нему легко можно было прочесть, что зрелище ему понравилось,– наше молодое советское государство даже брезгует пулю на вас трахать... А посему, кто хочет окончить срок своего пребывания в Темниковском лагере досрочно, милости просим к Коммунаре!

Своего командира поддержали жизнерадостным ржачем молодые солдатики из конвоя и сам сержант, предложивший идею травить живых людей собаками. Лев Данилыч поморщился, отвернулся, презрительно сплюнув на снег.

– Представление окончено!– объявил Ковригин.– Вы,– обратился он к Федору с товарищами,– берете своего беглеца на закорки и тащите, точно так же, как это делают Клименко с Качинским. Повторяю, десять человек этапом вышло, десять должно придти. Не обязательно живых!– мазнул

он внимательным взглядом по мужикам, ворчавшим что-то себе под нос.

– А вот, интересно, гражданин начальник, а если мы все в побег ломанемся,– поинтересовался Кислый с ехидной улыбкой на тонких губах,– тебе же нас всех вальнуть придется?

– А то как же, Кислов!– подтолкнул его в спину сержант, уперев дуло автомата в спину.

– Значит, и тащить придется нас всех до самого лагеря на своем горбу? Десять этапом отправилось, десять должно вернуться...– шестерки вора тут же поддержали его счастливым смехом. Ковригин запунцовел, но сдержался от крика.

– Шагай уж!– буркнул он, направляясь по дороге во главе колонны.

Я обернулся на лежащее тело паренька, которое пришла моя очередь тащить на себе. Тот совсем уже застыл, но хотя бы не вонял. Приподнял его негнушаюся руку.

– Давай я?– предложил Качинский, но из чувства гордости пришлось отказаться. Хотя очень хотелось согласиться.

– Отдохни, дорога дальняя. Лучше помоги...

Я присел на корточки, а Лев, подхватив труп под мышки, взгромоздил мне его на спину. Охнув, я кое-как распрямился. Голые ноги паренька волочились по снегу, а руки свисли у меня с шеи. Именно за них я удерживал его в том положении, в котором тот висел у меня на шее. Возле уха скалилось обезображенное смертью лицо, пахнувшее мне в нос сладко-

ватым запахом смерти. Теперь я понимал, как она пахнет, о чем мне много раз твердила Валентина, когда говорила, что в их с Андреем каждой новой квартире витает этот дух. Его я запомню на всю свою жизнь.

Ноги утопали в снегу. Мгновенно промокли почти до самых колен. Становилось чуть теплее, распогаживалось. Внизу захлюпало. Тропинка, ведущая в лагерь, превратилась в снежно-грязное месиво. Даже без нагрузки было трудно сделать шаг, вырывая из топкой лесной проталины лодыжку, а уж мне...

Через метров семьсот стало трудно дышать. Ноги одервенили, стали колом, отказываясь повиноваться. От меня исходил пар, и несколько раз Качинский предлагал свою помощь.

– Господи Всемилостивый!– вздыхал рядом отец Григорий.– за что нам такое наказание?

Когда сил уже не осталось, и я готов был рухнуть на стылую землю, найдя подходящий пригорок, из-за сопки показался лагерь, расположенный в глубокой низине, окруженный со всех сторон холмами, поросшими густым сосновым лесом. Ворота лагеря были распахнуты, возле них крутился конвой встречающих.

– Шире шаг!– прокричал Ковригин, ускоряясь. Догонять его сил у меня уже не было. Я рухнул в снег. Тяжелый труп, словно напитанный талой водой, придавил меня к земле.

– Встать, Клименко!– рявкнул над ухом сержант, пнув меня тяжелым кованным сапогом в бок. Очумевшее от усталости

сти тело даже не среагировало на боль. Даже если бы меня сейчас бы резали по кусочкам ножом, я и то бы не почувствовал.

– Встать, животные!– хлесткие удары прикладов автоматов посыпались на строй, движение которого я застопорил своим падением.– Встать! Идти!

– Отец Григорий...– бросился ко мне Качинский. Ему здорово прилетело в голову. Рассекло бровь, и красная кровь закапала на щеку, но он не обратил на нее никакого внимания.

– Сейчас! Сейчас!– батюшка, подтянув рясу, подбежал следом, выкидывая высоко худые кривоватые ноги.

– Помоги!– труп наконец-то с меня сняли. Я смог вздохнуть спокойно, а кроваво-красный туман глазах слегка под-
рассеялся.

– Шире шаг, я сказал!– проревел сержант, несколько раз стреляя в воздух из нагана. Непривычные к звукам выстрелов люди шарахнулись в сторону. Кое-кто даже побежал. Залаяли овчарки. Людоедка Коммунара, как бешеная рвалась с поводка, готовая вцепиться в глотку любому кто окажется в зоне досягаемости ее клыков.

– Надо идти, Саша...Вставай...– прошептал мне на ухо Качинский, взваливая на спину себе труп мальчишки.– Батюшка, помоги ему!

Отец Григорий подхватил меня под локоть и потянул наверх. Меня вырвало от нечеловеческого перенапряжения.

Закашлялся.

– Давай же... Давай, родной!– твердил мне священник, поднимая с талой земли.

Кое-как ему удалось поставить меня на ноги. Я сделал несколько неуверенных шагов, но после непосильного груза, ноги буквально летели сами вперед. Качинский уже был где-то впереди, далеко, заканчивая спуск. Я поразился его хорошей физической форме, которую не испортило сиденье в лагере и СИЗО.

Этот сумасшедший, никому не нужный бег прекратился у ворот лагеря, где большинство из нас попадали в снег, жадно его запихивая в рот, погибая от оглушающей жажды.. Ковригина кто-то поприветствовал, еще один сержант, вышедший их встречать.

– Вот этап пригнал, Михалыч!– как будто похвастался лейтенант, поправляя портупюю.

– Этап, значит...– проговорил Головка, осматривая суровым взглядом каждого из нас. – А у я начальника нашего нового встретил! С жинкой приехал! Красивая такая, фигуристая...

– Добро! Умоюсь с дороги и на доклад!– кивнул Ковригин.

– Гляжу, значит, у тебя, товарищ лейтенант многие не дошли своими ногами,– махнул он рукой в сторону от строя, где рядышком уложили трупы, которые пришлось тащить.

– Один в побег рванул, а второй сам вскрылся еще в вагоне,– коротко объяснил лейтенант,– вы их к учету и давайте в

яр, на погост, чтоб меньше вопросов было у нового начальника лагеря. Темнеет уже...

– А этап?– нахмурился Головко.

– Этап в карантин, как обычно. Докторшу туда, пусть осмотрит этих молодчиков. Дня два помаринуем, а там и в промку их запустить можно.

– Есть!– вытянулся Головко.– Так, значит,– мазнул он взглядом по нашему строю.– Нужны два добровольца! Товарищей похоронить ваших... Есть кто?

В ответ ему было гробовое молчание. Все настолько были вымотаны пешей прогулкой по лесу, плохим питанием, постоянными побоями, что тащится в ночь и долбать кирками мерзлую землю желания ни у кого не появилось.

– Жаль... Жаль, значит,– покачал головой Головко, поглядывая на нас слегка укоризненно.– Жаль, что нет в вас солидарности и сознательности, граждане уголовники. Значит, придется мне самому назначить желающих. Ты, бородатый!

Все взгляды мгновенно обратились к отцу Григорию. Лишь у него в строю была настоящая густая борода. У остальных лишь только отросшая щетина. Тот вздрогнул и сделал шаг вперед.

– Поп, наверное?– подозрительно прищурился Головко, приглядываясь к длинной черной рясе.

– Дьякон, если быть точным!– гордо вскинул седую голову батюшка.

– Вот, заодно и отпоешь!– хихикнул сержант.– И ты, мор-

да уголовная!— ткнул он пальцем в грудь Федора. — Здоровый, как бык! Осилишь!

Тот шагнул вперед, молча и основательно, как и все, что делал до этого. Мысленно я подло обрадовался, что выбрали не меня. Мне было стыдно этой мысли, но сил никаких не было. Хотелось спать и хотя бы чего-нибудь пожрать. Желудок возмущенно бурчал, привыкший к более или менее сносному питанию в СИЗО Харькова.

— Остальных в карантин,— коротко отдал распоряжение Головки. Тогда я еще не знал, что это фраза стала началом нового большого этапа моего пути.

ГЛАВА 10

Недалеко от административного корпуса им пришлось разделить. Андрей решил не затягивать со знакомством с лагерем, а потому отправил сержанта, чтобы тот проводил супругу до их нового местожительства, а сам быстрым и решительным движением поднялся на высокое крыльцо барака, который отличался от других своей аккуратностью и солидностью. Деревянная дверь была полуприкрыта и сквозь нее слышались голоса.

Коноваленко тихо проскользнул в щель, отметив, что петли были неплохо смазаны. Перед ним предстал длинный узкий мрачный коридор с пятью дверями. Голоса слышались лишь только из-за двух из них. Стараясь не шуметь, он медленно двинулся вперед, прислушиваясь к голосам.

— Ладно, Сизый...— звонкий голос принадлежал кому-то

из офицеров оперчасти, как понял Андрей по надписи криво намалеванной на дверь красной краской.— Хватит танцевать вокруг да около! Мы взрослые люди, сам понимаешь, некогда нам с тобой демагогии разные разводить... Условия наши прежние, вы с вашей кодлой прессуете новый этап, узнаете кто, чем дышит, а взамен получаете те же самые привилегии, что были ранее, то есть не ходите на работу, играете в свои дурацкие воровские принципы и так далее...

За тонкой перегородкой закрипели шаги. Скорее всего оперативник ходил по комнате кругами, скрипя сапогами и гнилыми половицами.

— Ты знаешь, начальник, что сход этого не одобрит! Запало с ментами в одну дудку дуть! С этапом могут придти порядочные арестанты, которых прессовать не даст Лютый.

— Да мне плевать на вашего Лютого! Так ему и передай! Он на делянку выходит? Нет... Сидит в бараке своем, жрет от пуза, еще и палки в колеса вставляет! Я могу на хер залить весь этот лагерь кровью, вашей кровью... не политической и изменить все. Он у меня в ногах валяться будет, умоляя о пощаде!

Андрей неодобрительно хмыкнул. Такие методы работы ему были знакомы по службе в НКВД. Он не сомневался, что сейчас за дверью проходил процесс вербовки агента, который, судя по вялым и неуверенным возражениям, готов был сломаться и согласиться, но...

Он распахнул дверь и вошел в кабинет. Оперативник

мгновенно подобрался, заметив петлицы.

– Товарищ капитан государственной безопасности,– вытянулся он в струнку, отдавая честь,– разрешите доложить? Младший лейтенант Блинов проводит допрос заключенного Сизых Григория Ефимовича статья 105 часть 5, срок семь лет.

– Вольно, лейтенант... а я ваш новый начальник лагеря капитан Коноваленко Андрей Викторович,– кивнул он, обходя ээка так, чтобы хорошенько его рассмотреть, ибо экземпляр был примечательнейший. Суровое лицо с бегающими кари-ми грустными глазами было изрыто глубокими морщинами. Тонкие, нетронутые работой руки с волосатыми пальцами, нервно сжимали потертую шапку-ушанку, лежащую на коленях. Разбитые кирзовые ботинки были надеты на босу ногу. Из-под расстегнутого ворота телогрейки виднелись синие линии татуировок, уходящих куда-то по всему телу в разные стороны, как паутина.

– Сизый значит...– задумчиво проговорил Андрей, беря стул и присаживаясь напротив заключенного.

– Особо опасен, рецидивист,– зашептал ему на ухо услужливо оперативник.

– Даже так? А что же ты, гражданин Сизов, не желаешь помочь администрации в нелегком деле перевоспитания вашего, наставления. Так сказать на путь истинный, а?

Эк бросил короткий взгляд за спину на лейтенанта, словно спрашивая одобрения, а потом начал говорить.

– Не выходит в цвет по-вашему, хозяин!– пожал он плечами.– Воры суками никогда не были и не будут. Если я пресану с братвой ваш этап, а об этом узнает Лютый, мне вилы...

– Очень интересно,– прищурился Коноваленко. Встал и обратился уже к замершему за спиной лейтенанту.

– И кто же этот блюститель воровской нравственности, гражданин Лютый?

– Вор! Вор в законе Лютаев Тимофей Матвеевич. Срок 15 лет, кража со взломом социалистического имущества. Третья ходка...

– Ага... И вы из-за страха перед ним отказываетесь помогать нашей оперативной части? – уточнил Коноваленко, и на лице у него возникла наглая и ехидная улыбка.

– Ну, дык...

– А зря, сука!– неожиданно переменился Андрей в лице. Его рука метнулась к кобуре, выхватывая пистолет. Звонко щелкнул барабан. Холодная сталь уперлась Сизому в лоб, холодея кожу. – Прессанешь этап, узнаешь кто чем дышит и на что способен, тварь! Иначе, я тебе лично башку продырявлю и во рву, что возле запретки, прикажу закопать!

Андрей почувствовал, как Сизый под его напором дрогнул. Зажмурился, закрыв глаза, ожидая выстрела в любой момент. Шапка выпала у него из рук.

– Стреляй, начальник! Мне одно концы...

Преодолевая огромное желание нажать на спусковой крючок, Коноваленко оружие убрал, ловя на себя одобritel-

ный взгляд лейтенанта.

– Вижу, что ты человек с принципами... Ломать тебя не буду. Захочешь помочь администрации, поможешь сам, – выдохнул Андрей, отходя в сторону, будто бы ничего не произошло и не было этого гневного всплеска, – свободен. Пока...

– Товарищ...

– Я сказал, что заключенный Сизов свободен, лейтенант! – повысил голос Коноваленко, добавив в голос командирские нотки.

– Пошел вон! – недовольно буркнул оперативник, отводя глаза от зэка.

Тот встал, не веря своему счастью, пятясь направился к двери, все еще не понимая, что обошлось... Замер на пороге, сжимая в руках смятую шапку. Руки заключенного слегка подрагивали, выдавая волнение.

– Гражданин начальник... – нерешительно начал он, опустив глаза в пол.

– Свободен, Сизых! – рявкнул Коноваленко, глядя в окно, где по узкой улочке между бараками вели вновь прибывший этап. Полтора десятка измученных тяжелой дорогой, грязных и испуганных мужчин брели по разбитой осенней распутицей дороге. Где-то в глубине души Андрею их было даже немного жаль, но еще больше ему было жаль самого себя. От жуткой несправедливости, глупого и рокового стечения обстоятельств, по которым он оказался в этом самом месте,

хотелось волком выть, и это чувство жалости к самому себе затмевало внутри, в сущности добром и открытом, когда-то давно человеку, все хорошее, что было в опальном офицере.

– Гражданин начальник, я поспрашиваю... Только сам... – пробормотал Сизых, бегом выскакивая в промерзший коридор, впуская вместе с чистым и колким морозным воздухом облако пара внутрь оперативной части.

Наступила тишина. Каждый думал о своем... Блинов прикидывал, что непросто будет сжиться с новым хозяином лагеря, в котором сразу видно человека своевольного и авторитетного, а Коноваленко вспомнил, как точно так же всего лишь полгода назад знакомился с сотрудниками УНКВД в Харькове. Конопатов, Власенко, Жидков, Клименко... При мысли о молодом лейтенанте его перекосило, по скулам заходили желваки, все то, что он старался забыть, спрятать где-то на самом дне души, вспыхнуло с новой силой. Он с необъяснимой, плохо скрываемой ненавистью посмотрел на Блинова, пышущего такой же щенячьей молодостью, как и тот... Первый...

– Доложите обстановку в лагере, товарищ Блинов! – зло бросил он, занимая за столом, который несомненно принадлежал оперу. Лениво скользнул взглядом по подшитым аккуратно папочкам с личными делами заключенных, несколько из них сбросил на пол, чтобы не мешали, нарочито грубо и хамовато. Ему хотелось обидеть лейтенанта, унижить, хотя тот, по сути, еще ни в чем перед ним и не провинился, кроме

своей молодости и юношеского нахрапа.

– Есть!– вытянулся в струнку побледневший Блинов.– Товарищ капитан государственной безопасности, на данный момент в лагере отбывают заключение порядка пятисот заключенных, осужденных по разным статьям, как уголовным, так и политическим. Сроки разные, контингент в основном политический. С ними проводится профилактическая работа, многие из них сотрудничают с администрацией лагеря. Уголовников меньше, но они сплоченнее, а от того тяжело поддаются контролю. Главный у них Лютаев, тот самый Лютый... На работу выходить отказывается, режим не соблюдает. В данный момент находится в ШИЗО за нарушение режима сроком на месяц. Прибыл этап. Помещен под карантин. Завтра будет обследован нашей медицинской частью. Исполняющий обязанности начальника лагеря лейтенант Ковригин ездил встречать его. Доклад окончил.

Андрей видел, как выдавливая из себя каждое слово обиженный Блинов, как по-детски трясется его нижняя губа, но ничего не мог с собой поделать. Слишком больно еще было от предательства Валентины, слишком мало времени прошло, чтобы рана от ее измены зарубцевалась.

– Как только замполит появится, сразу направьте его ко мне!– коротко приказал Коноваленко, вставая из-за стола. До папки с фамилией Клименко он так и не дошел, остановившись на Качинском.– Я осмотрю лагерь и вернусь обратно! К этому времени в моем кабинете должны быть все лич-

ные дела главных смутьянов лагеря, в том числе и тех кто сидит в ШИЗО, а так же сотрудников, как вольнонаемных, так и служащих. Вам ясно?

– Так точно!– браво откликнулся Блинов с каменным лицом.

– Вот и хорошо!– процедил Коноваленко, чувствуя, как спину ему сверлит ненавидящий взгляд молодого Блинова, на которого он сорвался, как мальчишка. Кажется, я нажил себе очередного врага...Подумал он, захлопывая за собой дверь.

В коридоре было пусто. Лишь из соседнего кабинета слышались женские голоса и смешки. Дверь с табличкой «начальник лагеря» он прошел. Еще успеет осмотреть свои хоромы, решив заглянуть в медсанчасть, расположившуюся по соседству в административном корпусе. Прошел до конца коридора, прежде чем зайти к светилам лагерной медицины, где предстояло работать Валентине. Ничего интересного не обнаружил. Комната для допросов, кабинет начальника режима, кабинет начальника оперчасти, его кабинет, операционная, несколько палат и красный уголок, где царствовал Ковригин. Сам кабинет врача был прямо напротив его личного места работы.

Вот и хорошо, решил он. Будет под присмотром...Подумал он о Валентине. Толкнул дверь, заходя в процедурную. Смех мгновенно смолк. Две дамы в помятых грязно-белых халатах притихли, выжидательно смотря на большого на-

чальника, зашедшего в медсанчасть.

Коноваленко тоже не спешил представляться. Он внимательно осмотрелся, оценивая обстановку вокруг. Процедура была небольшой комнатухой, единственной в лагере имеющей некий более или менее одомашненный вид. Окно было занавешено легкомысленными занавесками в красно-зеленый цветочек. Узкий стол, за которым расположились медсестры, накрыт льняным покрывалом с бахромой по краю. Три полки на стене заставлены книгами и справочниками по медицине. Шкаф, набитый ретордами, склянками и неизвестного назначения пузырьками, запихнули в самый темный угол.

Две женщины сидели напротив друг друга. На столе накрыт небольшой стол. Сваренная в мундирах картошка, луковица и кусок сала, совсем мизерный, но, безусловно, вызывающий аппетит, после долгой дороги. Андрей непроизвольно сглотнул слюну. Две пустые рюмки, из которых несло спиртом, не оставляли шансов как-то иначе истолковать подобный обед, как пьянку в рабочее время.

Одна из медсестер осоловелыми глазами попыталась ему подмигнуть. Получилось плохо. А вот вторая, светловолосая, с бледными светлыми, почти белесыми глазами и короткой стрижкой, мгновенно поняла, кто он, среагировала быстрее пьяной подруги. И бутылка спирта тут же исчезла где-то под столом.

– Товарищ капитан...

– Сидите... – махнул он рукой, недовольно морщась. – Что за праздник нынче? – кивнул он.

– А ты кто такой, вообще... – пробомотала вторая, круглолицая, раскрасневшаяся с опухшим наглым лицом. Женщина попробовала встать, но закачалась, ухватилась за край шкафа, еле устояв на ногах.

– Товарищ капитан... Я все объясню! – вскочила та, что была потрезвее, подхватывая свою товарку под руки, чтобы та, не рухнула на пол.

– Иришка... Ну-ка... дай-ка я... Я ему скажу! – отмахнулась от помощи пьяная, размахивая руками. – Мы вообще приезд нового начальника отмечаем! Слышишь, куркуль, ХОЗЯИНА! Говорят... он из самой Москвы, из столицы к нам должен прилететь... Не то, что ваши из Мухасранска... ик... какого-то...

Коноваленко с улыбкой наблюдал за разворачивающейся вокруг сценой. Его приезд отмечали без него.

– Отведите ее куда-то, – проговорил он тихо, глядя на трезвую женщину, пытающуюся остановить поток слов из толстушки. Андрей с удовлетворением заметил, что эта женщина, хоть и была его ровесницей, но выглядела симпатично для своих лет, – пусть поспит... Потом посмотрим...

– Хозяин приедет... Он тебе покажет! Посмотрим... – прокричала на ходу толстушка, которую волокла в коридор довольно худенькая женская фигура Ирины, как ее назвала подруга. Дело для нее было привычное. Судя по сноровке, с

которой, та приступила к делу эвакуации.

Андрей вздохнул и сел на стул, где пьянствовали медики. От запаха горячей картошки подвело живот. Он лениво ткнул пальцем овощ. Чувствуя, как поддается под его ногтем спекшаяся кожица. Коноваленко воровато оглянулся и стал ее чистить, чувствуя, как под его руками картофель рассыпается. Только сейчас он понял, как проголодался. Жадно окунул в рассыпанную на бумажке соль и проглотил, наслаждаясь ощущение теплоты, разливающейся по телу бурным потоком.

– Товарищ капитан, заключенная Бергман Ирина Михайловна прибыла!

Он вздрогнул, услышав за спиной голос одной из медсестер. Густо покраснел, словно застигнутый за чем-то нехорошим. Торопливо прожевал картофелину, неловко смахнул крошки с рукава шинели.

– Вы ешьте! Ешьте! – подхватила Ирина, бросаясь к потрескивающей в углу буржуйке. – Мы еще, если что спечем...

– Спасибо... – смутился Коноваленко. Теперь, после проявленной слабости, и отчитывать за нарушения режима ее было как-то неудобно. Он встал, чтобы не выглядеть дураком, подтянул португую, opravил складки шинели.

– Что же вы не кушаете, товарищ капитан? – захлопала своими прозрачными глазами женщина. – У нас и согрется кое-что есть... – добавила она, пряча взгляд под редкие светлые ресницы.

– Да...я вижу,– улыбнулся Андрей, присаживаясь обратно. Смущение прошло. Видя это, Ирина мгновенно засуетилась, собрала на стол, выудив обратно склянку с медицинским спиртом, быстро и ловко сполоснув рюмку.

– Чем богаты...– развела она руками, усаживаясь напротив, по-бабьи подставив ладонь под щеку. Из-под белого платка, слабо стянутого на затылке выбивались жидкие прядки.

– И все же, что за праздник? – нахмурился Коноваленко, опрокидывая стопку в себя. Тепло разошлось по всему телу горячей волной. Он с чувством занюхал рукавом шинели обжигающий спирт и откусил немного хлеба, помакав его в соль.

– Да день рождение у Маруськи этой,– махнула рукой Ирина, куда-то в сторону,– я еще ей говорила, что рано сели, давай, вечера дождемся, начальство из Москвы приезжает. Ковригин – замполит наш с этапом вернется...А она. Нет, давай по чуть-чуть...Вот и вышло!

– По ней заметно, что по чуть-чуть...-улыбнулся Андрей. Он впервые за долгое время вот так вот свободно и легко общался с женщиной, не думая о Валентине.

– А вы...

– Ну да!– подтвердил Коноваленко, уже самостоятельно наливая себе полную рюмку.– Я и есть тот самый хозяин из Москвы!

Спирт расслаблял. Напряжение последних дней, нервы,

стресс после измены, все отходило на второй план. Оставалось только легкое потрескивание дров в буржуйке, да эти белесые внимательные глаза напротив.

– Простите нас, товарищ капитан!– смутилась Ирина.– Мы...

– Да, ладно! День рождение есть день рождение...А ты давно здесь?

– Год...До этого в швейном цеху была, а как узнали, что медицинский закончила, так Ковригин наш сюда и направил, в помощь, Маруське. Она-то вообще только санитаркой в больнице районной работала. Ничего не умеет, а врач наш еще полтора года назад умер.

– Умер?

– Зарезали его. За то, что вора одного не спас. Он в ШИЗО месяц проторчал, воспаление легких, отек, состояние критическое...Ну и...Итог один. А утром и Тимофей Ивановича нашли на крыльце зарезанным. Мол, в отместку...

– История...

– Ковригин ко мне клинья подбивал долго...Вот и сюда запихнул, чтоб поближе была,– вздохнула Ирина, отводя глаза.

– Подбил?– алкоголь расслабил Андрея, позволив задать бестактный вопрос, который он никогда бы не задал в трезвом состоянии, даже зэчке.

Их глаза встретились. Что-то внутри Коноваленко с треском переломилось, хрустнуло, будто сухая ветка под ногой.

Сердце забилося сильнее чем нужно, и он почувствовал горячую волну возбуждения, накатывающую на него с головой. Встал, опрокинув старый колченогий табурет, не сводя глаз с застиранного халатика, будто нарочно застегнутого лишь три нижние пуговицы. Ирина поднялась следом. Ее грудь вздымалась высоко, а тонкие пальцы, непохожие на пальцы заключенной, мелко дрожали, отбивая по столу непонятный такт.

– Нет...– выдавила она из себя, бросаясь вперед, в объятия Андрея, который не отстранился, да и не хотел этого делать. Вместе этого его ладони слепо зашарили по ее спине, а губы впились в тонкую полоску ее призывно открытых губ. Алкоголь, тепло, еда и какое-то наступившее внутреннее упоение сделали свое дело. Его трясло. Он излишне поспешно, чуть нервно сбросил с себя шинель, тяжело справившись с португеей. Прижал ее к себе, чувствуя ее призывное тепло. Ирина глубоко и протяжно застонала, подаваясь вперед, отдаваясь в его власть целиком и полностью.

Когда он прижал ее к стене, она лишь тихо подсказала, покрывая его небритое лицо поцелуями:

– Не туда... На стол...

Одним ловким движением Андрей подхватил ее за бедра и усадил на край обеденного стола. С грохотом перевернулась склянка, растекшись прозрачной лужицей на грязном деревянном полу, покатила следом за ней очищенная картошка и солонка с солью. Он мгновенно освободился от

ремня, немного жестким и уверенным движением, скользнув между ее ног.

– Люби меня...Скорее...– прошептала она, чувствуя, как он врывается горячим фонтаном в нее, заполняя до самых краев сладко-томительным ощущением мужчины. Его голова закружилась. У него так давно не было женщины, так давно не было близости. Ну и что, что она зэчка? Что у заключенных все не так устроено? Мелькнула у него в голове мысль. Движения Андрея стали порывистыми, грубыми. Старый стол отчаянно скрипел в такт с ними. Отзываясь в унисон со стонами двух любящих друг друга людей. Тело Ирины и капитана пробила дрожь. Он как можно сильнее вжался в нее, чувствуя женщину каждой клеточкой своего организма. Через пару минут все стихло. Они так и замерли, боясь нарушить наступившую оглушающую тишину, а за окном падал снег...Наступала настоящая зима.

ГЛАВА 11

– Значит, тут вы жить и будете...– сержант провел Валентину до узкого барака, затерявшегося среди нескольких десятков точно таких же, одинаково сбитых из плохо оструганных бревен сосны. Старое, почерневшее от времени и дождей крыльцо, было украшено прибитым к столбу умывальником. Женщина провела рукой по перилам, смахивая с него снег, заглянула внутрь. Вода в рукомойнике замерзла, покрывшись толстой полупрозрачной коркой льда. Усмехнулась и толкнула скрипучую полуоткрытую дверь, ведущую

туда, что в деревнях и селах называли сенцы. В них царил полумрак. В углу навалены колотые дрова, разбросанные по всему узкому предбаннику. Об один из лежащих брусков Валя споткнулась, больно ударившись ногой. Негромко, совсем не по-женски ругнуась, распахивая дверь в избу.

Барак был построен на отшибе, за линией колючки и периметра. С одной стороны он был ограничен лагерным забором, с трех других бескрайним морем зеленой тайги. Света внутри было мало. Две керосиновые лампы стояли по углам комнаты. Сержант, сопровождающий ее, проверил в них керосин, и, чиркнув спичкой, зажег обе.

Ничего удивительного и необычного в обстановке нового Валиного жилья не было. За свои тридцать восемь лет ей приходилось ютиться в еще более худших условиях. По левую руку от нее сложена русская печь, именно для этой громадины с лежанкой наверху были приготовлены дрова в сенцах. Она же являлась единственным источником тепла в холодном бараке. У окна стоял стол. На нем керосиновая лампа чуть поменьше, какие-то бумаги, покрытые плотным слоем пыли, чернильный прибор с перьевой ручкой. Листы исписаны крупным волевым почерком сильного человека. Валя провела ладонью по ним, смахивая пыль, решив, что обязательно их прочтет чуть попозже. На деревянной стене была прибита ручной сборки самодельная полка, на ней несколько столовых принадлежностей и кусок затвердевшей соли, обгрызанный со всех сторон мышами. Кровать спрятался в уг-

лу, поближе к печи, обычная панцирная с сеткой и тщедушным матрацом, свернутым несколько раз. На полу множества следов от грязных армейских сапог. Он почти весь истоптан десятком ног, если не больше.

Валя потянулась к единственному окну, чтобы закрыть форточку, сквозь которую тянуло сквозняком, но фрамуга, отсыревшая за столько времени, сгнившая на креплениях, осталась у нее в руках. Сержант виновато пожал плечами и кое-как приладил ее обратно.

– Завтра пришем бригаду, – торопливо пообещал он, ожидая разноса от жены высокого начальник, – она тут поправит все, щели заделает, да и дров подколет... Не лето, значит, на дворе...

Валя кивнула задумчиво прогуливаясь по комнате. Все ее мысли были далеко отсюда, рядом с Глебом, мамой, Сашкой... Все окружающее казалось ей лишь глупым смешным сном, который под утро кончится, она проснется, и как будто ничего этого и не было... Все останется лишь кошмаром, страшным ночным кошмаром, о котором она забудет, как только засветят первые лучи солнца.

Сержант втащил в комнату два чемодана, осторожно уложил их на кровать, в ответ гневно скрипнувшую всеми своими пружинами, словно обвиняя солдата в том, что он разбудил ее после стольких лет сновидений.

– На довольствие вас уже сегодня поставят, – замялся мужчина, не зная, как свернуть беседу и поскорее уйти. Жена но-

вого хозяина Темниковского лагеря казалась ему странной. Чудная какая-то... Думал он, глядя на красивое улыбающееся лицо. Ходит, смеется чему-то своему, а барака, будто бы не замечает. И все равно ей, где придется жить, и плевать на дырявые стены и отломанную форточку. Нет, у нее в ее мире ничего такого, – так что можете, товарищ военврач вместе с мужем в нашей столовой, значит, откусать... Ничего особенного, но вкусно и подомашнему!

– Спасибо! – кивнула Валентина, продолжая загадочно улыбаться чему-то своему.

– Ну, я, значит пойду тогда... – замялся на пороге сержант.

– Пойдите! – словно спохватилась Валентина. – Не могли бы вы растопить печь... Здесь зябко! – она поезжилась, кутаясь в пуховый платок, наброшенный на плечи, будто бы для красоты.

Головко вздохнул и побрел в сени. Набрал охапку поленьев, выбирая березовые, чтобы дольше тлели, давая большие угли. Быстро зачиркал спичкой, продув дымоход и разложив, как положено дрова. Через десять минут потянуло дымком, а еще через пять в печи приятно и подомашнему затрещало.

– Вы дрова подбрасывайте изредка! Через пару часов тут, как в бане будет, несмотря на щели, значит, – кивнул он на светящиеся полоски, сквозь которых пробивались солнечные зайчики у самого пола.

– Спасибо! – повторила Валентина, молчавшая все это

время, безмолвно наблюдавшая за работой сержанта.

– Я, значит, пойду... – кивнул на дверь сержант, отряхивая руки. Валентина только сейчас заметила, как непохожи на обычные и удивительны его пальцы, крупные, красные с мороза, раздавленные тяжелой крестьянской работой, как сосиски, с потрескавшейся кожей на складках, глубокими бороздами морщин и линий. Настоящие трудовые руки!

– Скажите, а что случилось с прошлым начальником лагеря? – уточнила женщина, хотя примерно знала ответ.

– Я не могу...

– Я никому не скажу! – мгновенно прервала Головка Валя.

– Расстрелян, – буркнул недовольно сержант.

– Я так и думала! Всегда одно и то же...

Запах ладана стал явственней. Сладковатый запах смерти за клубился на пороге, и только сбежавший от странной жены начальника Головка слегка разбавил его морозным стылым воздухом из приоткрытой двери. Она обреченно села на пыльный табурет, подперев обеими руками голову. Медленно сняла с себя берет. После долгой дороги, нервотрепки последних дней захотелось уснуть, закрыть глаза и не проснуться или проснуться где-то далеко отсюда.

В сущности Валентина понимала, что виновата. Виновата во всем случившемся, виновата... но глупое сердце тоскливо ныло, только представив в памяти образ влюбленного лейтенанта, который никак не хотел выходить у нее из головы. Клименко забрал ее покой, заставил поверить, что она тоже

может быть счастливой, кому-то нужной...И это полностью изменило ее мир.

Два чемодана так и остались у порога неразобранные. Коноваленко бросила на них косою взгляд, но заниматься домашними хлопотами не могла. Все падало из рук. Грустно...За окном повалил снег. Крупными мягкими пушистыми хлопьями он устилал чищенные дорожки лагеря, налипал на стекла, рисуя причудливые узоры, тут же примерзая. Мороз крепчал.

– Разрешите, товарищ военврач!– в дверной проем заглянула совсем молодая, усыпанная веснушками физиономия солдата срочника с читыми, как его совесть синими погонями, от вида которых Влаентину уже начинало подташнивать.

Она встрепенулась. Встала. Длинное пальто – подарок мужа на прошлый день рождения широкими полами подмело пыльный пол.

– Слушаю!

– Старший лейтенант госбезопасности Ковригин попросил, как только устроитесь, немедленно прибыть на карантин! Там этап новый пригнали. Осмотреть их требуется, да карточки оформить.

Как гинеколог будет осматривать мужчин, лечить их от обычных прозаических болезней, Валентина мало представляла, но все же кивнула.

– Для начала проводите меня в медпункт. Мне нужен халат и инструменты...– все же она когда-то проходила лечеб-

ное дело, некоторое время до знакомства с Андреем работала на скорой помощи и кое-что помнила по прошлой жизни. В крайнем случае, послушать легкие и записать пульс, она сумеет. Коноваленко двинулась за солдатиком, который оказался шустрым и ловким. Винтовка на плечо была чуть меньше его самого, но глаза горели юношеским задором и интересом. Как у Сашеньки... Подумала с грусть женщина, двигаясь между бараками за парнем.

Темнело... Ото рва слышались крики, кто-то перечислял фамилии, шла вечерняя поверка. Валя оглянулась, рассмотрев, как на ближнем к их служебному жилью, домом назвать это язык не поворачивался, огороженном плаце сгрудились неровным строем несколько десятка женщина разного возраста. Тонкие платки, лишь отдаленно напоминающие пуховые, жиденькие телогрейки и кирзовые сапоги, в которых ноги стыли по такой зиме почти мгновенно. О каком здоровье в таких условиях может идти речь? Подумала Валентина, решив, что нехватки работы у нее не ожидается. Да, может это было и к лучшему. Все же лучше, чем сидеть дома, мучаясь несбыточными надеждами и мечтами.

У крыльца в административный корпус солдатик остановился.

– Товарищ военврач, медицинский кабинет прямо и налево. Предпоследняя дверь по коридору, прямо напротив кабинета вашего мужа! Разрешите идти на вечернюю поверку?

– Идите! – махнула рукой Валя, которая успела продрог-

нуть от сырого пронизывающего ветра, бушующего на улице. Несмотря на не сильно низкую температуру, было холодно. Мокрый снег, валивший стеной, мгновенно намерзал на все вокруг. Вздохнув, Коноваленко поднялась на крыльцо, толкнув дверь в корпус.

Темно. Коридор ничем не освещался. Со страхом, с детства боящаяся темноты женщина шагнула внутрь и тут же загремела какими-то досками, споткнувшись о поленницу дров.

– Черт побери!– ругнулась она, перешагивая через поваленное топливо.

На шум в конце коридора выглянула худощавая светловолосая, короткостриженная женщина, с тонкими чертами лица, неприятной холодной улыбкой и тонкими губами. Голос у нее оказался чуть томным, хрипловатым, словно прокуренным.

– Кто там? Кого на ночь глядя принесло?– покричала она в темноту.

– Военврач Коноваленко!– отозвалась Валентина, пробираясь к свету.

– Ой, – всплеснула руками женщина в белом медицинском халате, – вы наш новый доктор!

Она тут же бросилась к ней, помогать. Подхватила под руку, провела вперед. Иначе Валентина непременно что-то себе сломала бы в полумраке коридора.

– А вы я вижу...– осмотрела Валечка ее, когда они подо-

шли к свету. Тусклому фонарю, висящему над дверью медпункта, как лампочка Ильича.

– Осужденная Бергман! Статья 58-я. Срок десять лет! Временно была направлена на работу в медпункт лагеря для оказания практической помощи военврачу.

– Имеете медицинское образование?– смерила ее взглядом Валентина, быстро окинув с ног до головы, как будто оценивала товар на рынке. С неудовольствием отметив, что и губы, подведенные свежей свеклой, размазались в уголках, халат помялся, да и след от чьей-то грязной мужской пятерни на бедрах остался. От женщины слегка пахло спиртным и... Этот запах секса сложно перепутать с чем-то другим. Валентина поморщилась, но промолчала, прокрутив это все у себя в голове.

– Да, гражданин военврач! Медицинское училище в городе Николаеве.

– Украина? – скривилась Валентина.– Я совсем недавно оттуда, из Харькова с мужем приехали...

Показалось ей, или при упоминании мужа глаза Бергман блеснули злорадством? К черту! Показалось! Андрей где-то на территории, дотошный, внимательный к мелочам, он скорее всего знакомится с новой работой.

– В Харькове я была проездом. Этапом...– потупилась Ирина.

– Ну, хорошо!– ободряюще улыбнулась ей Валентина, чувствуя, что своей фразой про Украину разбередила в мед-

сестре не самые приятные воспоминания.— Как тебя зовут?

— Осужденная...

— По имени?— прервала ее Валя.

— Ирина...

— А меня Валентина Владимировна. Нам еще вместе работать и работать! Не объявлять же каждый раз, что ты осужденная, право слово? Сколько ты уже отбыла здесь?

— Недолго... Три года,— с грустью проговорила Бергман.

— Вот видишь, еще семь лет! — улыбнулась Коноваленко.— Только у тебя есть хотя бы призрачная надежда выйти, а у меня ее похоже нет...— с грустью заключила она.— Так что у нас с инструментами, медикаментами? А то приказано неким Ковригиным осмотреть этап...

— Все там!— затараторила Ирина, провожая Коноваленку внутрь медпункта.— Ковригин — наш замполит. Молодой, а противный, скажу я вам, человек. Сам неопытный, им сержанты, как хотят крутят, но из политически правильных и благонадежных... Ой...— умолкла он, поняв, что ляпнула что-то не то.

— Говори, я сама с мужем из неблагонадежных...— со вздохом проговорила Валя, осматривая убогую обстановку медпункта, минимум лекарств и мебели. Одеда халат, в который можно было три раза укрыться. Рассмеялась.

— Этап это надолго! — со знанием дела сообщила Ирина, собирая в небольшой потертый саквояж фонедоскоп, трубку и пару градусников.— Смотри еще сколько зэков прибыло.

Бывало до ночи карточки их оформляешь...

Валя подумала, что это именно то, что ей сейчас надо. Загрузить себя работой по самую макушку, чтобы не думать, не мечтать и не видеться с мужем. Можно даже тут себе постелить... Прикинула она, глядя на узкую кушетку, сбитую из плохо остроганных досок. Главное матрац потеплее найти.

– Ты мне поможешь с оформлением!– то ли приказала, то ли попросила Валентина.– Я еще не в курсе всего...

– С удовольствием, Валентина Владимировна!– радостно подтвердила Бергман.– Я для этого здесь и нахожусь, чтобы помогать вам! У нас еще есть санитарка – Маруся из пятого отряда, но сегодня попросилась отлежаться. Температура!

– Ну-ну...– кивнула Валентина, направляясь к двери.

– Завтра будет, как штык, уверяю вас, Валентина Владимировна!– преувеличенно подобострастно пообещала Ирина.

– Губы вытри...– проходя мимо, проговорила будто бы невзначай Коноваленко.– Помада размазалась.

Бергман густо покраснела и рукавом мазнула по щекам. Валя молча взяла у нее из рук саквояж и кивнул на умывальник.

– Я подожду на крыльце. Черт его знает, где у вас тут карантин находится.

ГЛАВА 12

Все вокруг, все в лагере было для меня в новинку. Даже

то, что заключенным самим приходилось закапывать трупы своих сокамерников, повергло меня в настоящий, не сказать шок, но придало определенной жути этому месту, куда я попал.

Жизнь по ту сторону решетки оказалась на поверку точной копией происходящего за ней. Тут властвовала строгая иерархия, делящая людей на четыре примерно одинаковых по своей численности сорта. Первый – это местная элита, некое подобие ЦК партии, роль которой исполняли воры в законе и близкие к ним фартовые. Вторые – это люди попроще, сидевшие первый, в крайнем случае второй раз, выбравшие для себя нейтральную манеру поведения, простые работяги с завода, крестьяне от сохи, не имевшие желания делить людей на элитных и низшего сорта, те которые пахали на исправительных работах с утра до ночи, делая выработку не только за себя, но и за того парня, который ходил здесь в так называемом «отрицалове». Третий сорт людей – это те, кому не посчастливилось заработать хоть толику авторитета в лагере, попавшие сюда по статьям презируемыми в уголовном мире, будь то изнасилование, педофилия и прочие извращения. Таких сразу загоняли «под шконку». Они были некой прокаженной кастой, к которой нельзя было притрагиваться, разговаривать, принимать от них что-либо и всячески унижаемые. Таких было немного, но в каждом бараке, в каждом ШИЗО присутствовал такой, тоскливо смотрящий на остальную часть камеры из-за своего уголка подле парашаи

– ведра, которое выполняло в камере роль сортира. И четвертая часть обитателей хмурых бараков Темниковского лагеря ГУЛАГА – это работники сего учреждения, ставшие по воли своей профессии заложниками этой территории, огороженной колючей сеткой на нескольких гектарах бесплодной, неурожайной и неприветливой земли. Многие хотели вырваться отсюда, строили карьеру, планы, считали, что это всего лишь ступенька для чего-то большого, но по факту среди этих сосен и многовековых дубов, в тишине саранских болот пропадали, как и сотни тысяч своих подопечных, имея разницу лишь в том, что в огромном глубоком рву, наполовину заполненном талой водой, их тела не закапывали, устанавливая над каждой могилой деревянный крест с латунной табличкой, кое-как выгравированной в местной мастерской.

Обо всем об этом мне по пути в ШИЗО рассказал Качинский, которому за долгое время следствия по его делу, пришлось побывать в лагерях разного значения и формации. Арест его то отменяли, принося извинения, то снова начинали бесконечные допросы, от которых Лев Данилович устал и согласился написать чистосердечное признание.

– В какой-то момент, Саш, я решил, что так будет проще. Пусть срок идет хоть... Десять лет не так много, но и не так мало, чтобы оттягивать неизбежное. Может быть ты удивишься, но я все еще храню в душе надежду, увидеть свободное небо.

Он поднял вверх голову, на секунду остановившись, жму-

рять от мокрых серо-грязных снежинок, падающих с неба плотным дождем, и лицо его озарилось блаженной, почти счастливой улыбкой. Будто свободное небо уже висело надо головой.

– Чего замерли, как бараны, значит!– рявкнул позади сержант Головко. Мы шли в третьей шеренге, позади на нас наскочили, создалась толкучка.– Давай шевелились!

Сержант схватил Качинского за рукав телогрейки и грубо потянул вперед. Строй сломался. Конвоир зычно матерился, пытаясь навести порядок.

– Шевелись, голь перекатная!

Расстерянные, испуганные люди кое-как собрали себя в нечто подобие строя. За всем этим Кислый наблюдал с нескрываемым удовольствием и презрением, находясь чуть в стороне от всех.

– Чего стоишь лыбишься, значит?– заметил его Головко, заталкивая каждого на место.– Ну-ка бегом в строй! Или в ШИЗО захотел?

– ШИЗО нам дом родной, гражданин начальник!– лениво сплюнул на снег Кислов, занимая место со своими корешами в конце колонны.– Ты своими бубенцами на свою Матрену дома звенеть будешь, а здесь уважаемые арестанты идут.

– Я тебе сейчас покажу арестанта знатного, сука!– рявкнул Головко, замахиваясь автоматом на вора в законе. Тот ловко ушел в сторону, пропустив удар совсем рядом с головой, что еще больше взбесило Головко. – Ты чего борзеешь,

вошь лагерная? Ты на кого бочку катишь?

Кислый ощерился, приготовившись драться. Присел на полусогнутых, готовый к нападению. По его мягким, почти кошачьим движениям, было легко понять, что шансов у Головки никаких. Правая рука вора иногда склонялась чуть ниже, поглаживая голенище кирзового сапога, готовая мгновенно вырвать находившуюся там финку.

– Только подойди, сука мусорская!– прошептал зло вор, не сводя глаз с сержанта, опешившего и не ждавшего такой реакции от зэка, привыкший к тому, что они в основном покорны и бесправны.

– Ты это брось, Кислов, значит!– не очень уверенно уже сказал Головка.– Тебе с зоны не соскочить! Только срок себе новый, значит, наживешь...

– А мне места понравились, хочу тут лишний трояк покорячиться, начальник...– Кислый дернулся в сторону, сделав обманное движение, заставив отшатнуться в стороны и сержанта, и зрителей.

– Если сейчас нападет,– прошептал мне на ухо с горечью Качинский,– всем в ШИЗО париться минимум месяце...

– Зачем он это?– нахмурился я. Даже дураку было понятно, что из лагеря. Напав на конвоира не сбежать...Кругом вышки с пулеметами, охрана на КПП.

– Самоутверждается так...– вздохнул Лев Данилович.– Мы, Саша, попали в такое общество, где каждый пытается сразу показать то, на что он способен, чтобы авторитет свой

поддержать. А мы страдай...

– Трояком не отделаешься, Кислов!– покачал головой Головки, с перепуга перестав твердить через слово «значит».– Вышка без суда и следствия...

– А мы рискнем...– я уловил его резкое движение в сторону, краем глаза. Оно не оставляло шансов сержанту-увальню почти никаких шансов. Мгновенное, воздушное перемещение Кислового влево от противника, должно было принести за собой смертельный удар, если бы я в последний момент не выставил вперед ногу и сломал стройное, как росчерк пера движение вора. Тот споткнулся, потерял темп и тут же получил оглушительную зуботычину от Головки.

– Вот и все...– вздохнул сержант гневно пнув вора под ребра. – Делов-то...

Он, конечно, видел, как я подставил Кислому подножку. Бросил на меня короткий взгляд, в котором легко читалось спасибо. Подошел к обездвиженному вору, поймавшему могучий удар справа мужицкого кулака.

– С-сука...– процедил он. – В карцере сгною, тварь...

Оставшиеся в стороне от ссоры эки переглядывались между собой, мысленно просчитывая чем это всем им грозит. Тут уж каждый за себя, своя рубашка ближе к телу, никакого чувства плеча и товарищества, только грубый расчет и шкурные интересы.

Прихлебатели Кислового наблюдали за всем со стороны. Я поймал на себе гневный взгляд одного из них, но сделал вид,

что не заметил его. Мало мне проблем с Кисловым, теперь еще и с этими.

– Чего замерли, бараны?– будто бы очнулся Головко, хмуря косматые брови.– Кому сказано, шагом марш в карантинный барак! И без того на месте топчемся целый день.

Вокруг, действительно, начинало смеркаться. Длинные вытянутые тени многовековых сосен вытянулись вокруг лагеря в плотный забор. На сером небе засветилась луна, все еще бледная, но уже достаточно хорошо различимая. Подморозило. Промокшие ноги мгновенно почувствовали перемену погоды. Набрякшие от талого снега кирзачи стали колом, будто выструганные из дерева. Я переступил с ноги на ногу, пытаюсь вернуть ногам былую чувствительность.

– Шевелись, значит!

Подгонять этап больше не требовалось. Даже самые уставшие спешили спрятаться от промозглого сырого ветра куда-то в помещение. Строй двинулся внутрь территории лагеря, оставив бесчувственное тело Кислова на покрывшемся коркой снегу. Поймав мой взгляд, Головко добродушно пояснил:

– Подберут солдатики, не переживай, не замерзнет! Такую сволочь так просто не изничтожить, значит! За нападение на сотрудника ему ШИЗО положено на месяцок. Посидит в четырех стенах, одумается, значит...

Я кивнул, догоняя вырвавшегося далеко вперед Качинского, по одному виду которого можно легко определить, что

моих действий он не одобряет и против заигрывания с администрацией лагеря.

– Я понимаю, Александр, – произнес он тихо, как только я его догнал и занял место по правую руку в неровном строю от него, – что в ваших действиях в отношении Кислова говорил офицер НКВД...

– Бывший... – поправил его я, нахмурившись.

– Пусть и бывший, – легко согласился Качинский, – но такого вам воровское сообщество может и не простить... Таких тут называют ссученными! За такое полагается смерть!

– Я...

– Не надо оправдываться! Чисто по-человечески я вас понимаю... Но как зэк зэку скажу... Ходите и оглядываетесь. Ваша смерть бродит уже у вас за плечами.

Это было сказано таким загробным и серьезным тоном, что я невольно обернулся. По спине побежали мурашки. За всю свою недолгую карьеру в НКВД я был наслышан о могуществе воровской братии. Ходили слухи об их почти нереальном могуществе, что достать они могут любого обидчика хоть из-под земли. Связываться с ними не особо хотелось, особенно тогда, когда прекрасно понимаешь, чем то все может закончиться. О воровском мире в НКВД ходили легенды. Я усиленно попытался вспомнить все о чем мне говорили старшие товарищи, рассказывая байки о том, как настоящие воры ограничивают себя во всем, подобно отшельникам-монахам. Им нельзя иметь семью, детей, ничего, что могло хоть

как-то привязать их к чему-либо, извратив, сломав, заставить подчиниться воле оперативников. То, что самый обычный человек называет счастьем, воры признавали слабостью, и какая же воля должна была быть у них, чтобы отказаться от этого, какая вера в идеалы?

Я шагал следом за Качинским, меся промокшими ногами грязно-бурый снег, превратившийся в кашу. В ношенных сапогах хлюпало, а пальцы уже и не чувствовали колкого пронизывающего насквозь холода.

– Вот они... – аккуратно дернул меня за край телогрейки Лев Данилович, кивая куда-то в сторону.

На деревянном, почерневшем от постоянной непогоды крыльце сидели трое эзков, густо исписанных синими татуировками так, что в полумраке сгущавшихся над нами сумерек, они казались какими-то нереальными существами. Один из них, почти седой мужчина, в новеньком бушлате, скроенном и подогнанном точно по размерам, словно шившимся в дорогом ателье, сидел чуть повыше других, дымя ароматной самокруткой, и внимательно осматривая наш неровный строй перепуганных и до смерти уставших людей, от которых за версту несло крепким потом, воню давно немытого тела и стойким запахом несвободы.

– Кто? – уточнил я Качинскому на ухо. Слегка повернув голову. Наши глаза с главарем встретились. Его ядовитый, полный необоснованной злобы взгляд скользнул по моему лицу, будто оценивающе, как сквозь прицел винтовки.

– Воры... Они на работы общие не ходят. За них бригада, такие мужики как мы с тобой, да Федор со товарищами норму делаем... Запрещено им работать, вера не позволяет.

– Какая еще вера?– не понял я, отводя глаза в сторону, стараясь сделать так, чтобы это не выглядело трусостью. Тут надо было, как с волками, отвел взгляд, вся свора на тебя и бросилась. Смотришь прямо и открыто, ничего не боясь, волки признают в тебе настоящего достойного противника и обойдут.

– Обычная, воровская!– пожал плечами Качинский.– Сейчас только она и осталась...– с грустью добавил он, коснувшись груди, где, как я уже успел заметить висел тщательно скрываемый от посторонних глаз православный крестик на сухой пеньковой веревочке.

Мне оставалось только промолчать. Не мог я его понять, оценить и посочувствовать неприятию новой власти. Для меня выращенного в Советской России Россия императорская была чем-то далеким, эпохальным, но уже историческим... Для Льва Даниловича – огромным и, наверное лучшим, пластом его жизни.

– Пошевеливайся!– Головка завел нас за угол, где располагался карантинный барак. – Вход строго по одному! Там доктор вас осмотрит и примет решение...– он едко усмехнулся.– Сразу вас расстрелять или немного помучаетесь.

Строй рассыпался в стороны. Густой пар от взмысленных от долгого перехода людей клубами поднимался вверх

в иссинь-черное, затянутое плотными снеговыми облаками небо. Мы с Качинским присели в уголке на куче сваленных бревен, закурили, ожидая своей очереди. Молчали. Устав от разговоров за время долгой дороги этапа. Хотелось уже какой-то определенности, распорядка, забыться, прилечь где-то, дав уморенному телу немного роздыха.

– Заключенный Клименко!– позади нас стоял Головко. Все такой же бодрый и невозмутимый, будто не было у него длинного перехода от станции, драки с Кисловым и нудного брожения по лагерю.

– Заключенный Клименко,– вскочил я со своего места, наученный прошлым горьким опытом,– одна тысяча девятьсот...

– Будя...– махнул рукой сержант, прервав мой доклад в самом начале.– Пойдем, значит, со мной. Дело у меня есть к тебе...

Я растерянно оглянулся по сторонам, словно ища поддержки у Качинского. Но тот усиленно делал вид, что не замечает откровенного интереса сержанта ко мне, наслаждался последними крохами самосада, оставшимися еще с СИЗО, дымя в кулак.

– Так карантин же, гражданин начальник...

– Пойдем! Тут сторожка неподалеку. Разговор серьезный. А от карантина я тебя освобождаю...– хмыкнул сержант, направляясь куда-то влево, в бесконечный лабиринт бараков и административных зданий Темлага. Пришлось следовать за

ним, хотя даже сил шевелиться уже не было.

Спустя пару минут мы свернули еще куда-то, где в зарешеченном окне тускло светилась керосиновая лампа. Не постучав, Головко прошел внутрь, в импровизированных сенцах обметя веником хромовые сапоги от налипшего мокрого снега вперемешку с грязью. Немного стесняясь, я прошел за ним, стараясь выглядеть, как можно незаметнее.

В сторожке был лишь солдат-срочник, склонившийся над листом какой-то отчетности. Со старательностью первоклашки, он, словно на уроке чистописания, он выводил какие-то цифры, сводя дебет с кредитом. Увидев Головко мгновенно вскочил, вытянувшись по стойке «смирно». С чувством легкого превосходства, я увидел стоящую в углу винтовку, оставленную совершенно без присмотра. До нее было рукой подать. При всей моей подготовке мне хватило бы полминуты, чтобы разобраться и с сержантом и разъявленной срочником. Усилием воли я сдержался. А что потом? Ну захвачу я их в заложники, и? Наша система исправительных учреждений столь жестока и беспринципна, что не задумываясь пожертвует двумя своими винтиками для сохранения системы, а дальше просто «вышак» и... Жалко только мать... Скрипнув зубами, я отвернулся от оружия. Головко безусловно все просчитал и заметил этот взгляд.

– Волчонок... – одобрительно осклабился он, доставая из ящика стола завернутый в промасленную газетку «Правда» кусок домашнего сала и корку хлеба. – Молодец, что не бро-

сился,— похвалил он, нарезая сало толстыми ломтями, от запаха которых у меня резко подвело желудок,— никаких шансов... Одним сержантом больше, одним меньше... Система, таких как мы не жалеет.

Это уж точно! Согласился мысленно я, не сводя глаз с крупных, как сосики заскурузлых пальцев, ловко орудующих с продуктами.

— А это лишний раз подчеркивает, значит, что умный ты паренек, Клименко. Ешь!— подвинул он ко мне поближе нарезку.

С трудом проглотив комок слюны, я наблюдал за ним, так и не притронувшись к еде. Хотя с голодухи хотелось есть до ужаса.

— Раз умный, значит понимаешь, что Кислов теперь не успокоится, пока головушку твою на циркулярке не отрежет и всем на всеобщее обозрение не выставит... Воры — твари мстительные... — Головка с удовольствием вонзился крепкими желтыми от курева зубами в мягкую мясную прослойку, захрустел луковицей.— Ходи и оглядывайся! Но я человек, значит, добро помню... Выход хочу тебе предложить...

Я мысленно напрягся, подспудно ожидая чего-то подобного. Ох, не зря Лев Данилыч меня отругал за мой опрометчивый поступок. Ох, не зря!

— Место тебе тепленькое выговорим, значит... Хочешь в каптерке, хочешь в кочегарке, хочешь в столовой. Спасем одним словом! Мы своих не бросаем, значит...

– А взамен?– нахмурился я, уже представляя к чему подводит этот хитрый хохол, мнящий себя самым умным на свете.

– Что где услышишь, увидишь... Ты нам тихонько, дай знать!– улыбнулся Головко, заканчивая со своим куском сала.– Оно и тебе легче срок мотать, и нам подспорье, значит. А администрация таких людей, как ты любит, УДО им оформляют раньше срока, поблажки всякие. Ты не смотри на нашего Ковригина. Он мужик неплохой, добро помнит, как и я, значит...

После такого поворота кусок с салом в горо не лез. Меня вербовали, вербовали в стукачи и сексоты, при чем особенно не стесняясь в средствах и методах. Пойти на такое, означало подписать себе смертный приговор не только со стороны воров, но и мужичья, которое пока в стройные ряды моих врагов еще не записалось и держалось нейтрально.

– Я подумаю...– выдавил из себя я, опуская глаза в пол.– Разрешите идти, гражданин начальник?

Головко молчал, уставившись своим рабоче-крестьянским тяжелым взглядом мне в переносицу. И этот взгляд не предвещал мне ничего хорошего. Уж это я чувствовал всеми фибрами своей испуганной души.

– А сало что ж?– кивнул он на нарезанные ломти, к которым я так и не притронулся.

– Благодарствую, устал с дороги нынче! Кусок в горло не лезет...– выпалил я, пряча глаза.

– Ну-ну...– ехидно улыбнулся Головкин.– От карантина, как и обещал, значит, я тебя освобождаю, доложишь своему бригадиру, а над предложением моим советую все же подумать...Времени, пока воры очухаются, а Кислов выйдет из ШИЗО у тебя совсем немного.

Я кивнул выбегая в сени, чувствуя, как горит от стыда мое лицо. А может это был не стыд и за долгий переход его просто обветрело? Но чувствовал я себя, дорогой проституткой, которую почти купили на всю ночь за кусок сала. А ведь готов был Клименко, подлая твоя душа? Знал на что идешь? Только обосрался от страха в последний момент, как гимназистка перед минетом. Тьфу ты! Корил я себя, шагая в сторону карантинного барака.

ГЛАВА 13

ТемЛаг был особым местом, как и множество лагерей ГУ-ЛАГА, в нем удивительно причудливым образом были собраны, как самые лучшие представители нашего общества, образованные, умные, сообразительные люди, так и его отбросы, вроде маньяков, убийц, воров в законе, установивших в исправительной системе тридцатых годов строгую иерархическую систему своих собственных ценностей, особый порядок взаимоотношений и общения. Именно этому порядку, воровскому, а не административному было подчинена лагерная жизнь Темлага. Еще впереди был переломный момент, когда вернувшихся с войны солдат пачками отправляли в колонии, чтобы подавить систему. Еще далеко была «сучья

война», еще правили бал воры в законе, густо исписанные татуировками, ботающие на особом языке, таком притягательном и опасном одновременно.

Один из таких воров по кличке Седой сидел на корточках подле пылающего в котле огня в кочегарке, подставляя теплым струям воздуха свои стылые с мороза ладони, наслаждаясь обжигающим жаром, идущим от пламени. Рядом с ним, чуть поодаль накрывали небольшой стол его верные «шестерки» Малина и Мотя. Один из них ловко нарезал расписной финкой луковицу, второй чистил картошку, насвистывая что-то бравурное, домашнее, что-то из прошлой жизни.

– Что этап?– немного согревшись, проговорил Седой, отходя от огня подальше, усаживаясь к столу на сложенные друг на друга колотые полена.

– Как обычно...– пожал плечами Мотя – высокий арестант в короткой, с чужого плеча телогрейке. – Работяги, политические...

– Кислый с этапом пришел,– добавил Малина, являющийся полной противоположностью своего напарника, маленький, ловкий, подвижный, словно шарики ртути и смертельно опасный. В его тонких пальцах финка даже не играла, пела в такт с движениями кисти.

– Кто таков будет?– нахмурился Седой, припоминая что-то. За почти пять лет в лагере, он сумел построить здесь все так, что контакт был найден практически со всеми группировками, мотающими срок. Все они считались с его мнени-

ем, все приходили на суд именно к нему. Менять положение с приходом другого авторитетного человека Седов не соби-
рался.

– Хвалится воровством своим... – хмыкнул Мотя, подавая печеную картошку своему главарю. – Этап трещит, что в отрицалове он.

– Еще до карантина попытался напасть на Голову! – подхватил Малина, дую на обожженные пальцы. – За что схватил пятнадцать суток ШИЗО.

– На Головку? – рассмеялся вполне искренне Седой. Слава за бесстрашным сержантом-сверхсрочником ходила по лагерю недобрая. Если бы тот выбрал себе другую профессию, пойдя по воровской дорожке, то непременно стал бы тем, кого нынче называют отморозками. Дерзкий, ловкий, он ничего не боялся, заставив даже Седова уважать себя за отчаянный и справедливый характер.

– Ну да... – кивнул Мотя. – Я поспрашивал походил... Люди видели, как с финкой на него бросился! Если бы не паренек с этапа, подставивший подножку Кислову, то еще надо было бы посмотреть кто кого.

– Интересно!

– Еще как...

– А что за паренек?

– Тут вообще темная история, Седой! – подхватил разговор Малина. – Сразу после стычки Голова этого паренька захомутал к себе. От карантина освободил, от больнички тоже.

Увел в каптерку. Минут двадцать они там вдвоем провели... Салагу оттуда выперли. Так что о чем трещали неизвестно.

– Интересно девки пляшут,– проговорил Седой,– похоже что Голова решил захомутать паренька.

– Паренек бывший чекист!– пояснил Малина с серьезным лицом.– Знающие люди говорят, что сам кого хочешь захомутает! Так что Голова скорее всего с вербовкой пролетел. Как фанера над Парижем.

Мотя коротко хохотнул, поддерживая товарища. Поздний ужин практически готов. Вор вытер руки о чистенький платочек, выуженный из карманов телогрейки, протерев аккуратно и острое, словно бритва, лезвие финки.

– Чекист говоришь...– задумавшись проговорил Седой, прикусив губу, почесывая правой ладонью, украшенную табуировками перстней на волосатых пальцах.

– Приемчики всякие знает. Этап говорит, что он уже второй раз с Кислым сцепился. Так что вор, если он вор, когда выйдет из ШИЗО, вправе требовать правило! Мужик против вора идти не должен.

– Это если Кислый – вор!– нахмурился Малина, проглатывая печеную картошку практически не пережевывая, целиком. Отчаянно задышал, хватая ртом холодный воздух.

– А что, есть сомнения?– вскинулся Седой.

– Назваться вором может каждый,– с серьезным видом пояснил Малина,– а статус его подтвердить может только общество.

– И то верно,— быстро согласился пахан зоны,— вы вот что...Ребятюшки... Пробеите мне этого Кислого! Телегу во все зоны отправьте, найдется кто за него впряжется, значит судить будем Чекиста. Не оправдает своего авторитета...— он замолчал, выразительно взглянув на финку Моти, которая лежала рядом с вором на столе. Подручный перестал жевать, поймал взгляд главаря и понимающе кивнул.

– За такое на ножи ставят!

– Не гони лошадей, Мотя, всему свое время,— улыбнулся Седой. В его голове уже почти сложился некий хитроумный план, в котором главные роли были зарезервированы и для Чекиста, и для Кислова.

Замолчали. Сухо потрескивали дрова в огромной раскаленной до красна печи, обеспечивающей теплом главный корпус администрации. ТемЛаг только обустроивался, становился на ноги, приобретая зловещую славу одной из самых страшных тюрем ГУЛАГА времен СССР.

– А Чекист-то что?— нарушив молчание, когда картошка с луком исчезли со стола, оставив приятное тепло в пополнившем желудке. Разлили чифир в кружку, поделив полную пачку с продовольственного склада почти пополам. Одну в металлическую закопченную кружку, другую про запас, на утро.

– Чекист...— улыбнулся Седой, разминая затекшие от долгого сидения конечности.— Чекист нам будет нужен! Его пробить надо, проверить на вшивость. Моть!

– Сделаем!– кивнул вор, блеснув золотой фиксой в полумраке комнаты, озаряемой только лишь отблесками горящего пламени, пробивающегося через неплотно задвинутое поддувало.

– Только не сам... Найди «шестерок» каких-то! Если он нам подходит, то они с нами никак не должны быть связаны. Наоборот, наша гоп-компания должна выступить благородными спасителями несчастных и угнетенных, как Айвенго.

– Кто?– не понял Малина.

– Книжки читай, болван,– разозлился Седой, укладываюсь на жесткие нары, покрытые толстым слоем хорошо высушенной соломы.

– Он и читать-то не умеет!– хмыкнул Мотя, гордящийся тем, что имел за плечами целых три класса мужской гимназии.

– А ты сам чего?– вскочил со своего места вор.

– А ну, ша! По шконкам, ворье!– в голосе старика прорезался металл, и оба его подручных мгновенно сникли. Уж они-то точно знали, что шукти с вором в законе плохи. Несмотря на довольно преклонный по зонавским меркам возраст, Седой был все еще крепок не только умом, но и телом.

ГЛАВА 14

В карантине было довольно прохладно. Валентина зашла туда, когда уже почти стемнело, позади нее следовали Бергман с потрепанным чемоданчиком, оставшимся от предыду-

щего доктора. Барак был забит до отказа. В центре его, на самом видном месте располагался стол, на углу которого аккуратной стопочкой лежали личные дела вновьприбывших эков. Несколько десятков томов, за каждым из которых стояла чья-та непростая судьба, чья-то поломанная жизнь. Где-то точно так, толпясь у стены бесформенной толпой, ждал своей очереди на медицинский осмотр и ее Сашка...

После мысли о Клименко, женщина вздрогнула, изменившись в лице. Боль все еще была яркой и острой, опровергая утверждение, что время лечит. Ничего оно не лечит, лишь только немного притупляет осознание того, что самая большая любовь ее жизни исчезла, и, возможно с ним, она больше никогда не увидится.

– Товарищ военврач, – молодой лейтенант Ковригин, топтавшийся возле стола, мгновенно вскинулся, приняв положенную стойку. Отряхнул небрежным движением шинель, поправив тугой пояс, стягивающий его ладную фигуру, – лейтенант Ковригин, позвольте представиться... – со старомодностью, свойственной дореволюционным франтам он легко и непринужденно поклонился, уступая ей место за грубо сложенным столом. – А мы вас уже заждались... – его слащавая, немного заискивающая улыбка неприятно кольнуло Валу, она кивнула Бергман и заняла свое место.

– Мой муж будет непременно оповещен о выраженном вашем недовольстве, – коротко и строго бросила она, накидывая на плечи накрахмаленный халат, забирая со стола пер-

вое дело.

Ковригин побледнел, изменившись в лице. Хмуро кивнул. Поворачиваясь к экам, томящимся в уголке под пристальным присмотром вертухая из срочников.

– Чего вылупились, бараны?!– заорал он на них, срывая досаду.– Ну-ка, стали в шеренгу по одному! А то, столпились, как стадо!

Лениво и не торпося, хихикая над неудавшимся флиртом гражданина начальника, заключенные медленно разбредались по комнате. Их раздели почти до гола еще в сенях. Теперь разутые, грязные, с покрасневшей от легкого вечернего морозца гусиной кожей, они морщились от холода, нагло рассматривая доктора с медсестрой. Многие из них провели в СИЗО достаточно времени, чтобы основательно соскучиться по женским ласкам и обществу. В глазах почти всех Валентина заметила некий похотливый огонек, который с еле заметным напором ощупывал ее ладную фигуру, будто бы рентгентом. От такого неприкрытого ничем животного желания, она опустила глаза в первое личное дело, стараясь сосредоточиться на работе.

– Кульшаков Валерий Антонович!

Из толпы вышел крепко сложенный мужчина с коротко-стриженным ежиком седых волос на голове. Мозолистые ладони выдавали в нем честного работягу, место которого где-нибудь в колхозе на посевной, а не здесь в Богом забытом Темлаге, где собрались все отбросы советского общества.

– Держать дистанцию в три шага!– громко оповестил его Ковригин, заняв место на подоконнике, закулив ароматную самокрутку, чем вызвал неприкрытую зависть у всех заключенных.

Кульшаков даже не повернулся. Только замер, низко опустив голову. Валентина вздрогнула от осознания того, сколько обреченности было в его положении. Плечи опали, а глаза... Глаза, будто были наполнены невыносимой тоской два серых озера.

Она пролистала его личное дело. Рост, вес, статья... Так... Кульшаков Валерий Антонович осужден на двадцать лет строго режима за убийство собственной жены. Валентина бросила короткий взгляд на зэка, так и не проявившего никаких признаков заинтересованности в своей дальнейшей судьбе.

– Жалобы есть?– быстро спросила она, махнув рукой Бергман, чтобы провела быстрый осмотр. Молчание...

– Жалобы, гражданин Кульшаков, есть?– повысила голос Валентина.

– Отвечать, когда спрашивают, быдло деревенское!– Ковригин почти моментально оказался за спиной зэка и приставил пистолет к его голове. Глухо щелкнул взводимый курок.

– Нет жалоб...– буркнул тот. Голос его казался хриплым, словно прокуренным.

– Свободен!– кивнул удовлетворенно Ковригин, убирая

оружие обратно в кобуру.

– Следующий!

– Осужденный Мартынов!– прочитала следующую шапку на личном деле Валентина.

Из строя вышел молодой парень лет двадцати. Глаза его испуганно бегали по сторонам. Он , будто сам не понимал, за что и почему тут находится. Вале стало его жаль. Она решила самостоятельно осмотреть его. Встала из-за стола и направилась к полуголому замерзшему мужчине, дрожащему под злыми взглядами остальных.

– Игорь Матвейч?– уточнила она, осматривая его спину на предмет чиреев и какого-нибудь дерматита.

– Д-да...– выдавил из себя парень.

– Отвечать, как положено!– рявкнул позади Ковригин, устало смотрящий на этап. Сколько их прошло через его руки? Сколько еще пройдет? Сколько не вернется из ТемЛага к своим родным, близким? Устал...Дальняя дорога, почти через всю страну, долгий переход, потом еще карантин. Лейтенант в данный момент мечтал лишь о том, чтобы это все побыстрее закончилось, и он смог наконец-то уснуть долгим, спокойным сном.

– Так точно, гражданин начальник!– наигранно молодежато отрапортовал парень.– Осужденный Мартынов, статья...

– Ну, хватит, хватит...– улыбнулась Валентина. Сейчас он ей напомнил о ее Сашке, который возможно где-то далеко,

вот точно так же стоит в карантине дл медицинского осмотра, неловко переступая с ноги на ногу, мучаясь от нестерпимого обжигающего холода.

Врач обошла его по кругу. Стала напротив, выискивая помимо воли любимые черты лица. Нет...совсем непохож...Черноволос, смугл, словно цыган.

– Откройте рот!

Алое нёбо говорило о том, что парень болен. Ангина поразила агланды, и, налившись мелкими язвочками, готовилась опуститься ниже, перерастая в бронхит.

– Что это у вас?– наклонилась Валя поближе, пытаюсь рассмотреть величину поражения. И вдруг крепкая мужская рука ловко провернула ее вокруг своей оси, разоврачивая спиной. Стальные пальцы, казавшиеся со стороны по-детски тонкими и слабыми сомкнулись на ее шее, больно сдавив гортань, так, что стало трудно дышать. Она успела только приглушенно вскрикнуть. Ощувив острую боль в горле.

– А ну, всем стоять!– из робкого потерянного паренька Мартынов превратился в опасного рецидивиста. И это превращение произошло столь быстро, что никто даже не успел опомниться.

– Мартынов...Ты чего?– Ковригин расстерянно положил руку на кобуру, но остановился на половине пути. Оружие сейчас было бы бесполезно.

– Осужденный Мартынов, прекратить! Отпусти военврача!

– Стоять, падлы!– истерично взвизгнув, проорал парень, толкая Валентину ко входу.– Стоять , или хотите, чтобы я ей кадык вырвал? Стоять сказал!– окликнул он уже конвойных, направивших на него свои винтовки.

Страх парализовал Валу. Ноги подкосились, а тело била крупная дрожь. Сердце колотилось так, словно хотела выпрыгнуть из грудной клетки и зажечь самостоятельной жизнью.

– Значит так, суки мусорские...Вы мне даете уйти из лагеря, а я этой фифе ничего не сделаю, ясно? Попробуете выступить, башку ей сверну, мне терять нечего...

– Мартынов,– поднял примирительно руки Ковригин.– Подумай о себе, ведь расстрельную статью себе шьешь! Отпусти ее, и мы забудем об этом печальном инциденте!

– Как же!– улыбнулся парень, который теперь мало напоминал того робкого мальчишку, вышедшего из строя для осмотра, которого Вале стало жаль, который отчасти напомнил ей Сашку.– Забудут они! Весь этап гудит, что она -жена нового хозяина. Мне так и так – вилы! А тут есть шанс побарахтаться...Открыли дверь, ну!

Он чуть сильнее сдавил горло Вали, отчего так задохнулась и вскрикнула.

– Стой!– остановил его Ковригин.– Откройте дверь!

Один из конвойных-срочников метнулся к дверям, распахивая их настежь, впуская холодный сырой воздух, мгновенно растворивший остатки тепла, хранящиеся в комнате.

– Иди...

– Товарищ лейтенант...– протянул удвигленно один из конвойных.

– Отпустить!

– Так-то лучше, начальник!– улыбнулся Мартынов.– Мне нужен беспрепятственный выход из зоны, тряпки какие-то и еда! Пока мне это все не предоставят, баба останется со мной.

– Все будет...будет... Только не нервничай!

Ковригин успокоился. Был шанс! Мизерный, но был! Риск огромный, но не выпускать же этого урку из зоны? Когда тот окажется на просторах бескрайних Мордовии, то прикончит военврача, и ищи потом ветра в поле. После такого ни о какой карьере и речи для лейтенанта быть не могло. Погоны улетят вместе с головой. Риск все же огромный...

– Иди...Я отдам распоряжение, чтобы тебе открыли ворота!– глухо кивнул Ковригин, опуская руки вниз, будто бы поправляя пояс, а на самом деле медленно приближаясь к открытой кобуре. Вырвать пистолет-секунда, навести и попасть, так чтобы не задеть чертову бабу, в сто раз сложнее.

– Так-то лучше! В цвет, начальник!– он потяну Валентину за шею, направляясь к выходу, стараясь не поворачиваться спиной к напряженно замершим конвойным.– Так-то лучше...

Пора...Рука лейтенанта метнулась к поясу, вырывая оружие из кобуры. Пальцы скользнули по открытому клапану,

чувствуя всей кожей рифленую рукоять именного оружия. Секунда! Он еще успел увидеть расширенные от испуга зрачки Валентины, понявшей что он собирается делать.

Он почти не целился. Старался почувствовать противника, работая на инстинктах. Только так можно было попасть. Только так выиграть в этой дуэли нервов. Глухо шелкнул выстрел. Обдав лицо Ковригина облаком пороховых газов. Бергман закричала. Голова Мартынова дернулась назад, обдав фонтаном крови замершею Валентину. Он все же попал, снеся половину черепа одним метким выстрелом. Зэк закачался. Глаза его залило бурой кровью. Он еще секунду смог выстоять, а потом рухнул на пол, потянув за собой Валу, наблюдавшую за этой сценой, словно бы со стороны. Сознание женщины резко помутнело, желудок подпрыгнул к горло, а пол с потолком неожиданно поменялись местами. Она ощутила, что падает вместе с убитым зэком, но не в силах совладать с собой, потеряла сознание.

ГЛАВА 15

За время до наступления окончательных сумерек Кононенко сумел обойти почти весь лагерь. Для осмотра своих новых владний он отправился без сопровождения, в гордом одиночестве. Нужно было подумать, поразмышлять, определиться с чего начать. Что сделать в первую очередь, что во вторую, а что оставить напоследок.

К своей вынужденной ссылке он стал относиться философски, сохраняя искреннюю ненависть лишь к виновнице

всех его бед – жене Валентине. Ну, и что с того, что в который раз придется начинать с начала? Первый раз что ли его жизнь выбрасывает на обочину, со всего маху ударяя о камни? Нет... Не первый и даже не второй. Вся его судьба – это сплошная борьба, борьба против обстоятельств, течения, направления... Сколько Андрей себя помнил, он все время двигался против, не подчиняясь волне, не отдавая себя на волю обстоятельств. Чего же теперь руки опускать и раскидать? В молодом советском государстве возможно все! Для того они его и строили, чтобы, как говорил товарищ Ленин, каждая кухарка могла управлять государством. Как сняли, так и повьесят! А ему что? Ему остается все принять и понять, как было много раз до этого...

Сколько раз? Он задумался, шагая по полутемным лагерным проулкам, месяя промокшими насквозь хромовыми сапогами мокрый снег, превратившийся в жуткую липкую кашу, смешавшись с грязью.

Первый раз в совсем молодом возрасте, когда торговал арбузами на рынке, возя их из далекой деревни в город на скрипучей телеге с полудохлой лошадкой. С нуля до самых вершин он смог подняться этого рискованного кооперативного предприятия. И что только с ним по дороге в родные Васюки не случилось! И грабили, товар отбирали, и деньги крали, и на рынке обманывали более предприимчивые перекупщики. И ничего! Сдюжил... Чего уже теперь-то ныть, пеная на судьбу.

А когда повзрослел, когда заинтересовался идеями большевиков? Когда младший брат Дмитрий затащил в его боевую ячейку? Когда ему впервые доверили перевести типографию на новое место? Тогда Андрея чуть не пристрелили жандармы. В пылу перестрелки ему удалось спастись и сохранить столь важный печатный станок.

Что дальше? Дальше революция... И он снова поплыл против течения! Против власти, самой главной в России – самодержавной! Первым поврался к генерал-губернатору и обещал его публично повесить на площади, если тот немедленно не сложит полномочия и не передаст всю полноту ее советам народных депутатов. А если темная лошадка, под названием большевики, проиграла? Что тогда было с ним? Каторга показалась бы раем!

Гражданская... Самое страшное время, когда брат идет на брата, отец на сына и все воюют против всех. Иногда на этой непонятной, жуткой войне даже не было четко очерченной линии фронта. Где свои, где чужие – не разглядеть в чаде дымовой завесы от оружейных залпов. И все же Андрей разобрался! Занял именно ту сторону, которую нужно было, хотя тоже плыл против течения.

И потом каждый раз в его жизни, будто бы некто подсказывал, помогал, легонько направляя в необходимую сторону... Валентина... Воспоминания о жене принесли боль. Острую еще незажившую до конца рану, будто бы расковыряли острым ножом. Он поморщился. Остановился и заку-

рил, с наслаждением втягивая ароматный дым папиросы, отсыревшей по такой влажной погоде.

Валентина... Любил ли он ее? Скорее она была неким призом в долгой и длинной игре под названием жизнь, почетным бонусом, который он получил, пройдя длинную дистанцию, обретя по итогу практически все, что хотел, а вот нет уж... Распишитесь, получите... Вот вам еще подарочек товарищ комиссар третьего ранга!

Любил ли он ее? Андрей даже сам себе не мог ответить на этот вопрос. Коноваленко с сожалением затушил окурок, оглядываясь по сторонам. Вышки, забор, колючая проволока и яркий, почти слепящий свет прожектора... Куда его привела эта любовь, если это была она? В тюрьму?

Бывалые работники ГУЛАГА, прошедшие много лет на должностях в лагерях по всей стране, в кулуарах управления шутили, что непонятно кто кого охраняет в этой системе, то ли зэки нас, то ли мы зэков... Ведь чувство несвободы, отрезанности от реального мира преследует не только сидельцев, но и их охранников.

Валентина... Мысли о жене переметнулись к медсестричке Ирочке. Что это было сегодня в ординаторской? Желание отомстить? Мелочно, подло поступить, как это сделала она? Или все же чувство, достойное внимание? Скорее плотское желание... Желание обладать женщиной, владеть безраздельно прекрасным телом, механический голод, который надо было удовлетворить. Казалось бы, куда проще, потра-

хались и разошлись, но Андрей чувствовал, что его тянет к Бергман и в своей голове для простой интрижки он зарезервировал для нее слишком много места.

Коноваленко встряхнул головой, отгоняя мутные мысли. Стоило подумать о работе. Лагерь ему понравился. Его предшественник был крепким хозяйственником, поставившим все производство на широкую ногу. Цех по производству мебели, пусть недорогой, но добротной. На одном из стульев Андрею даже удалось посидеть, ради эксперимента. Был здесь и литейный цех, где в огромных плавильнях растекался красным липким жаром алюминий, из которого позже в формах изготавливали ложки, вилки и миски с кружками для комбинатов общественного питания по всей стране. Швейных цех относился к женской части зоны. Барышень в ТемЛаге сидело немного, но и они были заняты делом: мастерили робы, шили рукавицы рабочие, вообще приносили пользу. От их бригадирши, крепкой дородной женщины по имени Пистимея, он узнал, что их вскоре доржны передать этапом куда-то севернее, где открывался лагерь, сугубо для женщин, со своим специфическим производством, но вот, когда это случится – никто не знал. То ли у управления о них позабыли, то оказии какой не было.

Все это было рассказано Андрею без утайки, даже слегка доверительным шепотом. Здесь, в швейном цеху Коноваленко особенно понравилось. Уютная какая-то была там, домашняя атмосфера что ли? Он даже не стал журить девчат за

легкомысленный занавесочки в цветочек на окнах. Махнул рукой, улыбнувшись, и пошел дальше.

– Товарищ капитан! Товарищ....– его окликнули, выдернув из собственных мыслей. Андрей обернулся на крик, увидев бежавшего по проулку, со всех сторон окруженному гнилыми бараками, солдата-срочника. Шапку свою он где-то потерял. Запыхался. Глаза то ли испуганные, то ли слегка свихнувшиеся....Дыхание сбито, будто бежал из далека. Час от часу не легче! В первый день его прибытия! Неужели побег? Мелькнула предательская мысль.

– Там... Там...– он махал рукой назад, пытаясь отдышаться.– Товарищ... Там...

– Да говори ты толком, черт тебя побери!– рявкнул Коноваленко, сердцем чувствуя недоброе.– Смирно! Равняйся!

Рефлексы сработали, как надо. Все ж строевая подготовка – вещь замечательная! Вбитые в голову через ноги навыки работают и в самых экстремальных ситуациях. Паренек выпрямился, выпучив глаза, вытянувшись в струнку. Затих, пытаясь унять сердце, бешено колотящиеся после сумасшедшего бега.

– Докладывать по форме!

– Товарищ... Товарищ капитанн госбезопасности! Там...

– Да что там стряслось?

– Там на карантине вашу жену этапник...

Коноваленко побледнел. Схватился за сердце, слегка покачнувшись. Кровавый туман застелил глаза.

– Жива она!– поправился солдатик.– В заложники взял!

– Тьфу ты, б..ть,– выдавил из себя Андрей. Он даже сам от себя не ожидал подобной эмоциональной реакции.

– Я в окно смотрю, а он ее за шею схватил, Кричит сломаю шею! Там лейтенант Ковригин с ними, пара наших... Ну, а я руки в ноги и за вами!

– Молодец, боец! Благодарю за службу,– заторопился капитан,– где это произошло?

– Тучочки... В карантине... Она...

– Веди!– коротко приказал Коновлаенко, бросаясь за отдышавшимся солдатиком следом.

Ноги утопали в мокром снегу, но он не ощущал холода, лишь противную тянущую тяжесть в левой стороне груди. Дыхание стало хриплым, прерывистым, все уже не молод... А этот, неодобрительно глянул он срочника, скачет, как сайгак. Что с Валея? Бунт? Подавить? Или просить помощи? Мысли метались в голове, обгоняя одна другую, совсем не поспевая за быстрыми ногами паренька, ныряющего в проулки лагеря, слившихся в одно сплошное черное пятно для Андрея.

– Постой...– выдохнул он, чувствуя, как сердце готовится выпрыгнуть из груди.

– Уже на месте, товарищ капитан,– поправляя шинель, бросил солдат, зачерпывая красной ладонью грязный снег и вытирая выступившие крупные капли пота на лбу.

– Почему... Почему не поднята по тревоге дежурная сме-

на?— рывкнул, оглядевшись Ковноваленко.— Где караул? Где все, мать вашу?! Где Ковригин? Головка?

— Там...— указал рукой на распахнутую дверь карантина срочник, опасливо косясь в ее сторону.

Андрей шагнул вперед, каждый раз преодолевая естественный страх, увидеть в полумраке карантина страшное.

— Выноси эту тварь! Пошевеливайся, бараны!

Ему навстречу двое солдат несли полуголое тело зэка. Руки раскинуты в стороны, безвольно повиснув плетьюми, по пальцам сочится тонкая струйка крови, оставляя на грязном снегу красный след.

— Стоять!— приказал Коноваленко, двигаясь к ним. Неизвестно как, у него в руке оказался пистолет. Именно им угрожая, он остановил ошалевших от последних событий срочников. Они замерли, держа на вытянутых руках покойника, голые волосатые ноги которого волочились по земле, прорезая глубокие борозды в первом снегу.

Андрей взглянул на убитого. Посреди лба зияла своей чернотой пулевая отметина. Отверстие еще дымилось, выплевывая судорожно из раны сгустки бордовой крови. Глаза зэка были открыты, непонимающе уставившиеся в вечернее небо.

— Он?— коротко спросил Коноваленко, отворачиваясь.

— Так точно, товарищ капитан!— на пороге карантина появился сам Ковригин, лихо поправляющий сползшую портупею.— Он жену вашу за горло схватил, мол, свободу ему

подавай. Пришлось рискнуть...

Лейтенант, явно довольный собой, кивнул на дымящееся пулевое отверстие.

– Не поверите, на стрельбах один раз из десятка попадаю, а тут навскидку, с лета...– Ковригин тараторил, пытаясь унять нервное напряжение последнего часа. Чтобы хоть как-то успокоиться, он закурил, лишь с третьей спички.

– Волчара еще тот! Из работяг, но сидел “ по мокрому”...Жену свою с любовничком топором пришил...

– Ты стрелял?– выдохнул Коноваленко, только сейчас понимая, что Валентина благодаря безрассудным действиями политрука на какие-то минуты оказалась на волосок от смерти. Стоило руке лейтенанта дрогнуть или пистолету дать осечку...Думать про это не хотелось. Сразу два чувства схлестнулись в голове у Коноваленко в этот момент. Жгучая злоба на самого себя, что все же несмотря ни на что, он переживает за супругу, и ненависть к Ковригину, который так легкомысленно позволил себе рискнуть жизнью жены своего начальника.

– Товарищ капитан,– Ковригин выбросил недокуренный окурочек, словно почувствовав перемену настроения командира.

– Выговор за неполное служебное вы у меня получите...По партийной части обещаю нешуточные неприятности, сразу предупреждаю! – прошипел, сверля взглядом его, Андрей.

– За что?– искренне не понял Ковригин.

– За то, что зэки у вас, что хотят, то и делают! Того смотри и ко мне в кабинет завалиться толпой!

– Я...

– Молчать! Где она?

– Там...– обреченно кивнул Ковригин в темный провал коридора.– Истерика. Ей Бергман что-то вколола...

Ни слова ни говоря более, Коноваленко направился внутрь. Как только он скрылся в карантине. Ковригин решил сорвать злость на так и стоящих с трупом срочниках.

– Чего замерли бараны? Или на “губу” сесть захотелось? Тащите его к рвам! Быстро!

В карантине пахло лекарствами. Остальной этап уже разогнали, еще до прихода Коноваленко, Головки вывел их в отдельный барак, чтобы на маячили на глазах. В комнате были лишь Ирина с Валей.

Супруга сидела в углу комнаты, закрыв плотно лицо руками, рыдала. Худенькие плечи вздрагивали в такт прерывистым рыданиям.

– Ну, тише...Тише...Все же обошлось!– приговаривала Бергман, поглаживая Валентину по спине.– Все прошло! Все уже прошло...

Коноваленко негромко кашлянул. Ирина поймала его взгляд и выпустила Валю из своих объятий.

– Я, наверное, пойду...

Она мигом собралась, захватив с собой какой-то саквояж

со стола. Обожгла Андрея глазами, плотно прикрыв за собой дверь. Андрей молчал, стараясь не смотреть на рыдающую жену.

– Ты как?– выдавил он из себя, отводя глаза в сторону. Темное пятно на земляном полу выдавало точнее всего место произошедшего.

Голос мужа, будто бы отрезвил Валентину. Она встрепенулась. Вытерла слезы, боясь показаться ему слабой и беспомощной. Нет! Ее он такой не увидит!

– Нормально! Сейчас все пройдет...

Держась за стенку, она встала. Слегка покачиваясь подошла к столу. Расстрепанная, зареванная. Усилием воли Андрей сдержал желание ее обнять.

– Как так вышло?

– Подошла на осмотр. Он схватил за шею...– Валя потеряла гортань, на которой уже начали краснеть отпечатки крепких мужских пальцев. У нее всегда была нежная кожа, на которой оставались следы. Должны были остаться и следы их утех с Клименко.

При мысли о ее любовнике злоба снова всколыхнула его сердце. Затмила голос рассудка, и вместо объятий, он с наигранной небрежностью процедил сквозь зубы:

– Потянуло на голых мужиков? – понимая, что поступает неправильно, он не мог сдержать душившую изнутри его ревность.

– А то!– улыбнулась заплаканная Валентина. И даже не

успела убраться голову, когда звонкая оглушительная пощечина прилетела ей справа. Боль обожгла кожу, лопнула губа, ненароком попавшая под удар. Женщина отшатнулась, упав на стол.— Как и тебя на голых баб... Думаешь я не видела размазанную помаду на губах Бергман?

— Слушай, ты!— Коноваленко пробила дрожь. Он мгновенно оказался рядом с Валентиной и схватил ее за запястья. Грубо встряхнул, как тряпичную безвольную куклу, желая сделать ей, как можно больнее, до хруста сжимая челюсти, чтобы сдержать крик.

— Бей! Что же ты...— открыто взглянула она ему в лицо.— Бей! Лучше смерть, чем такая жизнь с тобой!

Андрей медленно выдохнул. Отпустил хват, давая супруге волю.

— Рад? Или сам не дам, и другому не дам? Убей, пусть меня закопают во рву вместе с этим... Бей! Ты же здесь “хозяйин”, тебя прикроют! А про жену скажешь, что пошла в лес по грибы, да сгинула. Ты же для этого меня сюда за собой притащил? Чтобы восстановить репутацию гулящей женщины? Бей! Я его все равно люблю! Слышишь! Люб-лю!

Коноваленко побледнел. Слова Валентины резанули его, будто острый нож по едва начавшей заживать ране. Снова и снова... Все больнее и больнее...

— Бей!

Он молча развернулся и побрел к выходу. Его плечи как-то уж слишком обреченно обвисли. В мгновение ока он по-

старел на много десятков лет вперед. Вале даже стало его жаль.

– Что же ты?!– прокричала она ему в след, но входная дверь тихонько скрипнула закрываясь, не в силах объяснить самой себе почему, женщина разрыдалась. Муж просто ушел, так и не закатив скандала...

ГЛАВА 16

Когда я вернулся назад, весь осмотр уже прошел. Зэков загнали в один барак, в котором мгновенно стало душно от большого количества невымытых, грязных вонючих тел, заполнивших маленькое помещение. Вся наша хибара представляла собой длинное узкое, словно пенал, сбитое из неоструганных, необработанных досок строение. Сквозь широкие щели в стенах падал свет от прожекторов на вышках. В противоположном конце барака виднелось зарешеченное маленькое окошко, над которым покачивалась в такт сквозняку керосиновая лампа. По обеим сторонам высились нары, сколоченные кое-как, в три яруса, на каждом из которых грелись испуганные люди, кутаясь в свои потертые обмотки. Лишь возле окошка подручные Кислова, откуда-то взяв тюк сена, расположились более или менее комфортно. Я осмотрелся в поисках Качинского с отцом Григорием, поймав на себе напряженный взгляд воря, которое лишившись своего главаря, все же не решилось на обострение конфликта, проводили меня, сверля глазами, но промолчали, многозначительно кивая.

Товарищи по несчастью заняли место в середине. С удивлением и благодарностью я заметил, что нары для меня они тоже забронировали в соответствии с возрастом. Отец Григорий расположился внизу, Качинский на второй полке, а мне достался третий ярус. Я молча проследовал к ним, напряженно о чем-то беседующим.

– А я говорю, что ушел он красиво... Разом отмучился... – спорил Лев Данилыч, разгоряченно размахивая руками. – Тебе завтра еще лес валить, да деревья таскать. А ему уже ничего и не надо... Закопали и забыли.

– Грех это, Лёва... – качал головой батюшка, пытаюсь сильнее закутаться в телогрейку. – А если бы он врачуху эту порешил? Ведь была в его глазах какая-то обречённость? Или Ковригин, упаси Господь, промахнулся? Что тогда?

– О чем речь? – присел я рядом с ними, только сейчас чувствуя, что несмотря на внешнюю духоту по ногам ощутимо тянет холодом.

– О, Саша... – обрадовался отцу Григорий, расправляя свою шикарную бороду. – А мы думаем куда ты пропал? Уже тревожиться начали...

– В основном отец Григорий! – едко усмехнулся Качинский.

– Головка вызывал, – коротко пояснил я, не желая распространяться про вербовку.

– Стучать склонял? – понятиливо кивнул бывший белый офицер.

– Вроде того!– отмахнулся я.– А у вас какие новости?

– Медосмотр прошли...

– Не то слово!– хмыкнул Лев Данилыч, поглаживая худой живот, выглядывающий из-под потертой телогрейки.– Отобедать бы сейчас...Косулю в трюфелях, да вина для согрева...Годика этак восемьсот какого-нибудь.

– Эка, тебя понесла нечистая! Хотя от кагорчика я бы тоже не отказался.

– Стоп!– остановил я их вялую перебранку.– И что было на медосмотре?

– Один из Фединых парней доктора захватил,– начал рассказывать Качинский, устраиваясь поудобнее на жестких нарах, на которых как не повернись, а сук все равно упирался тебе куда-то в бок,– грозился шею сломать, если с лагеря его не выпустят живым и здоровым...

– И что?

– Голову Ковригин ему прострелил. Отличный выстрел!– похвалил Качинский.– Метров с пяти прямо между глаз, аккуратненько так...Это я тебе. Как бывший офицер говорю.

– Дела...

– Ах, какая же там доктор...Помню в Юго-Западной Пруссии у нас тоже такая была сестра милосердия. Любо-дорого глянуть!

– Грех это...– заканючил свое отец Григорий.

– Какой же грех, батюшка?– возмутился Качинский, улыбаясь. Любил он подтрунивать над своим старшим товари-

щем.— Коли природой так заложено у нас? Не хотел бы, Господь, чтобы мы размножались, сделал бы нас бесполоыми. Ан, нет...

— Грех все ж...

Слушать дальше их перебранку я не стал. Усталость от сегодняшнего тяжелого дня взяла свое. Я подтянулся на руках и кое-как взобрался на третий ярус, почти под крышу. Откуда весь барак был виден, как на ладони. Испуганные, уставшие безмерно люди медленно засыпали. Все тише становились разговоры, все сильнее холодало. На скрипучей проволоке керосиновую лампу швыряло из стороны в сторону под порывами ветра. Именно под ее надрывный скрип я уснул, наплевав на боль в бока от неоструганных брусьев.

Всю ночь мне снилась Валентина... Вдвоем мы с ней гуляли по парку Горького. Наблюдая, как малышня резвится на качелях и аттракционах. Вокруг слышался детский смех, царило веселье и оживление. Валечка тоже была в приподнятом настроении. Она шутила, смеялась, держа меня крепко за руку, без умолку болтала, изредка зарываясь лицом в букет, подаренных мною ромашек. Сон был добрый, приятный, и оттого пробуждение от резкого окрика дежурного оказалось почти шоковым.

— А ну-ка подъем, скотина безмозглая!— заорал он, остановившись на пороге барака, уперев руки в бока, грозным взглядом осматривая всех нас. Позади него клубился холодный морозный пар. За ночь ударил мороз, температура опу-

стилась почти до двадцати ниже нуля, и в бараке ощутимо похолодало. – Подъем, я сказал! Вас наше Отечество, Родина ваша, твари тупоголовые, не расстреляла за проступки ваши только для того, чтобы вы ей пользу приносили, обезьяны африканские, а не дрыхли, как бояре, до обеда!

С трудом я продрал глаза, ощущая, что сильно за ночь продрог. Тело немного колотило ледяная дрожь, заставляя кутаться в щупленькую телогрейку почти по шею. Ниже меня заворочался Лев Данилыч, отец Григорий уже занял свое место внизу, тер заспанные глаза, привыкший за срок в СИЗО к таким экстремальным побудкам. Помятая борода торчала в разные стороны.

Я осмотрелся. Барак медленно просыпался, что, безусловно, нервировало нового конвойного. Его я видел первый раз, крепко сложенный, нагловатого вида, с лихо сдвинутой шапкой-ушанкой почти на затылок. Он хамовато окинул нас взглядом, сонных, замерзших, заспанных, а потом неожиданно для всех достал пистолет и сделал выстрел в потолок. Потянуло пороховой гарью.

– Встать, твари!

Это подействовало. Люди зашевелились. Забегали, располагаясь у своих нар в нестройную шеренгу. Дождавшись порядка, конвойный удовлетворенно хмыкнул.

– Зовут меня гражданин начальник, в обычной жизни Василий Васильевич Щеголев! С сегодняшнего дня и до конца вашего пребывания в нашем гостеприимном ТемЛаге я бу-

ду вашей мамкой и вашим папкой!— он шагнул вперед, критически осматривая строй.— работники из вас, конечно, никакие, но дельный материал иногда попадаетея...— он остановился напротив меня и осмотрел с головы до ног. Кивнул довольно и прошел дальше.— Все ваши домашние привычки оставьте дома! Тут вам не воля, тут лагерь! И лагерь живет по своим законам. Здесь не важен ваш статус, ваши былые заслуги, ваши регалии, тут вы — никто! Даже не животные! Бесправная скотина, которую я хочу убью, хочу помиловать... Ясно?— остановился он напротив подручных Кислова в воровском уголке.

— Базара ноль, гражданин начальник,— сверкнул золотыми фиксами один из них.

— Вот и славненько!— улыбнулся Щеголев.— Думаю, что со вступительной частью мы закончили на сегодня.— Пора и честь знать! Родина доверила вам очень важное дело... Стране нужна древесина, на тетрадки, книжки всякие, дома и школы строить! А значит что? Нам выпал наряд на заготовку леса. Кто-нибудь раньше валил лес?

Строй молчал, напряженно переглядываясь между собой. От Щеголева будто бы веяло какой-то подлостью. Я с интересом отметил для себя, что в расширенных от полумрака карих зрачках плескается некая мутная водица, отдающая сумасшествием. От этого стало жутковато, и я передернул плечами, готовясь к самому худшему. Нет ничего хуже, чем идиот, которому дали власть в руки, а, судя по словам, граж-

данина начальника, у него этой власти в данный момент над нами было хоть отбавляй.

– Научитесь, дело нехитрое... – подмигнул он отцу Григорию, потрепав того за плечо. – И такие здоровые бугаи прячутся от честного труда по церквям, да храмам! Правильно говорил Владимир Ильич, религия – это опиум для народа. Ты знаешь, тварь, кто такой Владимир Ильич?

Священник кивнул, поморщившись. От Щеголева отчетливо несло свежим перегаром, который почувствовал даже я, стоявший чуть поодаль.

– А ну, двинулись искуплять, скотина безмозглая, грехи ваши! – сорвался он на визг, пнув ногой подвернувшегося ему под ногами молодого паренька, занявшего место на нарах левее нас. – Двинулись, двинулись, пока стрелять не начал...

Строй уныло зашевелился, будто один целый неповоротливый организм, ломая и без того нестройную шеренгу. Двинулись вперед... Кто-то с тяжелым вздохом, кто-то с недовольным шепотком. Интересна все же наша исправительная система. Вместо того, чтобы учить добру, понимать и ценить прекрасное, она до конца доламывает и без того разбитую вдребезги психику преступников своим скотским отношением к личности, собственному мнению и самовыражению. Много кого выйдет и этих застенков на волю? Вряд ли... Но те кто выберется отсюда, наплевав на все тяготы и лишения, сцепив зубы дотерпит до конца желанной “десятки”, те уже

никогда не смогут быть такими, какими были раньше! В каждом встречном им будет чудиться враг, в каждом прохожем вот такой Щеголев, только и мечтающий лишь о том, чтобы избавиться от нетрудоспособного балласта.

Под ногами захрустел покрытой тонким слоем наста слежавшийся снег. Ноги, и без того околевшие за ночь в ледяном бараке, мгновенно ощутили этот цепкий холодок, скользнувший по подошве.

– Ничего! Согреетесь, твари!– хмыкнул Щеголев, заметив мое недовольство.

Стараясь не смотреть в его сторону, еле сдерживаясь, чтобы не смолчать, я стал осматриваться по сторонам. Лагерь понемногу оживал. Из длинных бараков спешили на работу, такие же как и мы бедолаги, только еще более похудевшие, очерстневшие не только обветренным суровыми мордовскими ветрами лицом, но и душой. Каждый, из встреченных мною взглядов, нес в себе острую подозрительность, открытую ненависть и готовность ко всему. Эта серая, унылая обреченность, скользкая у всех в глазах, больше всего поразила меня. Сосущая до боли в груди серость, будто поглощала тебя, засасывала внутрь, заставляя сердце уныло тянуть где-то с левого бока.

– Интересно, а далеко нам маршировать, господа?– огляделся по сторонам Качинский, когда ворота лагеря оказались далеко позади. На входе к нам пристроились четверо автоматчиков из числа срочников. Один держал на поводу

огромную кавказскую овчарку, непрерывно зыркающую на нас своим внимательным карим взглядом.

– А Бог его знает... – вздохнул отец Григорий, внимательно посматривая себе под ноги, боясь каждый раз подскользнуться на скользкой тропинке, натопанной множеством ног.

– Разговорчики в строю! – рявкнул Щеголев, который, будто опытный сторожевой пес, скользил вдоль строя, оказываясь то с одной, то с другой стороны от него, прислушиваясь к негромким разговорам и сбитуму дыханию заключенных. – А ты, “контрик” – обратился он к Качинскому, сжав до бела узкие тонкие губы, – ну-ка, обратись к своему товарищу, как положено! Как в нашем социалистическом государстве определено! Ну-ка! Нет у нас господ и бояр больше! Нет! У нас все товарищи... Говори, сволочь! – он мгновенно подбежал к Льву Данилычу и выдернул его из строя, своей огромной пятерней ухватив за отворот телогрейки. И без того дышащая на ладан ткань с треском порвалась, оставив целый клочок в лапах Щеголева. – Говори, тварь! Я таких как ты в восемнадцатом на фронте... Я из вас фарш... Говори, сука!

В этот момент я даже позавидовал спокойствию Качинского. Ни один мускул не дрогнул на лице офицера после такого обращения, ни одна мышца не пришла в движение, чтобы дать сдачи. Вместо этого он оправил фуфайку и невозмутимо поинтересовался:

– Нас, это таких же как мы, бесправных зэков, которые вам и ответить толком не могут, гражданин начальник? Их

вы в фарш уделывали? Или это было, когда фронт немцам сдали, свалив по домам под жинкин бочок?

– Да я тебя... – лицо Щеголева перекошило. Он дрожащей рукой достал пистолет из кобуры, путаясь в застёжках. – Я тебя “контру”...

Я видел, как Качинский прикрыл глаза и замер, вдохнув полной грудью. Он хотел этого! Желал смерти! Избавления от этих постоянных мук и унижений!

– Господи, упокой душу грешную... – тихонько рядом со мной прошептал отец Григорий. Хотел перекреститься, но в последний момент отдернул руку, вспомнив, чем это может грозить.

К счастью Льва Данилыча это страшное желание понял и Щеголев. Пересилив себя, он убрал оружие обратно в кобуру, сплюнув от негодованию в сторону.

– Быстро хочешь соскочить, тварь белогвардейская... – зло проговорил он. – Красиво и быстро! Хрен тебе! Стать в строй...

Вздыхнув, медленно и неторопливо Лев Данилыч занял место рядом со мной. Лицо его было сосредоточено и серьезно, и совсем не от мороза, бледно.

– И что это было? – поинтересовался я, когда Щеголев убрался в хвост колонны.

– Значит еще не время... – коротко проговорил Качинский, пряча глаза. Ему было стыдно за свою слабость, за свое унижение, но и поделаться с этим, как и многие из нас, он ни-

чего не мог. Разве, что Морозов на медосмотре, но фартит так только раз в жизни. Выстрел! И все...И что там дальше? Темнота? Боль? Или, как говорит, отец Григорий, цветущие сады, полные фруктов. Разнеженные барышни в полупрозрачных накидках, любующиеся ярко-алым закатом? Вряд ли...Скорее я поверю в котлы и скворчащую на огне смолу, чем в такую пасторальную картинку смерти.

– Стоять!– резкий крик, словно свист хлыста над головой, заставил меня вздрогнуть и вжать в голову в плечи. Мимходом мелькнула мысль, что вот Сашка...И ты понемногу принимаешь правила игры, становишься похожим на них, испуганных, жалких, замерших, и как ты не строй из себя непобедимого и несгибаемого, суровая система все равно тебя сломает, перекурочит и выплюнет.

Позади нас догонял небольшой «опелёк» на подножки которого висел знакомый нам по этапу лейтенант Ковригин. За рулем высилась громада невозмутимого старшины Головки.

– Стоять! Щеголев!

Напуганная ревом мотора, овчарка прижала уши и зло завывала, потряхивая косматой почти что львиной гривой.

– Смирно, твари!– коротко бросил в нашу сторону Щеголев, поправляя форму.

Строй облегченно выдохнул. Кто-то попробовал присесть, но поймав недовольный взгляд конвойных, тут же принял положенную при встрече начальства стойку.

– Догнал...– выдохнул Ковригин, вытирая шапкой мокрое

лицо. Тонкие жидкие волосы на его головы слиплись от пота, от красных по-детски оттопыренных ушей шел горячий пар. – Во сколько же ты их выгнал, сучий сын, на работу? – прыгнув с подножки «опеля», обратился он к Щеголеву.

– Да хер с ними товарищ лейтенант. Раньше начнут, больше сделают, чего с ними церемониться-то? Они, небось, с нами не цацкались бы, коли их правда вышла?

Замполит лагеря, недовольно поморщился, учуяв как и я, стойкий запах перегара от стоящего перед ним сержанта, который то ли еще не протрезвел, то ли еще не опьянел, находясь в той стадии, когда ему и сам черт не брат!

– Опять бухал, Щеголев? – хмуро окинул его недовольным взглядом Ковригин, шагая к нашему неровному строю.

– Никак нет! Я...

– Да слышно же, дубина ты деревенская, значит! – сзади появился старшина Головкин, как всегда бесшумно шагая, как кошка, даже по хрустящему насту. – Сколько, значит, тебе будет товарищ лейтенант твердить-то? Не бухай, Вася, не бухай милый! Крякнешь же... От самогону проклятого!

– Я...

– Хватит, – прервал их спор лейтенант, ища глазами в нашем строю кого-то. – Сдохнет -закопаем! Они... – он кивнул в нашу сторону. – Закопают! А «белку» схватит, так я сам пристрелю, как пса шелудивого!

– Виноват, товарищ лейтенант...

– У вас все прошли медицинский осмотр и карантин, то-

варищ сержант?– ухмыльнулся Ковригин, наконец-то обнаружив меня взглядом.

– Так точно! Все! Кроме Морозова...– перспектива быть пристрелянным лично замполитом отнюдь не обрадовала Щеголева. Хмель, как рукой сняло, и теперь он пытался усиленно вникнуть в смысл вопросов лейтенанта.

– Уверены?

– Так...– хотел было отрапортовать сержант, но почуяв подвох замолчал.– Не могу знать!

– А зря...Свой отряд надо знать! Тем более таких ярких и выдающихся личностей, как гражданин Клименко...

Ковригин остановился прямо напротив меня, буравя меня напряженным взглядом. Свой я отводить не стал, упрямо таращась ему куда-то в переносицу, избегая пытливых карих глаз.

– Клименко! Выйти из строя!

– Клименко Александр Сергеевич 1917 года рождения статья 58 часть «б», срок 10 лет без права переписки,– среагировал я, стараясь кричать, как можно громче и четче. Это правило при озвучивании твоей фамилии вдалбливают еще в СИЗО.

– Вот этот красавец у тебя медосмотр и не прошел...– покачал головой Ковригин, осматривая меня со всех сторон, как цыган лошадь на ярмарке.– А если , не дай Бог, он у тебя триппером болен? Или хуже того сифилисом каким, а?

– Так мужики кругом,– сплюнул Щеголев на снег вязкую

желтую слюну, обнажив прокуренные крупные зубы.

– О! Зэки – такие скотины, что куда свой болт вставить за- всегда найдут!– ухмыльнулся лейтенант, закуривая аромат- ный «Казбек», от духа которого закружилась голова настоль- ко ароматным был запах. Легкие, соскучившиеся по никоти- ну, несколько раз судорожно сократились.– Ты только отвер- нись, как начнут сношаться по чем зря...– он подло хихик- нул, выпуская ароматное колечко.– Шучу...А может и нет! Вообще забираю я его! Осмотрят и в лагере работу подыщу до конца дня, чтобы не шатался без дела. Очко, например, сполоснуть?

Подельники Кислого негромко хохотнули где-то в перед- ней части строя.

– Разговорчики!– рявкнул оглушительно громко Головки. Смешки мгновенно стихли.

– Шагай!– кивнул в сторону машины Ковригин.– Повесе- лил бы я тебя утренней пробежкой, да времени нет. Ваши дела еще отсортировать надо, перебрать...А доктор требу- ет...Так что поедешь, как парень, со всеми удобствами.

Дважды меня упрашивать не пришлось. Если выбирать перспективу провести весь день на промозглом ветру, на улице, с уже окоченевшими ногами, валя сосны, высотой с трехэтажный дом, и теплом автомобиля, а потом и медпунк- та, то я без особых раздумий выбирал первое. И неважно, что потом будет со мной, что пылливый извращенный ум замполита придумает после, главное, что на какое-то мгновение,

на еле заметный миг я окажусь в тепле.

В машине было даже слегка жарковато. Пальцы в кирзовых сапогах мгновенно стали оттаивать, превращаясь из хрупких льдинок в нечто человеческое. Жар разлился по всему телу, а впалые щеки заалели.

Меня усадили вперед, рядом с водителем. Ковригин расположился сзади, а Головко уселся за руль, слегка качнув на рессорах автомобиль всем своим весом. Повернул ключ в замке зажигания и сухо заметил, косо поглядывая на меня:

– Не балуй, значит... У замполита ствол в руке. Дернешься, мигом продырявит.

Для подтверждения его слов, Ковригин передернул затвор «ТТ», глухо щелкнувший прямо у меня под ухом. Да и плевать! Куда здесь прикажете бежать? В лес? Это верная смерть от холода! Без одежды, без еды. Я не пройду по этим дебрям и с километра, а пущенные по следу собаки, мгновенно возьмут меня, как только я сорвусь в побег. Вариант с заложником? Головко вряд ли на эту роль подойдет. Ковригин? Этот вообще обладает стальными нервами несмотря на юный возраст, его так просто не напугать. Оставалось лишь расслабиться и попробовать согреться.

Машина аккуратно покачивалась на рессорах. Головко водил аккуратно. От чего у меня тут же стали закрываться глаза. Тело мерно покачивало из стороны в сторону, под ногами натекла огромная лужа потаившего снега, но мне было все равно хорошо. Еще бы жрать, так бы не хотелось...

– Ты же вроде парень разумный, Клименко,– начал изда- лека замполит, едва мы въехали в широко распахнутые во- рота лагеря,– слышал, что случилось с Морозовым вчера?

Я кивнул, стряхивая с себя блаженную слабость, отгоняя сон.

– Так вот... Ты же не повторишь его ошибки сегодня? Вер- но?– голос Ковригина был спокойный и уверенный. Он силь- но преобразился с того момента, как вернулись с этапа в ла- герь. Здесь он был, словно дома, в своей тарелке, где каж- дый вопрос и угол ему знакомы. И если в вагоне создавалось ощущение, что он молодой сопливый лейтенант, а Головки опытный подчиненный, то теперь все складывалось наобо- рот. Здоровенный сержант покорно выполнял все возмож- ные приказы замполита, как верная собачонка, а значит, там, в вагоне, они зачем-то ломали перед зэками комедию. За- чем? Задумался я. Скорее всего, чтобы Ковригина считали своим парнем в доску. Не принимая в расчет в случае чего, а сам лейтенант, как выяснилось, всего лишь валял дурака, будучи в действительности опасным, как гремучая змея.

– Верно, гражданин начальник...– выдавил я из себя, по- сле минутного молчания. Машина подъехала к широким крыльцам карантинного барака, взметнув задними колесами снежную пыль.

– Вот и хорошо, Клименко,– улыбнулся Ковригин,– я так и думал. Ты же из наших?

– Я оперативник!

– Да к черту! Оперативник, замполит, старшина, кум, хозяин... Все мы из одной службы вышли, из НКВД. Должны понимать друг друга с полуслова...

– Про понимание я уже говорил с гражданином сержантом, – буркнул я, выходя из автомобиля, краем глаза заметив, как во весь рот улыбается Головко.

– Жаль... – вздохнул Ковригин, пряча оружие в кобуру. – Такой перспективный кадр пропадает. Мы б тебя, Клименко, библиотекарем у нас сделали! Слышишь? В тепле, книжки читать, молодец из женского лагеря за жопу щупать? Может согласишься, а?

– Нет, товарищ лейтенант, – рассмеялся Головко, глуша двигатель, – он идейный! Я пробовал уже так...

– Ну или дружков твоих в расход при попытке к бегству, а? – лицо Ковригина резко посерьезнело. Он вцепился в меня жестким сверлящим взглядом, как бульдог в свою жертву. – Контру и попа, а? И тогда нет?

Я дернулся было к нему, вовремя спохватившись, что замполит просто развлекается, провоцируя меня. Остановился, готовый к броску, сжав кулаки, спрятав их под длинными рукавами телогрейки.

– А тогда, лучше и меня вальнуть сразу, гражданин начальник... – процедил я, бледнея.

– Да ну? Шучу я, Клименко, шучу! Жизнь у нас скучная в лагере... Вот такими как ты и развлечешься, разве что... Народец у нас измельчал... Глупый пошел, тонкого юмора не

понимает. Ну иди...Иди! Чего застыл? Докторша давно уж ждет в бараке нетопленном, как ты явишься балду ей свою показать. Шевелись тварь!— резко, почти без перехода рывкнул он, заставляя меня шагнуть внутрь.

— Интересный экземпляр...— донеслось мне в след.

— Не то слово, значит-с, товарищ лейтенант!— рассмеялся Головки.— а видели бы вы, как он Кислова отделал! Загляде- нье одно!

В бараке было зябко. После горячего, обжигающего теп- ла машины тут было, словно на улице. Полумрак сеней, уз- ких, почти по-деревенски аскетичных, сменился широким коридором, а потом еще одной полупустой комнатой, в кон- це которой стоял длинный узкий стол, накрытый потертой кумачовой скатерью. На столе в углу остались брошенными несколько папок с личными делами, металлическая кружка для воды и чернильница в виде сундучка. Все это я рассмот- рел из-за угла, почему-то вдруг заволновавшись перед входом. На сердце появилось ледяное предчувствие опасности, будто перед прыжком в холодную воду. Тело сковало само собой чем-то невидимым, и мне пришлось пересилить себя, чтобы шагнуть в комнату, опустив глаза в пол.

— Осужденный Клименко, 1917 года рождения, статья 58 часть «б», срок 10 лет, на медицинское освидетельствование прибыл!— как можно быстро доложил я, поднял глаза и замер... Совсем уж по-детски открыв рот.

Она стояла у окна. Все такая же прекрасная, как и раньше.

Узкий белый халат подчеркивал её идеальную фигуру, затянутую в строгую военную форму. Волнистые светлые волосы спадали с плеч, скрученные на затылке в причудливый хвостик. Услышав мой голос, она вздрогнула и медленно повернулась от окна. В ореоле пробивающегося через грязные занавески встающего поутру солнца, ее лицо казалось купалось в его лучах.

– Валя...– прошептал я пораженно. Сердце ухнуло куда-то вниз, будто я, правда, прыгнул в ледяную воду. Те же губы, тот же блеск глаз, та же улыбка, пусть и немного удивленная... Я думал уже, что никогда их не увижу.

– Валечка...– ничего другого я из себя выдавить не мог. Дыхание свело судорогой, и я, вообще, был не уверен, что когда-нибудь задышу снова.

– Сашка! Сашка!– она порывисто кинулась ко мне, обнимая меня, грязного, оборванного, в тюремной робе, пораженного увиденным чудом.– Сашенька!– Валентина покрывала мое лицо густыми поцелуями, оставляя ярко-красную помаду на моих давно небритых щеках.– Родной мой! Любимый мой! Саша!

А я не мог пошевелиться... Я не мог дышать! Я не мог смотреть на нее! Только нелепо и глупо улыбаться, не веря своему счастью, что вижу ее, чувствую, что ощущаю ее поцелуи на моих губах.

– Валя...

– Ты здесь! Любимый... Ты здесь, мой родной,– шептала

она, прижавшись ко мне, и я чувствовал, как моя колючая щетина становится влажной от ее слез.

– Валя...– усилием воли, черными заскорузлыми пальцами я коснулся ее волос. Носящих все тот же дурманящий аромат, как и раньше. Ее запах! Запах любимой женщины. Самой лучшей на земле!– Валя...

Ее всхлипывания перешли в непрерывные рыдания. Она всем телом вжалась в меня, будто боясь, что я исчезну куда-то, будто мираж. Валины хрупкие тонкие пальцы вцепились в мою телогрейку, словно хотели разорвать ее на клочки. И лишь только спустя пару минут, я смог сделать первый вдох и слегка унять бешено колотящееся сердце.

– Валечка! Валя!– уже сам крепко обнял ее, вжимая в себя, будто чувствуя, что нам обоим это нужно. Необходимо почувствовать друг друга после стольких месяцев разлуки и поверить, что все это на яву.

– Валя моя...– помимо воли из глаз моих потекла слеза, оставляя на грязной щеке мутный развод, неприятно холодя кожу.

– Валя...– большего в тот момент я ничего сказать не мог.

ГЛАВА 17

Андрей Коноваленко – новоиспеченный хозяин Темлага с удовольствием откинулся на кресле, наслаждаясь минетом, который сладострастно причмокивая исполняла под столом Ирочка Бергман. Медсестра оказалась понятливой и сообразительной девочкой, мгновенно ухватила выгоды своего

нового положения фаворитки и старательно отработывала некоторые вольности, которые были не положены вольнонаемным.

– Сейчас... – глухо зарычал Коноваленко, обхватив голову медсестры руками, та посопротивлялась, закашлялась, но все выполнила, как надо. Встала с промозглого пола, оправила задравшийся белый халатик, который приводил нового «хозяина» лагеря в неопикуемый восторг. Странно, почему он раньше не замечал его на супруге?

– Андрей Викторович... – протянула она, закуривая папиросу, по-женски держа ее в стороне, чуть на отлете.

– Чего тебе? – блаженно выдохнул Коноваленко, вырываясь из терпкой неги.

– А может...

– Нет! – резко оборвал ее Андрей, поняв к чему она клонит. – Ты умная девочка, не заставляй меня подумать, что я ошибся в тебе...

– Ты даже не спросил о чем? – нахмурилась Ира.

Коноваленко встал со своего места и на ходу рассмеялся, набирая себе из еще дореволюционного графина немного воды.

– Я в органах госбезопасности тружусь уже почти двадцать лет... О чем может спрашивать любовница разнеженного мужика, справив все свои дела на отлично, кроме как о будущем? Угадал?

Бергман промолчала, выдохнув клубок густого сизого ды-

ма. Ее тонкие пальцы немного подрагивали, и сигарета грозила вот-вот сбросить пепел прямо на пол.

– Угадал... Только вот что... Трахаешься ты конечно великолепно, но, прости уж, на супругу «хозяина» зоны ты не тянешь...

– А она тянет?– глухо спросила Ира, отвернувшись к окну, что-то там преувеличенно внимательно разглядывая.

– Она тянет..– кивнул Андрей, улыбнувшись.– Сколько через тебя таких как я прошло? Десяток? Полтора?

– Хам...

– Не люблю ходить вокруг да около,– пожал плечами Коноваленко,– и неужели ты надеешься, что двадцать первый или сороковой вдруг окажется прекрасным принцем, который прискачет на белом коне и заберет тебя навсегда из этой дыры? Ты будешь носить мутоновые манти, пить дорогое вино и общаться с высшими чинами государства? Увы... Дорогая Ирочка, хочу тебя разочаровать... Ты удобна и только! С тобой отлично и бесппроблемно, но, повторю, на «хозяйку» ты не тянешь, не тот типаж...

– Сука...

– Жизнь она такая!– ухмыльнулся Коноваленко.– А Ковригина пробовала?– неожиданно резко спросил он, повернув ее к себе лицом. Дешевые тени медленно стекали с век грязно-зелеными разводами по щекам. Он парень молоденький, может еще и повестись... А если еще и залететь вовремя...

– Пробовала,— утерла тыльной стороной ладони слезы Бергман, став в мгновение ока старой, некрасивой, почти отвратной, с глубокими морщинами в уголках губ, мешками под воспаленными невыспавшимися глазами,— это он с виду простачок, а сам волчара еще тот... Как ты...— она порывисто подалась вперед, вжимаясь всем телом в Коноваленко. От ее жаркого дыхания стало тепло. Бесстыдные пальцы снова зашарили у поясного ремня, заставляя все мысли свернуть на избитую тропку.

– Тебе пора в медпункт!— с трудом отстранил медсестру от себя Андрей.

– Есть, товарищ капитан государственной безопасности!— Ирина слегка прикусила его за мочку уха, проведя пальцем по свежей щетине, заставив Коноваленко содрогнуться всем телом.

– Хотя постой...

– Ооо...— блудливо улыбнулась она, приподнимая халатик.

– У тебя есть шанс!— оборвал ее Андрей, отстраняясь.— Есть шанс...

– Я и так знала...

– Но не так...Присматривай за Вале́й! Может слишком часто ходит в какой барак? Может кого часще остальных на медосмотр вызывает? Если накопаешь чего и убедишь в этом? Есть шанс перестать быть вечно второй...— перед глазами Коноваленко стояла ненавистное лицо Клименко. Как

же он ненавидел его в этот момент! Как желал, чтобы тот исчез куда-нибудь, пропал без вести среди этих дремучих мордовских лесов! При мысли о том, что этот ловелас здесь, совсем близко от их с Вале́й семьи, его начинало трусить от переполнявшей до краев злобы.

– Так что?– нахмурился Андрей, усаживаясь на свое место.– Шанс сразу скажу мизерный, но он есть...

– А выбора-то и нет...– вздохнула Ирина. – Разрешите идти?

– Идите,– махнул рукой Коноваленко, сделав вид, что решил поработать с бумагами.

– А?

– Свободны, товарищ Бергман!

Дверь закрылась очень тихо и аккуратно. Нет... Не быть ей «хозяйкой», куда ей с ее темпераментом против Вальки? Так... Ни о чем... Только потрахаться и горазда! Уж в этом ей равных нет... А ну-ка...

Он отставил в сторону несколько папок, лежащих на столе, выбрав самую тонкую. На обороте на него смотрели зелено-серые глаза Клименко. Ненавистные глаза Клименко, сумевшего испоганить ему всю его жизнь одним своим существованием.

В самом верхнем уголке крупным размашистым почерком судебного делопроизводителя стояла пометка «строго секретно», бывший сотрудник органов госбезопасности.

– Волчара говоришь...– вспомнил он слова Бергман об

замполите Ковригине.— И этот волчонок...

Словно что-то внутренне для себя решив, Андрей схватил трубку телефона, соединённого напрямую с внутренней караульной службой лагеря.

— Ковригин на месте?— коротко бросил он, привыкший со временем к тому, что его голос узнают все, кому это по должности положено.

— Так точно! Пять минут назад прибыл!— браво отрапортовал дежурный.— Доложился и отправился к себе.

— Приказ немедленно явиться к начальнику лагеря!

— Есть!— трубку на том конце положил, зашипела звенящая в трубке тишина.

Если человек человеку волк, то и волк волку не товарищ. Мне марасть руки об вас, гражданин Клименко не с руки, подумал про себя Коноваленко, закуривая ароматный «Казбек», а вот если через Ковригина, а потом и через третьих лиц... Уверен, что замполит как никто другой знает, кто в лагере сидит по «мокрому», и кому ради того, чтобы максимально скостить срок, ничего не стоит пощекотать перышки такому молодцу, как Клименко.

Замполит ждать себя долго не заставил. Андрей только и успел, что выкурить терпкую папиросу, затушив ее в массивной металлической пепельнице, где уж свалена была куча окурков.

— Товарищ капитан госбезопасности, старший лейтенант Ковригин...

– Давай без официоза, лейтенант, – махнул рукой Андрей, закуривая еще одну. В кабинете хозяина лагеря висело плотное облако дыма, уже даже не рассасываясь над головой, а просто вися большим густым клубком, – тем более разговор нам предстоит личный и конфиденциальный. Ты в курсе, что это слово обозначает?

Ковригин кивнул, ища взглядом куда бы присесть. Табурет, на котором сидела Бергман был слишком близко подвинут к начальнику. И это не осталось не замечанным бдительным комиссаром.

– Бери табуретку и присаживайся! – разрешил Коноваленко, расстегивая верхнюю пуговицу френча, тем самым подчеркивая непринужденность и неформальность их беседы. – Ты, наверное в курсе, моей биографии?

Ковригин решил за лучшее промолчать. Естественно, перед прибытием нового руководителя из центрального аппарата ему прислали копию личного дела Коноваленко, по содержанию которого у лейтенанта осталось множество вопросов, но их он озвучивать не стал, оставив все сомнения при себе... В их конторе не принято было такое. Почему Коноваленко слетел с майоров, руководителей целого регионального управления в начальники не самого перспективного лагеря? За какие грехи его запихнули в эту дыру? Вопросов было много, но ответов на эти вопросы было еще меньше... Потому лейтенант просто кивнул.

– История моя прозаична и банальна. – вздохнул слегка

наигранно Коноваленко, наклонился куда-то вниз, пошарив рукой под столом, через пару секунд выудив оттуда бутылку дорогого коньяка, привезенного им еще из Москвы и припрятанного для какого-нибудь особо значимого случая, молодая жена, молодой офицер, ревность...

Ковригин согласно кивнул, мол, понимает прекрасно весь подтекст и всю деликатность ситуации, которая сложилась в личной жизни начальника.

Коноваленко оценил молчание подчиненного. И вправду волчара... Такому палец в рот не клади, по самый локоть откусит. Достал две рюмки, из которых недавно выпивал с Бергман и спокойно разлил по полной. По комнате разошелся терпкий аромат элитного алкоголя.

– Будем!– приподнял свою, стараясь как можно приветливее улыбнуться, но Ковригин не среагировал, подозрительно косясь на стол.

– Что это значит, товарищ капитан госбезопасности?– кивнул он алкоголь, сделав каменное лицо.

– Ничего особенного товарищ лейтенант,– простецки улыбнулся Коноваленко,– просто я человек здесь новый, хотелось бы завязать нормальные отношения со всеми, в том числе и с комиссаром лагеря...

Немного помедлив, Ковригин рюмку поднял. Понюхал, наслаждаясь ароматом. Да...далеко самогонке Головки до таких напитков. Пригубил и осторожно отставил в сторону.

– И что за вашу дружбу я должен сделать?– уточнил лей-

тенант, не сводя глаз с начальника.

– Ничего,– улыбнулся Андрей, опрокинув решительно в себя всю стопку.– Ровным счетом ничего особенного... Просто, как друг, посоветовать мне нужного специалиста!

– Специалиста?– нахмурился Ковригин.

– Да, именно специалиста. Видишь ли... Так уж случилось, что молодой офицер и моя жена находятся сейчас здесь, в одном лагере. И я не хотел бы, чтобы из капитанов госбезопасности я стал лейтенантом через их неблагонадежность. Конечно, в своей супруге Валентине Владимировне я уверен, но мало ли что взбредет в голову молодому горячему парню. Будет настойчиво искать встречи, давить на нее, вспоминать прошлое... А это, сами знаете, плохо сказывается на репутации.

– Понимаю... Но...

– Вот поэтому мне и нужен специалист узкого профиля. Ты, как человек, который работает с ними непосредственно, обязан знать таких...

– Боюсь, что, Андрей Викторович, я не смогу вам помочь, если не буду знать имя вашего Ромео,– улыбнулся Ковригин, понимая, что вот она удача, сама плывет ему в руки! Коноваленко сам дает ему на себя такой компромат, о котором карьерист со стажем может только мечтать. И самое пикантное то, что капитан, безусловно, это тоже понимает, но ничего не может с этим поделать. Как мотылек, летящий на огонь, он знает, что там его ждет смерть, но упрямо летит вперед,

наплевав на опасность.

– Клименко Александр Сергеевич, прибыл с новым этапом в ваш лагерь.

– В наш лагерь!– подчеркнул с легкой улыбкой Ковригин.

– В наш лагерь...И мне бы хотелось, чтобы он тут задержался ненадолго,– согласился быстро Коноваленко, наливая себе еще коньяка.

В кабинете воцарилось молчание. Лейтенант, сволоочь, нарочно тянул время. Хотя готовое решение у него уже было. Хотел пощекотать нервы капитану.

– Клименко...Клименко...– пробормотал он, взяв в руки отставленный коньяк.– За столь короткое время этот зэк стал довольно известной личностью тут. Я имел счастье этапировать этого красавца, а потом наблюдать за его поведением некоторое время. Явно асоциальный элемент! Вряд ли поддающийся исправлению, чуть что сразу в морду.

– И я о том же...– подхватил Коноваленко.

– Дело тут даже не вашей супруге, а в том, что он способен принести нам неприятности. Уж очень норов у него беспокойный...

– Зачем нам неприятности? Будет лучше, если в нелепой драке между сокамерниками...Сами знаете, как часто грызётся между собой это отребье? То чифир не поделили, то руку не подали...

– Клименко на этапе поссорился с вором в законе Кислым, Кисловым! Дело дошло до драки, но я вовремя среаги-

ровал. Кислова отправили ШИЗО на месяц. Его «шестерки» на воле, но от них мало толка без лидера. А уж вор такого не простит...

– Я думаю, что гражданин Кислов,– улыбнулся Коноваленко, снова поднимая рюмку в знак заключенного союза,– все осознал и до конца недели должен вернуться в свой барак, верно, товарищ старший лейтенант госбезопасности?

– Думаю, да!– Ковригин залпом опрокинул в себя остатки коньяка и выдохнул, наслаждаясь терпким шоколадным послевкусием. Оба остались довольны итогом переговоров. Комиссар получил убойный компромат на своего начальника, а Коноваленко все же решил, что закрыл раз и навсегда вопрос с Клименко. Два волка сделали вид, что дружат, чтобы при первой же возможности укусить друг друга.

ГЛАВА 18

Я одухотворенный шел по грязной разбитой колее из медпункта, прислушиваясь к отчаянно бьющемуся в груди сердцу. Перед глазами стояло заплаканное лицо Валечки, а все вокруг на какое-то время стало обычной декорацией. Руки помнили ее горячее податливое тело, жадные полные губы, до боли впивающиеся раз за разом в мои собственные. Голова кружилась от предвкушения чего-то незабываемого, счастливого, и лагерь стал каким-то другим, и обстановка менее тягостной, да и люди открытее. Валечка...Валя...

Я был уверен, что больше никогда ее не увижу, что не поцелую и не обниму, не почувствую вкус губ, радость при-

косновений, не услышу ее голоса... За что, Господь, мне дал возможность увидеть ее еще раз? Чем я заслужил такую милость? Отец Григорий непременно выдал бы на это, что пути Его неисповедимы или привел цитату из Библии, но я, как настоящий комсомолец, объяснить ничем кроме чуда все случившееся сейчас в медпункте не мог!

А как иначе? Среди десятков тысяч лагерей, разбросанных по всей нашей необъятной Родине, мы попали вдвоем в один! Только чудо, только судьба... Судьба... Эх, сейчас бы пригласить бы Валу в ресторан Центральный, что на Пушкинской у «стекляшки» или прогуляться с ней по бульвару Слинько, наслаждаясь морозным свежим колким воздухом, а потом пойти домой пить чай с малиной, слушать бесконечные рассказы матери про цены и очереди в гастрономе, что соседка тетя Зина опять загуляла от своего благоверного. И жить, жить, жить... Не теряя ни секунды, ни минуты, ни мгновения!

– Эй, фраерок! – окликнули меня со спины так неожиданно, что я вздрогнул, погруженный в свои мысли.

За моей спиной стояли трое крепких эков в помятых рваных телогрейках, из под ворота которых виднелись синие табуировки. Я осмотрелся, медленно поворачиваясь к ним лицом.

Узкий тупиковый проход, куда я забрел, мечтая о прогулках по харьковским бульварам, заканчивался сараем с наглухо забитыми окнами. На дверях висела покосившаяся об-

шарпанная табличка «Слесарка» По обеим сторонам прохода расположились стены бараков, в одном из которых гремели чем-то металлическим и разносился аромат свежезаваренного крепкого чифирия. Убегать было некуда...

Кислый...сука...Мелькнула в голове мысль, при виде того, как рука одного из зэков медленно поползла к высокому голенищу правого растоптанного кирзача. Достал-таки...Даже из ШИЗО! Ах, как не хотелось умирать, особенно сейчас, когда Валя оказалась рядом, а десять лет превратились из каторги в нечто более или менее удобоваримое.

– Заблудились, ребят?– улыбнулся я, хотя рука предательски дрогнула. И я ее тут же спрятал в карман. Говорят, что человек, который держит руки в карманах, представляет меньше опасности. Врут, психологи хреновы...– Библиотеку ищите?

Я нарочно выводил их из себя. Пусть бросятся первые, пусть разозлятся. Гнев плохой советчик в драке, а мы уж там посмотрим, как карта ляжет!

– Остряк!– осклабился один из них, чуть стоявший впереди и видимо главный.

– Юморной паренек!– сплюнул второй в сторону, делая шаг вперед, чтобы взять меня в некое подобие полукруга.

– Сейчас мы тебя еще немножко развеселим...

– А чего так? – страх ушел, я должен был драться ради того, чтобы выжить, ради того, чтобы снова увидеть свою Валечку, а все остальное ушло на второй план.

– Не нравишься ты нам,– ухмыльнулся совсем уже мерзко третий,– борзый больно...

– Больно..– пробормотал я, делая шаг им навстречу, ломая и сокращая дистанцию, стремясь ошеломить.

Как я и ожидал, тот, что был по правую руку от меня, попятился назад под моим напором. Замешкался, сбился с шага и дал мне возможность ударить. Быстро, хлестко, как учили в спецшколе. Зубы противника звонко клацнули, и я еще успел увидеть, как глаза его закатываются куда-то под лоб, а взгляд становится вовсе уж бессмысленным.

– Ах ты, сука!– рявкнул второй, оказавшись шустрее своего предшественника. Я только успел обернуться, как острое лезвие финки мелькнуло перед моим лицом, выписывая сложный зигзаг. Рукав обожгла острая боль. А по кисти потекло что-то горячее.

Задел, тварь...Подумал я, понимая, что это кровь. Ушел вправо по касательной, отвесив оглушительный пинок нападавшему в область колена, которое тут же выгнулось в другую сторону, мерзко захрустев. Зэк отчаянно заорал, рухнув, как подкошенный, держась за сломанное колено. Финка со звоном полетела на битый кирпич.

– Ну-ка, иди сюда!– рявкнул я главарю, забыв о порезанном запястье, поймавшим лезвие ножа и про страх, сковавший меня в самом начале драки.

– Конец тебе, сука!– отозвался тот, бросаясь вперед совсем уж по-крестьянски, чуть ли не зажмурив глаза, стре-

мясь попасть расстопыренными пальцами, похожими на сосиски куда-то мне в область глаз.

Увернувшись, я подсек ноги несложным приемом, уложив человеческую глыбу прямо на кирпичи. Бросился добивать, но подумал, что не стоит. В конце тупикового прохода уже появился Головко с двумя срочниками, залаяла овчарка, срываясь с поводка.

– Стоять всем! Ша, скотины!– сержант выстрелил в воздух, неизвестно чему довольно улыбаясь.

Наступила тишина, разрываемая только лишь отчаянными воплями второго со сломанным коленным суставом, да лаем собаки, взбудораженной выстрелом.

– Озорной ты парень, Клименко,– ухмыльнулся Головко, пряча оружие в кобуру,– ни на секунду без присмотра оставить нельзя, значит... Все норовишь кого-нибудь покалечить, да в морду съездить без спроса. Сначала Кислов, теперь Семякин, по кличке Семечка, значит. Ты не маньяк, нет, случайно?

Сержант сделал шаг вперед, осматривая пострадавших.

– Вот так значит...– задумчиво проговорил он, оценив масштаб произошедшей драки.– Ты глазками-то на меня не сверкай, значит!– обратился он ко мне, все еще находившемуся в состоянии легкого шока.– Собачку спущу, с ней твои номера не прокатят. В горло вцепится никакими приемчиками не отобьёшься. За что убогоньких покалечил, а?

Я пожал плечами, не зная, что сказать. Правду? Какую?

Бросился я на них я первым, отколошматил и все, ради своего удовольствия. Вот как это выглядело со стороны. Головка я сейчас понимал, как никто.

– Ну что, гражданин Семякин,– обратился он к лысому, который был в этой троице за главаря,– какого хрена вы, значит, к пареньку-то пристали, а? Или гоп-стопом решили в лагере у нас заняться? Так сказать вспомнить свою бывшую профессию?

– Мимо шли, один споткнулся, второй ногу подвернул, а этого...– он сверкнул на меня своим острым, как бритва взглядом.– Первый раз видим, может мимо шел, помочь решил.

– Ты из меня, дурачка не делай, значит...– улыбнулся Головка, и от его улыбки даже у меня пошли мурашки по всему телу.– Помочь решил. Вас послушать, у нас не лагерь исправительно-трудовой, а институт благородных девиц, значит! Он вас?– кивнул сержант в мою сторону.

– Гадом буду, начальник, споткнулся, упал, а второй кинулся к нему и ногу подвернул,– заверил Головка Семечка,– непруха какая-то...

– А Клименко, значит, сам где-то на финку напоролся, да?

– Да хрен его знает, гражданин начальник. Говорю же, первый раз этого кента вижу.

– Интересно...Ну ладно,–отряхнул руки Головка.– Сами так сами!

– Носка в больничку б...– скривился Семечка, потирая

ушибленное при падении ребро.

– В медпункт, Носкова,– махнул рукой сержантам сержант,– этих в ШИЗО, а то их что-то сегодня ноги плохо держат, значит. Пусть посидят в одиночке, поберегут себя недельку.

– Гражданин начальник...

– ШИЗО!– отрезал здоровяк сержант, поворачиваясь ко мне.– А тебя, Клименко, я лично до барака провожу. А то, что-то вокруг тебя аномальная зона какая-то. Люди, то ноги подворачивают, то со всего маху на кулак твой прыгают...

Под непрерывный лай собак, стенания раненного и негромкие окрики солдатни вся троица кое-как поднялась и двинулась к выходу из тупика. Носков двигался вприпрыжку, опираясь на подставленное плечо товарища, пришедшего в себя после растирания снегом. Мне его даже стало немного жалко. Все же было можно аккуратней сработать.

– Что с кистью?– кивнул Головкин, когда мы остались одни, на пропитанный кровью рукав телогрейки.

Только сейчас я вспомнил, что тоже ранен. Пошевелил липкими пальцами. На снегу под ногами натекло приличное бурое пятно. Вполне острый нож мог перерезать сухожилия.

– Вроде целое все...– пальцы сгибались, отдавая какой-то тугой болью в запястье. Закатал рукав, осматривая рану. Лезвие вошло сверху, располосав кожу до кости, но до вен или мышц все же не достало. Порез глубокий, но не смертельный.

– Жить будешь, значит,– удовлетворенно кивнул Головки, предлагая немного пройтись. Для меня этот человек был непрочитанной книгой, очень интересным экземпляром, в котором причудливым образом сочетались острый ум и дикая, необузданная сила, способная подчинить своей воле всех и вся. Под маской простачка скрывалась хитрая и властная натура, представляющая собой интерес.– Клименко...Клименко...Чего ж тебе не живется спокойно, а? То с одним сцепишься, то с другим. Ведь, если бы не я, то неизвестно чем ваша схватка с Семечкой окончилась. Он знаешь ли, тоже борец каких-то там единоборств! В прошлом...– уточнил он, размеренно шагая по хрустящему насту.– В далеком прошлом, значит...Это потом его судьба по наклонной пустила, а так...

– Не сказал бы...– промолвил я, заматывая руку куском оторванного подола нательной рубахи.

– Грязная ведь,– укоризненно покачал головой сержант. Достал платок, подал.– Держи...

– Спасибо,– поблагодарил я, кутая порез в чистую ткань.

– Интересно ты живешь, Клименко...То Кислый, теперь Седой... Чем ты пахану-то нашему насолил, а?

– Пахану?

– Ну да...Седой – вор в законе. Лагерь наш держит, за порядком следит. Положенец тут! Семечка под ним ходит. Точнее под Мотей – ближайшим подручным Седого. Он без его разрешения и пикнуть не смеет. А тут...

– Седой?– нахмурился я. Не хватало мне кроме всех прочих жизненных сложностей, свалившихся на меня за короткий промежуток жизни, занять в длинном списке людей, которые хотят меня убить еще и вора в законе, который держит весь лагерь под своей властью.

– Да... Так что я б на твоём месте, значит...– вздохнул Головки.

– Увы, я все сказал,– поняв к чему клонит сержант, опередил его я,– сотрудничать с вами не буду, хоть и бывший сотрудник.

– Жаль, парень ты неплохой, но с таким характером долго в зоне не протянешь.

– Постараюсь!– отрезал я. Мы дошли до нашего отрядного барака, где на крыльце сутились те, кого оставили следить за печкой-буржуйкой и порядком.– За платок спасибо!– кровь идти перестала, затянувшись бледно-красной сукровицей.– Постираю, отдам.

– Себе оставь!– махнул рукой Головки. Он тебе еще ни раз, чувствую пригодится, значит...

– Да что вы...

– Будет хуже,– прервал он меня строго,– разрешаю обратиться напрямую к военврачу за помощью. Скажешь всем Голова разрешил,– вздохнул он и вдруг хитро улыбнулся и подмигнул мне, будто все уже знал про нас с Валец. От этой улыбки мне стало страшновато. Насколько этот человек здесь много значит, если знает все и про всех секреты?

– Спасибо.

– В зоне нет «спасибо», есть благодарю!– наставительно заявил сержант, похлопав меня по плечу. От его мощного удара я чуть не завалился постыдно в бок. Ох и здоров был медведь!

– Благодарю!– поправился я, поднимаясь на поломанное крыльцо барака.

Махнув рукой в ответ, Головко широким шагом зашагал прочь, вскоре скрывшись в конце своеобразной улицы, образованной отрядными бараками. А я долго провожал его взглядом, не понимая, как отношусь все же к этому человеку? Можно ли ему доверять? И чего он от меня хочет?

ГЛАВА 19

Старший лейтенант госбезопасности Ковригин вышел от нового начальника лагеря несколько озадаченным. С одной стороны мотивы его были понятны и ясны, ревность, молодая загулявшая супруга, а с другой все это очень походило на дешевые любовные романы, которыми завален с головой гнилой капиталистический Запад.

Сколько в нашей стране исправительных лагерей? Сотни, тысячи? Куда ни глянь, повсюду стоят вышки с высокими заборами, лают сторожевые овчарки и медленно, понутив голову бредут заключенные по прихоти ГУЛАГа на очередную капитальную стройку века, истощенные, голодные, заморенные тяжелой физической работой и плохим питанием. Да что там плохим, ужасным!

А тут... Тут чудо какое-то! Из многих сотен лагерей и обманутый муж, и неудачливый любовник, и даже неверная жена попали в один и тот же ТемЛag! Такое случается либо раз на миллион, либо по причудливой прихоти фортуны, а именно указанием свыше... Если это просто везение, или невезение, кому как посмотреть, то это еще пол беды. А вот если это указание свыше? Что тогда? Чем руководствовалось высшее начальство, собирая всю эту троицу здесь? Может у них были какие-то свои, высшие соображения? И не помещает ли Ковригин, соглашаясь помочь Коноваленко ликвидировать Клименко, этим самым соображениям?

От этой простой мысли, лейтенант даже растерялся. А что если все верно? Что если эта ссылка. Лишь подковерная игра тех кто сидит за кремлевскими стенами? Не поставит ли Ковригин и без того на своей не совсем удачной карьере окончательный и бесповоротный крест, согласившись на помощь?

Он немного помялся, краем глаза заметив, как вертухай на вышке подобрался, сделав строгий и непреклонный вид зашагал с винтовкой, осматривая периметр.

Делает вид, что работает... С легкой толикой удовлетворенности подумал про себя Ковригин. Его боялись в зоне. Не каждый мог потягаться с ним авторитетом и властью здесь, разве что Головка, да начальник.

А что он собственно теряет? Вернулись мысли к Коноваленко и его предложению. Ну, будут недовольны им в

Москве... Ну, пожурят немного... В любом случае все шишки посыпятся на капитана. А он что? Он всего лишь выполнял приказ вышестоящего начальства. Нет ничего лучше, чем прикинуться простаком в такой вот ситуации. Зато плюсов от помощи Коноваленко вырисовывается море. Во-первых, убойный компромат. Крючок, на который можно подхватить «хозяина» выглядел, если не стальным, то железным уж точно. Во-вторых, оказав услугу раз, можно попросить ответную через некоторое время и не быть при этом нисколько обязанным. Вообще, если прикинуть, то из минусов лишь туманная перспектива не самого ужасного наказания, а из плюсов... Плюсов много. По крайней мере два точно.

Папироса медленно стлела, припалив кончики пальцев. Задумавшийся Ковригин ругнулся и выбросил ее в снег, где она зашипела, потухнув.

– Была не была... Живем один раз! – он осмотрелся по сторонам и двинулся в сторону барака ШИЗО, где прописался почти на месяц осужденный Кислов. Вертухай на вышке проводил его напряженным жгущим спину взглядом, облегченно выдохнув, тут же отставил винтовку в сторону, присев на невысоком табурете, с удовольствием закурив. До конца смены оставалось еще два часа.

Узкие дорожки, натоптанные, как звериные тропы в лесу, рассекали Темлаг на несколько небольших частей. Самые оживленные «трассы» были утоптанны не хуже асфальтовых дорог, особенно те, по которым водили отряды в промку, а

вот путь в ШИЗО не пользовался особой популярностью у обитателей лагеря. Так что пробиваться к Кислову на разговор пришлось по щиколотку в снегу. Сапог с хрустом проваливался по насту, приходилось высоко поднимать ноги, сметая лапами шинели недавно выпавшие снежинки.

Барак для проштрафившихся заключенных находился в самом дальнем уголке лагеря, чуть в стороне от остальных. На небольшом пригорке, заметном издали, как избушка на курьих ножках, расположился длинный, разделенный на три части сарай, сбитый из плохо оструганных досок, сквозные щели в котором были видны издали. Левее от сарая – пост охраны. В нем постоянно пять солдат и старший наряда. Двое из смены постоянно патрулируют местность вокруг барака. Заступить сюда на дежурство означало попасть в жуткую немилость к руководству лагеря. Сюда обычно ссылали пойманных в карауле пьяных, самовольщиков и прочих неудачников для исправления.

Вокруг барака несколько десятков метров мертвой зоны. Летом она обязательно опаживалась, чтобы в случае побега могли найтись следы, зимой в ней никто нарочно не убирал снег. В итоге возле ШИЗО выросли сугробы почти по окна и лишь на входах оставалась почищенной узкая тропинка.

Мертвую зону опоясывали три ряда колючей проволоки, расположенной в разных уровнях. На отдельных кусках ее для оповещения о попытке побега подвешаны в хаотичном порядке пустые консервные банки, ложки и прочая ненуж-

ная утварь. Чуть правее барака громоздилась вышка с пулеметчиком. Правда, сейчас его Ковригин, подошедший к прорезе в колючке не рассмотрел. Может было далеко, а может сволочь этакая, спрятался от холодного ветра за стенами вышки. Не ожидая, что комиссар явиться сюда с проверкой.

Дежурная смена, справедливости ради, бродила вокруг сарая, мирно беседуя о чем-то, завидев его они вытянулись в струнку и браво гаркнули.

– Дежурный по ШИЗО на выход!

Никакой реакции! Двери сторожки оставались закрытыми.

– Дежурный на выход!– обеспокоенно поглядывая на крыльцо, закричали они.

Лишь с третьего раза, выпустив облако сизого пара из дежурки, навстречу Ковригину вылетел сержант Косько, на ходу застегивая распахнутую до пупка гимнастерку.

– Товарищ старший лейтенант госбезопасности, дежурный по ШИЗО сержант Косько! За время вашего отсутствия никаких происшествий не произошло! По списку три заключенных. Все в наличии! Нарушений режима нет! Докладывал...

– Спишь, Косько?– усмехнулся недобро Ковригин, поправляя ослабший ремень сержанта.– Крепко спишь...

– Никак нет!

– А ведь за это сюда и послан! Наказан! И опять за старое...

– Товарищ...– начал Косько, виновато потупив глаза в снег, оправдываться.

– Ладно, радуйся, что я по делу в твою вотчину...– Ковригин отодвинул в сторону сержанта и шагнул к штрафному изолятору.– Мне нужен заключенный Кислов. Есть такой у тебя?

– Так точно!– рявкнул счастливо вертухай, радуясь, что в этот раз его пронесло и наказания не последует.– Камера номер два! Заключенный Кислов наказан за нарушение режима, драка, срок тридцать суток!

– Ясно...проведи меня к нему.

– Один момент!– Косько было холодно в одной гимнастерке. Мороз крепчал с каждым часом, но попросить минуточку подождать замполита, чтобы одеться проштрафившийся сержант, так и не решился. Путаясь в тяжелых валенках, он торопливо двинулся к среднему барaku.

– Как Кислов? Беспокойства не доставляет?– поинтересовался Ковригин, пока сержант суетливо посиневшими пальцами пытался открыть окоченевший замок.

– Им в наших условиях, товарищ старший лейтенант бузить некогда. Не замерзнуть бы до смерти...

Замок шелкнул, открывая вход в полутемный сарай. Косько шагнул в темноту, а следом за ним Ковригин. Осмотрелся...Широкие светящиеся щели были почти по всему периметру, сквозь них со свистом врывался ледяной сквозняк, вяло поднимая пожухлую листву на земляном полу. По дере-

вянному брусу причудливым узором расползся иней. В дальнем углу изолятора стояли грубо сколоченные нары с охапкой сырого сена, распространяющего по всему пространство кислый аромат прелого, особенно ощущаемого на морозе. В другом углу, ближе к двери по правую руку от Ковригина, источая непередаваемую вонь, высилась прихваченная морозом кучка человеческого дерьма.

Когда они зашли в барак, Кислов усиленно пытался согреться. Приседал на месте, дуя на посиневшие пальцы, плотно прижав руки к груди. Заметив вошедшее начальство, он прекратил импровизированную зарядку и выдохнул облако ледяного пара, противно оскалившись.

– Гражданин начальник... – протянул он наигранно писклявым голосом. – Какие люди, да без охраны... Хотя, постойте... Этот чебурек с вами? – презрительно кивнул он в сторону Косько, переминающегося с ноги на ногу за спиной комиссара.

– Разговорчики, Кислый! – рявкнул сержант, топнув для верности ногой. – Отвечать, как положено! Или понравилось на зимнем курорте? Могу дополнительную путевку дней на пятниц сюда организовать за нарушение режима!

– Виноват, гражданин начальник, – улыбнулся, блеснув в темноте золотыми фиксами Кислый, – ляпнул не подумавши... – и вытянувшись в струнку, громко продекламировал, словно стишок на детском новогоднем утреннике:

– Осужденный Кислов 1905 года рождения, срок десять

лет...

– Хватит кривляться Кислов,– махнул рукой Ковригин, шагнув поближе к нему,– я и без этого знаю сколько у тебя срок, за что сидишь и какого ты года рождения. Товарищ сержант,– повернулся он к Косько, присаживаясь на нары рядом с вором,– оставьте нас...И оденьтесь потеплее, не май месяц все же на дворе!

Обрадованный неожиданной свободой, окончательно посиневший от холода Косько, мгновенно исчез за дверь, благодарно кивнув. Наступила тишина. Кислый стоял напротив молодого комиссара, презрительно скалясь всеми своими золотыми фиксами. Отчего-то его улыбка напоминала старшему лейтенанту шакалий оскал. Закурил, с трудом растягивая отсыревшую папиросу. Кислов напряженно повел носом. Хотелось курить до звона в ушах. Иметь табак в ШИЗО было запрещено.

– Будешь?– Ковригин бросил пачку на нары, из кармана достал спички.

– Да ты что...гражданин начальник?– с трудом сглотнув слюну, пробормотал Кислов.– За суку какую меня держишь? Мне от тебя в падлу брать что-то...Это ты своих стукачей лагерных подкармливай, а я вор!

– Не смей меня, Кислов! Вор!– улыбнулся Ковригин, выпуская колечками дым.– Мне бы хоть не врал бы...Вор он! Ссучившийся ты вор, Кислый, сука!

– Ты чего, в натуре, начальник, оборзел? За такое на пики

сажают!— изменился в лице Кислый, хотя лейтенант с удовлетворением заметил, как собеседник побледнел.

— Сажают,— согласился охотно Ковригин,— только воры! А, что делают с теми, кто уронил звание вор в законе? Кто пошел на сговор с администрацией, стучал на своих корешей, получая небольшие послабления в режиме, выдавая за свой беспримерный авторитет? Ах да... Их, кажется, опускают? Так на вашем жаргоне называют мужеложство? Ты кури, кури,— пододвинул он невозмутимо пачку к Кислову поближе,— чего замер? Тебе-то нечего терять... Или ты думал, что вся информация о твоих похождениях во время последней отсидки не вскрыется? Напомнить? Соликамский лагерь, три года назад...

— Тише!— вырвалось у Кислого помимо воли. Он испуганно обернулся на дверь, боясь, что с той стороны подслушивает их Косько.

— Чего ты хочешь?— спички подрагивали в татуированных пальцах, никогда не знавших работы.

— Просьба есть у «хозяина к тебе»...

— У вас стучать опасно. Седой может и голову оторвать.

— С этапом новым пришел бывший чекист Клименко...

Кислов изменился в лице, услышав знакомую фамилию.

— Вот поэтому к тебе мы и решили обратиться!— похлопал его по плечу Ковригин.— Совместишь приятное с полезным. До следующей недельной поверки он дожить не должен... Тем более, насколько я знаком с вашими законами, он

морду вору набил, за что его на пики посадить можно...

– Суд нужен...

– Судите! Но дожить он не должен...

– Из ШИЗО это очень трудно сделать, гражданин начальник, – выдохнул Кислов, обжигая пальцы окурком, который смолил до самого последнего, наслаждаясь добротным дорогим табачком.

– А мы к годовщине октябрьской революции амнистию состряпаем, всех разгоним по баракам, к вечеру уже у себя будешь, да и Косько пора передохнуть, а то сопьется здесь, сторожа вас, ублюдков... – отмахнулся Ковригин.

– А если...

– Что? Если не выйдет?

Ковригин молча встал, пряча папиросы в карман, оправил шинель, подтянув и без того идеально затянутый пояс.

– Как ты говоришь воров наказывают... Опускают? Слышал зубы домино выбивают, чтобы не прикусил, когда... Сам понимаешь... Больно наверное.

Кислов вздохнул, посерев лицом. Его даже передернуло при мысли о наказании от общества. Звание вора сложно заслужить, но еще сложнее ему соответствовать. Вор должен быть кристально чист, за нарушение неписаных законов лучшее наказание смерть! Об остальном даже страшно подумать. За проявленную слабость в Соликамске ему грозило нечто другое, именно то, на что намекал сучий комиссар.

– Есть еще вопросы? – усмехнулся Ковригин, стуча кула-

ком в дверь.

– Все предельно ясно, гражданин начальник,– обреченно кивнул Кислый,– Клименко не доживет до понедельника.

– Ну вот и славненько!– улыбнулся старший лейтенант.– А это тебе, скоротать время до вечера...

Он потянулся в карман, доставая початую пачку «казбек». Небрежно бросил ее на солому вместе с остатками спичек.

– Мы ценим людей, которые нам помогают!

ГЛАВА 20

В барак я вернулся, когда уже начинало смеркаться. На улице повалил сильный мокрый снег, пушистыми хлопьями укрывающий промерзлую землю. Метель была такая, что ближе двух метров вокруг себя ничего нельзя было разглядеть. Холодная влажная пелена налипала на ресницы, настойчиво лезла в рот, заставляя низко наклонять голову.

Тщедушная телогрейка почти сразу промокла, превратившись в кусок напитанной до краев ваты. По спине побежал холодок, неприятно поднимаясь от колен куда-то между лопаток. Я зябко повел плечами, ускоряя шаг насколько это было возможно. Ноги топили в снегу, отмечая уровень сегодняшнего снегопада глубокими следами, причудливым рисунком остающимся на дороге.

По такой отвратительной погоде радовало только то, что я не попал на валку, а раненная рука, наспех замотанная платком Головки на холоде перестала поднывать, и я ее почти перестал замечать. Лишь когда сжимал и разжимал окоченев-

шие пальцы, кисть отзывалась тугой натянутой болью где-то в районе локтя.

На крыльце нашего барака было пусто. Именно так... Именно нашего... Я и не заметил, как свыкся с этой мыслью за последние несколько дней, что находился в лагере. И если в первые сутки это дощатое строение показалось мне чужеродным, холодным и неприветливым, то сегодня тусклый свет керосиновой лампадки в стеновых щелях обрадовал меня и манил своим обманчивым теплом и неким подобием уюта. Человек – странное существо. Он привыкает, приспосабливается ко всему. Наверное, поэтому ему удалось дальше всех шагнуть по лестнице эволюции, превратившись в нечто разумное.

Легко взбежав по ступенькам, я распахнул с трудом покосившуюся дверь, влажную изнутри и покрытую крепкой толстой коркой льда снаружи, осыпав целую лавину налипшего снега себе под ноги. В лицо ударил слабый душок тепла, идущего от буржуйки в воровском углу и стойкий запах горелого керосина. Его выделяли на сутки чуть больше капли. Топливо старались экономить, поэтому топили лампу лишь к вечеру, пока не вернулись с работ, потом длинное вытянутое помещение будет освещать лишь огонь из приоткрытой топки буржуйки, но даже этот робкий, еле заметный огонек давал знакомое ощущение одомашненности, какого-то уюта, которого так не хватало в среде суровых гулаговских лагерей.

Игнорируя вопросительные взгляды дежурного, оставленного на протопку в бараке, я запрыгнул на свои нары, слегка поморщившись от прорезавшей запястье боли. Все же острое лезвие финки вора задело, видимо, что-то важное, не позволяющее в полной мере работать рукой. В медпункт обратиться что ли? Мысль о врачебной помощи вернула меня к Валентине... Как она там? Что делает? Работает еще? Или бредет домой? Может стоило дождаться ее возле медпункта и проводить? Нет... Соглядатаев на зоне полно, ей разговоры лишние не нужны, не дай Бог, дойдет до Коноваленко. Воспоминание о бывшем начальнике харьковского управления не вызвало ожидаемой волны ревности, лишь злость и обида, что именно из-за него, они втроем оказались в ТемЛаге. А из-за него ли? Или из-за собственной глупости? Можно же было бы просто поговорить с ним, объяснить все... Понял ли бы он все тогда? Вряд ли... Если уж не понял сейчас, оказавшись на краю цивилизации, во глубине лесов, засыпанных по самые верхушки елей снегом.

Отогреться не выходило. Дрова экономили тоже. Все знал, что после адского трудового дня, каждый из сидельцев тащит на себе по ветке, чтобы не околеть ночью в сорокоградусный мороз, каждый старается выжить.

Замерзшие налипшие на телогрейку снежные хлопья, попав в относительно теплое помещение начали таять. Вниз закапало, как с сопливого водопровода. Раздеваться не хотелось. Я поджал колени поближе к груди, стараясь сложиться

в комочек, греясь теплом собственного тела.

– С рукой что?– скосился дежурный по бараку на мою кисть, замотанную платком в красных пятнах. Это был мужичок из банды Федора, простой работяга, попавший в Темлаг из-за какой-то глупости. Сколько их таких сломала система? Миллион, два? А много ли их вернется к своим семьям, к своим полям?

– Шальная пуля...– усмехнулся я, поворачиваясь спиной к проходу, давая понять, что обсуждать что-то не желаю.

– Как знаешь...– он приоткрыл топку и пошевелил там еле тлеющие угли, не давая им погаснуть, мгновенно вспыхнувшие сотнями светлячков.

– Давай шевелись, быдло!– раздался на крыльце визгливый голос Щеголев. Кто-то ойкнул от боли. Дверь распахнулась и в барак влетел, спотыкаясь от хорошего пинка, один из сидельцев. Бревно, которое он нес в руках полетело куда-то под нары, а сам он рухнул на земляной пол, ударившись лицом о край стола.– Шевелись, я сказал!– следом появился Василь Васильевич, залепленный снегом так, что из-под снежной маски виднелись только злобные узкие сумасшедшие глаза.– Не намерзлись за день, твари? Шевелись, кому говорю! Иначе еще три часа строевой на плацу вам устрою...

Торопливо гремя околевшими кирзачами, один за другим в барак забегали мои сокамерники. До узкой, будто игрушечной печки, сбросили принесенные дрова, потом к своим нарам. У нар застывали, словно восковые фигуры, ожидая фи-

нальной вечерней поверки.

Кряхтя, я спрыгнул вниз, чувствуя, как неприятно чвакнуло в промокшем сапоге.

– Клименко!– рявкнул Щеголев, досмотрев меня в полумраке барака.– Доложить о прохождении медосмотра!

– Осужденный Клименко, 1917 года рождения, статья 58 часть б, срок десять лет без права переписки!– охрипшим голосом проговорил я заученную формулу наизусть.– Медосмотр пройден, замечаний нет! Готов приступить к работе.

– А это?– кивнул на разрезанную руку Василь Васильевич, мгновенно заметив неладное.

– Сержант Головки пояснит,– не стал я вдаваться в подробности, ища глазами своих товарищей Льва Данилыча и отца Григория.

– Ну ладно,– поморщился Щеголев,– все на местах?

Предпоследним в барак тяжело дыша забрел красный, как рак, наш батюшка. В руках у него ничего не было. Полы рясы промокли и висели тяжелым кулем у ног. Он то и дело хватался за сердце, открытым ртом ловя воздух. Ни по нем были такие марш-броски, ни для него тяжелый мужицкий труд. Позади него, подталкивая товарища в спину, зашел Качинский, бледный, кажется, еще более похудевший, чем был, но с все тем же озорным блеском в глазах.

– Теперь все...– удовлетворенно кивнул Щеголев, смахивая с плеча налипший снег.– Что я вам могу сказать, товарищи? Херов работаете, бывшие кулаки и господа...Херово! Так мы

с вами и к следующей пятилетке недельную норму не выполним. А значит что?— он прошелся вдоль строя, закинув руки за спину.— А значит надо что-то с этим делать... Вас наш самый гуманный советский суд простил, дал возможность исправиться, а не расстрелял, как последнюю падаль... Верно?— остановился Щеголев напротив Качинского, уперев ему свой тяжелый взгляд узких мышинных глаз куда-то в переносицу.— Верно...— так и не дождавшись ответа от бывшего офицера, он двинулся дальше вдоль строя.— А потому, вы не имеете права морального этот самый народ подвести! Вот, что я вам скажу, быдло нечесанное! Как нам быть? Спросите вы меня... человека, которого собственно и поставили для того здесь, чтобы сделать из вас настоящих людей! Все очень просто... Если не получается выполнять норму в рабочий день, то его надо увеличить!

По строю заключенных пронесся вздох разочарования. Мы подспудно думали, что Щеголев готовит какую-то гадость, но то, чего додумался его извращенный садистский мозг, стало для нас настоящим открытием.

— Завтра...— он взглянул на часы.— Подъем переносится на четыре утра! Да... Вы останетесь без завтрака, но, послушайте...— снова вернулся он к Качинскому.— Хватит уже! Пора забывать свои барские замашки. Время у нас теперь другое! Новое время! А вы все о булочке с кофеом мечтаете... Не для того мы революцию делали, чтобы вы тут барствовали! Да?— улыбнулся он Льву Данилычу, похлопав его по плечу.— По

шконкам, твари!— неожиданно рывкнул он, мгновенно изменившись в лице, будто судорога пробежала по его пухлым щекам.— И попробуйте мне завтра норму не выполнить! Вообще с вырубки уходить не будете!

Громко топая хромовыми сапогами, он быстро вышел из барака, оставив после себя ощущение чего-то мерзкого, гнилого. Стали разбредаться кто куда. День казался здесь нескончаемым. И хотя темнело рано, а рассветало поздно, как в любой неволе, минуты и часы тянулись удивительно долго. Истопник прямо сырыми дровами стал набивать плохо прогретую печь. Задымило до рези в глазах, запахло копченным дымком. Мы втроем уселись на шконке отца Григория, еле стоявшего на ногах.

— Ну и сука нам досталась,— выругался Качинский, чем меня несказанно удивил. Надо же, воспитанный человек, интеллигент, бывший офицер, а ругается, как последний дворник. Видимо, долгое скитание по лагерям дает о себе знать, даже на таких, казалось бы железных людях, как Лев Данилыч,— на чужом х..ю хочет в рай выехать, сука!— процедил он, дуя на обмороженные пальцы.— Мы ему сегодня не только дневную, годовую норму сделали, а ему все мало... Трудовому народу... Обязаны... Да чхать трудовому народу на нас и нашу работу!— сплюнул Качинский.— Довели страну до ручки! Народу, там на воле сейчас нужно одно, чтобы пришли не за ним, а за соседом! Чтобы норму выполнять не здесь за бесплатно, а там за копейки, которые платят лишь для того,

чтобы ты мог выжить.

– Лев Данилыч...– попытался поспорить я с ним.

– Заткнись, Саша!– неожиданно грубо ответил он.– Заткнись за своей кремлевской пропагандой! Иначе я тебя придушу сейчас вот этим окоченевшими от холода пальцами. Посмотри на батюшку! Что с ним? Старика чуть до инфаркта не довели! Об этом мечтали, когда делали революцию? Этого блага хотели для народа? Ладно, я старый контрик, а вы? Ты комсомолец, чекист без страха и упрека... Или Федька, севший за мешок пшеницы, которую украл с колхозного амбара, чтобы дети с голоду не опухли. Что вы здесь делаете в этом аду? А? Такого будущего вы хотели для своих детей? Монархия им мешала? Да при монархии вы бы жили припеваючи где-нибудь в Сибирском поселке, драли местных крестьянок и жрали самогон от пуза. А здесь?

– Лев...– начал было я.

– Что Лев? Мы стали жить в стране, где человеческая жизнь стала разменной монетой, а люди стали быдлом, с мнением которого не стоит и считаться! Разве не так?

– Я...

– Ты!– упер он мне в лоб свой мозолистый палец.– ты и такие же как ты, верят в эту идеологию, пока не попадут в такой маленький импровизированный ад, как тот, в котором находимся мы. И лишь после этого к вам приходит осознание того, что именно вы натворили в семнадцатом году.

– Баланду принесли!– закричали из-за двери. Это-то и

спасло меня от вопроса, на который у меня не было ответа. Еще всего лишь год назад я б с уверенностью поспорил бы с Качинским. Да что там! Я бы и руки ему бы не подал. Но посмотрев на систему изнутри, я вдруг понял, что теперь, пройдя все круги ада, даже мне все мои аргументы кажутся смешными и нелепыми.

– Налетай, братва!– подручные Кислого первыми гордо продефилировали к двери. Им по статусу было положено первым снимать пробу с блюд. О каком равенстве может идти речь, если даже здесь, в лагере, люди были разделены ступенями строгой иерархической лестницы?

– Что сегодня на ужин?

– Говорят свежего поросенка запекли?

– Щеголев лично постарался!– усталость многих, как рукой сняло. Вялые после долгого трудового дня люди зашевелились, заговорили, даже где-то послышались смешки.

– Опять луковый суп!

– Это там где вместо лука луковая водица?

Я молча схватил свою миску, став безропотно в очередь, захватив между делом и плошку отца Григория, все еще не отошедшего от работы.

– Поспешите, братва, всем может не хватить! Уж больно вкусным супец-то вышел! Наваристый!

Один из зэков бодро разливал по тарелкам жидкую баланду. Посмеяться было с чего. Давно остывший, покрытой какой-то мутной пленкой, суп мало напоминал суп. Среди

бледно-желтой водицы плавали одинокие три кусочка лука и картофельные очистки.

– А хлеб?

– Хлеб трудящимся положен!– отозвались в очереди.– А Щеголев сказал, что поработали мы сегодня херово...

Я дождался пока и мне плеснули половник мутной жизни в обе плоски. Недовольный Качинский топтался позади, старательно отводя взгляд. Ему было стыдно за ту вспышку гнева, которая случилась пару минут назад. Я это чувствовал и лезть не стал. Переночует со своими мыслями наедине, сам заговорит.

– Давай шустрей,– подогнали меня из очереди,– желудок от голода сводит.

Стараясь не расплескать и без того малую часть супа, которую выделили нам на двоих с отцом Григорием, я медленно прошел к нарам. Следом с серьезным видом шагал Качинский. Молча подал еду батюшке и сел рядом на краешек нар, выудив ложку из кармана телогрейки. Здесь ее всегда старались носить с собой. Ложка в лагере было неким ценным артефактом, за которым охотилось охочее на поживу ворье. Из ложки можно было заточить нож, ею можно поделиться с другом, а значит тот кто имел больше одной автоматически переходил в разряд местных аристократов. Это была своего рода психология. Никто не хотел унижить себя до такой степени, чтобы лакать из миски, бдто какой-то пес. Их и без того тут за людей не считали, еще не хватало самому опускаться-

ся до этого уровня. Потому ложки берегли, старались либо носить с собой, либо прятать в таком месте, в котором шустрое ворье их найти не могло. Лично я носил ее с собой.

– Да...– промолвил я, зачерпывая мутную жижу и выливая ее обратно. Вместо лука желтые, почерневшие от сырости очистки, прибитые морозом, вместо картофеля крахмал и очистки. Запах стоял отвратный.

– Спаси Господи!– широко перекрестился отец Григорий, прихлебывая отвратное варево.– Конечно, не кутья, но есть можно! Благодарите Всевышнего за то, что подарил нам возможность хоть как-то питаться...

Я с сомнением воспринял это утверждение, но всего же заставил себя проглотить эту мерзость, ничего не ощутив кроме неприятного холодка, скатившегося в пищевод тугим комком, который настойчиво не хотел растворяться где-то внутри, норовя поползти обратно, то и дело подкатывая к горлу. Обернулся на Качинского, который довольно шустро наворачивал ложкой, цокая звонко уже о дно тарелке. И это было, пожалуй, самое удивительное. Потомственный дворянин, граф или барон, кто он был, ловко управлялся с почти что помоями, закидывая их за обе щеки, да еще и причмокивая от удовольствия.

– Что смотришь?– заметил он мое удивление.– Странно, да?

Я кивнул.

– Я в четырнадцатом в окопах не такую гадость умудрялся

есть! Организму надо питаться, чтобы двигаться. Двигаться надо, чтобы жить! Арифметика проста, чем больше ты поел, какой бы дрянной пища не была, тем больше ты протянешь. А раз тут , более приемлимой пищи не предвидится, то следует пользоваться тем, что есть...

– Эх други мои... – вздохнул отче, оставляя пустую посуду в изголовье нар. – Знал бы я вас раньше... Как моя матушка готовила... Какие рыбные дни у нас были! Котлетки из омуля выходили у моей Марфы Васильевны просто объедение. Вот бы пригласил бы вас на обед, да попотчевал, как следует, в миг забыли бы об этом всем кошмаре... – он обвел барак рукой, будто разом хотел изгнать всех отсюда, переместившись в свой уютный домик при поместной церкви, где в печурке трещат дрова, а счастливая Марфа Васильевна накрывает на стол, суетясь вокруг.

– Ничего, отче, – улыбнулся Качинский, похлопав священника по плечу, – лет через десяток может и покормишь. И Марфа твоя стол нам такой накроет, какой свет не видывал!

Отец Григорий неожиданно всхлипнул и отвернулся, пряча скатившиеся по небритым щекам слезинки.

– Ты чего? – нахмурился я. – Десять лет не такой большой срок. Дни пролетят и не заметишь.

– Не выйдет, ребяташки у нас обеда у Марфы Васильевны моей... Не выйдет... – плечи взрослого мужика вздрагивали в такт прерывистым рыданиям взхлеб.

– Братва, а поп наш ревет! – донеслось с соседних нар.

– Пошел вон!– рывкнул я, придвигаясь к отце, обнимая того за плечи.

– Да брось, Григорий Иванович...Десять лет...

– Нет больше моей Марфы Васильевны...Прибрал Господь к себе...

Мы с Качинским переглянулись. Он мгновенно спрыгнул сверху, занимая место рядом. Нельзя было дать сломаться человеку! Только услышишь хруст, спасай! Тут надломленным места нет, не сдюжат местных условий.

– Уже не верю я ни в Бога, ни в черта отце,– начал Лев Данилыч,– жизнь отучила, но если там,– он указал на потолок нашего разваленного сарая-барака,– что-то и есть, уверен, что ей лучше, чем нам тут...

– Они приехали ночью...Мы уже спали! – отец Григорий повернулся к нам заплаканным лицом, исчерченным глубокими морщинами. Только сейчас я заметил, что он намного старше выглядит, чем есть на самом деле.– Дверь была закрыта. Они тарабанили в нее, пока я не встал. Пятеро в форме, молодые, подтянутые...Как ты,– он указал на меня. И от чего-то в этот момент мне стало жутко от такого сравнения, что-то было в голосе отца Григория такое, что заставило по спине пробежать ледяному холодку.– Начался обыск. Весь дом перевернули вверх дом, а мою...мою Марфу...Ее впятером, поочередно, у меня на глазах...Как бесы! А я ничего не мог сделать. Только выть, по-волчьи выть...Не знаю сколько длился этот кошмар! Час, два...Я все помню, как в тумане!

Когда меня вводили, она все еще лежала нагая в коридоре и только ногами с трудом шевелила и стонала, тихо так...протяжно...

– Ой...ой...ой...– он по-бабьи прикрыл рот ладошкой, чтобы снова не завывать, как в тот страшный вечер. Слезы градом катились по его щекам, и он не мог, не хотел их останавливать. И от этого становилось жутко. Мы с Качинским молчали, чувствуя себя неуютно.

– А потом на следствии, мне сказали, что она умерла в ту ночь, а двух девчонок наших Наташку с Ольгой в приют для детей врагов народа, как щенят отдали...Не приготовит Марфуша нам рыбки больше...

Я готов был провалиться в этот момент сквозь землю. Я понимал, что все люди разные, что на местах часто бывают в нашей системе перегибы, что сволочей везде хватает, но все слова отца Григория жутким упреком хлестанули по моему сердцу, словно кнутом. Да что же это за день-то такой, сначала Качинский, потом отче...

– В раю она, Гриш, в раю мученицей попала...– выдавил из себя Лев Данилыч, сжимая кулаки, словно готов был в этот момент оторвать головы этой солдатне, сотворившей такой кошмар над беззащитной женщиной.

– Нет ее просто...Нет, Лёва! – вытер слезы отец Григорий.– Я сегодня только осознал, что нет её и рая нет, и Его нет!– он махнул рукой на потолок, словно снимая паутину.– Разве ж, если б он был, до допустил такое с моей Марфу-

шей? Разве смог смотреть на такое спокойно... – отче кивнул на мою полупустую миску. – Как бесы издеваются над нами! Дал бы им волю превратить нас в бессловесное стадо? Не дал бы... А раз так, то нет Его боле, и служение мое бессмысленно Ему.

Он пошевелился и через голову снял мокрую рясу. Бросил на пол, оставшись в одном грязном исподнем.

– Нет больше веры на земле русской! Продали мы ее... – одним движением он выпростал из отворота рубашки крестик на веревке и рванул, что есть силы вниз, оставляя на белой от мороза шее красный тонкий рубец. – Нет ее! – и отбросил его куда-то в угол, глубоко разрыдавшись.

Наступила такая оглушительная тишина, что даже дружки Кислого в своем углу притихли. Барак был маленький, и все невольно стали свидетелями нашего разговора. Я обернулся, удивившись задумчивым лицам сокамерников. Каждый в этот момент думал о своем, о несправедливости, о времени больших перемен, в котором мы живем, о системе, которую не сломать. О жизни, которая за этой колючей проволокой, стала не дороже выброшенного отцом Григорием дешевого медного крестика.

– Ну-ка пропусти!

– Мотя, не положено! Щеголь меня убьет! – прервал тишину чей-то разговор доносившийся из-за двери.

– Седой раньше убьет, если долг карточный не вернешь! – коротко обрубали любые возражения за дверью, которая тут

же распахнулась и на пороге появился небольшого роста вор в яловых сапогах и расшитой рубахе косоворотке под новенькой телогрейкой. Позади него топтался наш вертухай – лопухий юнец, восемнадцати лет отроду, прозванного за тонкую талию и визглявый по-женски голосок спицей.

Вор осмотрел барак, ища кого-то глазами. Раз, другой, третий, пока не остановился на мне. Улыбнулся, блеснув в нашем полумраке золотыми фиксами, и уточнил:

– Ты Чекист будешь?

В тот момент я даже был рад тому обстоятельству, что выйду из нашего барака, уж слишком тяжким грузом на меня легло бремя ответа за грехи организации, в которой раньше служил.

– Я!

– Семечку ты в обед поломал? – поморщился Мотя, как от зубной боли.

– Он первый с ножом кинулся, – пожал плечами я, чувствуя, как неприятный холодок страха закрадывается в мое сердце.

– Это Седому расскажешь! Семечка тебе предьяву кинул, ответить придется... Идем!

И не дожидаясь моего согласия, вор двинулся прочь, отодвинув широким плечом ноющего позади Спицу:

– Мотя, куда пойдём? А если Щеголь с проверкой нагрянет? Ночью любые передвижения по лагерю запрещены. Да он меня в ШИЗО сгноит!

Но вору было глубоко плевать, не обращая внимания на стенания вертухая, он по-кошачьи мягко ступал по мокрому свежему снегу, уходя куда-то вглубь лагеря. Там где находился административный корпус. Пожав плечами, я двинулся за ним, расслышав за спиной голос одной из шестерок Кислого.

– Допрыгался Чекист! За вора его на перо посадят в раз!

– Заткнись!– рявкнул Качинский, но дальнейшего я уже не разобрал. Спица закрыл за мной дверь в барак и отчаянно зашептал на ухо:

– Ты только побыстрее, если что... А? Щеголь придет, мне головы не сносить, а мне до дембеля три недели осталось!

Что мне было ему ответить? Что сам не знаю вернусь или нет? Или пообещать, что все же вернусь?

Я промолчал и чуть ускорил шаг, чтобы побыстрее догнать ушедшего уже далеко вперед Мотю. Тот шел, не оглядываясь, уверенный, что я следую за ним попятам.

Мы шли, абсолютно не скрываясь, по главному проулку ТемЛага. С вышек за нами наблюдали вертухаи, посты безопасности провожали нас долгим внимательным взглядом, одни сочувствующим, другие насмешливым, но не один из них не попробовал нас остановить или окликнуть. В который раз я убедился, что власть воров в местах не столь отдаленных намного сильнее, чем власть администрации.

Отбой уже прошел. После десяти часов любые передвижения по лагерю запрещены. За нарушение расстрел на месте, а тут... Мотя вел меня куда-то вглубь административных

зданий, с некоторыми вертухаями даже здороваясь. Прошли мимо медпункта, архива, нескольких столовых для комсо-става и свернули за высокий двухэтажный сруб котельной.

Здесь я еще побывать не успел. Почерневшее от копоти крыльцо, забитые фанерой окна и прогуливающийся зэк на входе встретили нас у здания котельной.

– Все тихо?– уточнил Мотя, кивнув часовому. Именно так я понял его функцию.

– Как в аптеке... Или в морге!– хохотнул паренек, кото-рому от силы можно было дать лет двадцать. Окинул меня подозрительным взглядом, но не задал не единого вопроса. Пропустил нас, распахнув дверь перед Мотей дверь. Что уж говорить, люди Седого, в отличии от местных вертухаев, бы-ли вышколены на совесть, хоть и в армии никогда не служи-ли.

– Отвечать коротко и по существу,– обернулся ко мне в предбаннике Мотя, блеснув в полумраке золотыми фикса-ми,– не спорить, ближе чем на три шага не приближаться. Ну и не начуди, очень тебя прошу, Чекист. Там народа очень много успеем спеленать и...сам понимаешь! Шансов ника-ких.

Я кивнул, внутренне собираясь. Рука ныла, но в прин-ципе жить захочешь, можно и ей помахатьсь. А насчет шансов... Тут Мотя не прав. Шанс есть всегда! Посчитаем, осмотримся, а там и посмотрим у кого не шансов. Я не боял-ся. Терять мне было уже нечего... Оставалось только дорого

продать свою жизнь в случае чего...

В лицо ударило тепло. После легкого вечернего морозца оно стало почти обжигающим. Тут дрова не экономили. В углу комнаты расположился огромный котел с целой системой датчиков давления, раскаленный почти до красна. Рядом с ним высокая гора угля с воткнутой в нее совковой лопатой. На столе керосиновая лампа чадит, отпуская причудливые тени по выбеленным стенам комнаты. У приоткрытой дверцы котла на корточках в накинутаой на голое тело фуфайке огромного роста зэк ворочает кочергой горящие угли. За столом, накрытом для позднего ужина худощавый старик с серыми, будто седыми глазами. Его жилистые тонкие руки сплошь усыпаны синими гроздьями татуировок разных размеров и форм. Рядом с ним, баюкая ушибленную мной руку, сидел Семечка, морщась от каждого неловкого движения.

От запаха печеной картошки свело желудок. Вечно голодный он одобрительно заурчал, чувствуя запах человеческой пищи. С трудом я проглотил накативший комок.

– Привёл... – доложил Мотя, отходя мне за спину. Вроде как случайно, но таким макаром, чтобы я не смог ломануться в двери.

Седой спокойно достал из голенища сапога наборной финский нож и ловко порезал огромную картофелину на три равных части. Освободившись от плотной кожуры, она задымила, все больше распалая мне аппетит.

– Чуть не допёк! – неодобрительно покачал головой вор,

забрасывая в рот картошку.

– Дольше поддержишь, спалим!– пожал плечами тот, что сидел у приоткрытой дверцы котла.– Температура, вон какая!

– И то в цвет! – согласился Седой, поворачиваясь неспешно ко мне.– Ну что скажешь, фраерок? Ты по что Семечку на больничку отправил? Он пришел ко мне правду искать! Говорит иду по дорожке, никого не трогаю...А тут, дай закурить, на гоп-стоп по беспределу, только и помнит, как по сусалам отхватывал! А беспредела у меня в лагере я не допущу!

– А что же он правду пошел искать не к «хозяину»?– улыбнулся я через силу. Хотя понимал, чо хожу по лезвию ножа и в любой момент могу с него соскользнуть.

– Ты мне тут не шуткуй! Ты человека покалечил по беспределу. Он предъявляет тебе. Жизнь твою требует взамен! А ты шутки шутишь...– повысил голос Седой. Незаметно, еле слышно Мотя позади меня придвинулся поближе. Его дыхание я уже чувствовал у себя за плечом. И правда, никаких шансов...

– Я, конечно, в ваших делах не спец...Но как-то по-детски это выглядит, не по-пацански, уж извините. Я ему морду набил, а он жаловаться старшему прибежал, помогите, защитите, беспредел твориться... Был бы мужиком, сам бы разбираться стал, пусть даже, когда руку залечит.

Наступила тишина. Седой внимательно смотрел мне в гла-

за, ничего не отвечая на мою гневную тираду. От его взгляда мурашки не то, что побежали по спине, а ноги подкосились от страха. Харизматичный был мужик, что не говори... А потом он вдруг совершенно искренне рассмеялся, снимая повисшее в воздухе напряжения. Хлопнул довольно по плечу сидящего рядом Семечку, заставив того болезненно поморщиться и радостно сообщил:

– Я говорил, что у него очко не сыграет, Малина? А ты ссыкнет, ссыкнет...

Огромный увалень, пекущий картошку, молчаливо пожал плечами, продолжив выуживать из углей ароматно дымящуюся картофелины.

– Не зря Семечка на больничку загремел! Не зря... Присаживайся, Чекист, побазарить надо! – пригласил Седой меня к столу, пододвигая нарезанную ломтями картошку. От близости еды свело желудок, но я мужественно терпел, не желая быть чем-то должным вора.

– Ты уже понял, наверное, что все это была подстава? – уточнил Седой, когда я присел напротив него на колченогий грубо сколоченный табурет. Мотя облегченно выдохнул, выходя из-за моей спины, присаживаясь рядом с Малиной к котлу, грея озябшие руки с мороза. Только сейчас я заметил, что в руках вора была тонкая, как игла заточка, которой он в любой момент мог мне продырявить спину пока стоял позади, если бы что-то пошло не так.

– Догадывался... – кивнул, стараясь отвлечься хоть

немного от запаха картошки.

– Теперь бьешь голову, зачем нам вся постанова была нужна?– понятливо усмехнулся Седой.– Ответ простой, Чекист... Проверка эта была на вшивость. Сыграет у тебя очко перед опасностью или нет, фартовый ты фраер, хоть и мусор или так... Понты колотишь!

– Зачем? Неужели в вору меня решили короновать?– чуть успокоившись, съязвил я.

– Шутник!– одобрительно кивнул Мотя.

– Короновать? – рассмеялся счастливо Седой.– За то, что по мордасам Семечке съездил? Не велик подвиг, скажем прямо. Он у нас щипач, к драке совсем не приучен, так что особо нос-то не задирай! Дело в другом...

Я промолчал, ожидая продолжения. Излишнее любопытство здесь не ценят. Придет время сами все расскажут.

– На свободу хочешь?– неожиданно резко спросил Седой, переходя с игриво-доброжелательного тона на серьезный.

– Кто ж не хочет?– пожал я плечами, уже просчитав куда клонит вор.

– Вот и мы хотим! Есть у нас план, как срок себе скостить, да только профиль у нас неподходящий, опыта в таких делах маловато, а ты парень боевой, с образованием военным, разбираешься в таких вещах... Подскажешь, как лучше работать, чтобы все в цвет прошло.

– За это мы тебя с собой возьмем,– улыбнулся Мотя,– а как с тайги выберемся, так ты налево, мы направо и все до-

вольны! Как ты на это смотришь?

Что и сказать... предложение было довольно заманчивым! Десять лет казались теперь нескончаемо длинным сроком, а при нынешнем каторжном труде, даже с моим молодым организмом, еще пока не до конца истощенным, я не выдержу и его половины. Но что-то меня останавливало. Может то, что побег мне предлагали именно воры, которым верить априори было нельзя, а может во мне говорил все еще недобитый Качинским и отцом Григорием чекист? Не знаю...

– Надо подумать,– выдавил я из себя, понимая, что этой фразой, возможно, подписываю себе смертный приговор.

– Чего тут думать?!– возмутился Мотя.– Когти рвать отсюда надо и вся делов!

– Говорил же ссыкнет...– пробормотал будто про себя Малина.

– Чекист он и в Африке чекист,– махнул здоровой рукой Семечка.

– Ша! – рявкнул Седой, стукнув кулаком по столу так, что зазвенело в ушах.– И долго думать надо?

– Дня два...

– Иди...– успокоившись, произнес снова тихо Седой.– Только о нашем разговоре должны знать только мы. Свистнешь в администрацию...

– Я понял, не дурак.

– Надеюсь, Чекист! Мне бы очень не хотелось тебя убивать,– спокойно, будто о чем-то обыденном, сказал вор.–

Мотя проводи его до барака. Не хватало, чтобы патруль его в ШИЗО закрыл за нарушение режима.

– Так Ковригин сегодня амнистию штрафникам всем дал, к годовщине революции!

– Проводи...

– Понял, не дурак!– вор отбросил в сторону недоеденную картошку и легонько подтолкнул меня к выходу.– Пойдем, Чекист, прогуляемся под луной. А знаешь какие у нас звезды в Одессе? Вот такие... И близко близко над морем, рукой достать можно.

Он еще что-то рассказывал про свой родной город, болтая без умолку всю дорогу, но я его уже не слышал толком. Все мои мысли были лишь о том, что не было печали, купила баба поросю. Теперь кроме ссоры с Качинским, драки с Кисловым, присутствием здесь Валечки, у меня появилась новая и довольно серьезная проблема... Как отказаться от предложения воров и остаться в живых.

ГЛАВА 21

То, что происходило между Андреем Коноваленко и Ирочкой Бергман сложно было назвать любовью. Животный инстинкт овладевал ими обоими каждый раз, как только они оставались вдвоем. Страсть, всепоглощающая похоть захватывали их разум и толкали на самые непредсказуемые безумства.

Вот и сейчас... Едва Бергман зашла в белом халате к нему в кабинет со стопкой каких-то личных дел, слегка покачивая

бедрами прошла к столу. Коноваленко снова почувствовал, как желание охватывает его сознание. Эта женщина будто была соткана из похоти... подумалось ему. Эти взгляды, сводившие его с ума, полуоткрытые полные губы, крутые широкие бедра, аккуратная грудь только одним своим видом кричали: «Ну возьми же меня!»

Вот и сейчас, он не стал ждать пока она разложит бумаги у него на столе. Грубо схватил ее за грудь и впился в нее губами, покрывая шелковистую кожу поцелуями. Бергман застонала и вся подалась вперед, отдаваясь, словно в омут с головой, ласкам Андрея. Его руки зашарили по ее телу и с удивлением отметили, что под белым халатиком ничего-то и нет. Всего лишь на секунду он оторвался от женщины, чтобы поинтересоваться:

– Холодно же?

– Меня любовь греет, Андрюшенька!– выдохнула Бергман, отталкивая любовника на спинку стула. Теперь она была хозяйкой положения, королевой, во власти которой подарить мужчине неземное наслаждение или наоборот, оставить его в этот вечер без сладкого.

Быстрым решительным движением она дернула ремень на брюках хозяина лагеря, торопливо расстегнула несколько пуговиц нательного белья и опустилась перед ним на колени. Провела рукой по его возбужденному члену, наивно промурлыкав, что-то про любовь.

– Давай же...– выдохнул Андрей, закрывая глаза от удо-

вольствия. Голова Бергман мерно двигалась под его ладонью, положенной на затылок, и в целом мире ничего более для Коноваленко не существовало, лишь эти движения и легкое причмокивание медсестры.

Когда все закончилось, он совершенно опустошенный пытался придти в себя, наблюдая, как у маленького зеркальца рукомойника Ирина поправляет сбившуюся прическу с таким видом, словно ничего и не было.

А сразу и не скажешь, что минуту назад она такое вытворяла своим язычком, что поручик Ржевский бы покраснел... Подумал Коноваленко, заправляясь. Может так и Валентина встречала его с работы, прихорашивалась, после того, как ее Клименко стервец драл прямо у них на квартире. Мерзко... Он сплюнул, достал стакан и вылил в него остатки самогона.

– Сволочи вы все...– выдохнул он, опрокидывая в себя спиртное залпом. Не поморщился, проглотив его, как воду. Крепче домашнего самогона был пожар в его душе. Намного крепче и опаснее.

– Это ты сейчас о ком, Андрюшенька?– повернулась к нему Бергман. Малюю по губам ярко-красной губной помадой.

– О бабах, о ком же еще? Лживые вы все существа! Лживые и хитрые!

– Кто бы говорил?– улыбнулась Ира.– Ты-то какой правильный, прямо идеальный муж, за щеку навалял мне. А те-

перь пойдешь комплименты своей супруге делать, суп ее нахваливать, да на ночь в лобик целовать целомудренно... Кобели вы все! Вам от нас только одно и нужно...

– А вам?– Коноваленко потянулся еще за одной бутылкой, но самогон кончился. Остлся лишь початый коньяк, который они распивали утром с Ковригиным. Какая к черту разница? Решил он, когда на душе так погано. Янтарная жидкость почти до краев наполнила граненный стакан. Ирина, приведя себя в порядок, молча достала небольшую пыльную рюмку из буфета и поставила рядом.

– И нам, Андрюша, и нам нужно от вас только одно... А еще забота, внимание, любовь... Нам много чего надо,– со вздохом сообщила Бергман,– чтоб баба счастливой стала много условий сойтись должно. Хороший секс не самое определяющее в этом.

– А чего ж вы, тогда налево ходите, если не определяющее, а?– они чокнулись.

– Бабу драть надо, андрюша. Пусть иногда, но драть... А если ты с работы неделю уставший, вторую уставший, месяц пьяный вдрызг, кому это понравится. Свято место пусто не бывает. Баба всегда найдет замену... Ей это проще, губки на-красила. Бровки подвела, платъице покороче и все! Вечер занят...

– Вот и говори, с-суки...

– Причину нашей стервозности в первую очередь нужно искать в вас, мужиках! От хорошего мужика баба гулять не

пойдет.

– Ой ли!

– Вот тебе и ой ли, Андрюша! Я это точно знаю!– заявила Бергман.

– Ты?– пьяно хохотнул Коноваленко, да ты ни одного члена не пропустишь, если он хоть как-то стоять будет...

Пощечина, резкая звонкая обожгла щеку Андрея быстрее, чем он смог отклониться или защититься от нее. Кожа мгновенно вспыхнула красным, оставив след пальцев Бергман, кошкой прыгнувшей на капитана.

– Сволочь ты, Коноваленко! Сволочь. Поэтому и трахалась твоя Валентина на стороне с этим сопляком Клименко, да и сейчас, наверное, трахается! Потому что не способен ты, своей чугунной головой думать об отношениях, строить что-то, анализировать. Был солдафоном, так солдафоном и помрешь, а я ее чисто по-женски понимаю. От такого, как не загулять?

– Пошла вон...– процедил Коноваленко, потирая ударенную щеку.– Пока я тебя, как бешеную суку не пристрелил...

– Ничего ты так и не понял!– грустно покачала головой Бергман.– Ничего...

– Пошла вон!– рука Коноваленко метнулась к кобуре на правом боку. Нервно зашарила там, пытаясь справиться с клапаном застежки. Ирина смотрела на его возню довольно спокойно.

– Правда глаза колет? Уйду я, не волнуйся...А ты беги

домой, солдафон, может твоя Валя, как раз зэка спать до барака провожает.

С этими словами Бергман вышла прочь, громко хлопнув дверью, оставив Коноваленко в одиночестве. Он наконец-то справился с застежкой кобуры. Достал пистолет, положил перед собой, глядя холодную сталь кончиками пальцев.

Может твоя Валя как раз зэка... Он резко взмахнул рукой, прикладывая вороненную сталь к собственному виску. Раз, два, три... Мысленно просчитал он про себя. Металл неприятно холодил кожу. Всего лишь одно еле уловимое движение, одно нажатие на курок и все закончится! Раз, два... Андрей зажмурился до боли в глазах. Палец на спусковом крючке дрогнул, погладив изогнутый металл.

– Нет... – он облизал враз пересохшие губы. – Еще не время...

Аккуратно отвел оружие от себя, положив напротив себя на стол. Что его остановило? Мысль о Глебе, ставшим за столько времени абсолютно чужим ребенком? Любовь к Вале? Или может быть просто обычный страх? А вдруг там, за порогом ничего и нет? Только выстрел и пустота! Глубокая пустота, неизведанная, как черная дыра, которая засасывает в себя все вокруг? Вдруг нет ни рая, ни ада, никакой другой жизни? Вдруг он просто перестанет в один миг существовать?

Решительно налил себе еще коньяку. Горячий алкоголь немного привел его в чувство. Чтобы все потом сказали из-

за бабы застрелился, чтобы она дождалась этого Клименко, он жил с нее, а Глеб называл его папой.

– Хрен там!– уже опьяневший и немного осоловевший, а оттого агрессивно-решительный, Коноваленко стукнул кулаком по столу, приводя себя в рабочее состояние.– Расклеился, тряпка!– поругал он себя.– Все беды в нашей жизни от баб! Именно они источники мужских страданий! Пошло оно все!

Настроение, испорченное Бергман, так и не вернулось, зато мысли о самоубийстве покинули его. Андрей встал из-за стола, опрокинув кипу бумаг, лежавших на краю стола и оделся. Вышел на улицу, когда стрелки на ручных часах показывали почти половину первого.

Морозный колкий воздух немного остудил его. Упорядочил мысли, заставил застегнуть шинель на все пуговицы, сбив хмельную оскомину. Лагерь, живя строго согласно заведенного распорядка. Лишь где-то вдалеке, в женской половине Темлага слышался надрывный лай овчарок, да негромкая переключка часовых. Дежурный снимал пупкарей с вышек. Закурил. Минут пять простоял просто так. Не зная стоит ли идти домой. Да и дом ли это его? Дом – это там где ждут, верят, где любят, а там...

Плюнув на все, он двинулся по натопанной тропинке, пряча подбородок в шинель от мокрого снега. Идти больше ему все равно было некуда. Не к Бергман же возвращаться после сегодняшней ссоры? Хотя та примет, обогреет, нако-

мит, да и спать рядом уложит, а все равно, Андрей внутренне чувствовал, что это не то... Не королева...

В служебной квартире свет не горел. Окна занавешаны старыми потертыми шторками, оставшимися от старых хозяев. Крыльцо завалено снегом и только два аккуратных следа. Дома... Определил именно по ним присутствие супруги Коноваленко. Других следов не было. Значит одна! Непонятное чувство удовлетворения от этой простой мысли совсем расслабило его, он толкнул незапертую дверь, стараясь поменьше шуметь. Но все же наткнулся на какой-то тазик, загремел, негромко обматерив себя за неаккуратность.

Чиркнула спичка, мотыльком сгорая в темноте огромной комнаты. Валя в одной ночной рубашке запалила керосиновую лампу.

– Андрей...– заспанные спросонья глаза жены смотрели на него испугано.

– Спи уж,– махнул он рукой, непослушными пальцами пытаюсь расстегнуть португепю и пуговицы на шинели.

– Ты чего так поздно?– Валя прошла к столу, набрала из графина себе воды в кружку, отпила глоток, наблюдая за мужем, чувствуя каждую неловкость в его движениях, ощущая свежий перегар, даже заметив синий засос на шее.

– Документами занимался,– наконец повесив шинель на вешалку, напоминающую чудовище с тремя руками, виновато потупился Коноваленко. Весь его запал ревности пропал, чтобы в любой момент вспыхнуть вновь под силой обстоя-

тельств.

– С Бергман?– усмехнулась едко Валя.

– А хоть и с ней?– разозлился Андрей.– Я же не спрашиваю по сколько раз на дню твой медпункт посещает осужденный Клименко?

Лицо Валентины разом изменилось. Знает...Сердце испуганно рухнуло в пятки, заставив содрогнуться все тело, от ледяных мурашек, пробежавших от шеи до лопаток.

– Какой Клименко?

– Ты дуручку не ставь тут...Хватит! Твой Клименко какой же еще? Ты мне сейчас расскажи, что это стало для тебя открытием? Сидит он здесь...Как и мы!– Андрей подошел к Валентине, стараясь поймать ее виляющий взгляд, чтобы хотя бы по нему понять, знала или нет?– Вижу...Знаешь уже..Ну и как, трахнулись уже, а?

Валентина ударила по щеке без замаха. Только гулко отозвалась плотная с мороза кожа. Ладонка заныла, оставляя на небритом подбородке красный след.

– Надо же...Второй раз за вечер!– горько усмехнулся Коноваленко, потирая ударенную щеку.– Что-то всех разобрало меня по лицу бить?

– Может если бьют, виноват не тот кто бьет, а лицо, по которому бьют?

Андрей взметнул руку, сжатую в кулак, почти мгновенно, Валя даже не успела ее заметить, чтобы увернуться. Лишь в паре сантиметров от лица Коноваленко остановился, до боли

сжав зубы.

– Он жить не будет! Это вопрос я решу в течении недели, а ты пока ни ногой из дома. На работе скажешься больной, эков пока полечит Бергман. Ты меня поняла?

– А кто же мне запретит?

– Я пока твой муж!– заревел Коноваленко, вколачивая кулак в стену над самой головой женщины. Валентина угналась, чувствуя, как ей на волосы посыпалась глина.

– Уже давно нет...– горько усмехнулась она, едва сдерживая слезы.– Только если по паспорту. Рывком освободилась из не слишком плотного захвата. Ткань ночной рубашки затрещала под напором пальцев Андрея, но до конца ее рвать он не стал, отпустил. Гнев, вспыхнувший сухим порохом, так же мгновенно погас, оставляя лишь горечь со вкусом полыни такую, что захотелось сплюнуть.

Валя набросила на плечи пальто и впрыгнула в теплые валенки, захлебываясь рыдания, еле сдерживаясь, чтобы не зареветь в голос. Крупные молчаливые слезинки катились по ее лицу, оставляя влажные блестящие дорожки по щекам. Как ж их хотелось стереть Андрею, как хотелось коснуться их, но переступить через себя он не мог.

– К нему не пустят...– бросил он, сбрасывая гимнастерку и усаживаясь за стол, обхватив голову руками, которая вдруг стала чугунной, будто налитой свинцом.

– Плевать!

Хлопнула входная дверь, впуская облако морозного па-

ра, оставляя Андрея одного. И это ощущение безысходности, одиночества и глубокой внутренней боли, рвущей на куски сердце, было настолько оглушительно сильным, что в какой-то момент Коноваленко показалось, что он умирает. Скрип Валиных торопливых шагов по снегу под окном отзывался в сердце как очередной гвоздь в крышку его собственного гроба.

Валя бежала, не разбирая дороги. Слезы застилали глаза. Было холодно, но этого щипучего мороза она совсем не слышала. Ноги сами несли ее неизвестно куда, лишь бы подальше от этого страшного человека, которого она когда-то называла своим мужем. В голове отчаянно билась лишьодна мысль... Спасти Сашку! Предупредить!

Она не знала ни номера его отряда, ни барака, в котором он находился, но упрямо, утопая в снегу, бежала куда-то в ночь, расхристанная, заплаканная и совершенно испуганная.

– Сашенька... Сашечка... Сашка... миленький мой... – твердила она, ныряя по колено в свежие сугробы, оскальзываясь на натоптанных дорожках, пару раз ощутимо приложившись о крепкий наст локтем.

Силы оказались не беспредельны. На середине своего пути в никуда, она вдруг рухнула в снег на четвереньки и заревела. Липкие снежинки запутались у нее в волосах и длинных ресницах, тая на разгоряченном теле. Промокшие ноги отказывались куда-то дальше двигаться.

– Саша...

– Ну-ка стоять, значит!– позади нее раздался встревоженный, знакомый голос. Валентина медленно повернулась, в темноте позади себя, разглядев несколько фигур в форме. Прислал церберов, чтобы вернуть обратно. Мелькнула мысль. Он никогда меня не отпустит! Никогда! Лучше смерть! Лучше замерзнуть здесь на снегу, чем всю жизнь мучиться с нелюбимым.

– Валентина Владимировна!– первым к ней подбежал именно Головка. Медведеобразный сержант, легко приподнял ее на руках, словно пушинку, отряхнул, как маленькую девочку от снега и поставил на подкосившиеся ноги.– Что же вы это... Среди ночи-то, значит... бродите тут одна? Замерзли вся, значит...

Он как будто не замечал ее наготы, поправил пальто, застегивая его на все пуговицы, отряхнул голые колени от налипшего снега. Ее трясло. Зуб выбивали непонятную мелодию, а пальцы дрожали, когда она пыталась отстранить сильные уверенные в себя руки.

– Оставьте меня... Мне надо... Надо бежать... Предупредить... Сашка... Милый, родной... Бежать.

– Куда бежать, Валентина Владимировна? Ночь на дворе! – пытался ее успокоить Головка, который заступил дежурным по лагерю и в это время менял караулы.

– Оставьте... Мне надо, – бессвязно шептала она, глядя пустыми испуганными глазами мимо сержанта. Конвой позади зашептался. Послышались смешки.

– Разговорчики, значит!– рывкнул на молодежь Головко, придерживая готовую вот-вот рухнуть обратно в снег женщину за плечо.– Журавкин!

– Я, товарищ сержант!– из неровного распавшегося строя вышел один из часовых.

– Смену в караулку! Я скоро вернусь, значит...

– Товарищ сержант..

– Бегом!– рывкнул Головко и от его рыка даже стало немного холоднее.

– Есть!

Караул тут же построился в колонну по одному и браво зашагал мимо Вали с сержантом.

– Что же мне с вами делать-то, Валентина Владимировна...– задумчиво почесал подбородок Головко.– Домой вас отвезти?

– Только не домой...Оставьте меня...мне нужно...– глаза женщины вдруг затуманились и поплыли вверх. Она покачнулась, теряя сознание, готовая рухнуть обратно в снег.

– Ну уж нет...– обхватил Головко ее за талию, прижимая к себе.– Да у вас жар!– холодная ладонь сержанта слегка коснулась лба женщины, пылающего огнем. Так и помереть недолго.

Решительным движением он взвалил ее себе на плечо, словно мешок с картошкой. Руки Валентины бессильно повисли плетями вниз, а голова затрепыхалась из стороны в сторону, но сержант не обращал на такие мелочи особого

внимания. Ему важно было поскорее доставить женщину в тепло. Куда? Ноги сами понесли его к своему однокомнатному барaku. Не то, чтобы он холил у себя в мозгу какие-то мысли, посягающие на честь жены начальника, просто это самая близкая точка, где было хотя бы капельку тепла, так нужного, чтобы привести ее в чувство и не дать заболеть!

Пинком открыв двери, он внес находившуюся в полубредовом состоянии женщину к себе в дом. Уложил на скрипучую панцирную кровать, прикрыв одеялом. Она дышала ровно, шепча что-то еле слышно одними пересохшими губами. Головка прислушался.

– Са...са....саша...

– Да уж...– вздохнул Головка, почесав затылок.– тут без поллитра не обойдешься. В буфете достал бутылку домашнего самогона, налил себе полный стакан до краев и залпом опрокинул в себя. Потому подумал и налил еще половинку.

– Простите меня, Валентина Владимировна, но так надо...– приподнял над подушкой чуть голову женщины и влил ей остатки спиртного в горло. Она закашлялась, но из бредового состояния так и не вышла. Рухнула обратно на подушку, как только Головка ослабил захват.

– Лекарство получено, остается ждать результат...

Он осмотрелся и решительно подошел к печи. Угли почти дотлели. Лишь кое-где в ее черном зеве мелькали красные огоньки.

– Непорядок...– сержант подбросил свежих поленьев и

прикрыл поддувало. А потом посмотрел на тумбочку с коммутатором, словно на что-то решаясь. Пару секунд помедлил, но потом все же снял трубку.

– Станция! Соедините меня с наркоматом!– проговорил он, когда ему на том голосе представилась милая связистка.

–...

– Я знаю сколько сейчас времени! Мне срочно по добавочному «ноль три»!

Услышав заветные цифры, которым в этом мире дано было знать немногим, связистка сменила гнев на милость. В трубке, что-то зашуршало, затрещало, а потом послышался абсолютно незаспанный голос все сильного наркома.

– Слушаю вас!

– Товарищ нарком, это ТемЛа, капитан Головко вас беспокоит...

– Говори, товарищ Головко,– недовольно пробурчал Ежов.

– По вашему делу тут целая романтическая история вырисовывается, как бы до стрельбы дело не дошло! Отелло просто какой-то...

– До стрельбы дело не доводи, но в курсе меня держи постоянно! В экстренном случае разрешаю использовать все методы воздействия на объекты.

Головко бросил печальный взгляд на лежавшую без сознания Валентину. Одеяло сползло, обнажив стройные ножки, красивую фигуру и небольшую аккуратную грудь. Прекрас-

на была, чертовка, не зря через нее с ума походили чекисты харьковского УНКВД.

– Баба-то тут при чем? Товарищ нарком, хотите наказать этих двух лоботрясов, наказывайте!– попросил Головко.– Она ж с ума тут сойдет...

– Бабы первопричина всего, капитан! А не тебе мне указывать, что делать и как, понял?– сорвался на визг Ежов на том конце провода.

– Да, но...

– Делай, что говорю! Или заменить кого-то в моем постановке хочешь?

– Никак нет,– обреченно выдохнул капитан.

– Вот и ладненько!– рассмеялся нарком.– А это троица осознает все, помучается, глядишь через месяца три и амнистируем их, куда поближе...Понял?

– Так точно...

В трубке раздались короткие гудки. Головко медленно положил телефон на место и посмотрел на Валентину, мучившуюся от жара. Игры с людьми ему никогда не нравились, но такая уж натура была у его наркома. Нет ничего приятнее повелевать судьбами, переставляя и меняя их на шахматной доске, словно пешки, по своему усмотрению. А что он? Он всего лишь солдат и обязан выполнять приказ. Со вздохом он поправил Валентине сползшее одеяло и попытался уснуть за столом, положив голову на скрещенные руки.

ГЛАВА 22

Когда я вернулся от Седого далеко за полночь, все в бараке уже давно спали. Отовсюду доносилось мирное сопение, и даже дежурный, поставленный следить за буржуйкой, нерадиво клевал носом, согревшись у огня. Аккуратно, чтобы никого не разбудить, я прошел к своим нарам. Качинский спал, повернувшись спиной к проходу, свернувшись калачиком, пытаюсь согреться. Промозглый сквозняк во всю гулял по бараку и не помогала даже растопленная печь. Зябковато, но не смертельно. А вот отец Григорий не спал. Бессмысленным взглядом уставившись в потолок, он раздумывал над чем-то, не обратив на меня ровным счетом никакого внимания.

Его тоже можно было понять...Весь привычный мир нашего батюшки обрушился за несколько месяцев стараниями системы, которой я, увы, служил несколько лет. Весь уклад его жизни изменился, а отказ от веры вообще был сродни давно предсказанному апокалипсису. Его сломала, как это часто бывает какая-то мелочь...Как маленький камешек, упавший с горы, дает толчок для схода лавины, так и скотское отношения в лагере к людям, довершили начатое при аресте.

Говорить я с ним ни о чем не стал. Что я мог ему сказать? Что посоветовать человеку, потерявшему в один миг любимое занятия, свободу и семью? Крепись? Все будет хорошо? Сюда попадали люди без надежды на будущее, и отец Григорий, как никто это понимал, потому все мои слова были

бы неискреннее, бесполезные. Десять лет слишком большой срок, немногие из этого барака доживут до его конца, немногие смогут выйти и наладить новую жизнь, начав с чистого листа. Все всё понимают... Это билет в один конец!

Ничего я ему не стал говорить. Молча запрыгнул на свой самый верхний ярус, чувствуя, как по спине пробежал ветерок. Перевернулся лицом к проходу, попробовав улечься поудобнее, раздумывая над предложением Седого.

Проблемы с ворами мне были ненужны, но и план побега, казался если совсем уж несбыточной мечтой, то по крайней мере почти что фантастикой. Наш Темлаг охранялся с особым тщанием, как раз из-за того, что наряду с политическими сидельцами, тут отбывали наказание, такие как Кислов, Седой, Семечка, Мотя... Те кто сел за реально опасные преступления. Помогать им сбежать, противоречило всем моим представлениям о справедливости. Я бы еще понял, если бы такое мне предложил Качинский, но урка...

Дверь тихо скрипнула. Кто-то зашел в барака. Я приоткрыл глаза, присматриваясь к вошедшему, и чуть не свалился вниз, узнав Кислого. Того самого Кислова, которого позавчера заперли в ШИЗО на месяц за нарушение режима, по сути моего личного врага.

Вор осмотрелся, привыкая к полумраку барака. Шагнул вперед, ища глазами среди несколько десятков немых воющих тел, своих подельников, с которыми сдружился на этапе. Вспоткнулся об что-то, загремев на всю вселенную.

– Гребаный икибастос!– закричал он, держась за лодыжку.

– Что случилось?

– Уже подъем?

– Щеголь пришел? – заворчали сидельцы, просыпаясь.

– Открутите ему башку... Чего шумим?

– Кислый! Кислый!– раздалось радостное восклицание из угла, где расположились урки.– Вот так на... Мы-то думали, что комиссары тебе путевку в санаторий до конца месяца написали? А тут ты?

Кислов был явно не рад, что появился в бараке столь шумно. Негодуяюще пнул ведро, об которое и споткнулся, громко с матерком. Зажгли лампу. На него смотрели несколько десятков пар глаз, как на редкий экспонат в музее. Кто-то отвернулся сразу, кто-то недовольно поморщился, отец Григорий не отреагировал вообще никак, и только его дружки явно обрадовались его возвращению.

– Кислый с нами, теперь заживем... Тут порядки свои политические установили. Шестерок не заведи, работать ходи, ты-то порядок здесь наведешь...– проговорил один из них, похлопывая урку по плечу.

– Пожрать бы...– попросил Кислый.– да курица!

– Айн момент!– угодливо кивнул второй.

– Ну-ка пошукайте у кого что по нычкам осталось! Правильный пацан к нам в хату заглянул.

– Чифирнем?

– Было б в цвет...

На раскаленный металлический лист печки тут же установили кружку, высыпав туда почти половину заварки, залили водой, ожидая пока закипит. Дежурного прогнали спать, расположившись возле источника тепла своим полукругом. Околевший за время сидения в ШИЗО Кислов с наслаждением протянул к буржуйке руки и ноги, громко закашлялся, чувствуя, как по телу разливается горячая волна тепла.

– Чего со жратвой?– спросил вор, затягиваясь скрученной одним из подельников «козьей ножкой».

– Сейчас...– они были не готовы к возвращению своего главаря. Весь ужин смели, да еще отняли у Мишки-цыгана. Теперь жадно шарили глазами по бараку, ища где подхарчеваться.

– Эй, поп!– взгляд одного из Кисловских подручных упал на миску отца Григория, почти полную, чудом оставшуюся таковой, к которой он так и не притронулся с вечера.

Естественно батюшка ничего не ответил. Не до этих забот ему было сейчас! Ни до еды и до разборок из-за нее. Весь его привычный мир рушился. И только от правильного осмысления происходящих перемен, зависело то, переживет ли он эти перемены или останется погребенным под их обломками.

– Оглох что ли, дьячок!– один из Кисловских подручных лениво потянулся и шагнул в сторону наших нар, явно намериваясь отнять у батюшки еду. – Бог велел делиться, а хавчиком и подавно. Все равно не жрешь!

Кислов с любопытством наблюдал за движениями своей шестерки. Он-то в отличии Лома, так кажется звали этого молодца, глупым не был, и знал, что последует за такую экспроприацию, но будто бы намеренно шел на этот конфликт или, если быть точным, то не пытался его предотвратить.

– Давай сюда, общество пожрать желает,– потянулся он к полной миске с луковой похлебкой,

Он сам все за меня сделал. Мне оставалось только мгновенно захватить его за уши, по-детски оттопыренные и со всего маху дернуть за них вверх. Лом по инерции резко выпрямился и со всего маху шархнулся о нижний край нар Качинского. Глухо ойкнув, он пошатнулся и сполз на земляной пол, держась двумя руками за ушибленный затылок.

– Ах ты, сука!– второй ринулся ему на помощь, но на доли секунды опоздал, я уже успел спрыгнуть с нар, приняв стойку, готовый к нападению.

– Ша, бродяги!– поднялся наконец-то Кислов, останавливая драку. Лениво так поднялся, как сытый кот, потирая голую грудь под грязной телогрейкой.– Сядь!– коротко приказал он своей шестерки, медленно и неуклонно приближаясь ко мне.– Что, Клименко, все такой же борзый? Никто пока крылья не обломал?– поморщился он, остановившись в паре метров от меня.– Ну ничего... Я вернулся! Твой страх вернулся! Ходи, сучонок, и оглядывайся!

– Что тут у нас?– голос Щеголева, неожиданно вошедшего в барак, разрезал наступившую тишину после вора, как

пистолетный выстрел. Ожидающие продолжения конфликта сокамерники растеряно переглянулись между собой.

– Живи пока, тварь... – злобно прошипел мне Кислов, отходя от нар.

– Вижу! – радостно сообщил Щеголев, потирая руки. – Вижу, что исправляетесь, быдло нечесаное! До подъема уговоренного еще часа полтора, а вы уже все на ногах. Готовы, так сказать, к труду и обороне! Молодцы! Молодцы! – улыбнулся он, ехидно прищуриваясь. – А я сначала не поверил. Пупкарь ко мне прибегает, говорит, мол все уже на ногах, шум в бараке какой-то, может дерутся или режим, упаси Бог, нарушают! Нет, отвечаю я ему, они молодцы этакие спать не могут, все за производство волнуются, лес валить пораньше хотят пойти, затемно еще... Так, Клименко? – подошел он ко мне впритык, заглядывая прямо в глаза. – Молчишь? Правильно... Молчание – знак согласия! А посему... Строится, твари! Поведу вас в промку, раз вы спать не хотите.

– Василь Васильевич... – вежливо обратился к нему Качинский, который тоже проснулся и свисал надо мной, спустившись с нар. – Еще на улице темно, что ж мы там увидим?

– А видеть ничего не надо, посидите, померзните на просеке, может чего умного в голову придет. Поймете, что лучше спать в бараке, чем встречать рассвет в лесу на морозе. Строиться, я сказал! – рявкнул он, поворачиваясь к выходу.

Осужденные, недовольно побряхтев, строились в одну неровную шеренгу. Отец Григорий, так и не пошевелился.

– Поп, тебе что особое приглашение надо?– заметил его Щеголев. В ответ лишь молчание. Григорий Иванович все так же смотрел в деревянный сруб нар. Что он там видел? Свою красавицу жену или потерянных навсегда деток?

– Оглох что ли?– начальник отряда вернулся обратно. Внимательно осмотрел его.– Помер что ли?

– Да нет... Дышит вроде...– на затылке ушибленного мной Лома росла на глазах огромного размера шишка.

– Дурачком решил прикинуться,– кивнул понятиливо Щеголев,– надеется, что в дурку спишут. Там легче и кормежка получше. А ну, встать!– заорал он, хватаясь за пистолет.

– Василич!– окликнул его Качинский, положив ладонь на руку начальника отряда, не давая тому достать оружие. Я видел, как глаза Щеголева наливаются кровью, он бледнеет и готов взорваться.

– Пусть полежит денек,– попросил Лев Данилыч, не отводя взгляда,– отойдет, а мы с Клименко за него норму выполним...– я ожидал, если честно, что тот бывшего белого офицера тут же и пристрелит, но что-то во взгляде Качинского Щеголева остановило. Он резко дернулся в сторону, поводя шей, будто воротник гимнастерки стал ему неожиданно мал. Он, действительно, был сейчас похож на разъяренного племенного быка, которому озорные ребяташки накрутили хвост. И сказал угрожающе тихо:

– Пусть лежит... А ты еще раз так сделаешь, я тебе обе коленных чашечки прострелю, понял?

– Так точно, гражданин начальник!– вытянулся в струнку Качинский.– Спасибо!

– Пошли вон, стадо баранов!– заорал Щеголев, отворачиваясь от побледневшего Льва Данилыча. Он, как и я, прекрасно понял, что находился всего лишь в шаге от мгновенной гибели, и то, что он не сделал этот самый шаг, целиком и полностью произошло только благодаря неплохому настроению начальника отряда, который на счастье Качинского был сегодня под хмельком, еще не выветрившимся с вечерних посиделок.

Строй шевельнулся, словно живая бесформенная расплывшаяся гусеница. Затопали несколько десятков ног к выходу. Мелькнула мысль, что хорошо, что Василь Васильевич не придумал пока распевать на ходу нечто патриотическое, иначе тогда мы совсем уж выглядели бы дураками.

На улице светать еще даже не начинало. Весь лагерь был погружен в синие непроглядные сумерки. На небе, туго затянутом облаками, не было видно ни луны, ни звезд. Сверху уныло и уже совсем медленно спускались пушистые влажные снежинки, как последнее дыхание прошедшей за ночь метели. Темноту разрывали лишь одинокие полоски рыжего света от прожекторов на вышках, падающих то в одну, то в другую сторону. Вертухаи наверху бдили, не спали, боясь побега.

После относительного тепла барака на улице показалось совсем уж стыло. Я приподнял воротник телогрейки, чтобы

поменьше задувало в шею, наклонил голову вниз, пряча ее от снежинок, и стал рядом с Качинским. Хочет он или нет, но других близких друзей у меня в лагере не было. Лев Данилыч промолчал, глядя куда-то вперед. Но и это уже было неплохим симптомом. Был бы против такого соседства, прогнал бы.

Ноги мгновенно промокли, утопая в свежем, мягком, как перина снегу по самую щиколотку.

– Ну-ка подтянись!– браво гаркнул Щеголев, размахивая руками где-то в начале колонны. Вот уж у кого энергии хватило бы на десятерых. Только в девять нас загнал, всю ночь пробухал вместе со служивцами и вот, в три часа ночи уже, как огурчик.– Лучший отряд, а телепааетесь, как коровы беременные!

Помимо воли, подчиняясь бешеному напору сержанта, мы ускорили шаг. Да и теплее так было в разы. Горячее дыхание вырывалось из трех десятков глоток, поднимаясь клубами пара над колонной.

– Василь! Совсем с ума сбрендил? – изумился дежурный по КПП, распахивая широкие ворота в лагерь.– Куда ты их гонишь-то?

– Сами изъявили работать, сволочи этакие. Спать не хотим, есть не хотим, говорят, Василь Васильевич,– проговорил, весело щурясь, Щеголев,– работать давай! Кровью и потом вину свою перед Родиной, перед всеми советскими гражданами желают искупить.

– Доиграешься ты, Василь! Ох, доиграешься... – покачал головой дежурный. – Начальник лагеря новый. Черт его знает, как отреагирует на такое самоуправство... И меня с собой потянешь!

– Не бзди, пехота! Мы ему сегодня такую выработку покажем, забудет обо всех нарушениях, да, сволочи? – обратился он к нам, подмигивая подленько.

От этого, мы ему покажем, заранее становилось страшно-вато. Уж слишком непредсказуем был характер начальника отряда, слишком явственно в глубине карих глаз мелькала мутная водица сумасшествия.

– Шевелись, сволочи! – я обернулся. Мы с Качинским заняли место примерно посередине. Хвост еще только выходил из распахнутых настежь ворот, а голова колонны уже почти достигла промки. Кислов с подельниками двигался позади. Ах да, вспомнил я, вора́м же работать запаadlo.

– Оглядывайся теперь, за тобой по пятам смерть твоя ходит... – неожиданно повернулся ко мне Качинский, заметив мой настороженный взгляд.

– Вижу! – вздохнул я. – Но сделать ничего не могу...

– Я б убил бы... – коротко бросил Лев Данилыч. – Пока тебя не убили!

– Да как же...

– Они ворье, бандиты! Для них твоих принципов не существует, – резко оборвал меня бывший белый офицер, – кончил его по-тихому и дело с концом, а шавки Кислова сами

разбегутся. Они только с хозяином зубастые, а так... Шавки и есть!

– Я подумаю, – пришлось согласится мне, боясь признаться, что сегодня мне самому приходила в голову эта мысль. Но вешать на себя еще один срок, как-то не хотелось.

Промка представляла собой огромную вырубку. Вековые сосны, устремляющие далеко в небо свои лохматые пики, окаймляли ее по всему периметру. Поломанный молодняк валялся целыми кучами в высоту человеческого роста. Тяжелые длинный пятиметровые бревна аккуратно складировались в самом краю. Рядом с ними расположился засыпанный снегом небольшой сарайчик, где лежал сложенный инструмент. Именно возле этого сарайчика Щеголев нас и остановил. Несколько раз хрипло гавкнула сонная овчарка, почуяв что-то в лесу. Может дикого зверя, а может просто, чтобы не уснуть. Солдатня, сопровождающая нас, откровенно зевала, явно недовольная причудами Щеголева.

– А я вот шел и думал... Чего ждать-то? – улыбнулся Василь Васильевич. – Для чего нам свет нужен? Что вы топором по бревну не попадете, а? Или пилой промажете мимо реза? Такие враги трудового народа видеть ночью должны не хуже, а то и лучше зверья. Вы все свои поганые делишки ночью-то в основном и обтяпываете... Так что такие сумерки вам, что ясный день! Разбирай, инструмент... По парам и на валку. Раньше начнем, раньше кончим! Да и время за работой быстрее идет, глядишь, такую полянку каждый из

вас вырубит, «десяточка» в лагере незаметно пролетит, — он ехидно улыбнулся, засовывая руку за пазуху, где еще с вечера топорщился початый пузырь самогона. Сейчас мы на работу, а он в сараюшку с кем-нибудь из солдатни, продолжать гулянку....

— Что же вы, твари безмозглые, не спешите искупить свой долг перед Родиной? — нахмурился Щеголев, когда никто из отряда не сделал шага в сторону сарая. — Кто-то у меня тут обещал двойную норму за попа сделать?

— Сука... — процедил Качинский, первым делая шаг к инструменталке. Свое слово он привык держать.

— Сука, гражданин Качинский, это собачья особь женского пола! А я твой Бог и начальник, ясно?

— Так точно, гражданин начальник! — кивнул бывший офицер, выбирая себе топор под руку.

— Вот и славненько! Шелепков! — обратился он к одному из солдатиков, которые привели нас сюда сегодня. — Оставь, кого-то старшим, пусть присматривает за этими скотами... А мы пойдем обсудим кое-что!

Видимо, предмет обсуждения уже остыл и был полностью готов к употреблению. С неудовольствием подумал я, выбирая себе двуручную пилу. Она гибко изогнулась в руках, отозвавшись протяжным тоскливым звоном, под стать моему настроению.

— План двести стволов! — уже уходя, сообщил Щеголев, прекрасно понимая, что это нереально.

Для меня это все было вновь. Как-то все время получалось, что с момента попадания в лагерь, я все проскакивал мимо промки. Сначала комиссия, потом Головка... Поэтому руководил в нашей паре Качинский, который уже имел в этих делах некоторый опыт.

– Для начала надо вырубить место от молодняка, куда ты будешь ее валить, – инструктировал он меня, пробираясь по пояс в снегу к одному ему известной сосне. – Смотри не зевай, вокруг таких специалистов много, как мы с тобой, может и на голову чего упасть. Обычно перед валкой кричат: «Поберегись!». Но мало ли что... Сначала на стволе делаешь надрез там, в какую сторону сосна по твоим расчетам будет падать, а потом пилишь уже с другой стороны. Тут главное вовремя остановиться, иначе ствол лопнет и кляцнет тебе по зубам. Для отче это было самое сложное!

– Понял, – кивнул я, понимая, что ничего все равно не понял и вместо тысячи объяснений лучше один раз это увидеть и пощупать собственными руками.

Вокруг затрещали пилы. Раздался стук топора. По вырубке растекся липкий смолистый запах, такой густой, что его легко можно было ощутить на своих губах. Мы выбрали сосну поближе к краю. Верхушка ее терялась где-то далеко в небесах среди таких же раскидистых крон.

– Надпил делаем! – Качинский взял у меня один край пилы и приложил куда-то под основание дерева. Потянул на себя, потом я... Получалось не очень. Пила застревала, изги-

балась, звенела, с трудом вгрызаясь в твердую кору. Минут через пять, когда разрез стал глубиной около двух сантиметров. Качинский дал знак прекратить работу.

– Теперь здесь... – указал он на противоположную сторону ствола.

И снова долго и нудно мы водили пилой по миллиметру вгрызаясь в сосну. Стало жарко. Я даже попытался расстегнуться, но заметив предостерегающий взгляд Льва Данилыча остановился.

– Смотри, Сашка, – покачал он головой, – пневмония штука такая... От нее и помереть можно.

Пришлось работать в телогрейке. Когда ствол заскрипел, наклонился, поглощая тот маленький разрез, который мы сделали в самом начале, бывший офицер дал команду отходить. Сосна зашаталась, застонала, наклоняясь все сильнее.

– Бойся! – прокричал Качинский.

С грохотом и треском дерево рухнуло на уже приготовленную вырубку, подняв облако снежной пыли, в последний раз взметнув вверх свои пушистые ветки, будто раненый великан, сраженный-таки лилипутами в неравно бою.

– Теперь надо обрубить ветки, оставив один ствол и оттащить вон к тому уж готовому к отправке лесу, – Лев Данилыч указал на аккуратно сложенные штабеля готовых бревен. Я кивнул и активно заработал топором.

– Бойся! – этот крик я услышал, когда он совпал с треском ломающейся сосны. Чьи-то крепкие руки толкнули меня

в спину, сталкивая в сторону, прямо в снежный сугроб. Со-
всем рядом от моей головы, оцарапав ветками щеку, рухну-
ло дерево, больно хлестанув ветками по ребрам, и я остался
лежать там, погребенный этими ветками по самую макушку,
все еще не понимая на каком я свете. Боль в правой стороне
груди становилась все сильнее, разгораясь с новой силой. Я
попробовал повернуть голову, но тут же уткнулся в колючую
пушистую лапу, больно мазнувшую всеми своими иголками
мне прямо по носу.

– Живой?– раздался где-то надо мной встревоженный го-
лос Качинского.

– Кто б..ть валил эту сосну?

Зашуршали над головой ветки. Я зажмурился, чтобы они
мне не выкололи глаза.

– Ну-ка, все разом!– это уже подошел спокойный Федор.
Несколько раз ветки дернулись над головой, съезжая в сто-
рону.– Шустрее! И раз!

Сосна медленно отползла, открывая мне начинающее се-
реть небо.

– Живой?– картинка вверху сменилась и вместо рассвета
появилось заросшее густой седой щетиной лицо Качинско-
го.– Живой, бродяга...

– Помогите ему!– коротко попросил Федор.

Кое-как меня вытащили из сугроба, все еще не верящего,
что все так замечательно обошлось.

– Шапка-то вот! Шапка!– мне подали ушанку, нахлобучив

кое-как на затылок, забыв стряхнуть снег с коротко стриженного ежика волос.

– Цел вроде...

– Справа... – прохрипел я, опуская глаза вниз, боясь обнаружить там какую-нибудь рваную рану, чтоб кости наружу, но все оставалось целым.

– Ничего, до свадьбы заживет, – отряхнул меня Качинский, – это тебя толстой веткой погладило.

Не особо соображая и воспринимая действительность, я повернул голову направо. Сосна, упавшая рядом со мной, была почти сантиметров сорок в диаметре, длинная, гнутая, как хлыст. Если бы меня не оттолкнули, она бы раздавила бы меня и не заметила. От ощущения того, что ходил по самому краю, стало жутковато. Смерть была совсем рядом... Почти за спиной. Кстати о спине...

– Кто оттолкнул-то? – обернулся я ко всем своим спасителям. Тут собрался почти весь отряд, устроивший благодаря мне незапланированный перекур. Кто-то посмеивался над нерасторопностью новичка, кто-то курил, кто-то сочувственно кивал.

– Мы только успели уже увидеть, как сосна накрыла вас обоих с головой, – пожал плечами Федор, – видать ваше благородие тебя и отбросил. Жизнь, можно сказать, спас.

Я повернулся к молчавшему Качинскому, который стоял чуть в сторонке и курил скрученную самокрутку, выпуская сизый дым глубокими круглыми колечками.

– Лев Данилыч...

– Да, брось ты...Какие счета между своими людьми,—махнул он, не желая принимать слезливые благодарности. В этом он был весь! Не человек! Кремень!— Дело в другом, мой друг...

– Кто валил это дерево?— поддержал мысль бывшего белого офицера Федор, осматривая отряд.

– Валили-то нарочно в вашу сторону...Кому же вы так насолили?

– Кислов...— почти одновременно поняли мы с Качинским, ища глазами вора с его подручными.

– Сбежал, сука!— прошипел зло Лев данилыч, сжимая кулаки.

– Пока мы сюда, а он в лесок и в лагерь.

– Что за собрание, а драки нет?— из сараюшки вышел основательно покрасневший после спиртного Щеголев.— Так вы мне не то, что двойную, одинарную норму валки не делаете! Отвечать, твари, что за собрание?

– Деревом чуть человека не ушибло...— буркнул Федор, туша в снегу с огорчением окурок и направляясь обратно к своему месту.

– Что же вы за люди-то такие!— притворно всплеснул руками Василь Васильевич, уже основательно принявший на грудь.— Ну, ни на минуту оставить нельзя, раздолбаев, все норовите план сорвать, убить кого-то...Кровожадны вы не в меру! Животные, одним словом...Клименко!— заметил он

меня, державшегося за правый ушибленный бок.— Опять ты... Ты посмотри, главная звезда нашего лагеря! Все гадости, которые у нас случаются, непременно связаны с тобой... Что с ребром?— как любой психически неуравновешанный человек, Щеголев легко перескакивал с одной волны настроения на другую без особых на то трудностей.

— Веткой ушибло...

— Бедненький... Как же ты теперь работать-то будешь, сука?— гневно вперил он в меня свой злобный, полный ненависти взгляд.

— Буду,— буркнул я, попробовал пошевелиться, шагнуть вперед, но острая боль сломала меня пополам, скрутив и искорежив.

— Оно и видно...— выдохнул Щеголев.— Что же, ваше благородие, слово своего не держите-то?— обратился он уже к Качинскому.— Обещали тройную выработку, а в итоге?

— Я попробую сделать,— гордо вскинул голову Лев Данилыч.

— Попробует он, пробовальщик! Уже попробовали! Лучше б насмерть, ей Богу...— укоризненно посмотрел он снова на меня.— Дырок бы наделали с автомата, сказали бы, что в побег сорвался, а тут...

На миг мне показалось, что он действительно рассматривает эту возможность, чтобы избежать дальнейших вопросов от начальства, но потом, оценив количество свидетелей своего будущего преступления, такую идею почти сразу же

отмел.

– И на хрена я вас сюда попер так рано... Ладно, – приняв решение подытожил он, – поведешь его в барак, скажешь дежурному на воротах, что я отпустил обоих. Пусть полежит, может очухается малость. Наведете порядок, печку протопите, поможете убогонькому вашему. Раньше вечера в медпункт не появляться, ясно? – пригрозил он мне кулаком.

– Так точно, гражданин начальник, – отрапортовал я.

– Пошли вон! – Щеголеву очень хотелось нас пристрелить, но даже одурманенный алкоголем мозг подсказывал ему, что этого делать не следует, потому он и сорвал злость на всех оставшихся:

– Чего замерли, остолопы? Или в ШИЗО захотели? Бегом за работу! Советский народ ждет от вас трудового подвига!

Качинский подхватил меня под руку, помогая идти. Я попробовал сделать все самостоятельно, но шагать было все еще больно. Правый бок горел огнем, неприятно отзываясь колкой болью при каждом движении. Пришлось опереться все же на руку Льва Данилыча, ковыляя к лагерю.

И если этот путь в колонне занял у нас где-то около двадцати минут утром, то назад вдвоем мы брели значительно дольше. Качинскому приходилось шагать рядом по непротоптаным сугробам, ведя меня самого по тропинке. Каждый шаг давался мне с большим трудом, но я упрямо двигался вперед, следуя за товарищем.

– Кислов, сволочь, – выдавил я из себя, когда ворота лаге-

ря показались в зоне прямой видимости,— соскочил красиво. Никто и не заметил его.

— А я то думаю, зачем он с нами на вырубку поперся. Ворам работать запаadlo...— пояснил Лев Данилыч.— А оказалось, вон оно что...И никто не спохватился, не заметил...

— Сумерки,— болезненно поморщился я, оступившись на какой-то скользкой коряге,— все было правильно рассчитано. Не видно ни черта, кто, что пилит, тут ему Щеголев однозначно помог!

— Я б на твоём месте так это дело бы не оставил, если ты думаешь добыть здесь до конца срока,— остановившись, посоветовал мне Качинский. Мне тут же вспомнилось предложение Седого. Побег? Почему бы и нет? Что меня тут держит? Мысль о том, чтобы помочь ворам, уже не казалось после сегодняшнего покушения такой уж глупой.

Ворота в лагерь были открыты. В небольшой будке рядом с ними сидел караульный, который завидев нас, вышел нам навстречу, приняв солидный и невозмутимый вид, поправив на плече винтовку.

— Что случилось?— оглядев меня, опирающегося с трудом на плечо Льва Данилыча, строго произнес он. Хотя на первый взгляд ему было лет восемнадцать. Еще только усы начинали черным пушком пробиваться над верхней губой, а туда же...

— Сосной накрыло! Начальник отряда приказал явиться в лагерь. Дождаться вечера и обратиться к врачу,— кивнул на

меня Качинский, который все больше и больше меня удивлял, по мере того, как я узнавал его поближе. Более рассудительного, внешне спокойного. Осторожного и умного человека я в своей жизни пока еще не встречал. Было бы странно потерять его дружбу из-за своего скверного характера. Взять его с собой в «рывко», который хочет организовать Седой? Почему бы и нет! Кажется, с его опытом, он принесет больше пользы вора́м, чем я... Мелькнула в голове мысль.

– Гребаный Щеголев!– матернулся караульный, сплевывая на снег.– Говорил же ему, что когда-нибудь поймаешься со своими выкрутасами... Так нет!

Было заметно, что парень был действительно испуган. Жизнь осужденных в Темлаге не ценилась ни капельки, ни начальством ни простыми вертухаями, но вот за свою карьеру и свою собственную жизнь эти ребята переживали не на шутку. Караульный прекрасно понимал. Что он получит по шапке вместе со Щеголевым, не имея права выпускать отряд на промку раньше положенного срока, но это было только в том случае, если я пожалуюсь.

– Хорошо... шагайте!– кивнул караульный, пропуская нас обратно в лагерь. – Только это... Ты идти нормально сам сможешь?– обратился он ко мне, немного замаявшись.

– Попробую...– кивнул я, не хотелось наживать себе врагов и среди охранного контингента.

– Ну. Молодец, а то мало ли, Ковригин будет бежать, Головки, ну или сам хозяин. Вопросы начнутся чего и как...

– Я понял!– кивнул я, отстраняясь от Качинского. Вдвоем мы пересекли лагерь, добравшись до нашего барака, как и просил караульный. За это время у меня несколько раз темнело в глаза. Я почти что терял сознание, но каждый раз твердая рука Льва Данилыча выволакивал меня из этого дурмана.

У дверей нашего барака толпился народ. Несколько солдат срочников. Ковригин и медсестра из «больничку» в накинутом на белый халат теплом пальто с лисьим воротником. Она нервно курила, о чем-то беседуя с замполитом.

Мы переглянулись с Качинским. Прятались, прятались от комиссара. А вот тебе и наткнулись на него у нашего пристанища. Старший лейтенант выглядел обеспокоенным, тоже нервно курил, не замечая, что стряхивает пепел на полу длинной шинели.

– Забирайте... Он уже остыл, никаких шансов и не было,– на пороге появилась Валентина, в форменной шинели и белом халате. Лицо ее было какое-то грустное, осунувшееся, будто невыспавшееся. Я поймал ее взгляд, но она тут же отвела его в сторону, чтобы поменьше было разговоров.

– А что произошло, гражданин начальник?– уточнил я, чувствуя, как в сердце нарастает малопонятная мне тревога.

– Клименко!– обернулся на меня комиссар, удивленно подняв брови.– Какого черта вы тут делаете вдвоем? Что с тобой?– заметив мою повисшую безжизненной плетью руку, ответил вопросом на вопрос Ковригин.– Где отряд? Почему

не были на утренней поверке?

– Мы с трех часов на вырубке, гражданин начальник,– объяснил за меня Качинский, подхватывая меня под руки. Уже скрываться и притворяться было поздно,– Щеголев погнал отряд в ночь. При валке деревьев осужденный Клименко был придавлен упавшим стволом, чтобы скрыть факт данного преступления, сержант Щеголев отправил нас в расположение лагеря, приказав обратиться вечером в медпункт, если станет хуже, чтобы списать все на бытовуху, а не его самодурство!– Лев Данилыч откровенно топил Василь Васильевича. И я его прекрасно мог понять. Сучья жизнь в лагере не давала шанса на справедливость, милосердие или помощь оступившимся, тут властвовал лишь один закон, либо ты, либо тебя...

– Разберемся! Товарищ капитан I Валентина Владимировна,– обратился он к Валечке, встревоженно поглядывающей на меня и стоявшей чуть в стороне,– посмотрите заключенного...– попросил он, и то ли мне показалось, то ли его тонких губ действительно коснулась легкая насмешливая полуулыбка.

Любимая моя кивнула совершенно невозмутимо и шагнула ко мне. Но сейчас мое состояние не было главным.

– Что случилось-то, гражданин начальник?– поинтересовался Качинский, опуская меня в сугроб.

– Помню по этапу вы все время были вместе...– пряча глаза, начал объяснять Ковригин. Мое сердце екнуло. Я высво-

бодился из теплых ладоней Вали, которая провела целостность моих ребер.— Вообще, проверка вашего отряда была запланирована у меня на сегодня. Я пришел к подъему, чтобы провести утреннюю проверку. Караульный доложил, что Щеголев вас только увел, что в расположении отряда остался лишь дежурный по бараку, отец Григорий... Я зашел, а он там...

— Где?— быстро спросил Лев Данилыч, уже соображая, что к чему в отличии от меня.

Ковригин ничего не стал отвечать, просто закурил еще одну папиросу, окутав себя сизым дымом, словно защитным коконом.

Качинский вместе со мной и не стал ждать каких-то объяснений. Я вместе с ним залетел в барак, тускло освещенный одиноко горящей керосиновой лампой. Фитиль почти дотлел, еле светясь в ее основании. В этом полумраке тело отца Григория, висящего на стойке нар, выглядело жутковато. Батюшка из своей собственной рясы скрутил удавку. Накинул один из ее концов на верхний край нар, где я спал, другой на шею и прыгнул вниз. Судя по положению шеи, позвонки переломились почти в первый момент. Он и не мучался долго. Синий, необыкновенно толстый язык вывалился из приоткрытого рта, а глаза смотрели тоскливой пустотой, куда-то вдаль.

Захотелось завывать, закричать от боли... За те несколько дней, которые мы провели с ним вместе, рассудительный,

строгий, богобоязненный Григорий Иванович среди всей этой погани, похоти и крови смотрелся светочом благонравия и настоящего православия. И даже он сломался...

– Дайте нож... – попросил Качинский, побледнев лицом. Шагнул вперед, как-то разом постарев, согнувшись под грузом ответственности. Куривший у входа Ковригин, не споря, подал ему штык от винтовки караульного.

– Режь, Саня! – попросил он, подхватывая отца Григория под ноги, чуть приподнимая над полом. Кое-как доковыляв, я стал пилить тугую ткань, с трудом вгрызаясь в узлы. Отяжелевшее, окоченевшее тело мертвого отца Григория сорвалось вниз, опрокидывая Качинского, с глухим стуком рухнув на пол.

– Гриша, Гриша.... Отче, отче... – перекрестился Лев Данилыч, пытаясь прикрыть глаза батюшке. Набрякшие веки подавались плохо. – Не сдюжил ты... Не смог... Грех-то какой...

– Забирайте тело! – коротко приказал Ковригин, не настроенный на долгие прощания.

Двое срочников забежали в барака, загромыхав сапогами.

– Постой, лейтенант... – поднял на него посеревшие глаза Качинский, из уголков которых катились прозрачные робкие слезинки. Я вообще считал, что он плакать не способен, как герой без страха и упрека. – Дай, схоронить по-человечьи... Мы с Клименко отнесем, яму выроем... Дай...

– Клименко нужна медицинская помощь! Он сам еле сто-

ит!— вступила в разговор, гневно нахмурившись Валентина, зашедшая следом за комиссаром.

— Я приду, позже...— пообещал я.

— Дай, схоронить, будь человеком,— снова попросил Качинский,— сволочью всегда успеешь...

— Ну, ладно,— немного помявшись, кивнул Ковригин, туса папиросу чуть нервозней, чем следовало,— караулам скажите, что я разрешил...Валентина Владимировна, к делу оформите заключение о смерти, все, как положено. Я отправлю письмо жене, детям...

— Нет у него жены,— побледнел Лев Данилыч,— и детей нет...

— Хорошо!— кивнул Ковригин.— Срок вам три часа. Управитесь?

Я кивнул, боясь, что Ковригин передумает.

— Идем...— позвал он остальных, оставляя нас наедине с отцом Григорием.

— В ров не понесем!— сразу предупредил Качинский. Мог бы и не говорить. Я и не планировал нашего товарища зарывать во рву, как безродную собаку. — Лопату возьми!— с трудом взвалив на закорки тело батюшки, он медленно и упрямо побрел вперед, стиснув зубы до металлического скрежета. Позади него брел я, левой рукой, волоча за собой лопату.

Такой странной колонной мы выбрались из лагеря, остановившись сразу за воротами. Караульный, встретивший нас, поинтересовался кто дал разрешение и услышав фами-

лию Ковригина мгновенно отстал, предупредив, чтобы были в прямой видимости, иначе он будет стрелять, сочтя все это за побег. Мы согласились, осматривая полянку перед лагерем, выбрав могилу для отца Григория под раскидистой сосной, склонившей свои пушистые лапы почти до самой земли.

Волоком перетащив туда тело, я заступом начал вгрызаться в мерзлый грунт. Каждый удар отдавался болью в правом поврежденном боку, но я упрямо долбил лед, пытаюсь закопаться как можно глубже, чувствуя какую-то неосознанную вину перед этим человеком за все сразу... И за то, что вчера всколыхнул эти страшные воспоминания, и за то, что верно и преданно служил почти два года этой кровавой власти, внося и свою толику стараний в этот бесконечный конвейер сломанных человеческих судеб и жертв, даже не замечая насколько страшными делами занимаюсь, искренне веря, что приношу пользу своему Отечеству. И только смерть отца Григория открыла мне глаза окончательно и бесповоротно. Я понял, что никогда уже не смогу одеть синие погоны, понять и оправдать, те ужасы, творившиеся здесь, даже спустя много лет, даже когда стану старым и немощным, и мне придется нести ответ перед своими внуками, я не смогу оправдать и объяснить все злодеяния системы, частью которой я был.

– Давай я, – перекурив предложил Качинский, видя, что силы оставляют меня. Схватил заступ и с остервенением начал долбить лед, вымещая всю злобу, всю свою обиду, свою

боль на этой земле. У каждого из нас здесь была своя история, своя поломанная судьба, своя высшая мера и свой срок и не каждый его мог достойно выстоять.

– Как начальника какого-то хороните,– от нечего делать караульный подошел к нам, закурив,– земелькой бы чуть присыпали, да и хорош...

– А ты бы так хотел?– повернулся я к нему с таким взглядом, что солдатик даже поперхнулся, не став спорить. Долго молчал, а потом не выдержал и все-таки рассказал:

– Ваш отряд вернули из промки по приказу Ковригина. Щеголева под арест! Шума теперь на весь лагерь будет. ..

Мы с Львом промолчали. Толку-то теперь... Отца Григория не вернешь.

– Кажется хватит,– погрузившись по пояс в яму, сообщил Лев Данилыч, выбираясь по осыпающейся кромке.– И раз!

Вдвоем, взявшись за руки и ноги, мы положили тело бабюшки в осыпающуюся яму с начавшим уже таять и превращаться в грязную лужу снежком на дне. Замолчали... Лицо отче, искаженное смертью было плохо узнаваемым. Он как будто похудел, осунулся, мало похожий на того весельчака, которого я впервые увидел на этапе.

– Молитву-то хоть какую-то знаете?– поинтересовался солдатик, снявший в знак уважения шапку. Он был еще молод, система не успела его еще испортить и сломать, смерть человеческую он воспринимал как нечто интересное, завораживающее и таинственное, которое никогда его не коснет-

ся. Когда-то я думал точно так же...

– Знал когда-то «Отче наш», – пожал плечами Качинский, вытирая выступивший на лбу пот, – но сейчас и не вспомню.

– Тогда закапывайте! – предложил пацан. Его оттопыренные уши покраснели и замерзли. Спрятав их под шапку, он перестал выглядеть ребенком, по ошибке попавшим в это страшное место, став снова бесстрашным и непоколебимым солдатом системы.

– Сейчас... – Качинский суетливо пошарил в карманах. – Где же он... Сейчас...

В руках Льва Данилыча блеснул крестик. Тот самый, на простой бечевке, который отец Григорий сорвал вчера с собственной шеи. Когда он успел его подобрать. Аккуратно, чтобы не засыпать тело землей, бывший белый офицер вложил его в ладони мертвого батюшки.

– Негоже православному туда без креста идти... – виновато потупился он, отряхивая руки.

– Упокой душу раба твоего Григория! – проговорил солдатик, привычно осенив себя знамением.

– Пусть земля ему будет пухом... – с негромким скрежетом я вонзил заступ в землю, засыпая нашего товарища по несчастью.

ГЛАВА 23

День за окном приходил к своему логическому завершению. На бледном, затянутом пушистыми тучами небе, вспыхивали одинокие серебристые звездочки. Полукруг лу-

ны плавно выползал на сереющий небосвод. Громко лаяли собаки, провожающие возвращающиеся из промки отряды.

Валентина смотрела в окно медпункта, раздумывая над тем, как же быстро здесь, в неволе летят сутки. Вроде должно быть все наоборот. Дни обязаны тянутся, словно резина, растягивая наказание, но нет... Насыщенная событиями жизнь не давала ни одного повода для остановки. Часы летели за минутами, дня за днями, недели за неделями. И казалось, что только вчера их встретил Головка на вокзале, кажется только вот сегодня они переступили порог Темлага, а уже сколько событий, сколько горя, сколько человеческих страданий и мучений они увидели.

Ее поразил сегодняшней случай с батюшкой из отряда Сашки. Воспитанная в суровых традициях православия, еще до того момента, как религия стала опиумом для народа, Валя не понимала, как можно священнику пойти на столь страшный грех, как самоубийство? Насколько внутри все должно быть исковеркано, поломано, свернуто, чтобы наплевать на все каноны и, связав из собственной рясы удавку, шагнуть в пустоту? Какая боль должна гореть внутри, какой пожар полыхать, что заставит забыть обо всем и умереть вот так... Не благочестивым христианином, а самоубийцей, которой и на рай-то не в силах рассчитывать после смерти. А есть ли он рай?

Рай в объятиях любимого человека... Скажет романтик. А она не знала! Ей всю жизнь как-то не везло, вот и сейчас, с

Сашкой. Вроде и рядом, а видеться они не могут. Вчерашний скандал с Андреем расставил все точки над «и». Все все знают и играют по новым правилам уже в открытую. Вчерашний скандал... Она плохо помнила свое вечернее состояние. Проснулась у Головки, который на столе оставил ей записку, что беспокоится не о чем, его комната в ее полном распоряжении, а он сам ночует в дежурке. Но это вчера! А сегодня? Сегодня, где ей ночевать? Идти к Коноваленко не хотелось... Она вообще не могла видеть этого человека, с которым прожила вместе столько лет. Опять к Головки? Подумают еще про человека, который ей помог чего-нибудь непотребное, подставит сержанта. Здесь в медпункте?

Она осмотрелась, как следует. Несколько шкафов с лекарствами стояли по периметру комнаты. Один с рецептурными, несгораемый прямо за ее столом. Ключ от него был только у нее и Бергман. Там хранился морфий и держать его открытым было нельзя. Ее письменный стол у окна на самом видном месте, рядом стол медсестры, заваленный кучей бумаг, вот и все их небольшое убранство. Где тут спать? На полу...

Сегодня она ждала вечером Сашку! Ее Сашку! Ее Сашку... При мысли о любимом она улыбнулась. Может он подскажет, что ей делать, как теперь жить, как теперь быть?

Как же он осунулся за последнее время в этом кошмаре и похудел. Глаза впали. Скулы заострились, а с лица ушла по-детски наивная округлость и самодовольный лоск. Раньше

хотелось его потрепать за эти мягкие щечки, как маленького своевольного щенка, тыкающегося ей в шею с поцелуями, сейчас одного жесткого взгляда исподлобья хватало, чтобы просто пожалеть. Судьба его тоже не щадила, бросив прямо в пекло кровавой мясорубки репрессий.

Как им быть? Как любить, находясь в лагере под неусыпным вниманием законного мужа?

Со вздохом Валя встала от окна, снимая халат. Часы показывали десять. Он обещал придти, показать свой раненый бок. Не пришел. Забыл? Вряд ли... Скорее опять вмешались обстоятельства, которых в лагере было с избытком. Она слышала, что из-за своего слишком уж обостренного чувства справедливости он переругался почти со всеми, нажив себе кучу врагов, как среди командирского состава, так и среди осужденных. Он пришел, и что теперь было делать непонятно.

Входная дверь стукнула. Сердце тут же радостно забило от сладкого предвкушения встречи. Валя ринулась в сенцы, уже представляя, как накинется любимому на шею, покроет его щетинистую щеку поцелуями и скажет, что любит его. Но в темноте комнаты, она увидела лишь Бергман, отряхивающую с пальто налипший снег. Шапки ее нигде не было видно. Расстрепанные намокшие от метели волосы сосульками свисали на блестящие от выпитого спиртного глаза. Она покачивалась, придерживаясь за стенку одной рукой. В другой руке у нее была початая бутылка самогона, заткнутая дере-

вянной пробкой. Увидев Валентину, она улыбнулась, широко раскинув руки, и радостно сообщила:

– А я иду мимо... Смотри свет в медпункте горит! Дай думаю, зайду проверю, вдруг Валентина Владимировна забыла выключить... – не особо понимая, где находится, Бергман попыталась разуться. Наклонилась к сапогам, пытаясь стащить один из них с левой ноги, закачалась, и только помощь Валентины спасла ее от падения прямо в коридоре.

– А тут вы... – Ирина убрала упавшие на глаза волосы и громко икнула. Помада по ее губам размазалась, тени потекли, оставляя черные тонкие полосы на бледных щеках. – А давайте выпьем, Валентина Владимировна, а? – предложила она, просительно глядя Вале в глаза.

– Я... уже собиралась домой... – замешкавшись, попыталась отказаться женщина, но все же усадила свою медсестру за стол, предварительно убрав с него важные бумаги. У Бергман был такой вид, будто, идя по дороге, она все-таки где-то рухнула в сугроб, потом в нем долго барахталась, пока не встала.

– А где теперь ваш дом? – с громким стуком поставила Ирина ополовиненную бутылку на стол.

Валя промолчала. Бергман попала в самое больное место. Раньше она, живя с Андреем, плохо или хорошо. Легко могла на него ответить, а сейчас, после вчерашнего скандала... Где ее дом? Куда ей идти? Наверное, теперь ее дом там, где ее сын Глеб, под Лугой, у матери! Но рассказывать об

этом Бергман не хотелось... Это было единственное сокровенное, что хотелось сберечь только для себя, не выставляя для всеобщего обозрения.

– Вот... Нет у вас теперь дома, как и у меня!– обрадовалась заметно Ирина, разливая по неглубоким мензуркам мутный самогон.– Мой дом с некоторых пор тут... Будем здоровы! Профессиональный тост медиков!– она засмеялась горько, опрокидывая в себя спиртное одним глубоким глотком. Валентина сделал вид, что пригубила и отставила рюмку.– Не пьете? А зря... Боль она конечно не вылечит, но легче станет. Вот тут...– она ударила себя в область сердца куда-то.

– Я не страдаю сердечными заболеваниями, Ирина!– как можно спокойнее проговорила Валя. Она уже пожалела о том, что впустила пьяную Бергман в медпункт. Надо было сделать вид, что уходит, закрыть все, а потом через некоторое время вернуться обратно. Ничего страшного, подремала бы на табуретках, а столом.

– Еще как страдаете... Синдром Клименко кажется...– Ирина налил уже только себе в мензурку, мало обращая внимания на то, что Валя покраснела и не пьет.

– Кажется вы просто пьяны, Ирина. Идите спать, проспите, а утром мы с вами поговорим.

Бергман ухмыльнулась, ладонью вытирая влажные губы, оставляя красные следы помады на своих щеках.

– А вот нет... Уж послушайте меня, Валентина Владимировна. Уж послушайте!– Вы из-за своего молокососа та-

кого мужика потеряли...Такого мужика!— Бергман вздохнула, мечтательно уставившись куда-то мимо Вали.— Я вот всю жизнь о таком мечтала...Как жопа с сиськами выросла, так и мечтала. А какие в нашей деревни мужики? Так... Шлак один! Вот и пошла сюда работать вольнонаемной. Тут врач был до вас, шустрый такой мужичок, Степан Пантелеевич...Он меня и уколы делать научил, и температуру мерить, и капельницы ставить, и трахаться...Все говорил, что срок свой отбудет, да заберет меня в город, в сам Ленинград! Медного всадника покажет, проспекты...Я дура молодая была, верила...А он знай только за щеку давал...

— Ира, ты пьяна! Сейчас никакого конструктивного разговора не получится...— терпение Вали лопнуло. Она встала, одергивая халат и попыталась уйти, но Бергман крепко схватила ее за руку, оказавшись необычно сильной, усадила ее обратно, словно безвольную куклу.

— Ты просто послушай...Ты же выросла среди оранжерей, да музеев, а я в этой дыре под названием Темниково! Так ты хоть послушай, как люди живут, может и будешь ценить то, что имеешь! Через год Степку расстреляли! Он тогдашнего комиссара какой-то дрянью с пьяных глаз уколол с бодуна, а тот возьми, да и окочурься! То-то крика было, да разбор! Комиссия с самой Москвы приезжала разбираться. Долго не разбирались... В ту же ночь, как «тройка» приехала, хлопнули моего доктора. Вот и съездила в Ленинград. Потом был и сержанты, и Ковригин, и даже твой муж...Толь-

ко они уже Ленинградов, да проспектов не обещали, просто драли в свое удовольствие, так...на перспективу! А твой... твой так вообще сказал, что рылом не вышла! Не королева видите ли...Подать себя не умею! Только член во рту и держать мне, да ноги раздвигать! Вот я и хотела спросить, как мне королевой-то стать, а? Может немытому вонючему зэку дать, как некоторые?

Валя не хотела ее бить по лицу. Так вышло...Она достаточно наслушалась оскорблений и грязи, чтобы рука сама хлестнула Бергман по щеке, оставляя багровый след. Голова пьяной медсестры дернулась в сторону, а из разбитой губы засочилась кровь, смешиваясь с подтаявшей помадой.

Слезы брызнули из глаз пьяной бабы, но ее жалко Валентине не было. Своей боли в груди хватало, чтобы еще кого-то жалеть. Она тоже много чего могла рассказать о своей судьбе...И как осталась без отца, и о первом неудачном браке, о «сладкой» жизни с Коноваленко, когда она годами его ждала с работы, о разлуке с Глебом, о том, как только с Сашкой почувствовала себя любимой, обрела счастье, но и его у нее забрали. Могла рассказать много чего, но не стала...

Бросила короткий взгляд на настенные часы, показывающие половину одиннадцатого. Сашка уже точно не придет, а оставаться в медпункте с Бергман не хотелось.

– Постарайся не спалить медпункт с пьяных глаз,– коротко бросила она Ирине, надевая шинель.

Бергман ее не слышала, уставившись в одну точку на по-

темневшем от сумерек стекле и потирая покрасневшую щеку, она молчала, думая о чем-то своем.

– Да... и завтра я жду тебя на работе трезвой и вовремя!– еще не зная куда идет, Валя вышла под хлесткий порывистый ветер, мгновенно резанувший ей по щеке ледяным снегопадом. Зимы в Мордовии всегда были суровыми. Сырой климат даже при не слишком низких температурах создавала ощущение арктического холода.

Не разбирая дороги, путаясь в полах длинной шинели, она брела по лагерю, стараясь обходить желтые полосы света прожекторов на вышках. Никаких сил, никакого желания не осталось в душе. Хотелось просто лечь прямо в снег, закрыть глаза и умереть, прекратив эту страшную пытку под названием жизнь.

За что ей все это? За что? В чем она провинилась перед Господом? Эти мысли не давали ей покоя. И сейчас она точно понимала состояние повесившегося отца Григория, который рискнул сам прекратить эти нескончаемые страдания.

– Валентина Владимировна!– окликнули ее со спины. Она повернулась, но сквозь плотную метель не смогла рассмотреть кто ее звал.

– Это я, Головка!– медведеобразные черты сержанта показались сквозь плотную белесую мглу. – А я все вас ищу по лагерю, значит... В медпункте нет вас, дома тоже...

– Зачем?– вытирая мокрое то ли от снега, то ли от слез лицо, быстро спросила Валя, надеясь, что голос ее не выгля-

дит сейчас совсем уж несчастным.

– Как зачем... – замялся он, потупив глаза. – Вам же идти некуда..

– Почему вы так решили... – начала было она, но разрыдалась. Слезы, так тщательно и долго сдерживаемые, все-таки наполнили ее чашу терпения и вылились в самый неподходящий момент, когда она просто обязана была быть сильной.

– Вы это... не переживайте, значит... – Головка неловко гладил ее по спине, стараясь хоть немного успокоить. – Чего мне-то? Я и в дежурке перекантуюсь... А вы ступайте на квартиру ко мне. Там и печь натоплена, значит, да и спать есть где... А я в дежурке... на лавочке перекантуюсь, повторял он, не зная, чем еще успокоить рыдающую женщину.

ГЛАВА 24

Возвращались мы с Качинским с похорон отца Григория подавленными. Молчали, каждый думал о своем и разговаривать не хотелось. Тоскливо было как-то на душе, тоскливо и грустно, будто огнем прошлись где-то внутри тебя, выжигая все хорошее, что было внутри, любую надежду. Именно такая смерть батюшки показала всю безнадежность нашей ситуации, весь ее критический смысл, что выхода нет... и способ вырваться из этого ада только один.

Я был уверен, что Лев Данилыч, угрюмо шагающий рядом, думал сейчас точно так же. Кажется, за это сравнительно недолгое время он еще больше постарел, став, даже на вид, каким-то уставшим, вымотанным. Морщины, глубоки-

ми бороздами залегшие вокруг уголков рта, стали еще веселее, значительнее, а глаза... Глаза стали какими-то пустыми и обреченными..

За периметр лагеря нас пропустили без лишних вопросов. Срочник просто открыл нам ворота, искоса наблюдая за нашими передвижениями с легким сочувствием. Даже его, еще такого молодого, глупого, не боявшегося смерти, впечатлила смерть священника.

Мой ушибленный бок попрежнему ныл, отдаваясь в ребра глухой болью при каждом движении, не давая забыть об упавшей на меня сосне. Кто это был? Кислов с подельниками или просто роковая случайность, и виновник всего произошедшего просто побоялся признаться? Все сводилось к Кислому... Не зря же он таинственным образом исчез с промки, когда произошла эта беда! А значит от него можно было ожидать еще чего похуже. Петля врагов вокруг меня затягивалась. Их почему-то становилось все больше и больше... Коноваленко, Кислов, Седой со своими наполеоновскими планами... Ходи и оглядывайся теперь, потому что желающих воткнуть в спину нож, если не очень уж много, то достаточно.

В лагере стаяла тишина. Почти все, кроме дежурных были в промке. Только возле нашего барака слонялись без дела мои сокамерники. За ними зорко приглядывали с вышек пулеметчики, как бы чего не вышло. На пороге нас встретил Федор, сладко потягивающий самокрутку, окутав себя обла-

ком терпкого сизого дыма. Отсыревший табак чадил безбожно, но за неимением ничего, даже он был вполне курибелен.

Завидев нас, он ничего не стал спрашивать. По лагерю, несмотря на его огромные размеры, новости разносятся быстро. Сидельцы, наверняка, уже знали про отца Григория.

– Я так понимаю, работа на сегодня закончилась?– Качинский устало оперся на покосившиеся перила, обхватив голову руками.

– Как вас отправили в лагерь,– начал свой рассказ Федор,– примерно через часик, появился Ковригин и несколько орлов из роты охраны, подтянутые с автоматами на шее. К тому времени Щеголев уже успел окончательно набраться и спать в сараюшке для инструмента. Комиссар сразу ломанулся туда, попытался его разбудить, не вышло, только после нескольких пощечин тот пришел в себя. Оружие у Василь Васильевича отобрали. Под конвоем сопроводили в лагерь. Ходят слухи, что в сидит сейчас в ШИЗО, будут судить за халатное отношение к работе...Скорее всего шлепнут!– подытожил Федор.

– Было бы неплохо,– заметил Качинский,– сволочь он еще та...

– Кстати...– обратился он уже ко мне.– Тебя в бараке уже минут тридцать, как ждут!

Я переглянулся недоуменно с Львом Данилычем, ничего не понимая. Кто ждет? Зачем? Мелькнула мысль о Валентине, но я тут же ее отмел. Уж очень рискованно это было.

Тогда кто? Но Федор был не настроен больше ничего объяснять, затоптал окурок и двинулся в барак. Заинтригованные мы проследовали за ним.

Барак шумел, как растревоженный улей. Бедная на эмоции и события жизнь сокамерников дала сегодня много поводов для горячего обсуждения. Сначала покушение на меня, потом отец Григорий, потом арест Щеголева... Одни события! Хоть какое-то разнообразие в такой однообразной лагерной жизни.

Зайдя внутрь, в душное помещение, где вонь сырой одежды смешивалась с запахом крепкого мужского пота и немытых давно грязных тел, я сразу все понял. Этого и следовало ожидать после всего, что случилось сегодня. Не мог наш день закончиться благополучно, начавшись столь отвратительно.

На нарах отца Григория, пусть земля ему будет пухом, сидел Мотя, тот самый ближайший подручный Седого и прихлебывал цифирь из металлической обугленной кружки. Вокруг него образовался небольшой кружок по интересам, в котором самые молодые обитатели барака наперебой горячо ему что-то рассказывали. Завидев меня, он тут же отставил кружку, встал и шагнул навстречу. Лицо его, обычно улыбочивое и доброжелательное, не предвещало ничего хорошего.

– Пойдем... – кивнул он на выход, даже не спрашивая, а согласен ли я куда-нибудь с ним идти. Качинский попытался что-то сказать в мою защиту, но я его остановил.

– Не надо...

Одними глазами Мотя улыбнулся, похвалив меня за боевой настрой. Молча двинулся наружу, уверенный, что я следую за ним попятам.

– Только не быстро. Бочина болит!– пришлось попросить вора идти помедленнее, так как угнаться за ним не было никакой возможности. Мотя сбавил темп, но так и не обернулся. Так вели раньше на казнь людей и боялись с ними заговорить, чтобы ненароком не притянуть к себе всю их невезучесть.

В этот раз мы пошли не в котельную. Понятное дело, как и все волки, воры не гадят на своей территории, перебираясь к соседям. Почему-то у меня сразу появилось чувство, что ведут меня убивать. И вопреки всем расхожим мнениям мне стало вовсе не страшно, а наоборот легко и спокойно. Это был выход, выход отсюда в другую, пусть и загробную жизнь, но неогороженную забором с колючей проволокой.

Несколькими проулками между ведомственными бараками мы выбрались на самый дальний край лагеря, где я еще никогда не был. Сюда редко пускали без необходимости. Тут была женская часть зоны. Прачки, кухарки, уборщицы, швеи отбывали тут свою десятку, как жены врагов народа. Она мало чем отличалась от основного лагеря, такие же бараки, узкие, хищные, уныло коричневые, словно подкопченные, такие же вышки с прожекторами по периметру, те же солдаты-срочники караульные, бродящие по этим самым переулкам.

Хорошо им тут живется. Подумалось мне. Не служба, а малина... За банку тушенки или еще какой сухпак местные зэчки готовы будут облагодетельствовать уставшего от долгого воздержания любого солдатака. Знай, только подкармливай, да не обижай!

Мне надоело идти за молчавшим Мотей, как телку на веревочке. Боль в боку становилось вовсе уже нестерпимой от тех нагрузок, что я ем давал.

– Куда мы идем?– наконец-то спросил я, когда мы уперлись в нечто похожее на подвал для продуктов. Дверь, обитая железом, закрывала вход в помещение длинным рукавом уходившее куда-то вглубь земли, под деревянный двухэтажный административный корпус.

– А какая разница?– наконец-то после долгого молчания промолвил он. Я поджал плечами, не зная, что можно на это ответить.

– Умирать не так страшно...

Вор улыбнулся и распахнул дверь. В нос мгновенно ударило затхлым теплом, вперемешку с ароматом кислой капусты и гнилой картошки. Видимо, это действительно были склады. Неплохо здесь устроился Седой, если даже выход на овощебазу имеет.

Несколько десятков ступенек вели вниз, теряясь в непроглядной темноте. Мотя пошарил рукой слева и запалил керосиновую лампу. Тусклый горчичный свет озарил влажные, поеденные грибок стены с кое-где осыпавшейся штукатур-

кой и морозным узором.

Чтобы не упасть, я держался за стены. Вор, судя по всему, бывал здесь довольно часто. Поэтому дорогу знал неплохо. После десятка ступеней вниз, мы вышли в огромный подвал, заставленный ящиками с едой, от одной мысли о которой у меня противно заныло в желудке. Жрать хотелось неимоверно. Я уж думал, что это и конец нашего путешествия, но Мотя через пару шагов свернул куда-то влево, в промежуток между ящиками и уперся в железную дверь, из-за которой даже по ощущениям шло тепло. Несколько раз постучал условным стуком и она распахнулась. На пороге, как и ожидалось, встречал нас Малина – угрюмый здоровяк, второй поделник Седого. Он-то вообще, если вспоминать нашу последнюю встречу, был из неразговорчивых.

Глаза ослепил яркий свет от трех ламп, расставленных за накрытым столом в квадратном небольшом помещении. Как я и думал, за ним уютно расположились Малина, Кислов и двое его шестерок. Место во главе занимал Седой, рядом с которым восседала довольно приличного вида женщина, с накинутой на плечи шалью. Мотя слегка подтолкнул меня в спину, заводя внутрь.

– Иди погуляй, Степанида! – тут же приказал вор, махнув рукой на незапертую дверь. Барышня молча встала, мимоходом собрав со стола ненужное, и широко виляя крутыми бедрами прошествовала к выходу. На меня она даже не взглянула.

От запаха домашней еды потекли слюни. В глазах затуманилось, но я сделал вид, что ничего необычного не увидел. Что в конце концов такого необычного в том, что весь лагерь питается картофельными очистками и пороссячьими помоями, а совсем рядом, за углом, воры жрут от пуза настоящую подомашнему приготовленную еду? У нас всегда было такое неравенство. Тот кто посмелее, понаглее и живет лучше, а кто сохраняет какие-то принципы, тот впроголодь и себя и своих детей держит, что в революцию, что сейчас...

– Присаживайся, Чекист!– указал на свободный табурет Седой.– Разговор к тебе имеется...

Я поймал на себе острый, полный ненависти взгляд Кислова и понял даже о чем этот разговор будет. Сам не смог отомстить, пришел ябедничать к пахану. Не лагерь, право слово, а детский сад! Так вот, куда он делся с промки, когда его все отрядом искали, понял я, но смолчал, выжидательно посмотрев на вора, который лениво ковырял ложкой ароматную, еще дымящую картофелину, щедро политую растительным маслом с солью.

– Кислый тебе хочет кое-чего предъявить тут... Пришел, говорит попираешь воровские законы. Черная масть тебе не указ. Свои порядки в моем лагере,– особо он голосом выделил слово «моем»,– устанавливаешь, по морде бьешь кого зря, как маньяк какой... Нехорошо, право слово, не по-пацански как-то, Чекист!

Что ему сказать? Что если бы хотел, то вообще убил бы

эту хитрую продажную тварь? Или извиниться, как маленький ребенок, которому напихали за то, что он баловался и старших не слушался? Глупо как-то...

– Кислов – вор! – повысил голос Седой.– Может ты не в курсе, но слова вора в зоне – закон, даже для такого фраера лихого, как ты! Что скажешь, Чекист?

Что тут сказать... Я пожал плечами.

– Жаловаться, как-то не привык...

– Жалости тут места нет. У меня в лагере до вашего этапа был полный порядок. Теперь этого порядка нет. Кислый требует твою жизнь!

Сердце слегка кольнуло. Кто бы сомневался, что ему это только и надо. Ворюга спит и видит, как меня со свету сжить. Ох и мстительная тварь оказалась. А я то всего лишь два раза ему по мордасам съездил...

– Какая разница, что я скажу, – немного осипшим голосом проговорил я. Бок от внутреннего напряжения разболелся еще больше, – вы все равно поверите ему, а не мне... Что он вам наплел? Что я просто так подошел и дал ему по морде? Ведь не так было? Но, какая кому разница... У вас свой суд, свои правила.

Замолчали. Лишь где-то в стороне потрескивала лампа, сжирая безжалостно фитиль. Точно так же и мою жизнь сейчас сожрут это ворье, то самое, с которым я два года боролся в Харькове, то самое, которое безжалостно истреблял, сажал, ловил и преследовал.

– Твое слово, Кислый!– предложил высказаться Седой.

– Он,– вор указал на меня татуированным пальцем,– сука! Мало того, что синепогонник бывший, неоднократно замечен в разговорах с Головки, а значит с администрацией. На этапе заступился за косякнувшего малолетку, которого по закону опустить надо было. Не дал! Здесь подставил меня, через свои терки с «хозяйном» устроил мне отдых в ШИЗО. Только чудом я не сдох там, как собака. Мы воры или кто? Почему каждый фраер будет думать, что он – власть на зоне, а не мы? Почему он решил, что может жить не так как скажет общество, а как определит он! Я твою власть, Седой, не оспариваю... Хотя много авторитетных уважаемых людей подписались бы за то, чтобы я стал положенцем на лагере. Тебя за твой возраст и мудрость ценю, но в своем бараке, я хозяин, а не он! За оскорбление публичное вора – смерть! Так было, так будет! Поэтому я требую, чтобы за оскорбление черной масти он был наказан. Иначе так скоро каждый наплюет на наше слово, и лагерь будет жить так, как захочется сукам...

Седой промолчал, задумчиво глядя куда-то вдаль, мимо меня. Что творилось в голове у этого старика? Какие мысли приходили в голову? Ведь он совсем недавно пытался меня склонить к побегу, просил о помощи? И что теперь казнят? Я уже ничего не боялся. Смерть отца Григория стала для меня настолько сильным ударом, что полностью перевернуло мое сознание. Теперь такой исход не был для меня

чем-то страшным и пугающим. Скорее наоборот... Это было освобождением! Долгожданной волей, которую мне принесет быстрый, как укус змеи удар заточкой. Вот и Малина, вроде, как ненароком, случайно, подсел чуть ближе, кромсая толстыми ломтями свежеиспеченный хлеб. Пожрать бы напоследок. Мелькнула совсем в такой момент неподходящая мысль.

– Ты что скажешь, Чекист? Было такое?– после долгой паузы произнес Седой. Заметно стало, что такое появление Кислого ломает все его планы, что все эти разборки сейчас для вора, ой, как не вовремя, но и отступить назад он не имеет права из-за своего статуса.

– Кончайте уж...– махнул я рукой.– Я все сказал!

Вор ухмыльнулся. И было непонятно, чего больше было в этой улыбке недовольства или одобрения такому поведению.

– Может кто из общества слово сказать хочет?– обратился он еще к двум ворам, подельникам Кислого, торчавшим тут же бессловесными фигурами.

– Кончать его, чего базарить-то!– буркнул один, опустив глаза в пол.

– На ножи суку!– подтвердил второй, в чем я, в принципе, не сомневался. Было бы странно, если бы ближайшие соратники Кислова не поддержали своего главаря в такой ситуации. То-то смеху было бы... Встал один, как на партсобрании, которое очень сильно напоминал сходняк:

– Сиделец Клименко, конечно, здоров провинился, стоит

его лишит почетного звания фраера, исключить из нашей партии!— а второй вторил бы ему в ответ:

— Но в принципе, можно взять его на поруки. Гражданин Клименко еще не до конца потерянный для общества элемент! Из него еще выйдет достойный вор, которым мы будем гордиться...

Помимо воли я улыбнулся, представь в голове такую картинку. Страх не было, отец Григорий показал, что это всего лишь шаг вперед, шаг к освобождению, а что там в этом темном туннеле абсолютно неважно.

— Ему даже смешно! Зубы скалит, сука!— рявкнул зло Кислый, заметив мою улыбку.— Наверное, надеется, что его дружки мусора прибегут его спасти!

— Ша, Кислый!— неожиданно зло бросил Седой.— Твою позицию мы уже поняли... А что, может кто чего скажет в защиту Чекиста? Малина, ты?— здоровяк рядом со мной покачал головой. Он вообще был немногословен, и я ни разу не слышал от него хоть какие-нибудь слова. Может был немым?— А ты, Мотя?

Вор отряхнул руки и тщательно прожевал. Встал со своего места и прошелся вдоль стола, став рядом с Кисловым и его друзьями.

— Чего бы не сказать?— улыбнулся Мотя. Я увидел, как неожиданно напрягся мой враг. Он не ожидал такого поворота событий, и, скорее всего, мечтал о том, что уже режет мне горло или как там у них наказывают за проступки.— Кис-

лый обвиняет паренька в том, что он ссучился, попирает законы черной масти, не уважает авторитет воров. Но все его обвинения голословные и сводятся к тому, что между ними возник спор, из-за чего более сильный надавал по сусалам слабому, который и оказался из наших. А из наших ли?— он упер тяжелый взгляд в Ксилова, которому под этим взглядом стало отчего-то неудобно. Он поерзал на стуле и поморщился, как будто недовольно, но на самом деле, скрывая свой испуг. Ему было, что скрывать!

— Ты говори, Мотя, да не заговаривайся. За базар и ответить можно!— пробормотал Кислов вовсе уж неуверенно.— Я первый срок мотал по малолетке, когда ты еще под стол ходил.

— Возможно!— легко согласился Мотя, принявший на себя неожиданно роль моего защитника.— И тогда ты еще был авторитетным вором, даже если не сказать больше... Пока не ссучился!

— Ах ты, сука!— Кислов рванулся вперед, в его правой руке мелькнула заточка, но удар, шедший Моти прямо в сердце был перехвачен Малиной, оказавшимся, несмотря на свои габариты, быстрым и опасным, как гремучая змея. Заточка вылетела из пальцев Кислового и отлетела в темный угол кладовки. Одним толчком Малина усадил вора обратно и, чтобы предотвратить дальнейшие поползновения, остался рядом, положив руку тому на плечо.

— Сука я или не сука,— усмехнулся Мотя,— это большой

вопрос, а вот сука ли ты, вопросов больше нет! Как только Кислый появился в зоне я послали маляву во все близлежащие лагеря, чтобы разузнать, что общество думает о таком человеке. Из трех из них пришли весточки. Две хвалебные! Мол, вор правильный, ни в чем незамазанный, будто с картинки... А вот Малява из Соликамска, лишь подтвердила мою тревогу! Тамошний положенец Фатей прописал, что пока сидел ты в лагере, у местной администрации был в почете, как самый настоящий активист и стукач! Жил в лагере на привилегированных условиях, а когда братва узнала про твои косяки и решила наказать, ты соскочил, благодаря своим дружкам с синими погонами. Тебя посадили на этап к нам, тщательно попытавшись замести все следы, отправив всех, кто знал про твое прошлое в самые отдаленные уголки России-матушки. Всех, кроме Фатея! И если бы не он, мы бы до сих пор верили, что ты правильный вор, ничем не замазанный!— громко закончил Мотя.— Так вот, я к чему... Стоит ли впрягаться и губить правильного фраера из-за ссученой гниды, которому один хрен концы?

Я видел как помертвели лица кисловских подельников. Они явно не знали про прошлое своего пахана, который скорее всего и им наплел с три короба, как только их дорожки пересеклись. Кислый же держался молодцом! Такого самообладания я не видел не у кого. Вместо паники и истерики, он вымученно улыбнулся и пожал плечами:

– Это все слова Фатея! Я ему в Соликамске на хвост на-

ступил, вот он меня и притопить решил! Два слова против одного...

– Настоящий вор, Кислый, за свой базар отвечает!– выслушав всех, сообщил, как прописную истину ему Седой.– Фатей знает об этом! Ты не знаешь...Потому что не вор, а сука мусорская! Кончай его...– коротко кивнул он Малине, стоявшему позади Кислова.

Я только успел увидеть, как левая рука здоровяка метнулась к подбородку моего врага, кажется, он сам не смог ничего еще сообразить. Малина рывком задрал голову и словно поросенка мазанул заточкой по горлу. Кислов захрипел, пытаясь вырваться, но руки у его убийцы, были сделаны из стали. Нелепо засучив ногами, он несколько раз дернулся и затих, удивленно смотря на мир выпученными от ужаса глазами. Крови почти не было, Малина знал свое дело и был его настоящим мастером.

Двое подельников Кислого вскочили со своих мест. Их глаза округлились от ужаса. Уж они-то понимали, что одним их предводителем дело не ограничится. Так и вышло...

В кладовку, словно по заранее оговоренному знаку вломились еще двое. Вихляя по-женски задницами, они взглянули на смотрящих на них с ужасом воров.

– Седой, можно мне вот этого...– кивнул один из них на того, кто был помоложе.– Он посимпатичнее будет, чем этот обрубьш.

Только сейчас до меня дошло, что задумали воры во гла-

ве с Седым. Я едва успел отшатнуться в сторону, как мимо меня пролетел Мотя, опрокидывая худосочного подельника Кислова на стол. Вторым занялся Малина. Вырубив одним ударом в затылок. Тот даже простонать не успел, обрушившись на пол всем своим весом. Небольшая возня закончилась тем, что оба оказались скрученными тугими ремнями.

– Если ты не любитель такого зрелища, то смотреть не стоит... – аккуратно подхватил меня за руку Седой, замерзшего столбом, не в силах пошевелиться от жуткой расправы над живыми людьми. Я отрицательно покачал головой, чувствуя, как горлу подкатывает комок тошноты. Один из вошедших уже ловко стягивал с одного из подельников Кислова, того, что был без сознания штаны, похотливо оглаживая его голый зад.

– Мотя! – окликнул помощник вор. Тот вопросительно и преданно посмотрел в глаза своему хозяину. – Приберитесь тут, а петушатник этот в отдельный барак и чтобы к вечеру вся зона знала, что об них можно зашквариться!

– Сделаю! – кивнул мой неожиданный спаситель.

Уже у самого порога я обернулся. Мотя и Малина с улыбкой наблюдали за тем, как двое «петухов» издеваются над подельниками Кислова. Второй уже почти пришел в себя, когда ему в рот пытались вставить мужской орган, приговаривая, что если прикусит, то горя не оберется. В этот момент чуть не вырвало. Захотелось на воздух и запах квашеной капусты густо смешался с дурманящим запахом человеческих

страданий.

Следуя за Седым, я выбрался на улицу, тяжело дыша. Не скажу, что меня это зрелище убило, очерствел душой я как-то в лагере за столь короткий срок, стал спокойней воспринимать человеческую подлость и жестокость, но было неприятно это точно.

Возле входа в погребок топталась Степанида в уже накинутой на плечи телогрейке и валенках, что было редкостью для нашего лагеря. Видать, близкие отношения с Седым давали какие-никакие, а привилегии.

– После всего, уберись там... Чтоб следов никаких, – коротко приказал Седой, кивая на черный провал подвала, – а Кислова к свиньям... К утру и следа от тела не останется...

Степанида кивнула, ничуть не удивившись, словно для нее это было нормальным и обычным занятием прятать трупы. А может так оно и было? Или просто за колючей проволокой уровень гуманизма снижается до нуля, и чужую смерть начинаешь воспринимать, как нечто обыденное, ежедневное...

– Вот что, Чекист... – вздохнул Седой, усаживаясь на какой-то пенек, раскуривая самокрутку. – Повезло тебе сегодня... Считай второй раз родился, благодаря Моте.

Я кивнул. Это и без того было понятно.

– Он своей дотошностью спас тебя! Не послал бы маляву, не узнали мы, что среди воров такая гнида имеется. Должник ты его теперь...

А вот сейчас начиналось самое интересное. Впрочем, я понимал, куда клонится этот разговор уже тогда, когда он еще даже не начинался. Конечно же, как и все, воры не были благотворителями здесь, каждый в лагере, и они в том числе, хотели получить какую-то выгоду... Чего хотели конкретно они, я знал! Еще в прошлый раз сказали. И даже ответ у меня уже был на так и не заданный Седым вопрос.

– Я согласен,– проговорил я, беря протянутую самокрутку,– только есть условие...

– Бабу твою тоже возьмем, если пойдет,– кивнул Седой,– только ползти нам по тайге километров сорок, при чем в быстром темпе, сдюжит ли?

– Сдюжит,– кивнул я уверенно. Уж Валентина пойдет за мной, хоть на край света. В этом я был уверен.– И еще одно...

Вот тут-то я вора, конечно, удивил. Ему казалось, что знает обо всех моих желаниях и условиях.

– Снами будет еще человек!

– Кто?

– Качинский! Бывший офицер, прошел войну, Гражданскую, Первую Мировую, опыта хоть отбавляй... Пользы от него будет много....

– Не сдаст?– нахмурился Седой.

– Не сдаст, я головой за него отвечаю!– решительно кивнул я.

– Добро...– кивнул вор, протягивая мне открытую ладонь

для рукопожатия. Я немного помялся и все же ее пожал. Чего уж дальше ломаться и строить из себя рыцаря без страха и упрека. Я не сам себя запихнул сюда в этот лагерь, не сам ломал свой характер, я лишь принял правила игры, по которым чистеньким здесь остаться нельзя.— Завтра придет Мотя, решим как нам быть и с чего начать!

Я немного подумал. Табак успокаивал. Мозг, привыкший решать сложные аналитические задачи обрадовался и заработал с новой силой.

— Мне нужна схема расположения вышек и полный план лагеря с обозначением постов, караулок и прочего!

— Сделаем,— кивнул Седой.

— Тогда до завтра!— настроение немного поднялось. Азарт предстоящего опасного мероприятия приятно морозил спину шустрыми мурашками. Чувство опасности терзало нервы, я снова был собран и готов драться, только теперь уже за свою жизнь, за свою женщину и за свое будущее, а не за призрачное и эфемерное понятие Родины.

ГЛАВА 25

Дни в лагере пролетали как-то незаметно. Вроде было только утро, рассветало, а уже поздний вечер, и луч прожектора все так же настойчиво ищет по снегу твои следы. И от него не спрятаться, не скрыться нигде. Он, как всевидящее око, следует за тобой попятам, шарит по белому покрывалу, то и дело натываясь на серые унылые бараки. И вот ты в желтой полоске тусклого света. Луч рад, счастлив! Ждет твоей

ошибки... Что ты побежишь, скроешься от него, совершишь что-то непотребное. И тут же сработает страшный механизм. Щелкнет затвор полемета на вышке, и луч соберет свою кровавую жатву.

Картина расправы над Кислым и его поделщиками совсем не прибавила мне настроения. С одной стороны, я избавился от очень опасного врага, а с другой, чисто по-человечески мне было его жаль. Хотя не жалость не лучшее чувство по отношению к своим противникам.

Степанида, по указанию Седого, вывела меня с женской половины лагеря. Какими-то закоулками, мало натоптанными тропами, огибающими настырные лучи прожекторов по широкой дуге. Задворками я выбрался к своему бараку, и там мы с ней тепло попрощались. Она двинулась обратно, а я присел отдохнуть на пеньке, давая роздыху своему покалеченному боку. Среди стремительно летящих событий сегодняшнего дня, я умудрился забыть о нем. И теперь ушиб настойчиво напоминал мне о том, что неплохо было бы отдохнуть, но оказалось покой нам только снится.

На крылечке нашего барака, курил Головка, явно кого-то поджидая, и почему-то я был уверен, что этим кем-то несомненно является ваш покорный слуга. Разговаривать с ним не хотелось. Моральное напряжение последних дней, смерть отца Григория, разборки с Кислым, нападение на меня опустошили мой организм полностью, но пройти мимо не выходило. Плюнув на все, а вдруг все же не меня? Я шагнул из

полутьмы бараков в луч света.

– Вечер добрый!– поздоровался я и попытался незаметно прошмыгнуть мимо сержанта к двери.

– Стоять, Клименко!– среагировал мгновенно Головки.– Далеко, значит, собрался-то?

– Спать, гражданин начальник! Завтра рано на промку вставать! Стране нужен лес, как говорит наш начальник отряда.

– Говорил...– поправил меня сержант.

– Что?

– Расстреляли его сегодня по приговору «тройки». Лично Ковригин, как комиссар. За порочащие звание офицера НКВД занятие, халатное отношение к работе и выполнению своих обязанностей! – как по-писаному продекламировал сержант, закуривая.– Из-за тебя расстреляли, Клименко, значит...

Я отвернулся. Что я мог сказать? Что не хотел, чтобы так вышло? Что в смерти Щеголева был не заинтересован? Глупо...Его ненавидели все! Он был законченным психопатом, положившим жизнь для системы и во имя системы! И что? Система его просто перемолола в своих страшных жерновах, как тысячи других до него. Система беспощадна, кровожадна и о корне порочна, за эти полгода я достаточно смог ее оценить, масштаб и размах того террора, который раскручивался для устрашения собственного народа. И самое удивительное, что объективных причин к принуждению к полно-

му подчинению вроде как и не было толком... А от того, вся эта кровь и грязь выглядели ужасающе бессмысленными и необъяснимо жестокими.

– Все знали Щеголева, не расстраивайся, – похлопал почти дружески меня по плечу Головку. Тono его немного изменился. В голосе появились серьезные нотки. Из простачка здоровяка, он на моих глазах превращался в обычного человека, – Ковригин давно хотел от него избавиться. Вот и воспользовался случаем. Наш старлей мечтает о карьере! Такой психопат, от которого можно в любой момент ждать все, что угодно, ему в лагере был не нужен. Все показатели портил! Так что, не вини себя... Рано или поздно, Вася именно так и закончил свой жизненный путь.

Меня поразило в словах сержанта не столько то, что он пытался меня успокоить, сколько грамотность его речи, доверительные интонации и пропажа всегдашнего «значит», которое он повторял через слово. Это преобразование было неожиданным и необычным, словно теперь передо мной стоял совершенно другой человек.

– Я и не расстраиваюсь... – проговорил я, стремясь побыстрее закончить разговор с сержантом. Его изменения мне не понравились! Почему Головка открыл свое истинное лицо именно сейчас и именно передо мной? Что ему от меня надо? И кто он? – Я пойду! Отбой уже давно был..

– Постой, лейтенант, – удержал меня за руку он.

– Я уже давно не лейтенант, – хмурo ответил я, порываясь

уйти, но что-то меня все же сдерживало от этого последнего шага.

– Офицер, всегда остается офицером,– улыбнулся Головко,– если он хороший офицер! Уж на примере Качинского ты должен был это понять...

– И все же...– разозлился я.– Я верой и правдой служил трудовому народу. Ловил бандитов, рисковал жизнью, чтобы мирные люди в нашей стране жили спокойно, а меня ни за что...сюда! Вместе с ворами и убийцами! На десять лет! И после этого я должен был сохранить честь офицера? Любовь к Родине? Да! Давай еще, Отечество любимое, мало мне «десятки». Готов двадцать отсидеть...

– Перегибы в линии есть,– согласился неожиданно легко Головко, став совсем уж непохожим на себя, серьезным и собранным,– но в отношении тебя их не было...

– Что значит не было? – нахмурился я.

Сержант затушил окурок спокойно и полез во внутренний карман шинели. В какой-то момент мне даже показалось, что он сейчас достанет пистолет и застрелит меня прямо тут, на пороге барака за крамольные речи. Но Головко всего лишь достал служебное удостоверение.

– Читай,– подал он мне его.

Дрожащими руками я взял красную аккуратную книжницу, знакомую даже на ощупь. Сам такую когда-то имел и хвастался перед друзьями, сразу после окончания спецшколы. Аккуратным, почти академическим почерком под несколь-

кими синими печатями и фотографией совсем молодого Головки было выведено следующее:

– Капитан Государственной Безопасности СССР Первого Ранга Головки, – прочитал я, ошарашенно поглядывая на того, кого знал обычным сержантом-вертухаем, – Управление Внешней Разведки НКВД СССР...

– Можно? – попросил удостоверение обратно капитан. И пока я абсолютно обалдевший, обдумывал увиденное, он продолжил.

– Мы вели тебя с самой спецшколы. У тебя прекрасные характеристики, личное дело, все данные! Когда произошла вся эта история с Коноваленко и золотом госрезерва, руководство решило, что это наш шанс!

– Шанс? – не понял я. В голове абсолютно все перемешалось. Мир переворачивался с ног на голову. Простой сержант оказывался капитан внешней разведки, а моя посадка в лагерь спланированной операцией. Может и лагеря нет?

– Видишь ли, товарищ Клименко, – я вздрогнул от этого обращения. Так меня не называли уже почти полгода, – совсем скоро нас ждет страшная война. Война с Германией. И мы, и они готовимся к ней, понимая, что ее не избежать никак. Рано или поздно фашисты и мы столкнемся лбами. И тот кто будет готов к войне лучше, тот и победит.

– Но... – растерялся я. – Я совсем не понимаю, при чем тут я?

– Нам стало известно, что абвер набирает специаль-

ный полк для проведения разведывательных и диверсионных действий на территории СССР. Его название «Бранденбург-800». Состоит он в основном из русскоговорящих жителей Прибалтики, Западной Украины и Польши. Туда набирают всякое отребье, бывших белых юнкеров, украинских и прибалтийских националистов, польских борцов за свободу, бывших заключенных в том числе... По нашим данным им обещано немецкое гражданство и прекращение всякого преследования официальными властями. Нам нужен там свой человек, товарищ Клименко!

Вот такого поворота в своей жизни я никак не ожидал. Потому ошарашенно хлопал глазами, пытаюсь осмыслить сказанное Головко. Война с Германией? Мы кажется с ней не дружим, но и в открытое противостояние не вступаем?

– Какой полк? Я же обычный зэк?– наконец смог выдать из себя я, чтобы совсем не выглядеть остолопом.

– Для этого мы тебя сюда и посадили, чтобы все выглядело максимально правдоподобно!

– Правдоподобно?– разозлился я, хватая Головко за воротник шинели.– Да вы жизнь мне сломали! Мне и моей семье жизнь сломали! А мать? Вы думаете мать пережили мой арест?

– С твоей матерью все хорошо,– аккуратно освободился от моего захвата Головко,– она живет в Харькове, на полном гособеспечении. Ни в чем не нуждается, на пенсии.

– Ну вы и твари...– обалдело покачал головой я.– А Валя?

Валя появилась тоже здесь специально?

– Увы... Это было личное пожелание товарища Ежова, – пожал плечами Головко, – я как разработчик операции был против смешивать служебное и личное.

– Операции... Операции... – осознание того, что вокруг меня был всего лишь хорошо поставленный спектакль, а не реальная жизнь, обрушилось на меня ледяным душем. Я не мог осознать масштабы того действия, что закрутилось вокруг моей персоны.

– И что дальше?

– Дальше ты должен выбирать! Сидеть в лагере или работать у нас...

– Неравноценный выбор! – ухмыльнулся я, узнавая почерк конторы.

– Никто не говорил, что будет легко, – покачал головой то ли сержант, то ли капитан, – если ты согласишься, то вашим планам с Седым дают осуществиться. Нет, завтра сюда прибывает полк НКВД для усиления и охраны. И тогда... никаких шансов. Поверь мне... Ты не выйдешь отсюда никогда! Ни ты, ни Седой!

– Хорошо... Мы с Седым сбежим и что дальше? Германия находится черт знает где! – возмутился я, понимая, что Головко не шутит сейчас. Меня больше отсюда не выпустят, если я откажусь. Решение принято без меня, оно безусловно положительное, но по крайней мере я собирался поторговаться, дорого продав свою жизнь.

– Побег удастся при любом раскладе. Тут вам дается руководством полный выбор вариантов и действий. Можете хоть вообще Темлаг спалить к чертовой матери! Подавление бунта задержим на сколько сможем. Это будет фора. Дальше сами... Твоя задача вывести Седого в Польшу. Нам он неинтересен! Там ваши пути расходятся. Ты остаешься в Варшаве и ждешь нашего связного. Он выведет тебя на людей из абвера.

– И дальше что?

– Дальше?– улыбнулся Головко.– Дальше рассказываешь всю свою правдивую историю, опуская наш сегодняшний разговор, и служишь верой и правдой Германской непобедимой нации. Пока не придет момент, когда ты понадобишься своей стране.

Я замолчал. Решение, которое я принимал сейчас было определяющим и самым, пожалуй, важным в моей жизни. От него зависело жить мне или умереть. Возможно на долгие годы покинуть страну или сдохнуть в лагере на правах раба. Там меня никто не ждал... Здесь меня ничто не держало, кроме Валечки...

– Я согласен,– после долгого молчания выдавил я из себя,– но есть одно условие...

– Говори!

– Завтра Валю должны вызвать в командировку куда-нибудь... В Лугу например!– я вспомнил, что сын с матерью Валентины находится именно в этом городке под Ленинградом.– Ей не так тяжело будет пережить мою гибель, если она

будет рядом со своим сыном.

– Мы так и хотели сделать,– кивнул Головко,– Мой тебе совет, устрой тут бойню, товарищ Клименко! Сожги этот лагерь дотла... Только тогда тебя не будут искать вместе с Седым и вы спокойно сможете уйти через границу.

Я кивнул.

– Спасите только Валю,– снова попросил я.

– Спасем, не сомневайся!– хлопнул меня по плечу Головко.– Даю слово!

Я кивнул, шагая в полутьму барака. Все еще не осознавший какое решение принял и как оно повлияет на мою жизнь. Головко долго смотрел мне в след, пока дотлевшая папироса не обожгла ему кожу на пальцах. Он дернулся, словно просыпаясь, ругнувшись, выбросил окурок в снег, притоптав его сапогом, и заторопился. До завтрашнего вечера ему надо было сделать еще очень много дел. На этом его миссия в ТемЛаге заканчивалась.

Через десять минут он тихо зашел в свою комнату. Свет был везде погашен. На столе собран поздний ужин, прикрытый полотенцем, чтоб не заветрил. Он еле заметно улыбнулся, глядя, как Валентина дремет на старом диване, укрытая накинутым на плечи пальто. Она чему-то улыбалась во сне, еле заметно шевеля губами. Такая нежная, красивая...

С трудом он поборол желание коснуться ее волос ладонью. Вышел в другую комнату и набрал знакомый номер наркомата. На том конце провода долго не брали. После десятка

гудков в трубке послышался заспанный голос дежурного:

– Соедините меня с товарищем Ежовым!– приказал Головки. Пришлось ждать почти семь минут.

– Слушаю вас, товарищ Головки? Есть новости?

– Операция «Высшая мера» начата! Все идет по плану!

– Отлично, товарищ Головки! Вы несомненно будете представлены к государственной награде! Я лично поговорю с товарищем Сталиным о вашем награждении.

– Служу Советскому Союзу!– без особого энтузиазма проговорил в трубку Головки, слушая на том конце короткие гудки. Повернулся к дивану, где спала Валентина и понял, что свою самую главную награду в этой операции он уже получил.

ГЛАВА 26

Утро началось с жуткого похмелья. Коноваленко еле продрал глаза, ощущая всеми нервными клетками враз потяжелевшую, почти чугунную голову. Внутри горело все огнем и безумно тошнило. Каждый звук отзывался в мозгу барабанной дробью, а тут еще настырный телефон прямой связи с ГУЛАГ разрывался под рукой, словно издеваясь над состоянием Андрея.

С трудом воспринимая происходящее вокруг, Коноваленко попробовал встать, но тут же рухнул обратно на стул. Осмотрелся... Вчера он так и заснул в кабинете, решив не возвращаться в пустую и холодную квартиру. Валя не приходила второй день, а он не пытался ее даже искать, с какой-то

тоскливой обреченностью для себя, решив, что будь, что будет, заливая горечь непомерными дозами алкоголя.

Выдохнув, сам обалдев от перегара, андрей все же потянулся к телефону, настойчиво пытавшемуся добиться ответной связи от абонента. Снял трубку, хрипло, со сна проговорив:

– Коноваленко слушает...

– Товарищ капитан? С вами будет говорить, товарищ Ежов!

Андрей как-то внутренне собрался, встряхнулся. Все же не каждый день тебе лично звонит нарком НКВД. Хотя раньше они беседовали с ним часто, даже с Ягодой – предшественником наркома были чуть ли не близкими друзьями. Абсолютно далекий от чекистских дел, Генрих любил окружать себя в меру амбициозными и талантливыми в своем деле людьми.

– Да, да...

– Здравствуйте, Андрей Викторович, – голос Ежова в трубке был бодр и весел, словно сейчас было не раннее утро, а середина рабочего дня. Коноваленко слышал, что известный своими пьяными оргиями нарком редко когда ложится раньше двух дня, наверное и сейчас он после бурной ночи продолжал работать в своем кабинете.

На миг мелькнула надежда, что все ранее произошедшее было ошибкой. И ссылка его в Темлаг, арест, разговор в Москве... Сейчас Ежов извиниться и попросить вернуться на

должность главного чекиста Украины, но вместо этого нарком неожиданно коснулся его личной жизни:

– Как ваша супруга поживает, Андрей Викторович?– спросил он, и Коноваленко на миг показалась, что в словах всесильного, первого чекиста страны мелькнула неприкрытая ирония.

– Спасибо, товарищ Ежов! В здравии и благополучии!

– Ну и славненько... ну и славненько... Она же у вас вроде бы как врач? Или меня неправильно информировали?

– Так точно...– осторожно подтвердил Андрей, не понимая, куда клонит нарком.– Занимает должность главного врача Темниковского лагеря.

– Ну вот и отлично!

– Не совсем понимаю, товарищ нарком!

– Видите ли, стране нужны хорошие врачи. Негоже, чтобы такой талант пропадала в ваших лесах...

Сердце Коноваленко екнуло от предчувствия чего-то нехорошего. Ежов был известен своими амурными похождениями. Неужели он клюнул на красоту Вали и готов отнять ее у него? А принадлежит ли она мне? Спросил сам себя Андрей. Она давно уже не моя... А с циничной и грубой точки зрения это можно использовать и в своих целях. Мелькнула в голове у опытного аппаратчика мысль.

– Что в имеете в виду, товарищ нарком?

– Есть информация, что ваш сын, Глеб живет сейчас с бабушкой, где-то под Лугой?

Глеб...Почему они докопались до глеба? Разговаривать с Ежовым было все равно, что идти по минному полю, никогда не знаешь, где взорвешься в следующий момент.

– Так точно...Мы его оставили пока у тещи. До того времени, пока обустроимся здесь.

– Значит верно информировали,– усмехнулся нарком,– вы там особо не обустраивайтесь, товарищ Коноваленко. Темлаг лишь ступенька для вас, с вашей энергией и опытом вы далеко пойдете...

Напряжение отпустило. Значит нарком решил просто приободрить своего сосланного сотрудника, поддержать! Значит все это временно, надо только работать! Доказать, что снова можешь быть в обойме!

– Есть!– более веселым голосом подтвердил Андрей. Настроение поднялось. Его не списали, не забыли, он все еще на коне! Как и предполагалось, Темлаг лишь ссылка, чтобы проучить проштрафившегося сотрудника. Методы конторы оставались неизменными. От таких умопомрачительных перспектив, даже голова перестала ныть, в висках маленькие молоточки наконец-то прекратили свой нудный стонущий перестук.

– Так я могу надеяться...– робко поинтересовался он.

– Можете!– подтвердил Ежов на том конце провода.– Можете, Андрей Викторович, а в знак признания ваших заслуг перед Родиной мы для начала воссоединим мать с сыном. Негоже пареньку расти без родительской опеки, согласны?

– Так точно!– радостно рявкнул Коноваленко. Значит его следующее место службы будет где-то под Питером. Об этом можно было только мечтать! Колыбель трех реолюций, музеи, кино, статус... Не то что в этой ледяной Мордовии.

– Сегодня вечером немедленно откомандировать капитана медицинской службы Коноваленко Валентину Владимировну в окружной госпиталь НКВД в Луге для прохождения дальнейшей службы.

– Есть!– то-то Валя будет счастлива. Может все у них наладится... подумалось Андрею.

– Вот и славненько! А чтобы нормально добраться ей до места службы выделите ей в сопровождения какого-нибудь сержанта посмышленей. Головка кажется...

Коноваленко обалдел от информированности наркома. До какой степени Ежов вникает во все тонкости своего дела, если в курсе списков личного состава одного из тысячи лагерей по всей стране! Удивительный человек!

– Есть!

– До свидания, товарищ Коноваленко!

– Разрешите вопрос, товарищ нарком?– осмелел Андрей, на миг даже перестав дышать от своей наглости.

– Разрешаю...

– А я?

– Что вы?

– Когда меня туда...– растерялся Андрей.

– Вас? Думаю через недельку и вы отправитесь в Ленин-

град. Надо только замену вам подобрать!— в трубке раздались короткие гудки, но Андрей не смел опускать ее обратно на аппарат. Он даже на всякий случай прикусил себе до боли губу, чтобы поверить, что весь разговор ему с пьяных глаз не приснился. Не может такого быть! Он же верил! Он знал. Что его заслуги не забыты! Он знал!

В дверь постучали, сбивая его восторженный настрой. На пороге появился хмурый Ковригин, по виду которого можно было сразу определить, что вести он принес совсем не такие приятные, как нарком. Зашел, молча сел напротив, выжидательно посмотрев на счастливое, но изрядно помятое лицо Коноваленко.

— Что случилось?— встревожился Коноваленко. Сейчас ему совсем не хотелось, чтобы все пошло опять не по плану, возникли какие-то проблемы или недоразумения.

— Кислов пропал...

— В смысле?— напрягся Коноваленко.

— В прямом, товарищ капитан, был человек и нет человека... Как в воду канул... Последний раз по словам его сокамерников его видели на промке, куда Щеголев погнал их ночью. Теперь и Щеголева не спросишь...

— Побег?— похолодел вмиг Андрей.

— Не думаю...— покачал головой Ковригин.— По моим данным его ликвидировал Седой — наш местный вор в законе. Труп спрятал, теперь его не найти!

— Что значит не найти?— разозлился Коноваленко. После

разговора с Ежовым, такого многообещающего и позитивно-го, у Андрея открылось второе дыхание к работе. Захотелось показать себя на новом месте, оправдать авансы командования, доказать всем, кто на самом деле на зоне хозяин.

– То и значит... Седой – вор опытный и авторитетный, если пошел на «мокруху», то уличить его нереально, – покачал головой Ковригин.

– Стоп! А с чего ты взял, что к пропаже Кислого причастны именно воры? – нахмурился Коноваленко. Быстро встал, прошел к умывальнику с ледяной водой, умылся, освежая и лицо и голову, которая в новых обстоятельствах должна была работать, как часы. Он не имел права, не мог допустить еще одну ошибку! Тогда его никто уже и никогда не вернет из небытия!

– Помните наш разговор вчерашний и просьбу насчет Клименко? – напомнил Ковригин с еле заметной ухмылкой. Мол, ты можешь все забыть. Но я-то помню кого попросил ты о помощи, когда припекло и как пошел на нарушение всех возможных инструкций.

– Помню, – отмахнулся Коноваленко, одевая шинель. Он был намерен познакомиться наконец-то с этим теневым правителем лагеря по кличке Седой. Не быть власти воров там, где он командует. Не таких ломали, подумал про себя Андрей, цепляя кобуру с пистолетом. – И что дальше?

– Дальше я поговорил с ним. Он согласился. По моим данным именно он сделал так, чтобы в промке на вашего недру-

га упало дерево.

– Клименко живой!– зло бросил Андрей Викторович. Ничего, как только он разберется с ворами, ему останется лишь лишь один вопрос и этим вопросом станет бывший чекист, любовник его жены.

– Попытка была неудачной, но Кислов не остановился на этом. Решил пойти другим путем.

– Каким же это?

– Он – вор для всех!– улыбнулся Ковригин.– Ударить вора подписать себе смертный приговор... Соответственно Кислов и двинулся к Седому в поисках правды. Устроили судилище, их местное...

– И?

– А потом Кислов пропал,– устало потер виски Ковригин,– а двое его ближайших поделщиков опущены...

– В смысле?

– В смысле их сделали «девочками». Думаю, что Седой убил Кислова.

– Если все было так гладко, зачем вору убивать другого вора?

– Кислов не вор,– отрезал резко Ковригин,– по крайней мере он перестал им быть, когда в Соликамске стал сотрудничать с нашей администрацией. Там его прикрыли и потихоньку вывели из игры, переправив в наш лагерь. Только, видимо, не все концы удалось спрятать в воду. Зэки каким-то образом узнали про этот печальный факт биографии Кисло-

ва и примерно наказали его. Только так можно объяснить случившееся, и то, что ваш Клименко все еще жив...

– Сука!– Коноваленко о всего маху ударил по столу так, что папки, лежащие на нем. Подпрыгнули и рассыпались,– до чего живучий...

– Но есть варианты!

– Подожди, лейтенант, подожди... Пусть пока все успокоится, Клименко в том числе. Мою жену забирают под Лугу завтра с Головки, приказ наркома. Так что некогда им будет тут миловаться на моих глазах.

– С Головкой?– удивленно поднял брови Ковригин.– Странный выбор...

– Да, его приказано отправить в сопровождение... А нам надо пока срочно решить вопрос с ворами, комиссар!– Коноваленко уже был готов к выходу, ожидая лишь своего зама на пороге кабинета. Давненько он не чувствовал себя так легко и хорошо, как сейчас. Казалось бы, попадись ему на пути горы, и те бы свернул, не особо раздумывая.

– С ворами? Что вы имеете в виду?

– Хозяин в зоне, товарищ комиссар, должен быть один! И явно не зэчье последнее!– твердо сообщил заму Коноваленко.– Пора познакомиться с Седым и указать ему его место.

– Но...

– Ты знаешь, где он?– прервал комиссара Андрей Викторович.

– В котельной истопником числится,– нехотя проговорил

Ковригин. Ему очень не нравилась эта затея с переделом власти. Нельзя сейчас волновать зону. Нельзя! Она и без того взбудоражена всякими самоубийствами, голодом, произволом вертухаев. Стоит поднести спичку и полыхнет! А Коноваленко собирался, рассорившись с ворами, нарушив хрупкий баланс, притащить к пленнице не спичку, а целый факел,— я против, чтобы вы знали, товарищ капитан госбезопасности!— тихо произнес он, двигаясь за Андрей Викторовичем.

— Да мне плевать!— отмахнулся Коноваленко.— Повторюсь для тебя, хозяин в зоне должен быть один! И пока,— она интонацией выдели слово «пока»,— это не ты, лейтенант!

— Так точно!— хмуро кивнул Ковригин.— Я вас провожу...

Вдвоем они вышли из административного корпуса. Мимо промаршировала дежурная смена караула, лихо отдав воинское приветствие начальникам, но Коноваленко настолько загорелся решить все проблемы одним кавалерийским наскоком, что не заметил их рвения.

— Где котельная?— спросил он. За всеми своими пьянками, домашними дрызгами он совсем не успел еще познакомиться со всей обширной территорией ТемЛага, своего хозяйства. Как настоящий временщик, он лишь все это время поддерживал работу и без того отлаженного механизма, даже не вдумываясь как работают все его шестеренки.

— Тут недалеко,— недовольно поморщившись, показал рукой Ковригин, на всякий случай расстегнув кобуру с оружи-

ем,— за столовой и медпунктом...

— Веди!

Ковригин общался с Седым лишь один раз, только лишь когда вступил в должность комиссара. И еще тогда, вор в законе показался лейтенанту серьезным человеком, имеющим в лагере огромный авторитет и который мало понимал шутки, вроде той, какую задумал Коноваленко.

— Не мешай вора́м жить, сынок,— ласково потрепал его за плечо Седой, улыбнувшись много лет назад,— и сам будешь жить...

Эти слова вора он запомнил надолго. Сегодня почему-то они ему вспомнились, пока вдвоем с Коноваленко брели по свежему снегу до котельной.

— Может дежурный караул возьмем?— предложил Ковригин, когда из-за поворота показалась копченая труба топки.

— Неужто боишься, лейтенант?— подмигнул лихо ему Коноваленко.— Я белую контру не боялся. Вот тут их держал!— он показал поросший черным волосом могучий кулак.— И они дрожали при моем появлении, а не я. Неужели, ты думаешь, что я простого ворья испугаюсь?

Ковригин пожал плечами. Коноваленко закусил удила, это было видно. Его, как лошадь понесло, сорвав со спокойной рыси в галоп. Спорить с ним было бессмысленно и бесполезно.

— Держись меня! Не пропадешь!

Лейтенанту оставалось только догонять, широкошагаю-

щего немного впереди решительного и бесстрашного командира. Почти у самой котельной он его догнал.

Здесь даже снег покрылся черной копотью гари, став каким-то грязным. В огромной поленнице высились аккуратно сложенные стопки дров. Чуть левее высыпалась гора каменного угля, блестящего на солнце, как какой-нибудь драгоценный камень. В горку была воткнута лопата, рядом стояла тачка, почти доверху наполненная топливом. Неподалеку курил Малина – здоровяк огромного роста в чистенькой телогрейке.

– Господин комиссар, какая встреча!– откуда-то из двери выглянул Мотя, услышав чьи-то шаги.– давненько не бывали у нас...

– Это кто?– кивнул на улыбающегося Мотю Коноваленко, доставая револьвер.

– Мотя, Матвей Крикунов – помощник Седого,– обреченно как-то пояснил Ковригин, пряча глаза.

– Осужденный Крикунов!– громко объявил Коноваленко, ожидая в ответ положенного доклада, но Мотя промолчал. Улыбка медленно сползла с его губ. Он внимательней посмотрел на «хозяина», уж не пьяный ли? Рядом напрягся Малина, как бы невзначай, потянувшись к сапогу, где всегда была припрятана заточка.

– Не слышу!– револьвер гулко разорвал тишину лагеря, испугнув сидящих на крышах зданий ворон, подняв в небо целую стаю.

– Осужденный Крикунов 1907 года рождения, статья 105 часть 2, срок 10 лет...– процедил Мотя, скрестив на груди руки, показывая всем своим видом, что он – то точно ссориться не хочет.

– Позови, Седого!– попросил Ковригин из-за спины Ковваленко.

– Не надо звать никого...Я здесь, гражданин начальник,– тяжело ступая, в накиннутой на плече жиденькой фуфайке на голое тело, густо расписанное синими татуировками, из котельной вышел Седой.

– Представиться по форме, как положено!– рявкнул Ковваленко, сверкая злыми настырными глазами.

– Андрей Викторович...– робко попытался облагородить начальника Ковригин.

– Молчать!– дуло револьвера повернулось в сторону вора, который с легкой усмешкой наблюдал за действиями начальника лагеря, внешне оставаясь совершенно спокойным.– Перед тобой, вонючее зэчье, начальник лагеря, капитан государственной безопасности первого ранга, немедленно доложить, как положено, иначе пристрелю, как собаку!

– Да по мне, хоть товарищ Сталин,– усмехнулся Седой, доставая из кармана расшитый цветами добротный кисет с табачком. Медленно. Очень медленно он стал сворачивать самокрутку, искоса поглядывая за реакцией Андрея, которого затрясло от столь откровенного пренебрежения к своей персоне.

– Ну, сам захотел, сука... – выстрел прозвучал неожиданно, взметнув снег под ногами вора, который даже не изменился в лице, сосредоточенно крутя «козью ножку».

– Не надоело, гражданин начальник? – поинтересовался Мотя, стоявший чуть в стороне. – Чего перед нами понты колотить? Лучше скажи, его надо?

– Крикунов! – одернул его Ковригин.

– Чего ж скрывать-то... – пожал плечами Коноваленко, опуская оружие, поняв, что нахрапом воров не возьмешь. – Ты Кислого мочканул? – спросил Андрей, наблюдая за реакцией Седого. Тот раскурил сырой табак, выпустил колечко дыма и отрицательно покивал головой.

– Не я... Вор на то и вор, что на «мокруху» не пойдет, чтоб ты знал, гражданин капитан государственной безопасности первого ранга! – улыбнулся Седой.

– Значит по твоей указке?

– По моей! Он общество кинул, общество решил его наказать.

– Запомни ты, шваль подзаборная, здесь я решаю кому жить, а кому умирать, понял? – закричал с истеричным надрывом Коноваленко, размахивая пистолетом.

– Ты решай у себя, там, в конторе, а я решаю здесь, в лагере... Здесь моя власть! Не ваша, мусорская!

– А хочешь, докажу, что твоя власть ничто, а? – улыбнулся Коноваленко, и от этой улыбки стало жутковато даже Ковригину. На секунду ему показалось, что его начальник совер-

шенно точно сошел с ума.

– Убьешь? Значит слабость свою признаешь... – улыбнулся Седой.

– Ах ты! – замахнулся Андрей на вора, но сдержался. – Два месяца ШИЗО! – процедил он, резко разворачиваясь и уходя. Только полы шинели при каждом шаге разлетались в стороны, как крылья хищной птицы. Он все равно сломает вора, покажет ему настоящую силу. Тот прав, убить его значит признать свою слабость, не способность повлиять на него каким-то другим методом. Шлепнуть гниду и сделать из него великомученика? Ну уж нет... Пусть сначала в ШИЗО позагорает, а если выживет при таких морозах, то и место в котельной для нарушителей режима слишком сладко! Пусть на промке, вместе со всеми повкальвает по снегу. И тогда посмотрим... Кто настоящий хозяин лагеря!

Когда Коноваленко скрылся за поворотом, Седой все-таки улыбнулся. Он столько лихих вертухаев повидал на своем веку, мечтавших его сломать, что этот не стал чем-то новым и интересным. Почти всегда все проходило точно так же... Только в этот раз администрацию ждет небольшой сюрприз, который приготовил им Седой.

– Чего стоишь, комиссар? – окликнул он замершего в нерешительности Ковригина, вздрогнувшего от хриплого звука голоса вора. – Слышал, что начальник сказал? ШИЗО, два месяца! – Седой вытянул руки, чтобы лейтенанту было удобнее нацепить на него наручники. – Только курево не от-

бйрай... Опухну там без него!

Ковригин кивнул, несмело надевая браслеты на исписанные татуировками тонкие запястья вора, ничего уже не понимая. Тот сам просился в штрафной изолятор, в нечеловеческие условия, в мороз! И ладно бы еще на неделю, но два месяца! Такого строгого наказания в Темлаге еще не было.

– Сдохнешь ведь там, Седой... – проговорил он тихо, подталкивая его в спину, руки он, каки положено, сцепил ему позади.

– Это мы еще посмотрим, комиссар, – подмигнул вор на ходу Моте, безучастно наблюдавшему со стороны за разворачивающейся сценой, – это мы еще посмотрим...

ГЛАВА 27

После возвращения в барак на меня уже смотрели, если не как живого мертвеца, то как, безусловно, на личность легендарную, что тот Колобок. И от дедушки он ушел, и от бабушки, и от Кислова, и даже от Седого.

Качинский на мое возвращение никак не отреагировал. Молча кивнул на остывшую баланду, сохраненную им для меня, и отвернулся к стене, покрытой ледяными узорами инея. После всего пережитого жрать хотелось неимоверно. Желудок сводило, и он даже был безумно рад жидкой луковой похлебке, которой нас опять потчевали на ужин. Я вспомнил только что испеченную ароматно-дымящуюся картошку, которую наворачивали воры за обе щеки на складе полном продуктов, и тоскливо вздохнул. Нам оставалось

только мечтать о таком изобилии, которое было доступно Седому и его друзьям.

Мои мысли вернулись с Седого плавно перескочили на Головку и его предложение. Точнее приказ, иначе это назвать не выходило. Капитан государственной безопасности не оставил мне выбора! И каковы стервецы. Все рассчитали, продумали... В тюрьму меня засунули, приговор соорудили... Вряд ли их у них был такой план с самого начала, слишком много случайностей. Кто ж знал, что Конопатов в далеком Харькове окажется связан с бандой налетчиков? Кто знал, что он непременно влюбится в Валю... Валя... А как же Валя?

Я повернулся на другой бок, чувствуя, как грудь перехватило от боли. Комок подкатил к горло, выливаясь слезинкой на поросшей густой щетиной щеке.

Валя... Валуша... Моя родная... Кто я? Зэк? Враг народа осужденный по статье? А она? Она капитан медицинской службы, красавица, умница? Какая ей пара? Что могу предложить кроме своей любви? Ну, отсижу я тут весь свой срок... Выйду? Путь один... Остаться в одном из таких рабочих поселков вольнонаемным, где не будут особо вникать в детали твоей биографии. А она? А Глеб?

Я со злости стукнул кулаком по дощатой стене, жалобно отозвавшейся глухим стуком. А она должна угробить свою жизнь здесь, поставив крест на своей карьере, на судьбе сына из-за меня? Этого я допустить не мог. Вот и выходило,

что стоило послушать Головку и идти дальше, срыватьсь в побег с Седым, а там будь, что будет. Если капитан прав и война с немцами не за горами, может еще и вернусь героем оттуда... Тогда Валя может быть со мной, незапятнанным, чистым...

– Чего шумишь?– на моем уровне неожиданно появились внимательные серые глаза Качинского. Если бы он знал, что в тот момент творилось в моей душе. По ней, словно катком асфальтовым проехали, оставив лишь выжженное поле.

– Разговор есть...– проговорил я.– Пойдем на улицу!

Лев Данилыч осмотрел спящий барак, вроде никто не подслушивает. Доносится интенсивный храп и сопение. Все, как обычно бывает в большом мужском коллективе. Пожал плечами и спрыгнул с нар. По молчаливому согласию место отца Григория никто из нас не занимал. Нижняя шконка так и оставалась пустой после его гибели.

– Пошли...

В лицо пахнуло свежим. Сильный сырой ветер мгновенно облизал горячим колким щеки, заставив поплотнее укутаться в накинутую на плечи фуфайку. Чиркнул спичкой, предложив папиросу, оставленную мне Головкой, Льву Данилычу. Он ухмыльнулся, но взял, глубоко затянувшись. Закашлялся, поперхнувшись.

– Хороший табачок давно не курил...– виновато улыбнулся он.

– Я был у Седого,– не зная, как начать наш непростой раз-

говор, начал с самого начала.

– Я знаю...Люди болтают, что Кислов хотел тебя на правило выставить, но ты каким-то чудом опять соскочил. Кислова воры пустили в расход, его подельники стали Машкой и Ленкой, заняли барак с опущенными, а ты целехонек, с настоящими папиросами...

– Кислов оказался ссученным!– я сделал вид, что не заметил неприкрытого сарказма со стороны бывшего белого офицера.

– Печально...Воровская масть такого не прощает. И взамен, что они попросили?– улыбнулся Качинский.

– Они просто узнали правду!– горячо возразил я.– Мне чудом удалось спастись! Какие-то малявы пришли из Соликамска...

– Ты же бывший чекист, Саня!– прервал меня Качинский.– Неужели ты реально думаешь, что все это сыграло так, потому что справедливость восторжествовала? Кислов Седому был изначально, как кость в горле. Два авторитетных медведя никогда не уживутся в одной берлоге. Рано или поздно один другого съест. Седой ждать не стал, пока Кислый попляшет на его косточках... Скорее всего, как только они прибыл с этапом в лагерь. Воры уже начали писать малявы в лагеря и искать числящиеся за ним грешки, чтобы сделать все по их законам. Соликамск далеко, Саш... Неужели ты думаешь, что ради тебя гнали дорогу с малявой, чтобы спасти жизнь такому замечательному парню, как ты? Уж из-

вини, но вряд ли. Ты им, безусловно, нужен в их раскладах, но не главной фигурой... Тут ты себе льстишь, – Лев данилыч затушил аккуратно папиросу и глубоко вздохнул, умываясь свежим мокрым пушистым снежком. – Так во что они тебя втянули?

Слова Качинского заставили меня задуматься. И даже здесь, у обычного ворья на меня были далеко идущие планы. Все играли мной, словно я был обычной шахматной фигурой без своих собственных желаний и мыслей. И НКВД, и воры хотели меня просто использовать, и из-за этого не чурались убивать людей, подставлять, предавать...

– Они хотят устроить побег, – выдавил из себя я, от накатившего раздражения до красноты сжимая перилы нашего барачного крылечка.

– Похвально, а тебя «кабанчиком»? – улыбнулся Лев Данилыч.

– Чем?

– Чаще всего воры бегут с зоны не просто так с бухты барахты! Им нужен запас продуктов, который сам будет себя нести... Ты например! Таких жертв называют «кабанчики» Когда силы начнут воров оставлять, они тебя хлопнут и сожрут! Так-то, мой друг...

– Они людоеды что ли?

– Они беглые зэки! Их задача выжить любым путем, – пожал плечами Качинский, в том числе и таким...

– Нет... Они предлагают мне бунт!

– Что?

– Бунт. Поднять весь лагерь на уши. У них это получится, я уверен. Власть тут черная! Обезоружить охрану, администрацию, обрубить связь и под шумок слинять.

Качинский замолчал, обдумывая предложение.

– Идея неплоха... Но трудно осуществима... Оружия нет, это не солдаты, это зэки, – кивнул он в сторону барака, – они разбегутся при первом же выстреле!

– Седой на что-то надеется, – пожал я плечами.

– Ты ему веришь?

– Теперь нет... Но хочется!

– И мне хочется... – кивнул Качинский, нервно затягиваясь папиросой. – Я с вами, если что... Хочется умереть свободным, даже если вся эта ерунда не выгорит.

– Выгорит, Данилыч! Выгорит! – похлопал я его по плечу, радуясь, что мой самый близкий товарищ тут, согласился быть со мной рядом. – мы еще будем свободными... Обязательно будем!

– Глянь-ка туда! – кивнул в сторону проулка между бараками Качинский. – Кто-то бежит сюда... Видишь?

Я кивнул. В темноту было трудно разглядеть, но, когда человек приблизился, я увидел запыхавшегося Мотю. Он тяжело дышал, будто только что осилил стометровку на мировой рекорд.

– Что случилось? – спросил я, видя, как горят гневом его карие глаза.

Он промолчал, искоса косясь на Качинского. Мол, это, что за фраер и что он тут делает.

– При нем можно, – кивнул я, – он наш человек!

– Седого Коноваленко в ШИЗО с утра определил. На два месяца! Он маляву мне скинул. Долго там не протянет... Пора начинать!

Мы с Качинским переглянулись. По моему телу пробежал легкий холодок нервного напряжения, как всегда бывало перед самыми опасными и сложными операциями в моей жизни.

– Лев Данилыч, ты как? – спросил я его, ловя задумчивый взгляд бывшего белого офицера.

– Оружие у вас какое есть? – уточнил у Моти он, рисуя на снегу у себя под ногами какие-то одному ему понятые знаки.

– Ножи, заточки, финки, топоры...

– Вообще вся королевская рать, – усмехнулся Лев Данилыч, – ничего, друзья мои, и с этим мы замечательного повоюем... Бывало и хуже! Веди нас к своему воинству, Матвей! Я с вами!

ГЛАВА 28

Валя шла по пустой дороге засыпанной снегом, утопая в нем почти по колено. Она брела, с трудом пробивая себе дорогу в тугом плотном насте, путаясь в полах длинной шинели. Где-то впереди нее стоял ее Сашка. Весь в светящемся ореоле золотистого света, будто ангел, спустившийся с небес. Он глядел на нее с какой-то непонятной грустью и укориз-

ненно качал головой.

– Что же ты так, Валюша?

Она не понимала о чем! Что она такого сделала? Ведь вот спешит к нему, пробиваясь сквозь снежные торосы. Ноги подкосились у нее, она рухнула в снег, сдирая кожу на тыльной стороне ладоней.

– За что?– слезы сами брызнули у нее из глаз. Она вовсе не хотела реветь, как маленькая девчонка, у которой отобрали любимую игрушку. Сердце разрывалось на части. Женщина не могла понять, почему он снова недосягаем для нее ведь они столько пережили, вытерпели, сквозь время и расстояние сохранили любовь!

– За что?– громко прокричала она и проснулась от стука бешено колотящегося в груди сердца.

Никакого снега вокруг не было. Она была все в той же комнатухе у Головки на диване, уютно накрытая пледом. Почти потухшая печка сухо потрескивала догорающими углями. Заслонка была открыта, выпуская последнее тепло.

В дверь стучали, не настойчиво, нагло, как это обычно бывает, когда за сержантом приходит посыльный из дежурки, а чуть робко, еле слышно. Валя потерла заспанные глаза, мигом поправив челку. Осмотрелась по сторонам, с трудом возвращаясь в реальность.

Головки, как всегда не было. Приготовленный им завтрак ждал на столе, накрытый вафельным полотенцем. Никаких следов того, что он ночевал дома не было. Валя сбросила оде-

яло и напялила валенки, стоявшие у кровати. Зябко... Комната за ночь выстудилась. Внутри валенок ногам было прохладно.

– Секунду!– протопала к двери, распахнув ее настежь, выпуская свежий морозный воздух, на какое-то мгновение ослепнув от яркого солнца, ударившего по глазам. Сегодня в Темлаге денек обещал быть погожим. Метель, длившаяся почти три дня, прекратилась, уступив место ледяному ветру и безоблачному небу.

– Ну, здравствуй, Валя...– на пороге комнаты Головки стоял Андрей. Совсем непохожий на себя самого последних месяцев. Чисто выбритый, немного смущенный, в отглаженной форме и идеально начищенных хромовых сапогах, подтянутый и даже слегка помолодевший.

– Здравствуй, Андрей...– кивнула Валя, кутаясь в теплую вязаную кофту, в которой спала, ночуя у Головки. Кого она ждала увидеть на пороге в столь ранний час? Сашку? Заботливого сержанта? Но никак не своего мужа... Она, как могла оттягивала этот неприятный разговор, избегала Андрея два дня, но вот он пришел сам, и, видимо, этой беседе все же быть...

– Пустишь?

– Я сама тут гостя,– пожала плечами Валя, пропуская Коноваленко внутрь.

Он как-то неловко затоптался на пороге. Попробовал коснуться ее щеки легким поцелуем, но он отвернулась.

– Не стоит...

– Не стоит, так не стоит...– вздохнул Коноваленко, шагнув внутрь комнаты. – Я поговорить пришел...

– Говори,– Валя прошла за ним, защелкнув щеколду. Села напротив, разглядывая своего мужа и поражаясь насколько чужими они стали незаметно друг для друга за столько лет брака. Сидевший напротив нее человек был ей совершенно незнаком. Она попробовала покопаться у себя внутри, чтобы обнаружить хоть что-то к нему, хоть какое-то чувство, но ничего не было, только пустота, холодная отстраненность, как просто к прохожему.

– Я не знаю, с чего начать...– опустил глаза Андрей, разглядывая носки своих сапог.

– Начни с самого главного!– посоветовала женщина, вставая и направляясь к печке. Подкинула несколько поленьев в открытую заслонку и водрузила на металлический лист печки закопченный, по-холостяцки грязный чайник.– Чай будешь?

– Спасибо, нет.

– А я, пожалуй, выпью...

– Валь...

– Андрей, если ты пришел просить меня вернуться, простить тебя, то лучше не надо...– оборвала его резко Валя.– Я не вернусь. Ты умудрился убить у меня внутри все хорошее, что было к тебе! И этого доброго отношения больше не вернуть. Рано или поздно терпение у всех заканчивается.

Мы прошли точку невозврата и лучше расстаться по-хорошему...

– Жаль... я тебя очень люблю!

– И спишь с Бергман? – усмехнулась Валентина. – Странная любовь, согласишься?

– Это не то...

– Это то, Андрей! Чего ты хотел?

– Ты сегодня в обед уезжаешь... – вздохнул Коноваленко, отворачиваясь в сторону, чтобы его слез, еле сдерживаемых, не видела Валентина.

– Уезжаю?! – изумилась она. – Куда?

– В Ленинград... Приказом Наркома тебя переводят в окружной госпиталь под Лугу.

Глеб! Первой мыслью Вали, была мысль о сыне. Господи! Она увидит Глеба! Обнимет его, прижмет к себе. Госпиталь под Лугой! Это же просто чудо какое-то... Потом ошарашила мысль о Сашке. Они только увиделись, даже толком не успели поговорить, и теперь снова расстаются! С трудом женщина совладала со своими эмоциями.

– Ты постарался?

– Это решение наркомата, – покачал головой Коноваленко, – приказ уже подготовили. Поезд вечером. Машину я вам организую до Темниково. В обед уедешь из этого кошмара и забудешь, как страшный сон!

– Вам? – нахмурилась Валя.

– Головки командируют в ленинградское управление ла-

герей. Так что твой...— он долго подбирал слово, чтобы не нахамить бывшей уже теперь жене, как обычно.— Друг сопровождает тебя.

Обед... Она бросила короткий торопливый взгляд на часы, показывающие половину десятого. Как мало времени у нее... Сашка... Она заторопилась одеваться. Набросила шинель на плечи. Сашка... Сашка... Билась в голове лишь одна мысль.

— К Клименко?— вырвалось у Андрея.

— Ты так и не изменился, Андрей...— покачала головой Валя.

— Я прикажу, чтобы его привели к нам... Ко мне,— поправился он,— тебе же еще надо время, чтобы собрать вещи...

Она с грустью посмотрела в спину уходящему бывшему мужу. Теперь Валя точно знала, что на этом их история закончилась окончательно. То, что предложил сейчас Коноваленко было поступком, поступком настоящего человека...

— Андрей!— окликнула женщина его, когда он уже стоял на пороге, борясь с неподатливой щеколдой.

— Да?— сколько было надежды в этом «да», сколько эмоций! Валя с трудом сдержалась, чтобы не разреветься окончательно.

— Спасибо...

Коноваленко горько усмехнулся.

— Я тут честно ни при чем...

— Я не за это... Я за те счастливые моменты, что у нас все

же были!

Впервые Валя видела, чтобы Андрей плакал. По его щеке катилась так и не сдержанная большая слезинка, а он ее не замечал. Все смотрел на свою бывшую жену, будто хотел на-смотреться на всю оставшуюся жизнь.

– Меня на квартире не будет до вечера, можешь собирать-ся смело, прощаться...

– Прости меня... – она все-таки рванулась к нему и обня-ла, а он стоял опустив руки и плакал. Плакал от того, что не удержал, не смог, не понял... Плакал, прощаясь с огромным и счастливым, как оказалось, этапом своей жизни.

– И ты... И ты меня прости! – он вырвался из рук Вален-тины, нелепо затоптался, мучаясь с все неподдающейся ще-колдой, боясь остаться.

Запор все же смилостивился. Глухо щелкнул, выпуская его наружу. Он не хотел оборачиваться назад, понимая, что обернувшись, будет все равно надеяться на чудо, которого не случится. Он все потерял, все сам поломал, и осознание это-го было болезненней всего. Винить было некого, он сам все разрушил. Это сейчас понял он, понимала и Валентина. Их уютная спокойная супружеская жизнь завершилась ни с по-явлением Клименко, ни в Харькове, а гораздо раньше... Ко-гда? На этот вопрос, даже они не могли ответить, прощаясь возможно навсегда.

Оставшись одна, Валя растерянно села на кровать. Силы на миг оставили ее, и боль в груди стала нестерпимой. Отпу-

стив давно ситуацию с мужем, она все же болезненно перенесла это расставание.

Громкий бой часов возвестил о том, что на сборы и прощание с Сашей оставалось очень мало времени. Чайник пришлось отставить.

Саша... Сашенька... Как быть с ней, с ее запоздалой любовью? В отличии от нее его-то точно не переведут никуда, и ближайшие десять лет ему придется провести здесь. Почему же судьба так несправедлива, они только нашли друг друга, только встретились, и опять расстаются! Может наплевать на все и остаться?

Глеб... Маленький Глеб... Который перевешивает любые чувства к мужчине. Сын, которого она не видела очень давно! Шанс обрести материнское счастье и зыбкое ненадежная любовь в лагере между врачом и заключенным! Конечно, как бы больно в этот момент не было, она выбирала сына...

Вытерев слезы, она вышла из комнатушки Головки на свежий воздух. Ей так хотелось его вдохнуть полной грудью, чтобы унять ту боль. Что ярким огненным пожаром сжирает ее изнутри. Увы, но и лютый темниковский мороз ей не помог. Легче не стало, стало еще больнее.

– Смирно! Равнение направо!– дежурная смена прошагала мимо нее, топа сапогами. Молодой сержант остановился напротив, словно почувствовав неладное. Его она не знала, так и не успев познакомиться со всеми в лагере.

– С вами все в порядке, товарищ капитан?– поинтересо-

вался он, видя, как она тяжело опирается на резные поручни крыльца.

– Да, все хорошо...

Отдав воинское приветствие, сержант повел караул куда-то дальше, следуя запутанными закоулками лагеря.

– Надо идти, Валя!– приказала она себе.– Надо дти. Если ты хочешь счастья своему ребенку, если хочешь его увидеть. Если хочешь быть матерью!

А Сашка? Тут же болезненно вопрошала настырное сердце!

– А Сашка поймет! Поймет...Он сможет понять, выживет несмотря ни на что в этом аду и вернется, вернется к ней, а она будет ждать, десять, пятнадцать лет, лишь бы снова почувствовать эти ласковые губы и нежные руки.– Сашка поймет!– уверенно отрезала она. Словно решив все для себя окончательно. Гордо выпрямилась и двинулась в сторону их служебной с Андреем квартиры. Сердце немного отпустило. Она теперь могла хотя бы дышать, а не с трудом пропихивать в себя воздух. Стало легче...Глеб или Сашка? Сын или любимый? Нет никакого выбора! Он поймет...

Дорога до квартиры показалась Вале одной из самых длинных за последнее время. Несколько раз приходилось останавливаться, чтобы перевести дух и собраться с мыслями, но упрямо толкала неслушавшиеся ноги вперед, что не опоздать и поскорее увидеть сына. Подумать только! Она уже через три дня сможет прижать своего Глебушку к себе, а

он долго вечером будет рассказывать чем занимался, какие у него друзья и как их зовут.

Дверь в их служебную квартиру была открыта. Грязная посуда горой высилась в рукомойнике. Немытые полы говорили о том, что жилье это холостяцкое. Мелькнула мысль прибраться Андрею напоследок... Но время шло.

Быстро, привыкшая за долгую совместную жизнь с военным к неожиданным переездам, Валентина собирала свои вещи по чемоданам, особо не стараясь складывать их ровно. Просто напихивала куда сколько влезет. Из-за постоянных переездов и вещей-то скопилось немного. Часть, тех что особенно ярко напоминали ей о прошлой жизни, она решила оставить. Сложила на кровати, начиркав просьбу Андрею отдать все Бергман. Пусть Ирочка порадуетя. Она не сама стала такой, ее жизнь сломала и заставила творить то, что она творила. Да и что, в конце-концов, такого в том, что она спит с мужчинами?

– Сашка!– за своими сборами она не расслышала ни шаги любимого, ни скрип двери. Я стоял возле нее, наблюдая за сборами Валентины. Слезы душили меня изнутри, но я с самого начала решил, что не буду ее мучить своими чувствами и показывать, как мне больно. Она не должна сомневаться в правильности своего выбора! Ведь выбора-то, по сути, у нас-то и не было, благодаря контрразведки. Его сделали за нас, когда-то давно...

– Сашка!– Валя вжалась в меня всем телом, словно хотела

стать частью меня, одним целым со мной, чтобы забрать с собой все самое дорогое. Ее губы жадно покрывали мое лицо поцелуями, руки шарили по голове, глядя отросшую щетину.— Сашенька...Родной мой...Любимый...

– Валя...

– Сашка! Сашуля...Санечка...

– Остановись!— отстранил я ее, утопая в этих полных слезами и болью глазах. Я много отдал, чтобы они светились от счастья, но не мог ничего изменить. Она отстранилась, держа меня за руки, грязного вонючего зэка, уставшего, полуголодного...Она любила меня и перспективным офицером, и заключенным Темлага, и врагом народа. Она по-настоящему и всем сердцем любила меня, и это дорогого стоило!

– Я уезжаю...Меня переводят отсюда в Ленинград!— выдала она из себя, давясь слезами.

– Я знаю!— кто бы знал, чего мне стоило говорить об этом, как о чем-то несущественном, неважном.— Слухами земля полнится...Особенно здесь...В лагере...Иногда мне кажется, что тут все про всех все знают и стучат друг на друга,— я взял ее за руки и сел вместе с ней на диван, не отводя глаз от ее лица. Мне хотелось запомнить его навсегда, на всю жизнь! Каждую черточку, каждую морщинку, каждую родинку...

– Прости меня...Я не могу остаться. Там мой ребенок!— она зарыдала, бросаясь ко мне в объятия, зажмурившись, чтобы не плакать, не реветь в голос, держаться...

– Я знаю, Валь...Я знаю!— я гладил ее по волосам, запо-

миная их шелковистую упругость, их запах, их нежность.

– Прости меня, Сашка! Я буду ждать! Буду ждать тебя десять лет, двадцать. Только возвращайся. Клянусь, я буду ждать!– красные от слезы глаза смотрели на меня преданно и влюбленно. Я не мог не имел права сделать по-другому... Просто не имел. Там ребенок, тут я... Заставлять делать такой выбор было бы большим скотством с моей стороны.

– Я вернусь, когда-нибудь вернусь... Обещаю! Просто сейчас так будет лучше... – я нес какой-то бред, только чтобы не молчать, не рыдать вместе с ней. – Лучше для нас обоих!

– Сашенька...

– Послушай, Валь... Там твой сын, там большой город, много возможностей, а здесь что? Здесь лагерь... Там музеи и метро, а здесь только ШИЗО и вечный холод... Так будет лучше, я знаю!– я как можно крепче обнял ее, чувствуя, как в груди колотится бешено сердце.– Так будет лучше... Береги себя, береги... – еще чуть-чуть и я не смог бы просто уйти. Сил бы не хватило на это. Я решительно встал, чувствуя, как ноги отказываются идти. Усилием огромной воли я заставил сделать себя шаг к двери.

– Ты настоящая мать! Я горжусь тобой...

– Сашкааа!– полный отчаяния и боли крик догнал меня уже где-то на дороге. Я не мог оглянуться, иначе непременно вернулся бы туда. Не имел права! Боль в груди затуманила глаза.. Я пошатнулся, падая в сугроб и завыл. Дико, по-волчьи, гребя снег руками, сжимая до боли пальцы в кулаках.

– Я вернусь... Обязательно вернусь, Валюш...

ГЛАВА 29

День прошел отвратительно. Все у меня валилось из рук, а все мысли были не предстоящем непростом деле, а об отъезде Валентины. Я их наблюдал за ним с заднего двора, где наш отряд уверенно греб свеженападавший снег. Видел, как ей помог взобраться в кабину полуторки проклятый Головкин, непременно теперь у меня ассоциирующийся со злом, как она поправила сползшую форменную ушанку, как улыбнулась ему. Сердце разрывалось от тоски и боли, но я не мог поступить по-другому. Если бы я не уступил, то нам обоим сломали жизнь и в эту мясорубку попали бы совершенно непричастные люди. Так мы пожертвовали только своими двумя судьбами. Двумя ли?

Лампа чадила нещадно. На столе вместо еды были разложены от руки, на листах картона начерченные схемы лагеря, которые оставил Моте Седой перед уходом в ШИЗО. На схемах были отмечены вышки, основные здания и их назначение, количество охраны, их расположение. Составлено было довольно толково, что и отметил Качинский, имеющий среди нас всех один опыт подобных штурмовых операций.

– Даже обозначения военные, – хмыкнул он, ориентируя схему по сторонам света.

– В соседнем с вами отряде бывший унтер царской армии чалится, – улыбнулся довольно Мотя, – он там картографией

и занимался. Вот Седому и помог!

– Заметно... – согласился Лев Данилыч. – Но нам от этого проще не становится...

– Шансы безнадежны? – я тоже наконец-то подошел к карте, стряхнув с себя оцепенение. Хватит! Решил я для себя. Она уехала и ее не вернуть, осталось самому вернуться, ведь Валя обещала обязательно ждать, а для того, чтобы вернуться надо выжить.

– Шансы есть всегда, мой юный друг. Так... – бывший белый офицер покрутил в руках карту, уложил ее на грубо-сколоченный стол, как ему было удобно, прижав четырьмя крупными свеклами, которые попросил у Степаниды, крутившейся неподалеку. – Пока вы были все заняты, то я прикинул тут кое-что... Вот здесь у нас оружейка. Это наш первый объект!

– Но... – возразил Мотя, надеясь, что первым и самым важным объектом все же будет ШИЗО с Седым.

– Иначе никак... Нам надо захватить как можно больше оружия с меньшим шумом. Туда пойдут все! И ты Мотя, и твой молчаливый друг, – Малина в уголке довольно оскалится, как сторожевой пес, которого хозяин неожиданно похвалил, – и я, и Александр. Остальные твои люди... Кстати сколько их?

– Человек сорок-сорок пять, – пожал плечами Матвей.

– Им можно доверять?

– Не знаю... – пожал плечами вор. – У нас никому не при-

нято доверять, только себе.

– Но они тебе хотя бы подчиняются?– уточнил я.

– Они подчиняются вора́м, а значит и мне.

– Тогда соберешь их возле оружейки. Незаметно, вот за этими складами. Как только я подам знак, пусть через окно, там есть такое в самом верху, зарешеченное, получают оружие и ждут нас.

– Кто нас туда пустит в оружейку?– засомневался Мотя.

– Есть у меня одна идея!– подмигнул я вору, вспоминая про Ковригина. Он в сущности парень неплохой и если пойдет нам навстречу, то его можно и в живых оставить, заперев в оружейной комнате.

– Отлично! Далее вышки...– с грустью сообщил Лев Данилыч.– Переть придется массой, грудью на пулеметы, много народа поляжет, но выхода другого нет.

– Кто поведет этот отряд?

– Я...– тихо промолвил Малина.

– Малин, ты чего?– возмутился Матвей.

– Я пойду!– уверенно кивнул вор.

– Тогда Мотя с частью отряда отправляется к баракам ШИЗО, а я с Чекистом к администрации, узел связи, телефоны, рации, чем позже о нас узнают, тем больше шансов будет вырваться.

– Добро,– кивнул Матвей,– когда начнем?

– Через полчаса! Успеете всех собрать?– окинул взглядом нашу разношерстную команду Качинский. Она, и вправду,

выглядела странно, бывший белый полковник, два вора и бывший чекист.

– Успеем!– переглянувшись друг с другом подтвердили Мотя с Малиной.

Воры из котельной ушли. Мы остались вдвоем с Львом Данилычем. Но разговаривать особо не хотелось. Как это часто бывает ожидание самого боя оказалось намного тревожнее, чем непосредственно сражение. Кажется я так уже когда-то думал... Точно, тогда мы брали в моем родном поселке Халтурина Бритву и его подельников. Как это было давно! Кажется столько лет прошло а на самом деле, чуть больше полугода. Но все эти события казались мне, с высоты прожитого здесь, в лагере времени, чуть ли не доисторическими. И предательство Конопатова, интриги Власенко, Харьков, мой родной Харьков, где я родился и вырос с его старыми улочками, гремящими на ходу трамваями и широкими проспектами... Как же это было далеко!

Качинский то же думал о своем. Уставившись в одну точку, он что-то сосредоточенно шептал. Заинтересовавшись, я прислушался:

– Арсений Быков, Марьяна Вышинская, барон Корф...

– Лев Данилыч?

Он прервался, словно вернувшись из другой реальности. Встряхнулся, приводя себя в порядок.

– Что это за имена?

– Какие?– нахмурился Качинский.

– Которые ты повторял сейчас...

– Ты, правда, это хочешь знать?

– Хочу...

– Это люди погибли от рук большевиков в семнадцатом году. Они не имели никакого отношения ни к армии, ни к белому движению, ни к императорской семье. Им просто не повезло родиться дворянами! Всех их в разное время расстреляли взбунтовавшиеся рабочие. Я давным давно поклялся отомстить при случае за них. Вот такой случай представился...

– Так ты и в Красную армию пошел, чтобы мстить?– поразился я. Мысль о том, что я в Качинском ошибся, и он, действительно, вредитель, почти убила меня.

– В Красную армию я пошел, чтобы выжить! Уезжать я не хотел, да и некуда было. Как остальные рваться в Париж? Чтобы работать там таксистами лавочниками, парикмахерами... Я кадровый офицер! Я только и умею, что воевать. Будем считать, что в РККА я был наемником, ненавидящим своего хозяина наемником, но тем не менее честно выполняющим контракт.

– Ясно...

– А ты о чем думал?– поинтересовался Качинский.– я же видел, что на миг у тебя стало такое счастливое лицо, что завидно стало даже мне...

– Я вспоминал Харьков!

– Хороший город! Наша часть стояла когда-то в его пред-

местье и мы...

– Все готово!– в котельную зашел Мотя, поигрывая на-борной финкой. Тридцать пять рыл, самые отчаянные...

– Это, хорошо, что отчаянные,– кивнул Лев Данилыч,– им придется лезть голой грудью на пулеметы.

– Начнем? – поднялся я, чувствуя, как спадает нечелове-ческое напряжения последних минут ожидания. Тело стано-вится свободным и даже дышится легче.

– С Богом, господа!– кивнул Качинский.

– Бог не выдаст, свинья не съест,– ухмыльнулся Мотя,– фарта нам...– Вот он нам очень понадобится!– согласился Качинский, забирая из рук вора заточку, сделанную из обы-чной алюминиевой ложки. Не Бог вещь какое оружие, но за неимением никакого...

Втроем мы вышли из котельной и направились в сторону оружейной комнаты, стараясь как можно меньше привлекать внимания, держаться поближе к баракам, чтобы в случае че-го заскочить в один из них. Народа в лагере было мало. Все в основном находились в промзоне, вместе с ними и основной состав караулов. В лагере во время рабочего дня оставалось лишь несколько часовых, да пупкари на вышках.

– Пора бы уже, Александр, изложить нам ваш план, как попасть в оружейку?– предложил Качинский, когда до завет-ной комнаты со спасительными автоматами оставалось мень-ше квартала, на котором строго по-военному был разбит Тем-лаг.

– Ковригин...– коротко бросил я, пробираясь среди су-
гробов к домику комиссара.

– Что Ковригин?– не понял Лев Данилыч.

– Откроют только ему...

– Гнилой базар!– отмахнулся Мотя.– Комиссар на такое не пойдет...

– Это смотря как убеждать!– огрызнулся я, перепрыгивая через высокие перила крыльца.– Моть!

Вор мгновенно оказался рядом. Наклонился над замком, проверяя с какой стороны он закрыт по одному ему известным приметам.

– Дома...– одними губами проговорил он, отступая в сторону. Я постучался, громко решительно. В бараке нет дверных глазков. Двери глухие, сляпанные кое-как местными умельцами на лесопилке. Если немного изменить голос, есть шанс, что Ковригин поверит и откроет. Ведь ему в голову не может придти, что на него, на комиссара лагеря могут напасть прямо в его центре.

– Товарищ лейтенант!– повторил я, пока по ту сторону не расслышал торопливые шаги.– Товарищ лейтенант!

– Кого там черт несет? Я в смену сегодня... Не в курсе что ли?– заворчал он, возясь с щеколдой.

– Срочно к начальнику лагеря!

– Сейчас...– нам несказанно повезло, что Ковригина мы разбудили. Еще не до конца проснувшийся, он плохо разобрал голос, и когда дверь начала открываться, Качинский

ждать не стал. Тяжелым пинком открыл ее настезь, опрокидывая на спину молодого лейтенанта. Тот отлетел к столу. Стоящему посреди комнаты. Лежавшая в его постели зэчка громко завизжала, кутаясь в несвежую скомканную простыню. Волчара – комиссар успел потянуться к стулу, на котором висела поясная кобура, но не успел всего лишь на мгновенье. Мой сильный удар под дых ногой отбросил его в сторону, заставив простонать от боли.

– Стоять! – рявкнул Качинский, оказываясь рядом со стула и торопливо доставая оттуда «ТТ».

– Вы кто блять такие? – прошипел Ковригин, держась за поврежденный бок. Поднял глаза, узнавая меня в какие-то доли секунды. – Ааа... – протянул он. – Клименко...

– Брысь пошла! – кивнул зэчке, замершей, как мышка на кровати, Матвей. – И всем передай кипеж большой будет, пусть ныкаются кто куда...

Испуганная, растерянная женщина кивнула и, суетливо запахнувшись в простыню, мимоходом подхватив со стула вещи, рванула на мороз.

– Стуканешь кому, найду и язык вырежу, – остановил ее за руку уже на самом выходе Малина, грозно сверкнув глазами. Та кивнула, так и не промолвив ни слова. Лишь бегающие из стороны в сторону глаза выдавали ее нечеловеческий испуг.

– Ну что, комиссар... Поговорим? – подмигнул Ковригину Матвей, подвигая мне стул поближе к лежащему навзничь лейтенанту.

– Вы за это ответите!

– Конечно ответим!– кивнул Лев Данилыч, быстро и ловко обыскивая комнату на предмет какого-нибудь дополнительного оружия.– Только сначала сдохнешь ты!

– А...и ты здесь, контра! Мало мы вас в Гражданскую постреляли!

– Рассусоливать долго некогда. Нам каждая минута на счету!– проговорил я, присаживаясь напротив Ковригина.– Выбор у тебя прямо скажем небольшой... Первый вариант, ты идешь с нами и приказываешь открыть оружейную комнату. После всего мы тебя там запираем, и ты ждешь пока не вернутся ваши в лагерь. И второй вариант, менее гуманный, мы тебя прямо тут кончаем и решаем свои вопросы сами...Как видишь выбор невелик, но и времени, чтобы его сделать у тебя очень мало.

В этот момент я искренне надеялся, что звучал максимально убедительно. Мне не раз приходилось допрашивать бандитов, но ни разу, я не добивался признания от такого же офицера, как и я.

– Оружейку вам не взять! Рядом с нами еще один лагерь, в Саранске часть НКВД...Перестреляют вас, как куропаток, вот и все...– рассмеялся мне в лицо Ковригин.

– Только ты этого, тварь, уже не увидишь!– острое лезвие ножа Моти коснулось шеи лейтенанта, кадык его нервно дернулся, инстинктивно отстраняясь. – Жить хочешь, откроешь!

– Ну!– встряхнул я его, схватив за плечи, как набивную куклу.– Говори!

– Да пошел ты!– плюнул мне в лицо он, рассмеявшись.

– Кончай его, Мотя!– кивнул я вору, вставая со стула, делая вид, что ухожу. Самое обидное, что если Ковригин не поведется даже на это, то убивать его все же действительно придется. Очень опасно было бы оставлять за спиной такого клыкастого врага.

Рука вора метнулась к шее лейтенанта, и тут он закричал.

– Постой!

Нарочно потягивая время, я обернулся, дав ему почувствовать то, на какой тонкой грани между жизнью и смертью он находится.

– Дай слово, что не убьешь меня!– обратился он ко мне.

– Отпусти его, Матвей!– приказал я.– Обещаю, я тебя не убью...

– Я прикажу открыть оружейку... – после небольшой паузы проговорил тихо Ковригин. И все... Человек сломался. Глаза потухли, будто аккумуляторы вытащили у него изнутри.

– Вот и славно!– улыбнулся Качинский, поигрывая пистолетом комиссара.– Одевайся немедленно, не надо нам смуту наводить раньше времени... Нужно, чтобы караул ничего не заподозрил!– бывший белый офицер кинул политруку его форменную гимнастерку и галифе. Тот с лентой и медленно начал одеваться, но был тут же одернут Малиной:

– Ты тут не балуй... Шансов никаких...

Тут он был прав. Против четверых здоровых мужиков, пусть и истощенных долгим лагерным сиденьем, изнуряющей работой, скудным питанием, шансов не было никаких. И самое главное, что умный лейтенант это прекрасно понимал. Когда форма была одета. Он вопросительно покосился на кобуру, висящую на спинке стула. Только лев Данилыч понял его взгляд и насмешливо улыбнулся:

– Только если так... – пустая кобура полетела в Ковригина, которую комиссар поймал на лету. – Подчиненные и правда не поймут.

Впятером мы вышли из квартиры политрука, стараясь привлекать к нашей довольно странной процессии как можно меньше внимания. Впереди нас шагали, делая понурый вид Мотя и Малина, потом вышагивал бледный, как полотно Ковригин, а замыкали шествие я с Качинским, при чем Лев Данилыч держал свою руку с «тт» в кармане, чтобы в том случае, если лейтенанту взбредет какая-нибудь шальная мысль в голову, он бы от своей пули не ушел.

Смотря на бледное землистого цвета лицо лейтенанта, мне самому становилось не по себе. Господи. Во что мы все влезли? Почему именно на мою долю выпали все эти приключения? Почему именно меня выбрали для агентурной работы за границей?

На мгновенье в голове мелькнула мысль о том, чтобы кинуть Головки и всю его контору. Сбежать вместе со всеми,

найти Валентину и сбежать с ней хоть на край света! Но я тут же ее отверг... НКВД – серьезная организация, с ней шутики плохи, и своих обидчиков она умеет наказывать неотвратимо и болезненно, никакой край мира не спасет. Вон, Троцкий Лев Давыдыч, скрылся в Мексике и что? И там достали ледорубом по голове. Вообще лучше не рыпаться и выполнять все. Что они советуют, а там, там возможно что-то изменится, ведь Валечка обещала ждать, просила только вернуться, и я вернусь, во чтобы то ни стало вернусь, лишь бы только увидеть блеск ее счастливых глаз и почувствовать малиновый вкус ее нежных губ.

Снег под ногами мягко скрипел. Помимо воли, видимо от волнения, которое легко читалось на каждом лице, мы шагали в унисон, чуть ли не строем. Даже воры приноровились к широкому размашистому шагу, пусть и не строевому, но четкому, как куранты на Спасской башни.

У оружейки Ковригин остановился. Да и мы неловко затоптались, не понимая, что делать дальше. Самый важный и охраняемый объект Темлага представлял собой длинный продолговатый барак, со всех сторон обшитый толстыми металлическими листами. На входе нас встретил часовой, меряющий шагами расстояние по периметру с одной лишь легкой винтовкой «Мосина». Металлическая дверь была прикрыта, лишь смотровое окошко еле заметно светилось тусклым светом лампы внутри.

– Рядовой ко мне! – приказал Ковригин, чуть помявшись.

Он с удовольствием сдал мы нас всех, если бы не дуло «тт» смотревшее ему в спину из кармана телогрейки Качинского. Солдат поправил ружье и шагнул к комиссару, переводя настороженный взгляд с Моти на меня, потом на Малину и обратно. Все верно! Для него дико и неправильно, что замполит лагеря расхаживает по нему в такой странной компании. Взгляд паренька метнулся к пустой кобуре, а пальцы скользнули по ремню винтовки. Нельзя было терять ни секунды! Надежда на исконное русское авось не оправдалась. Боец что-то заподозрил. Глаза его метнулись к Ковригину... Но было уже поздно. Малина тенью скользнул в сторону, уходя с возможной линии огня. Его рука с финкой блеснула на солнце серебристой молнией, впиваясь солдатику куда-то в область шеи. Рядовой захрипел, хватаясь за прорезанное горло. Кровь фонтаном брызнула наружу, ноги подкосились, но вор не дал ему упасть. Одной рукой ловко снял с плеча винтовку, а другой аккуратно подхватил падающее тело под руку.

– Сука вы, товарищ лейтенант... – глядя в глаза Ковригину, проговорил тихо Качинский. – А сняли бы его с поста, как положено, жил бы паренек!

– Я... – тяжело и испуганно вздохнул лейтенант.

– Ты! Как будто я не знаю, что часового с поста может снять только начальник караула или лицо его замещающее. Подойдя просто так к нему, ты наделся, что он сообразит обо всем раньше и поднимет тревогу, а нет...

– Я... – попытался оправдаться Ковригин.

– Сука ты!– процедил Лев Данилыч, наблюдая за тем, как Малина с Мотей оттаскивают труп часового за оружейку, оставляя на идеально белом снегу кровавые полосы.– Еще один такой фортель, и ты труп!– он больно ткнул пистолетом в спину комиссара, подталкивая того к запертой двери.

– Шумнешь или что-то сделаешь не так, умрешь первым!– зашипел злобно бывший полковник.– И по херу, если честно, что с нами потом будет... ТЫ этого все равно не увидишь, понял?

Ковригин кивнул, косясь на оттопыренный карман телогрейки Качинского. Именно там пряталась его смерть, за грубой холщовой потертой тканью эковской робы. И она, костлявая, впервые была настолько близко, что обжигала своим дыханием его горящую огнем щеку.

Он шагнул к оружейке и постучал. Смотровое окошко потемнело. Кто-то рассматривал нас с той стороны.

– Товарищ комиссар? Что случилось?– голос был напряженным, но не встревоженным, как я и предполагал. Дотошный лейтенант, скорее всего, частенько приходил с различными проверками куда угодно, суя свой длинный нос в дела, которые его напрямую и не касались.

– Рейдовая проверка, старший сержант Капущенко! Открыть оружейку.

– Где часовой?

– Был снят с караула лично мною за нечищенное оружие и нарушение устава внутренней и караульной службы. Вы еще

за это понесете персональную ответственность, как старший наряда. А сейчас немедленно открыть дверь!

– Товарищ лейтенант...– жалостливо промямлил по ту сторону двери вертухай.

– Исполнять!

– Есть!– глухо щелкнул замок. Металлический тяжелый затвор поехал в сторону.

– Пора!– я поймал напряженный, по-волчьи злой взгляд Качинского. Сухо ему кивнул, готовый ко всему.

Дверь поехала в сторону, и события понеслись вскачь, словно сорвавшиеся с места кони. Я только успел разглядеть, как рука Моти метнулась к Ковригину, а тот, нелепо взмахнув руками, медленно стал заваливаться назад, хватаясь за прорезанный бок, а Лев Данилыч мощным ударом ноги придал ускорение открывающейся двери оружейки. По ту стороны комнаты кто-то простонал от боли, отлетел, громко загремев перевернутыми стульями, а я рванул внутрь, внутренне матерясь на вора, который все же кончил упрямого комиссара.

Выстрел...Тело среагировало раньше, готовое к чему-то подобному. Пуля просвистела у самого виска, опалив ледяную с мороза кожу. Сука! Кто-то все же успел среагировать из солдатни и выстрелить. Гулко почти в пустом помещении ухнул выстрел «тт» Качинского, выплевывая смерть. Солдатик, отчаянно пытающийся передернуть заклинивший затвор винтовки, схватился за сердце и стал сползать по стен-

ке на пол, удивленно рассматривая расплывающиеся багрово-красное пятно на своей гимнастерке. Позади затопотали тяжелые шаги ворвавшихся внутрь оружейки Малины и Моти. Некогда было оглядываться и смотреть куда они двигаются. Перекатом ушел с возможной линии огня и подобрал винтовку вертухая, и только сейчас смог спокойно выдохнуть, возвращаясь в прежнее состояние. Затвор в руках привычно щелкнул, дослав патрон в патронник. Видимо, от волнения паренек растерялся и не смог дрожащими руками совершить привычные манипуляции с оружием.

– Все?– напряженно осматривая длинный узкий барак, уточнил вор.

– Только двое... Начальник караула и этот...– кивнул Качинский, присаживаясь на корточки рядом с сержантом, которому досталось в первые минуты тяжелой металлической дверью по лицу. Молодой мужчина лежал без сознания. Из носа подтекала капелька крови.

– Хорошо ты его приложил, полковник,– похвалил Мотя, кивая на старшего наряда.

– Опыт,– пожал плечами Качинский, пробуя пульс у него,– ты смотри-ка, живой...

– Малин...– кивнул своему молчаливому спутнику Мотя. Здоровяк медленно, вразвалочку шагнул к лежащему солдатику, достал шило.

– Стоять!– рявкнул я, понимая, что хотят сделать воры.

– К своим жалость проснулась?– перехватил меня Мат-

вей, цепко ухватив за руку.

– Ковригина за что? Он же все сделал?– зло бросил я ему прямо в лицо, пытаясь освободиться от захвата.– Я ему обещал, что не убью...

– Так ты и не убивал...– тихо проговорил Мотя в ответ, уставившись тяжелым взглядом мне прямо в глаза.– Считай, сдержал слово!

– А этого? Он же не опасен теперь?

– Нельзя оставлять врага за спиной, Саш,– покачал головой Качинский,– нельзя...

Удар Малины был молниеносен и смертелен. Острое тонкое шило вошло в сердце с противным чавкающим звуком. Ноги сержанта несколько раз конвульсивно дернулись и застухли. Я обмяк, перестав сопротивляться. Вырвал руку из крепких пальцев вора и отошел в сторону. На душе было погано...А сколько еще невинных людей погибнет, чтобы я смог выбраться отсюда? Внедриться немецкий полк Бранденбург-800 и приносит пользу своему Отечеству?

Качинский, проходя мимо, ободряюще похлопал меня по плечу. Ему было легче...Это не его народ! Это не его люди...

– Да тут целая пещера Алладина!– радостно воскликнул он, вскрывая оружейные ящики один за другим. В свежей смазке стройными рядами лежали и винтовки, и новейшие образцы пистолетов-пулеметов Шпагина. И пистолеты, и даже гранаты. Добра хватило, чтобы вооружить целый батальон, а не только тридцать пять эков.

– Да уж... Жаль Седой не видит!– покивал головой Матвей.

– Значит так... Всех сюда. Вооружить!– Качинский любовно погладил ствол автомата.– Главное подавить вышки.

– Я пойду!– почему-то мне в голову пришло то, что это был бы самый идеальный вариант. Шальная пуля и все... Никаких больше жизненных сложностей! Ни крови! Ни смертей! Ни внутренней боли!

– Саш...

– Я поведу этот отряд!– резко отрезал я, глядя в глаза Льву Данилычу. И тот что-то прочитал у меня там, понял моя внутренний излом, не стал спорить и просто кивнул.

– Тогда мы с Матвеем и Малиной займемся администрацией и радиоточкой! Тебе два десятка хватит?

– С головой,– буркнул я, доставая из ящика новенький ППШ. Присоединил диск, проверил. Еще парочку распихал по карманам. Некогда в пылу боя снаряжаться патронами. Добавил туда три осколочных гранаты и пистолет.

Как же мне хотелось, чтобы побыстрее все это закончилось! А как же мать, Валентина? Мелькнула в голове мысль. Пустое, решил я. Как мне потом им двоим смотреть в глаза? Пустое... Я твердо решил умереть!

– Тогда не будем зря терять время!– распорядился Качинский. – Моть, веди своих! Пусть снаряжаются. Первым начинает Александр, а потом мы! С Богом!

Малина молча куда-то исчез, и через пару минут уз-

кое пространство оружейки наполнилось незнакомыми мне людьми в эковских робах. Один за одним они забирали оружие, становясь в неровную шеренгу, озлобленно скалясь золотыми фиксами.

– Ну что, бродяги?– обратился к ним Матвей, когда шум слегка улегся и стало потише.– Фарту нам! Либо мы этих тварей, либо они нас!

– Ну что, Саша,– обратился ко мне Качинский, похлопав по плечу. Глаза его горели знакомым мне болезненным азартом,– авось, еще свидимся... Где наша не пропадала!

Я кивнул. Говорить не хотелось. Меня тошнило от той мерзости, что я был вынужден сейчас творить. Ведь в чем виноваты эти охранники на вышках? В чем виноват другой персонал лагеря? Мне придется убивать невинных людей, и они в меня будут стрелять не потому что я такой плохой, а потому что у них есть приказ! Разделить эту радость я с Качинским не мог .

– Может и свидимся,– кивнул я, двигаясь в сторону двери. Почему то сейчас мне было противно видеть счастливые глаза своего товарища, а он как будто меня понял, промолчал, провожая меня долгим упрямым, жгущим спину взглядом.

– Мы начнем за тобой!– донеслось мне в след, напоминая Моти.

Начинайте... Это будет мой последний бой. Слава Богу, что я не увижу, чем эта история закончится. Прости меня, Валя...

Уже на пороге я оглянулся. За мной шагали двадцать счастливых эков, которые неожиданно получили свободу, довольные, улыбочивые... Бедные... Они даже не понимают, что стали пешками в большой чужой игре, что их жизнями пожертвовали не особо задумываясь, чтобы некоего Александра Клименко внедрить в немецкий вермахт. Наивные! Многие нашу атаку не переживут, но умрут свободными, а значит счастливыми...

– Толпой не бежать, рассыпаться, – проговорил я, – использовать от огня с вышек естественные укрытия. Первый десяток открывает огонь по вышке, остальные бросают гранаты. Всем ясно?

– Не дрейфь, начальник, – блеснул золотыми фиксами тот, что стоял ближе всех ко мне, – не пальцем деланные, кое-что соображаем...

– Ну и отлично! – кивнул я, чувствуя, как страх уходит, приходит некое смирение, а на душе становится легко и спокойно. Скоро все закончится!

– В бой!

Коротко приказал я, бросаясь в приоткрытую дверь оружейки. В лицо дыхнуло морозом. Завидев меня с оружием вертухай среагировал почти мгновенно, длинная очередь вспахала под моими ногами натоптаный снег, взметая вверх фонтанчики грязи.

– Вперед!

Тело, словно стало отдельно от мозга. Знало все само и на-

перед. Перекат, короткая очередь, перекат. Пулеметчик палил вслепую, не давая выйти моему отряду. Ничего! Совсем скоро пареньку надо будет перезарядиться и тогда... Выстрелы смолкли. По лагерю заиграла длинная тягучая сирена тревоги. Пора! Я оттолкнулся от земли, пальнул наугад, уходя в сторону, сокращая стремительно дистанцию, потом еще раз, не давая противнику высунуться и поднять голову. Еще раз... Перекат, прыжок, выстрел... Сердце бешено ухало в груди от притока адреналина. В ушах застряла тугая вата от громких очередей. Ну же! Еще! Очередь... Я основательно приложился плечом о камень, заметенный снегом, ушел в сторону, очередь. Десять метров до вышки, дальше нельзя, чтобы не попасть под перекрестный обстрел. Позади меня сопели ээки, толпойдвигающиеся вдоль стеночки. Вояки, вашу мать! Сказал же рассыпаться! Пора! Я вскочил на ноги, прицеливаясь... Сейчас очередь и метнуть гранату, и дело сделано! Еще чуть-чуть и... ППШ разочарованно шелкнул пустым казенником. Я еще раз ошеломленно попробовал выстрелить, не понимая, то диск опустел. Черт! В проеме вышки мелькнуло испуганное лицо срочника. Вот и все... Ладони вспотели, и приготовленная для броски гранат чуть не выпала в снег. Я стоял на открытой местности прямо напротив заряженного пулемета, готового прошить мою грудь насквозь. Итог... Рука метнулась сама, выбрасывая под опоры гранату с сорванной чекой. Но еще раньше оглушительно громко прогремела длинная очередь снова заработавшего

пулемета. Тело мое отбросила назад острая боль, и последнее, что я услышал был оглушительный взрыв, прогремевший под вышкой. Мир померк, укрывшись черной пеленой, и я потерял сознание.

...— Где-то тут должен быть адреналин! Быстро!— голос Качинского я услышал, как сквозь тугую вату. Чьи-то быстрые шаги, скрип плохо подоогнанных половиц.

— Все под замком!— да...это кажется был Матвей.

— Так сбей его к х..ям!— рявкнул Лев Данилыч.

— перевяжите его сначала...— посоветовал рассудительный голос Седого где-то над головой.— Кровищи вон уже сколько натекло...

Хотелось пить. Во рту пересохло, а в левой груди жгло огнем. Я попытался открыть глаза, но не смог. Тело отказалось повиноваться, предпочтя провалиться в блаженное забытье.

Мне снилась Валя. Ее грустные глаза смотрели на меня, а нежная задумчивая улыбка заставила потянуться к ней, чтобы обнять.

— Валя...

— Живой еще! Где этот бя...ский адреналин? Мотя!

Усилием воли я открыл глаза. Мы находились в медпункте. Там, где первый раз увиделись с моей Валентиной в этом страшном месте. Я лежал на кушетке. Все медицинские приборы были разбиты, стол перевернут, бумаги разбросаны по полу, а среди них, бесстыдно раскинув ноги лежал мертвая Бергман. Рот приоткрыт, глаза наполнены ужасом творивше-

гося с ней бесстыдства.

– Он очнулся, Лев!

– Сашка!– страшную картину с медсестрой закрыл собой Качинский. На щеке ссадина. Но живой и вроде бы внешне вполне себе целый. – Саша! Мы смогли! Мы победили!

Темнота снова подступила ко мне со всех сторон. Тошнота подкатила к горлу, я кашлянул и снова провалился куда-то вглубь собственных видений и снов.

На этот раз мне приснилась мама. Она тоже молчала. Лишь горестно утирала краем платка слезы. Седая, измученная... Выглядевшая намного старше своих лет.

– Живи!– неожиданно попросила она, улыбаясь.– Живи, Сашка!

– Коли!– словно разряд молнии подбросил меня на столе. Я открыл глаза, вырываясь из плена видений. Надо мной стоял Качинский с длинным стеклянным шприцом в руках.

– Теперь жить будешь! Нам это лекарство не раз на войне помогало,– товарищ отвернулся от меня, снимая резиновые перчатки. Мы теперь находились в здании администрации. Я лежал на столе в кабинета Коноваленко, а самого Андрея стянули на пол. На зеленой гимнастерки виднелись три аккуратных пулевых отверстия. Меня вырвало... Захлебываясь рвотой, я кашлял, пока желудок не перестал судорожно сжиматься, пытаясь выплеснуть наружу все свое содержимое. И смерть стольких того стоило?

– Мы уж с Седым думали, что все...Конец Чекисту при-

шел!— улыбнулся Лев Данилыч, поправляя висящий на плече автомат.

Мне пришлось вымученно улыбнуться. Боль в плече была терпимой. Простреленное насквозь оно ныло, но особых неудобств не доставляло.

— Что ты мне вколол?— спросил я бывшего белого офицера, когда смог сесть на столе, утирая рукавом телогрейки лицо.

— Обезболивающее. На них ты сможешь некоторое время продержаться в дороге,— пояснил Лев, устанавливая рядом со мной черный чемоданчик.

— В дороге?— не понял я. Голова еще шумела, отказываясь включать мозги на полную катушку.

— Лагерь в наших руках. Никого из администрации не осталось. Мы победили!— проговорил Седой, занявший место в уголке комнаты. Казалось, что несколько дней в ШИЗО стали для вора чуть не месяцами. Появились глубокие морщины, разрезавшие тонкое породистое лицо ему глубокими бороздами, лицо осунулось и похудело.

—Только вот Ковригин оказался прав. В Саранске находится часть НКВД, рядом соседний лагерь...Совсем скоро все очухаются и бросятся на подавление бунта. Если мы все отсюда сорвемся, то не продержимся и суток на воле,— пояснил Качинский.

— Потому Лев предложил такой план...— начал Седой.— Уйдем мы трое. Ты, я и Мотя! Сядем на машину и попробу-

ем прорваться в город, там лесами выйдем к железке, сядем на проходящий товарняк и уйдем.

– Искать вас не будут, – хмуро продолжил Лев Данилыч, – мы продержимся сколько сможем, а потом сожжем лагерь! Я уже распорядился разнести по баракам горючее. После пожара тут будет такая мешанина из костей, что никто и не спохватится о вас.

– А ты? – схватил я его за руку. – Как же ты?

– А я останусь здесь, Саша, – грустно подтвердил мою догадку Качинский, – точнее мы с Малиной, – кивнул он в сторону молчаливо стоявшего у двери вора, – надо же кому-то командовать обороной этого всего. Сутки я вам обещать не могу, но часа четыре легко, даже с такими вояками, как зэки...

– Не смей! – рявкнул я, забыл, что рука у меня все же ранена, и поморщился, когда острая боль от резкого движения прошла ее до самых пальцев. – Идешь с нами, или мы все остаемся здесь!

– Не дури, Саш... – грустно улыбнулся Качинский. – Кому-то придется это сделать! Почему бы не мне! Попав в лагерь, я даже мечтать не мог о такой смерти... В бою, да с большевиками! Знаешь, я ненавижу этот строй! Я ему служил, но искренне ненавидел. То, что творится в стране сейчас, эти чистки, страх, боль, беспредел, это все не по мне. Я старая гвардия, белый офицер, контра... Мне важнее другие ценности. Их в вашем государстве нет! Моя страна погибла много

лет назад, я был обязан погибнуть вместе с ней. Теперь судьба мне дала еще один шанс! Видать, отец Григорий позаботился там... – он усмехнулся и крепко меня обнял. – Останься верен себе, Саш! Помни, что единственная высшая мера твоих поступков в жизни вот тут, – он грубо ткнул в мою грудь заскорузлым пальцем, – в душе! И никакой суд, никакие лагеря, никто не сможет изменить приговор, который выпишет тебе твое сердце и твоя голова. Прощай, друг!

Мы крепко обнялись. Я потом очень часто вспоминал последние слова этого замечательного человека, оставшегося верным своей присяги до конца, честного и отличного друга. И когда приходилось принимать непростые решения, перед глазами у меня вставали усталые глаза Качинского, которые словно бы повторяли:

– Высшая мера одна – твоя душа!

ГЛАВА 30 вместо эпилога

Июль 1945 года Харьков

Я шел по знакомым улицам родного Харькова, наслаждаясь теплой летней погодой и счастливыми лицами людей, спешащих мне навстречу. Фашисты город снесли почти до самого основания, почти везде, словно зияющие раны виднелись шрамы прошедшей войны: глубокие воронки, покоренные деревья, разбитые трамвайные пути, старые, еще дореволюционной постройки дома зияли глубокими оконными провалами.

Мы победили! Победили в самой ужасной и страшной войне, которую знало человечество, но только здесь, в давно уже мирном городе я ощутил, насколько высокую цену наш народ заплатил за эту победу.

Мы победили! И я смеял надеяться, что для победы сделал все, что мог. Узкий генеральский мундир с синими погонами мне шел. Медали позвякивали при ходьбе, заставляя на молоджавого мужчину оборачиваться пробегающих мимо девчат.

Мы победили! А значит совсем скоро наладится мирная жизнь, снова заработают заводы, фабрики. Отстроятся заново дома и аптеки, снова на улицах будет слышится детский смех, снова заработает парк Горького, и понесут качели веселые довольные жизнью молодые парочки куда-то в синюю безоблачную высь, навсегда забывшую о гуле бомбардировщиков. А пройдет пару десятков лет, и те ужасы, которое испытало наше поколения будут вспоминать, как страшный сон, затрется память о героях и человеческом подвиге в черед новых событий и испытаний, померкнет слава людей, отдавших жизнь за свое Отечество.

Что я тут делаю, спросите вы, мой уважаемый читатель? Служу... Потому как больше ни черта делать-то и не умею. После окончания войны и полной капитуляции Германии меня после небольшого отпуска по ранению направили в Харьков возглавить местное Управление наркомата внутренних дел. Надоело мне скитаться без кола и двора по загра-

ницам, представляясь чужим именем и живя чужой жизнью, потому и сам попросил о переводе на более спокойную работу.

И сердце словно отжило... Мир снова заиграл яркими красками, стало дышаться легче. Дома всегда легче! Ноги сами свернули на липовую аллею возле дома, где когда-то я впервые поцеловал Валентину. Лип, конечно, уже не было вовсе. Войну они не пережили. Лишь корявые могучие пни говорили о том, что когда-то здесь росли деревья. Ничего, скоро здесь будет город-сад! Лучший город страны!

Зато все так же возле подъезда старики шлепали в домино. Игались дети, слышался смех. Даже та самая лавочка, где я впервые обнял Валю каким-то чудом сохранилась.

– Товарищ генерал лейтенант, извольте к нам?– позвал меня один из доминошников в потертой гимнастёрке.– Забьем партейку?

Я улыбнулся и покивал. Нет... Не могу... Сел на скамейку, нелепо улыбаясь чему-то. Может светящему солнцу, играющим детям, а может волне теплых воспоминаний, которые нахлынули, едва я присел на прогретое дерево. Восемь лет прошло с того июня тридцать седьмого, когда я впервые встретил ее. Восемь долгих лет... Где она? Жива ли? Перед глазами мгновенно заиграли картинки восьмилетней давности, будто наяву я увидел снова наш первый поцелуй и первую встречу.

Валентина остановилась, выжидательно глядя на меня.

Глаза красные заплаканные смотрели куда-то мимо.

– Добрый... Здравствуй!– нерешительно начал я, понимая, что сказать зареванной женщине, стоящей на улице одной, добрый день было бы глупо.

Валентина шагнула навстречу мне. Мимо протарахтел грузовик, азартно нам посигналивший хриплым гудком. За рулем усатый шофер приветливо махнул рукой.

– Здравствуй, Саша,– поздоровалась она, вытирая ладонью слезы, напоминающие огромные прозрачные льдинки.

– Я... Тут...– я мял в руках и без того превратившийся в веник букет ромашек, сорванных на городской клумбе.

– Это мне?– кивнула она на цветы.

– А? Да!– спохватился я, пытаюсь оправить смятые лепестки. Валентина молча взяла букет. Понюхала. Они пахли свежескошенной травой и свежестью.

– Красивые...– ей уже так много лет никто не дарил цветов. А этот мальчишка с его упрямством, наивной любовью настолько сильно всколыхнул все то, что она давно забыла, спрятала внутри себя, что сердце Валентины захлестнула нежность. Она подалась чуть вперед. И я понял, принял её это бессознательное движение, раскрыв свои объятия. Тепло ее тела согрело меня, заставило вздрогнуть, а дыхание на какое-то время и вовсе остановится, чтобы не спугнуть этот момент высшего счастья. Я зарылся лицом в ее кудрявые волосы, вдыхая аромат дурманящей свежести, чувствуя себя, будто во сне, не веря такому чуду. Валентина попробовала

поднять голову, чтобы посмотреть мне в глаза, но ее лоб наткнулся на мои губы. Неловко они коснулись кожи женщины. Она слегка вздрогнула. Я чувствовал, как трепещет ее маленькое сердце, как вжимается она в мои объятия, прятаясь от всего на свете, и испытывая высшее счастье от того, что могу ей это дать. Я провел рукой по ее хрупким плечам, ощущая, как ладонь скользит по идеальному женскому телу. Неумело поцеловал висок, вот-вот ожидая, что она меня оттолкнет, накричит и навсегда исчезнет, как дым, но женщина стояла попрежнему в моих объятиях, чуть дрожа.

— Я... — она подняла голову, и ее губы оказались прямо напротив моих. Жадные приоткрытые, готовые к поцелую. Я не мог, не хотел останавливаться! Очень нежно коснулся их, понимая, что она отвечает на мой поцелуй своим. Это было, как полет в пустоту. Кажется, что только стоял твердо на земле обеими ногами и ощущал, что никакая сила не сможет тебя сдвинуть отсюда, и вдруг раз... И тело летит в сладкую истому, не чувствуя дна. Я не могу сказать сколько это продолжалось. Время для нас в тот момент остановило свой бег, оставив лишь нам двоим стук наших сердец, бьющихся в унисон. Именно в тот момент я понял, что никакой другой женщины мне в целом мире не надо, что сегодня я встретил ту, ради которой готов пойти на край света. Именно тогда, когда мы падали вниз, одновременно поднимаясь вверх...

Спустя некоторое время, когда дыхания стало не хватать, мы отстранились друг от друга. Валечка посмотрела на ме-

ня снизу вверх, вглядываясь в меня, словно пыталась запомнить. Потом провела ладонью по моей щеке и еле заметно улыбнулась.

– Мальчик мой...

В пору было, конечно, надуться. Ну какой я ей мальчик? Крепкий двадцатилетний мужчина, в самом рассвете сил... Но даже я, со свойственным мне упрямством, понял, что лучше промолчать сейчас. Не стоило нарушать то хрупкое, что установилось между нами эти вечером на липовой аллее в самом сердце Харькова. Мальчик? Пусть будет так... Я молча взял её за руку и повел по дороге. Из-за разницы в росте было немного неудобно, и она аккуртано высвободилась.

– Что теперь будет... – проговорила она, старательно отворачивая глаза.

– Свадьба будет! – радостно подхватил я, обгоняя её и усаживая на скамейку. Валя не сопротивлялась. Ошарашенно и счастливо смотрела мимо меня, сложив руки на коленях, как примерная ученица.

Свадьба... С трудом я освободился из плена иллюзий и воспоминаний. Стряхнул с себя оцепенение, возвращаясь в реальный мир. Сколько ужасов нам пришлось пережить за эти долгие восемь лет! Где она сейчас? Как? Что с ней? Как Глеб?

Мимо громко посигналив, промчалась ведомственная машина – трофейный опель-кадет. Остановился у первого подъезда и затих, урча мотором. Из машины выскочил мо-

лодой парень в форме НКВД, еще лейтенант, по виду только закончивший училище и прокричал:

– Мама! Мам!

Тут же на третьем этаже распахнулось окно. Из него выснулась женщина... И тут я понял что пропадаю, что такого не может быть, и давняя контузия дала о себе знать в самый неподходящий момент.

– Я там бумаги на столе забыл... – прокричал парень, но я его слышал уже как в тумане. Это была она. Моя Валентина! Она тоже заметила меня. Смотрела, не веря своим глазам, так и замерев полувысунувшись на подоконнике.

– Мама! Бумаги! – повторил лейтенант, махая ей рукой. – К нам новый начальник представляться придет. Генерал какой-то из Москвы! Я ему отчет приготовил... Мам...

Парень поймал взгляд матери и повернулся назад. Заметил меня в генеральских погонах, мгновенно подтянулся, став по стойке смирно.

– Товарищ генерал, лейтенант государственной безопасности Коноваленко Глеб Андреич...

– Вольно! – выдавил я из себя, не сводя глаз со своей Валентины. Она, словно очнулась. Встрепенулась, бросилась вниз, а я мимо ничего непонимающего парня ей навстречу, всем сердцем ощущая, как по ступенькам топают мои любимые ножки. В домашнем халате, расстрепанная она бросилась ко мне на шею, покрывая лицо своими поцелуями, не обращая внимания на ошалевшего от такого взрослого сына.

– Я так тебя ждала!– шептала она, и по моей щеке текли ее счастливые слезы.

А я закружил ее на руках, чувствуя, что стал самым счастливым человеком на земле. Мы победили!

Когда эмоции немного улеглись, и я поставил ее на землю. Она вдруг спросила, все такая же красивая, родная и близкая, точно так же, как и раньше:

– А что же теперь будет, Сашка?

– Свадьба будет!– уверенно заявил я, целуя свою жену.

